

ПРОКЛЯТАЯ БЛАГОДАТЬ

Серия «Палачи Ауга»

Stage Dive & Planet of Books

ТИЛЛИКОУЛ

Даже сломленные через любовь могут обрести благодать...

Секреты никогда не остаются тайными.

Бремя вины никогда не покидает сердце.

Родившаяся и выросшая в Ордене Давида сестра Фиби не знала ничего, кроме жизни в культе. Она, как глава священных сестер Нового Сиона, с детства воспитывалась с одной целью: соблазнять. Почитаемая, как блудница, как шлюха Нового Сиона, Фиби была взята из обреченного культа Мейстером, лидером Арийского братства. Стала его собственностью. Ее принимают за женщину, которая будет подчиняться каждому его сексуальному требованию. Под его тяжелой рукой Фиби оказывается в гораздо худшем положении, чем она могла себе представить... Ей совершенно некому помочь. И нет проблеска надежды.

Ксавьер «АК» Дейерс доволен своей жизнью в качестве Оружейного пристава у Палачей Аида. Лидер известного «Психотрио» и бывший снайпер спецназа АК знает, как сражаться. Опытный в военном деле и обученный военным действиям он жизненно важен для Палачей. Когда его Вице-президент нуждается в помощи, чтобы вытащить свою пропавшую свояченицу Фиби из финансируемой Кланом сети торговли людьми, АК вызывается добровольцем. Он помнит рыжеволосую девушку из Нового Сиона. Помнит все с ней с того единственного момента, когда они встретились — ее рыжие волосы, голубые глаза и лицо с веснушками. Но когда он находит ее, сильно накачанную наркотиками и находящуюся под контролем Мейстера, ее жалкое состояние заставляет его вспомнить больше, чем красивую женщину, которую он когда-то привязал к дереву. Спасение Фиби заставляет вернуться скрытых демонов из его прошлого. Прошлого, от которого он никогда не сможет уйти, как бы не старался.

Когда АК борется, чтобы помочь Фиби, она в свою очередь стремится помочь ему. Они понимают, что их тайные грехи никогда не оставят их в покое. Родственные разбитые души, они осознают, что единственный способ избавиться от своих призраков — это встретиться с ними лицом к лицу и попытаться найти покой.

Отчаяние быстро превращается в надежду, и израненные сердца скоро начинают исцеляться. Но когда их глубокие, кровоточащие шрамы вновь появляются, становясь невыносимыми, приходит время, когда они должны сделать тяжелый выбор: остаться навсегда проклятыми или вместе найти благодать.

Мрачный современный роман. Содержит откровенные сексуальные сцены, насилие, тревожно чувствительные и запретные темы, оскорбительные выражения, рекомендуемые для возраста 18 лет и старше.

Тилли Коул

Проклятая благодать

Серия: «Палачи Аида» — 5

Количество глав: Пролог + 24 главы + эпилог + бонусная глава

Перевод: Саша К (пролог, 1–2 гл.), Виктория Горкушенко (с 3 гл.)

Редактура: Sunshine

Сверка, вычитка и оформление: Алина Семёнова

Обложка: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Перевод группы: vk.com/stagedive

Примечание автора

Как и все романы о Палачах Аида, «Проклятая Благодать» (Палачи Аида #5) содержит религиозные практики и переживания, которые, хотя и могут быть незнакомы и неизвестны многим, вдохновлены верованиями и традициями прошлого, существующими сектами и новыми религиозными движениями.

Характер Фиби в этом романе и ее роль «Священной сестры» были вдохновлены истинной верой, найденной в прошлых и существующих сектах и новых религиозных движениях. Практика «сексуальной вербовки» вызывает разногласия и крайне противоречива.

Обратите внимание, что этот роман также содержит графические сцены деликатных и запретных практик, жесткое сексуально обращение и чрезмерное насилие. Это может включать в себя триггеры для некоторых читателей.

Могу ли я, пожалуйста, любезно попросить, чтобы в ваших отзывах, будущих обновлениях и правках не было спойлеров, чтобы все читатели могли получить максимальную отдачу от своего прочтения.

Больше спасибо и счастливого чтения!

Посвящается

Для АК
Я слишком долго ждала,
чтобы написать твою историю

Терминология Ордена

Орден — новое религиозное движение апокалиптического характера. Учение основано на избранных христианских верованиях и твёрдой вере в то, что Апокалипсис неизбежен. Возглавляется пророком Давидом (объявил себя пророком Господа и потомком Царя Давида), старейшинами и последователями (прим. последователи, ученики, адепты — вполне синонимичны). Ранее возглавлялся пророком Давидом (объявившим себя пророком Господа и потомком Царя Давида), старейшинами и последователями. Преемник — пророк Каин (племянник пророка Давида).

Члены Ордена проживают вместе в уединённой общине в основе образа жизни лежат традиции и умеренность, полигамия и неортодоксальные религиозные обряды. Верят, что «внешний мир» представляет собой греховность и зло. Не контактируют с теми, кто не входит в общину.

Коммуна (община) — все имущество, принадлежащее Ордену и находящееся под контролем пророка Каина. Отдельно расположенное поселение. Находится под охраной последователей и старейшин, обеспечено оружием на случай атаки из внешнего мира. Мужчины и женщины находятся в разных помещениях коммуны. Окаянных держат подальше ото всех мужчин (за исключением старейшин) в их отдельных комнатах. Территория окружена по всему периметру забором.

Новый Сион — новая община Ордена. Создана после того, как предыдущая коммуна была разрушена в битве против Палачей Аида.

Старейшины Ордена (первоначальной Коммуны) — их четверо: Гавриил (умерший), Моисей (умерший), Ной (умерший), Иаков (умерший), их обязанность — следить за ежедневным существованием коммуны. В иерархии Ордена стоят сразу после пророка Давида (умершего). Они ответственны за обучение Окаянных.

Старейшины Совета Нового Сиона — мужчины с наиболее высоким статусом в Новом Сионе. Назначаются пророком Каином.

Десница пророка — должность брата Иуды (умерший). Второго по старшинству после пророка Каина. Участвует в управлении Новым Сионом и принятии всех религиозных, политических и военных решений, касающихся Ордена.

Последователи-охранники — мужская часть Ордена. Сосредоточены на защите земель коммуны и членов Ордена.

Дань Господня — ритуал сексуального акта, проводимый между членами Ордена: мужчиной и женщиной. Имеется верование в то, что таким способом мужчина постепенно приближается к Господу. Дань воздается на коллективной церемонии. Для достижения трансцендентного (то есть внеопытного, запредельного, ментально ощущаемого, но не регистрируемого мышлением) переживания используются наркотики. Женщинам запрещено испытывать удовольствие в наказание за первородный грех Евы, и они обязаны исполнить акт, как часть их сестринского долга.

Пробуждение — обряд посвящения в Ордене. На восьмой День рождения каждая девочка сексуально «пробуждается» членом общины или, в особых случаях, старейшиной.

Священный круг — религиозный обряд, построенный на понятии «свободной любви».

Половой акт и сексуальные действия со многими партнерами при большом скоплении людей.

Священная сестра — избранная женщина Ордена, которой поручено покинуть коммуну, чтобы распространять идеи Ордена посредством сексуальных действий.

Окаянные — женщины/девушки в Ордене очевидно слишком красивые и тем самым греховны по сути. Живут отдельно от остального сообщества. Считаются слишком соблазнительными для мужчин. Окаянные, как принято считать, повышают вероятность того, что мужчину поглотят сомнения, и он сойдёт с праведного пути.

Первородный грех — христианский богословский термин (этот термин ввел в общий оборот Аврелий Августин, но авторство ему не принадлежит, определить авторство практически невозможно, версий много), который означает, что человечество рождено во грехе и имеет врождённое желание поклоняться Господу. Первородный грех результат неповиновения Адама и Евы Господу, поскольку они вкусили запретный плод в Эдеме. В учениях Ордена (созданных пророком Давидом), Ева считается виновной в искушении Адама совершить грех, таким образом, сёстры Ордена считаются рождёнными как искусительницы и соблазнительницы, они обязаны подчиняться мужчинам.

Шеол — ветхозаветное слово, в иудаистической традиции Царство мертвых. Греческие синонимы переводятся как «яма», «могила», «преисподняя»; др. — евр. «неисследованный, непознанный». Устройство Шеола подобно дантовскому Аду, наказания в котором зависят от вины. Он невообразимо глубок и фактически живое чудовище, куда самых отъявленных грешников также отправляют живьем.

Глоссолалия — непонятная речь, возникающая у верующих во время переживания религиозного экстаза. Принятие Святого Духа.

Диаспора — расселение людей определенной национальности на чужбине.

Холм погибели — холм на окраине коммуны. Используется для изоляции обитателей нового Сиона и для наказаний.

Люди дьявола — упоминание об МК Палачи Аида.

Супруга пророка — женщина, избранная пророком Каином, чтобы удовлетворять его сексуальные потребности. Пользуется высоким положением в Новом Сионе.

Главная супруга пророка — назначается пророком Каином. Пользуется высоким положением в Новом Сионе. Из всех жён ближе всех к пророку. Самый предпочтительный сексуальный партнер.

Божественная медитация — акт духовного сексуального контакта, практикуемый членами Ордена, которые верили, что через сексуальное удовлетворение достигается более тесная связь с Богом.

Репатриация — возвращение на родину. Репатриация Ордена предполагает возвращение в Новый Сион всех членов веры из иноземных коммун.

Первое прикосновение — первый половой акт с девственной женщиной.

Терминология Палачей Аида

Палачи Аида — мотоклуб Вне Закона — «один-процент». Основан в Остине, Техас, 1969.

Аид — в древнегреческой мифологии бог подземного царства мёртвых.

Материнское отделение/Головной чептер — первая ветвь клуба. Первичное отделение.

Один-процент (однопроцентники) — Американская мотоциклетная ассоциация (АМА), которая, вероятно, однажды объявила, что 99 % байкеров — законопослушные граждане. Байкеры, несоблюдающие правила АМА называют себя «однопроцентники» (тот самый законопослушный 1 %). Подавляющее большинство «однопроцентников» состоят в МК Вне Закона.

Байкерский жилет — кожаный жилет, который носят байкеры вне закона. Украшенный лоскутками ткани и нашивками, отображающими уникальные цвета клуба.

Патч — нашивка с цветами клуба

Пришит — слово используемое, когда новый участник одобрен для полноправного членства в клубе.

Церковь — место/комната для встреч полноправных членов клуба. Проводятся Президентом клуба.

Старуха — женщина, получившая статус жены. Находится под защитой своего партнёра. Этот статус считается уважаемым среди членов клуба.

Клубная Шлюха — женщина, которая появляется в клубе, чтобы участвовать в случайных половых связях с членами клуба.

Сучка — женщина в байкерской культуре. Ласковое обращение.

Исчезнувший/Ушедший к Аиду — сленг, обозначает умирающего/мертвого.

Встречающийся/Исчезнувший/Ушедший к лодочнику — сленг, означает умирающего/мёртвого. Здесь идёт ссылка на Харона из греческой мифологии. Харон был перевозчиком мертвых, демоном преисподней (Дух). Платой за перевозку души умершего в царство мёртвых через реки Стикс и Ахеронт (прим. Харон вез души по подземным рекам) к Аиду являлись монеты (обол), располагаемые на глазах или под языком у покойника на похоронах. Тот, кто не платил пошлину оставался бродить по берегам Стикса в течение ста лет.

Снег — кокаин.

Лёд — метамфетамин.

Смак — героин.

Организационная структура Палачей Аида

Президент (През) — лидер клуба. Тот, Кто Держит Молот, являющийся символом абсолютной власти, которую имеет Президент. Молот используется для поддержания порядка в Церкви. Слово Президента — это закон внутри клуба. Он принимает советы от старших членов клуба. Никто не оспаривает решений Президента.

Вице-президент (ВП) — второй в клубе после Президента. Выполняет приказы Президента. Главный в поддержании связи с другими отделениями клуба. Уполномочен исполнять все обязанности и работу в случае отсутствия Президента.

«Дорожный капитан»/«Властелин дороги» — отвечает за все выходы клуба. Исследует, планирует и организовывает все выходы и выезды клуба. Размещает Оружейного пристава, отвечает только перед Президентом или ВП.

Сержант/Оружейный пристав — отвечает за безопасность клуба, охрану и

поддержание правопорядка во время клубных встреч. Отчитывается о нарушениях Президенту и ВП. Ответственный за безопасность и защиту клуба, его членов и Потенциальных Клиентов.

Казначей — хранит записи всех доходов и расходов. Хранит записи про все введённые и исключённые клубные патчи и цвета (прим. — а вот здесь возможен нюанс — цвета ладно, но возможно он хранит записи о тех членах клуба, которые когда-либо были приняты и исключены).

Секретарь — ответственный за создание и поддержание всех клубных отчётов. Обязан предупреждать членов клуба о чрезвычайных заседаниях.

Прспект — кандидат в члены МК. Присоединяется к выходам, но не имеет права посещать Церковь.

АК

Плано, Техас

11 лет назад...

— Я буду служить в морской пехоте! — сказал я, примчавшись на кухню.

Девин сидел за столом, работая над двигателем своего байка. Он поднял глаза. Его лицо было испачкано смазкой.

— Что? — воскликнул он, нахмутив брови.

Пытаясь отдышаться от бега, я остановился. Скинул кожаную куртку и бросил ее на спинку стула.

— Я только что завербовался, — ответил я с улыбкой, дерьмово пытаюсь скрыть волнение в своем голосе. — Совсем как ты. Я присоединился к Корпусу.

Девин казался удивленным.

— Черта с два.

Мое возбуждение начало ослабевать.

— Дев...

Он бросил двигатель с глухим звуком на стол. Потом поднялся на ноги и провел рукой по лицу.

— Ксав, какого хрена ты сделал?

— Что? Что не так?

Мой брат вздохнул и выглянул в кухонное окно.

— Что не так? Что *не так*?

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, пытаюсь успокоиться.

— Это не та жизнь, которую я хотел для тебя. Ты мой чертов младший брат, и у тебя в этой тупой башке больше мозгов, чем я когда-либо имел. Я рассчитывал, что ты поступишь в колледж или еще куда-нибудь. Только не в гребаный Корпус.

— Я не хочу поступать в колледж, Дев. Хочу быть в Корпусе и сражаться. Я хочу сражаться рядом с тобой.

Девин все еще стоял лицом к окну, но я заметил, как он начал дрожать.

— Дев... — попробовал я снова, но понятия не имел, что еще сказать.

Мой брат вел себя странно.

— У тебя нет ни малейшего понятия, какого это быть там, Ксав, — наконец он повернулся ко мне с чертовски затравленным взглядом, произнося каждое слово как выстрел. — Ты ни черта не можешь себе представить.

Не в силах вынести его растерянного вида я подошел к нему и положил ладонь на его напряженную руку.

— Я хочу сражаться, Дев, — начал я и рассмеялся, зная, что сейчас буду звучать очень жалко. — Хочу сражаться за нашу страну, как и ты. Я, бл*дь, хочу быть похожим на тебя, Дев. Всегда хотел.

Глаза Девина засияли. Вздохнув, он схватил меня за шею и притянул к своей большой груди. Я с трудом дышал, пока он крепко обнимал меня.

— Когда ты должен отбыть?

— Через восемь недель.

— Твою мать, парень, — сказал он. — Какая специальность?

— Снайпер-разведчик, — я пожал плечами. — Ты же знаешь, как хорошо я стреляю.

Девин напрягся, затем заставил себя расслабиться. Должно быть, прошло несколько минут, прежде чем он отпустил меня.

Мне было восемнадцать, ему — двадцать шесть. Он вступил в Корпус в моем возрасте, только так он смог вытащить нас из дерьмового существования с нашими родителями, которые беспробудно пили, и дал нам лучшую жизнь.

Он спас нас. Вытащил из этой чертовой канавы.

Он был моим гребаным героем.

Девин отстранился и поцеловал меня в лоб. Сейчас я был на пару дюймов выше его и все еще рос, но всегда чувствовал себя маленьким рядом с братом. Просто у него было больше жизненного опыта, теперь его было сложно удивить. После двух последних кампаний — в Ираке, была наихудшей — кое-что изменилось. Я это знал, потому что он скучал по дому. Но если я буду там, рядом с ним, он больше не будет одинок. Настоящие братья по оружию.

— Я хотел лучшего для тебя, парень, — объявил он.

Я смотрел ему прямо в глаза.

— Сражаться бок о бок с тобой за нашу страну и свободу? Это лучшее, что может быть, черт возьми, — тихо ответил я.

Лицо Дева не изменилось. Я не видел на нем никакого проявления счастья. Только разочарование.

— Я имел в виду, стать врачом или адвокатом, или типа того, Ксав, — он постучал по моей голове. — Профессия, где бы ты использовал это.

— Снайпер — это чертовски круто, Дев. Даже офицер по вербовке согласился. Умный, терпеливый, сосредоточенный. Нужен особый тип людей, чтобы быть снайпером. Навыки есть не у всех, — моя грудная клетка была переполнена. — Я могу стать одним из них.

Я проглотил комок, который внезапно застрял у меня в горле.

— Я могу быть хорош в этом... как ты. Отличный морской пехотинец.

Плечи Дева поникли, но затем выражение гордости появилось на его лице.

— Я знаю, что ты сможешь, — хрипло сказал он. — Я об этом не беспокоюсь, никогда не беспокоился. Я просто... просто...

— Мы сможем сражаться вместе, а в отпуске возвращаться домой, пить пиво, заниматься нашими Харлеями и просто, бл*дь, кататься, пока нам не придется снова уехать. *Это* моя чертова Американская мечта, — я широко улыбнулся. — Только представь себе, Дев. Это будет наша жизнь.

Я смотрел ему прямо в глаза.

— Для меня нет ничего лучше, чем семья, защита нашей страны и езда на байке по свободным дорогам. Это то, чего я хочу. Серьезно.

Дев выглядел так, будто не собирался соглашаться, как будто он все еще хотел сказать какую-то хрень, чтобы отговорить меня, но затем из дверного проема раздался голос.

— Чего ты действительно хочешь, Ксавьер?

Я обернулся и увидел Тину, мою невестку, которая с любопытством наблюдала за мной и моим братом.

Прежде чем я успел ответить, Дев обнял меня за шею и сказал:

— Этот маленький ублюдок только что вступил в Корпус. Спайпер-разведчик.

Глаза Тины расширились, и я увидел, как в ее голубых глазах смешались гордость и тревога.

— Ксавьер? Это правда?

— Да, мэм.

Она поднесла руку ко рту, бросилась вперед и заключила меня в объятия.

— Я так тобой горжусь, — прошептала она и отошла. — Теперь мне придется беспокоиться о вас двоих, когда вы будете в отъезде. Отлично!

Я наиграно похлопал Дева по плечу.

— Я позабочусь о нем, обещаю, — сказал я и рассмеялся, когда мой брат закатил глаза.

Тина тоже смеялась, но я заметил, что она была чем-то обеспокоена.

Она и Девин были вместе с пятнадцати лет. Тина всегда говорила, что я для нее, как брат; так она ко мне относилась. Но она была больше чем сестра. Для меня она была единственной матерью, которая у меня когда-либо была. Она растила меня, заботилась обо мне, когда я болел, и помогала со школой. Когда Дев уезжал на службу, были только она и я. Ну, она, я и ...

— Дядя Ксав!

Маленькие ножки застучали по полу коридора, и в комнату влетел мой четырехлетний племянник.

— Зейн! Иди сюда, парень! — Он врзался в мои ноги, и я поднял его.

— Знаешь, что? — сказал я, когда он положил голову мне на плечо.

Он поднял голову и уставился на меня.

— Я буду солдатом, как и твой отец.

У него драматически отвисла челюсть.

— Ух ты! Настоящим солдатом? Совсем как мой папа?

— Да.

— Круто!

— Ну, — сказал Девин рядом с нами, — похоже, нам лучше пойти и купить бифштексов. Не каждый день твой младший брат становится гребаным мужиком.

— Гребаным мужиком! — громко повторил Зейн.

Я не мог удержаться от смеха, глядя на его милое личико. Я любил этого ребенка. Он был моей чертовой тенью, никогда не оставлявшей меня в покое. Внезапная боль пронзила мой живот. Я буду скучать по своей семье, когда поеду на службу, но никто не сравнится с этим маленьким засранцем. Лучшее, что есть в моей жизни.

Тина взяла Зейна из моих рук и постучала пальцем по его носу.

— Не ругайся, малыш. Только взрослые могут это делать.

Зейн выглядел так, будто хотел поспорить, но Тина одарила его своим знаменитым взглядом, который говорил всем нам, мужчинам Дейерса, заткнуться или встретить ее гнев лицом к лицу.

Зейн фыркнул, но ухмыльнулся, когда я украдкой подмигнул ему. Теперь я мог видеть будущее. Зейн был таким, как я и Дев. Чертов Дейерс до мозга костей. Он, без сомнения, последует за нами в Корпус. Мы все будем служить флагу и состаримся вместе.

Руки Девина опустились мне на плечи.

— Давай прокатимся и устроим барбекю. А затем сделаем тебя лучшим снайпером,

который когда-либо сражался за наш флаг.

Именно это мы и сделали.

И это был лучший день в моей жизни.

АК

*Лагерь Палачей Аида
Остин, штат Техас
Настоящее время*

Я растегнул пуговицы на своей куртке и попытался втянуть немного гребаного воздуха сквозь густую жару. Ворота захлопнулись за нами. Я протянул руку и вытер песок с лица. Казалось, что все мое тело состоит из него.

Я едва мог заставить свои ноги двигаться, был так чертовски измотан. Взглянул на свою руку и увидел, как она предательски дрожит.

— Ты в порядке? — спросил Боунс.

Я посмотрел на своего корректировщика и самого близкого друга. Его лицо тоже было белым, но я мог сказать, что он, как и я, был чертовски уставшим. Странная смесь адреналина и вины пронзила меня, когда я вспомнил последние два дня. Звук пуль, вылетающих из моего ствола и рассекающих череп ублюдков.

— Прямое попадание, — произнес Боунс рядом со мной, пока я не отрывал глаз от своих целей. — Три, — сказал Боунс, его неуклюжие руки потянулись, чтобы снять шлем.

Я кивнул в знак согласия, но ничего не произнес. Не был уверен, что мой рот будет функционировать.

Гребаная троица.

Каждый — прямое попадание.

И тут я увидел его, выходящего из палатки. Он бросился ко мне.

— Ксав! — позвал он.

Я остановился, как вкопанный, мои ноги хрустели по песку. Рука Боунса опустилась на мое плечо.

— Увидимся позже, ладно? Поспи немного.

— Да, — ответил я.

Боунс отошел, а я посмотрел на своего брата.

— Я услышал по радио.

Девин положил руку мне на голову, а потом опустил ее на плечо. Теперь волос не было. Они были сбриты. Морпех до мозга костей.

— Ты в порядке?

— Да, — сказал я и рассмеялся. Не имея ни малейшего понятия, почему. — В порядке.

Я огляделся вокруг — палатки, снующие вокруг морские пехотинцы, грузовики, которые загружали и разгружали. Это было чертовски странно по сравнению с тем, что происходило здесь. Снаружи и внутри ворот — два совершенно разных мира.

— Три.

Я почувствовал, как рука Девина отпустила меня.

— Я убил троих ублюдков.

Я снова рассмеялся и почувствовал, как нервная улыбка растянулась на лице, но сердце бешено колотилось. И рука не переставала чертовски дрожать.

Девин обнял меня за плечи и повел от входа на базу.

— Да ладно тебе, Ксав. Тебе нужно выпить.

Я позволил Девину отвести меня в его палатку. Но даже когда он усадил меня и протянул виски, я не выпускал из рук пистолет. Я видел, что он смотрит на меня с беспокойством, но мне было все равно. Я только что убил троих человек. Мои первые подтвержденные убийства.

Когда мой стакан опустел, Девин снова наполнил его.

— Стало легче?

Он сел на край своей постели, прямо передо мной. Я встретился с ним взглядом.

— С этого момента это станет твоей второй натурой и больше тебя так не потревожит. Я обещаю.

Я сделал глубокий вдох и позволил его словам дойти до меня, надеясь, что он был прав...

Запах жареного бекона вырвал меня из сна. Мое сердце забилося как сумасшедшее, когда я вспомнил тот день. Руки дрожали, как будто я очутился в сухом пекле. На этой чертовой базе... с Девом.

«Успокойся, бл*дь», — сказал я себе, пытаюсь выбросить воспоминания из головы.

Прошло пять минут, прежде чем они исчезли.

Мои веки, казалось, весили тонну, когда я приоткрыл их и заморгал из-за солнца, лучи которого проникали через мое окно. Я застонал и схватился за голову, когда последствия вчерашней текилы ударили в череп, крича огромное гребаное «привет, помнишь меня?»

— Дерьмо, — прорычал я, свесив ноги с кровати и ожидая, когда комната перестанет крениться набок.

Как только кресло-качалка в углу перестало вращаться, я поднялся на ноги и потянул затекшую шею.

Я почувствовал дискомфорт на груди и посмотрел вниз; затем увидел гребаные следы ногтей, тянущиеся от шеи к паху. Я спал в джинсах, явно слишком пьяный, чтобы раздеться.

Какого хрена произошло?

Я влетел в ванную и закрыл глаза, когда помочился примерно литром текилы.

Пододшел к раковине и брызнул в лицо холодной водой, затем прополоскал рот, чтобы не было такого вкуса, будто кто-то забрался внутрь и умер. Я толкнул дверь и отправился на запах бекона.

Малыш Эш стоял у плиты, уже одетый в джинсы и свою жилетку Палачей. Гребаный мини-Флейм в моем доме. Татуировки, пирсинг и эти чёрные, как ад, глаза.

Он поднял взгляд, когда я вошел на кухню. Маленький ублюдок имел наглость ухмыльнуться мне. Я показал ему средний палец и тяжело опустился за стол. Передо мной приземлились два напитка: стакан апельсинового сока и рюмка текилы.

Я застонал, когда опрокинул «Патрон» (прим. пер. — название марки текилы), а затем осушил стакан апельсинового сока.

— Спасибо, парень, — сказал я и услышал, как этот маленький засранец засмеялся. — Как, черт возьми, ты не страдаешь от похмелья, маленький ублюдок? Последнее, что я помню, ты и Слэш делали фотки Джеймсона и Вика.

Он пожал плечами.

— Так и было. Просто у меня его не бывает.

— Ненавижу тебя.

Я лениво ударил его в бок, но ублюдок просто отодвинулся.

Я провел рукой по глазам. Запах еды ударил мне в ноздри, и я опустил руку, чтобы увидеть перед собой полноценный завтрак. Мой желудок одобрительно заурчал. Эш все еще ухмылялся, поэтому я кивнул и сказал:

— Ладно. Ты прощен.

— За что? За то, что мне всего шестнадцать и я пью лучше, чем ты, старик?

Я набил рот яйцами с жирным беконом и проглотил еду.

— Я сделаю тебе поблажку. Только потому, что прямо сейчас мне потребовалось бы слишком много сил, чтобы прописать тебе.

Я смел всю свою еду, затем откинулся назад, проведя рукой по животу. Вздрогнул, когда пальцы прошлись по свежим царапинам на прессе.

— Ты знаешь, что произошло?

Малыш Эш опустил вилку и пошевелил бровями:

— Конечно, — он откинулся на спинку стула и сделал вид, что задумался. — Она была около пяти футов (примерно 180 сантиметров), ярко-синие волосы, и у нее были самые большие сиськи, которые ты когда-либо видел.

Я ломал голову, пытаюсь вспомнить клубную шлюху, но смог лишь выхватить вспышки того, как я трахал ее на своей кровати в клубе... как она выбивала дерьмо из моей груди, когда я перевернул ее и начал заново.

Это и ее фальшивые стоны. Клубные шлюхи. Они должны научиться просто лежать на спине и быть хорошими маленькими емкостями для спермы, без всех этих гребаных пронзительных мяуканий.

— Черт, — простонал я.

Эш замолчал, затем, глядя на меня сквозь свои черные пряди волос, спросил:

— Ты помнишь, о чем я говорил с тобой прошлой ночью?

Я попытался собраться с мыслями. В конце концов, сдался и покачал головой.

— Прости, парень. Мне нужно, чтобы ты освежил мою память.

Эш наклонил голову, и внезапно вернулся тот ребенок, которым он был, когда мы нашли его в той гребаной дыре в Западной Вирджинии. В последнее время у Малыша Эшк все шло хорошо. Этот маленький засранец был счастлив. Он заслуживал доверия. Отлично вписался в клуб. Ему нравилось с Палачами, он делал все возможное, чтобы остаться, отчаянно стараясь угодить, как будто думал, что в любую минуту мы пошлем его к черту.

Мы бы так не поступили. Теперь он один из нас. И все же я был уверен, что Эш никогда не позволит себе поверить в это. К тому же этот парень любил своего брата. А Флейм... ну, Флейм был гребаным Флеймом. Но я знаю брата лучше, чем кто-либо. Он любил Эша, просто имел хреновую способность показать или сказать ему об этом.

— Я... я говорил, что интересуюсь морской пехотой. Снайпер-разведчик, как и ты.

Я не ожидал услышать эти слова. Поэтому не предполагал, что будто чертов металлический прут врезался мне в живот, когда он их произнес. Я застыл, уставившись на Эша, его голова была опущена, руки нервно сцеплены на столе.

— Ты хочешь вступить в Корпус?

Мое горло першило, была целая битва, чтобы вымолвить предложение.

— Тебе всего шестнадцать.

— Я знаю, но ты уже несколько месяцев учишь меня стрелять, и ты сам сказал, что я

хорош.

— Ты хорош, на самом деле, ты чертовски великолепен, но ты все еще учишься в школе.

Малыш Эш кивнул, но я видел, что он был расстроен моей реакцией. Я наклонился вперед.

— Тебе не нравится в школе?

— Все в порядке.

Я вздохнул, стараясь держать себя в руках. Этот разговор был слишком знакомым. Моя кровь застыла в жилах, и я чувствовал, как словно две массивные руки, черт возьми, душили меня.

— Малыш Эш, — тихо сказал я, наблюдая, как его лицо вытянулось. — Посмотри на меня.

Он сделал то, что я сказал. За все те месяцы, что он прожил со мной, парень ни разу не сделал ничего плохого. Всегда делал, как я говорил. В этом отношении из него получился бы офигенный морской пехотинец — послушный, дисциплинированный. Но я не собирался позволить этому случиться в мою смену.

Ни одного гребаного шанса.

— Ты в порядке? — спросил Эш.

Я поерзал на стуле.

— Ты умный, малый. Ловкий. Но все еще молодой. Я знаю, что ты так не думаешь или, по крайней мере, не ощущаешь. Черт, после всего, что ты пережил, я понял это. Ты не обычный подросток. Не одержим погоней за киской и всем тем, что делают другие шестнадцатилетние парни. Но я не собираюсь подписывать тебе досрочное вступление в Корпус. Этого не будет.

Эш выглянул в окно.

— И я чертовски уверен, что Флейм тоже не позволит тебе присоединиться.

Голова Эша резко повернулась ко мне, и на его лице появилось удивленное выражение.

— Наш брат не смог бы справиться с твоим отъездом, так как насчет того, чтобы мы не давали ему повода злиться на нас, а?

— Флейм? — в замешательстве спросил Малыш Эш. — Я...

Его плечи поникли.

— Я не уверен, что он будет возражать.

Ещё как будет. Причина, по которой Эш искал именно у меня совета касательно карьеры морского пехотинца.

Я взял полупустую чашку кофе Эша и залпом выпил горячую жидкость.

— Я понимаю, что он не очень-то с тобой разговаривает. Понимаю, что большую часть времени он проводит с Мэддс. Но я говорю тебе, что этот психованный ублюдок любит тебя больше, чем он когда-либо сможет сказать. Понятно?

Эш сглотнул, и черт меня побери, если я не видел, как его глаза начали слезиться.

— Ты так думаешь?

Я положил руку ему на плечо.

— Ты один из тех, кого он подпускает к себе. Конечно, есть Мэддс, потому что она его сучка и достучалась до него, когда ни один другой ублюдок не смог. Есть я и Вик. История уходит далеко в прошлое — мы видели и прошли через много дерьма вместе.

Я сжал сильнее его плечо.

— И наконец есть ты.

Эш резко втянул воздух и медленно выдохнул.

— Он же Палач до мозга костей, готов на все ради своих братьев, но он никогда не подпускал остальных так, как нас.

Я указал на окно, на наше небольшое скопление домиков в глубине территории лагеря Палачей.

— Вот это, прямо здесь, удерживает его от срыва. И, хочешь — верь, хочешь — нет, но сейчас ты тоже принимаешь в этом огромное участие.

Тиски вокруг моего горла ослабли, когда я увидел, как тень улыбки коснулась проколотых губ пацана.

— В данный момент, парень, ты четвертый член нашей гребаной маленькой троицы, — я улыбнулся. — И я не собираюсь бороться с бешеным Флеймом, когда мы скажем ему, что я подписал твой призыв. Я вроде как поклонник своего члена и предпочел бы держать его подальше от зазубренного ножа твоего брата, а больше в тугих, влажных кисках.

Малыш Эш рассмеялся, и я с облегчением улыбнулся, подвигая ему свою пустую тарелку.

— А теперь приступай к делу. Эти тарелки сами себя не помогают.

Эш встал из-за стола, но как только собрал тарелки, я остановил его за локоть.

— Я думал, тебе в любом случае нравится возиться с мотоциклами. Ты проводишь часы, работая с Флеймом над его Харлеем или в мастерской с Тэнком. Тэнк говорит, что ты себя недооцениваешь, может быть, ты лучший механик, который у нас есть. Ты с Палачами. Ты устроился в жизни.

— Мне нравятся мотоциклы, — сказал он после долгой паузы. — Вообще-то они мне очень нравятся. Они представляют какой-то смысл для меня.

— Тогда держись этого, ладно? И как только ты станешь полноправным членом клуба, то получишь часть дохода Палачей. Бл*дь, ты будешь в шоколаде, парень.

Ему явно нравилась идея стать членом клуба, потому что он просиял от гордости.

— А теперь возвращайся к тарелкам, — произнес я. — Пока тебя не приняли, ты должен выполнять тяжелую работу, — я пожал плечами. — Например, как эта.

— Да, сэр, — сказал говнюк, зная, что я ненавижу его молодую задницу, заставляющую чувствовать, что я старый.

Гребаный сэр.

Я потянулся к шкафчику, достал две таблетки «Адвила» и проглотил их, не запивая. Как раз тогда, когда встал, чтобы сходить в душ и туалет, входная дверь распахнулась, и рыжее чудовище шагнуло внутрь.

— Доброе утро, кончающие шлюхи! Сегодня прекрасный гребаный день!

Я громко застонал, когда ужасный голос Вика пронзил мой череп. Я посмотрел на него, улыбающегося как уродливый великан. Он мгновенно втянул носом воздух, бросился к плите и проверил остатки еды.

— Я начинаю думать, что мне тоже надо найти чертового арендатора. Он готовит, убирает... бл*дь!

Вик повернулся к Эшу, который изо всех сил старался не обращать внимания на нашего мудака-брата.

— Член ты тоже сосешь?

Я открыл рот, чтобы сказать ему, чтобы он заткнулся к чертовой матери, но Эш ответил:

— Даже если бы это делал, я бы не стал сосать твой. Слышал, что он не больше дюйма.

У Вика отвисла челюсть, прежде чем он откинул голову назад и бросился вперед, чтобы сжать Малыша Эша в тугой захват.

— Гребаный маленький говнюк! — крикнул он, одарив нас всех своим громовым, раскатистым смехом.

Эш оттолкнул его.

— Можешь съесть остатки завтрака.

Вик сгреб еду на тарелку, поставил ее на стол и опустился на стул. Он запикивал ее в рот, как чертов зверь. Его взгляд упал на мою грудь, он улыбнулся полным ртом яиц и подмигнул мне.

Сука. Моя. Гребаная. Жизнь.

Эш принес кружку кофе, и Вик осушил ее одним глотком, постукивая по столу, чтобы тот налился еще.

— Ты получил сообщение от Стикса? — спросил Вик.

— Нет, только недавно проснулся, — я огляделся в поисках мобильного, но не нашёл его.

— Через двадцать минут все должны быть в Церкви. Таннер наконец-то нашел зацепку.

Мой пульс участился, когда сердце попыталось справиться с внезапным приливом адреналина.

— Знал, что тебе понравится.

— Он нашел ее?

Фиби.

Перед моим мысленным взором возник образ рыжеволосой женщины. Не то чтобы я не думал об этой сучке непрерывно с тех пор, как мы узнали, что она пропала.

— Не знаю.

Вик наклонился вперед, проводя рукой по бороде.

— Но в последнее время мне чертовски надоели стандартные вылазки и все эти разговоры про чертову свадьбу Преза. Кому какое дело? Я хочу охотиться на ублюдков из Клана.

Мои пальцы задержались по столу при мысли о том, чтобы выследить Фиби и убрать ублюдка, который ее похитил. Слишком много ночей я не спал, представляя, как разрубаю его на части. Вспарываю ему живот и смотрю, как его кровь и кишки льются к моим ногам. И я улыбаюсь. Я улыбаюсь после всего этого с Фиби рядом со мной, наблюдая, как мудака умирает медленной и мучительной смертью.

Таннеру потребовалось больше времени, чем он думал, чтобы узнать хоть какое-то дерьмо про этого Мейстера. И меня это беспокоило. Я согласен с Виком. Все было слишком спокойно. Может, я и покинул морскую пехоту, но мне все еще нужен был гребаный кайф от боя, от убийств в моей жизни.

С Палачами этого дерьма было хоть отбавляй.

И все выглядело так, как будто скоро мы получим это снова.

Чёрт.

— Сейчас оденусь.

Я встал, натянул футболку, джинсы и ботинки. Мы вышли из моего дома через несколько минут, Малыш Эш за нами. Если это была Церковь, то проспект будет разливать напитки и делать все то, что Стикс скажет ему. Я прислонился к стене своего дома и закурил, пока Вик стучал в дверь Флейма.

— Выходи к чертовой матери, Флейм! Надо идти!

Через окно дома Флейма я увидел, как он направляется к двери, а Мэдди бежит за ним. Он снова повернулся к ней, и самое близкое, что было у Флейма к улыбке, расплылось по его лицу, затем он наклонился и поцеловал свою сучку.

Моя грудь сжалась. Сигарета догорела нетронутая в моей руке. Я не мог поверить, что у Флейма есть что-то подобное.

— АК! — голос Вика прорвался сквозь мои мысли. — Ты готов?

Я кивнул, видя, как Флейм выходит из двери.

Флейм дернул подбородком в мою сторону, а затем обвел взглядом двор. Я знал, кого он искал — он делал это каждый день. Один лишь я это замечал. Я был единственным, кого учили ничего не упускать. Когда он увидел Эша, его плечи расслабились.

Эш махнул рукой.

— Привет, Флейм.

— Ты в порядке? — коротко спросил Флейм, пробегая взглядом по каждому дюйму тела брата.

— Да, — сказал Эш.

Он слегка улыбнулся. Я знал, что он распознал попытку Флейма подначить меня. Я подмигнул Эшу, чтобы убедиться, что он прав.

В дверях появилась маленькая фигурка Мэдди.

— Викинг, АК.

Флейм инстинктивно двинулся к ней, как будто они были гребаными магнитами или каким-то таким дерьмом.

— Мэддс, — сказал я.

Вик улыбнулся.

— Доброе утро, сладкие сиськи.

Флейм скривил губы, глядя на нашего нахального брата, но это был Вик.

— Привет, Ашер, — обратилась Мэдди к Мальшу Эшу.

Она подтолкнула руку Флейма, ее глаза призывали его сделать что-то.

Флейм стиснул зубы, затем, не глядя на Эша, сказал:

— Ты придешь сегодня на ужин.

Мэдди раздраженно покачала головой. Она не злилась на собственническое поведение Флейма. Она знала, что он... он не был мудаком, просто... черт, он просто был Флеймом.

— Эш, Флейм хотел спросить, не хочешь ли ты сегодня поужинать с нами? Я приготовлю кое-что особенное.

Эш посмотрел на меня, и я дернул подбородком, призывая его согласиться.

— Хорошо. Спасибо. Я бы с удовольствием, — ответил Эш Мэдди, и та широко улыбнулась.

Флейм втолкнул ее в дом, затем вернулся через пару минут и встал рядом со мной.

— Ты в порядке? — спросил я.

Флейм кивнул, не глядя мне в глаза. Мы делали это каждый день, черт возьми, по несколько раз в день. Это был не просто мимолетный вопрос. Отвечая на него Флейм говорил мне, что его голова не была забита дерьмом. Дерьмом из его прошлого.

— Хорошо.

Я бросил сигарету на землю и оттолкнулся от стены. Затем повел всех вверх по склону холма к выходу из лагеря.

В Церковь.

Где у Таннера должны были быть чертовски хорошие новости.

Потому что мне чертовски не терпелось поохотиться.

— Ну и? — спросил Кай.

Таннер провел рукой по голове. Брат уже несколько недель не посещал наши пикники и клубных шлюх. Не то чтобы он когда-нибудь развлекался со шлюхами — это было все еще слишком жестко для его пикантной мексиканской киски. Он был занят поисками Мейстера. В отличие от большинства группировок, в которых росли Таннер и Тэнк, этот Мейстер был неотслеживаемым и вне группировок. Будучи таким же компьютерным гением, каким был Таннер, Мейстер оказался одной скользкой гребаной змеей, которую нужно было прижать.

— Честно говоря, я и близко не рассчитывал, что найду что-нибудь на этого придурка, — Таннер кивнул в сторону Тэнка. — Мы, конечно, знали о нем. Я знал, что у него были дела с моим отцом и дядей, но он сам никогда с ними не встречался. Он из Арийского братства, но тесно сотрудничает с Кланом. И на него ничего нет. Никаких следов электронной почты, никаких счетов, никаких сообщений. Ничего.

Я стиснул зубы и посмотрел на Стикса, который внимательно слушал. Кай изначально не собирался рассказывать Презу о плане заполучить Фиби, из-за его гребаной свадьбы, но это не продлилось долго. Стикс знал, что с его ВП что-то не так. Он читал его так же, как я читаю Флейма и Вика. Так что Кай признался, и Стикс полностью поддержал этот план. Ему все равно пришлось отложить свадьбу на месяц, чтобы уговорить пастора Мэй провести церемонию, так что ему надо было убить время.

— Но вы что-то нашли? — Кай перевел то, что показал Стикс.

Таннер вздохнул, черные круги под глазами давали понять, как тяжело работал брат.

— У меня есть кое-что, — он покачал головой, и моя кровь застыла в жилах.

Я знал, что он нашел что-то нехорошее.

Таннер открыл лежащую перед ним папку и бросил фотографию в сторону Презы. Стикс посмотрел на нее, потом отдал Каю.

— Какой-то захолустный город-призрак?

Кай передал фотографию по кругу. Вик передал ее мне, и я изучил фото. Это была воздушная съемка, и изображение было зернистым, но из того, что я мог разобрать, это был просто огромный кусок земли, с разбросанными старыми ветхими зданиями.

Я передал фотографию дальше.

— Ублюдок владеет этим местом?

Таннер повернулся ко мне.

— Да, или, по крайней мере, его отец. Он мертв, но в документах по-прежнему стоит его имя. Эта территория была у семьи десятилетиями. Мне потребовалось время, чтобы выследить его, — он покачал головой. — Мейстер пользуется дурной славой в Клане, верно, Тэнк?

— Да, — согласился Тэнк. — Я тоже никогда с ним не встречался, но мы все слышали о нем. Придурак мобилизовался в течение многих лет для расовой войны, которая, как они думают, грянет. Из того, что мы слышали, у этого парня мозги заточены под одно, когда речь заходит о продвижении белой расы. Вы думаете, Гитлер облажался? Ну, представьте, если

бы у него был ребенок, который был бы таким же укомплектованным ублюдком, с гребаной идентичной копией его психологического ума; и вы получите Мейстера. Ублюдок даже не немец. Просто хочет им быть, изрыгая немецкие фразы, как будто родился и вырос в Берлине. Бредовый мудака.

— Это будет нелегко, — закончил Таннер, глядя на меня, Вика, Флейма, Хаша и Ковбоя.

Именно мы впятером согласились отправиться на поиски Фиби.

Хаш и Ковбой кивнули мне, давая понять, что они все еще в деле.

— Значит он в этом городе-призраке? — спросил Кай, снова переводя язык жестов Стикса. — Если так, то мы все просто пойдем и схватим его, заставим этого ублюдка говорить и рассказать нам, где он держит Фиби.

Таннер подался вперед.

— Он не просто живет в городе-призраке. Это место, где он держит свое предприятие.

— Предприятие? — повторил Кай.

На этот раз это был его собственный вопрос.

Таннер кивнул.

— Насколько могу судить, это гребаный бордель. Члены Арийского братства, Клана или поддерживающие Клан могут отправиться туда на ночь или на несколько дней.

Тэнк неловко заерзал рядом с ним.

— Не уверен, но думаю, дело не только в том, чтобы тебе отсосали и ты мог потрахаться. Это настоящее гребаное дерьмо. Если судить по репутации Мейстера, мы попадем в организованную, вооруженную адскую дыру, — глаза Таннера потемнели.

— Я слышал, что Клан имеет репутацию полных быдло. Я не собираюсь лгать — в детстве большинство друзей моего отца были такими же. Тупые, как бл*ди, и ни хрена не могут сделать, не облажавшись. Скинхеды, солдаты низшего ранга, вы понимаете?

— Но были некоторые члены, которые такими не являлись, — продолжил Тэнк. Он бросил смущенный взгляд на Таннера. — Мы были такими, поначалу.

Таннер кивнул.

— Это не норма, но некоторые из нас были хороши. Умные, сильные бойцы или просто гребаные психи. Скинхеды и деревенщины — это пехотинцы. Такие как мы, такие как Мейстер — это гребанные эсесовцы. Планировщики, лидеры, генералы, те, кто верит в дело так сильно, что становятся чертовски смертельны в том, что делают и на что способны.

— Теперь он в нашей глуши, чтобы устраивать дерьмо? — спросил я.

Таннер кивнул.

— Родом из северного Техаса. Никогда не двигался в нашу сторону раньше. Но Клан строится день за днем, объединяя силы с другими белыми расистскими бандами — такими как Братство — и с дерьмом, которое показывают в новостях 24/7, черные и белые вцепляются друг другу в глотки. Он переехал в штаб-квартиру.

Челюсть брата сжалась.

— К моему отцу, к дяде, которые будут защищать его от разоблачения федералами, — он вздохнул и провел рукой по лицу. — Насколько я могу судить, этот бордель в городе-призраке существует всего год или около того. Ему нужно финансирование.

— Разве они не торгуют оружием? — протянул Ковбой. — Я думал, что именно так Райдер говорил о контракте культа.

— Райдер был уверен, что это оружие. По крайней мере, так было, когда он имел дело с

Кланом — контракт был про оружие. Клан продавал его и получал свою долю.

— Его гребаный близнец, — выплюнул Хаш. — Он изменил условия, не так ли? Когда Райдер был заперт в тюрьме Культа?

— Думаю, да, — сказал Таннер после нескольких секунд молчания.

— Тогда какого хрена они там делают? Что давал им Иуда, если не израильское оружие?

— Женщин, — ответил Таннер. — Женщин из культа, я думаю. Это не на сто процентов. Но это единственная связь, которую я могу предположить.

— Женщин? — спросил Кай.

Внезапно Стикс выпрямился.

Кай ударил кулаком по столу, и Флейм начал дергаться рядом со мной. Три брата, у которых были культовые сучки, быстро поняли, что это могли быть их старухи, если бы они не сбежали.

— Делают их шлюхами?

— Думаю, да, — сказал Таннер. — Этот снимок с воздуха — все, что я смог достать, и он был сделан много лет назад. Никаких новых фотографий. Понятия не имею, насколько расширился город. Ему назначен код зоны без полетов, без сомнения, сделка моего старика. Понятия не имею, сколько там женщин и чем они там занимаются. Мне потребовались недели, чтобы заполучить эту информацию.

— У него там Фиби в качестве шлюхи? — прорычал Кай. — Черт возьми!

Он поднял свой стакан и швырнул его в стену. И тот разлетелся на миллион осколков.

— Она и раньше ею была.

Я напрягся, услышав голос с другого конца стола. Обернулся, чтобы посмотреть, кто это сказал — Смайлер. Обычно молчаливый брат оглядел всех нас.

— Говори, — сказал я.

Смайлер не дрогнул от моего холодного приказа.

— Я разговаривал с Райдером.

Брата даже не волновало, что все мы не могли поверить в то, что он все еще общался с бывшим пророком.

— Он рассказывал мне кое-что об устройстве культа.

Он посмотрел на Кая, потом на меня и сказал:

— О Фиби.

Кай молчал. По его стиснутой челюсти, я понял, что он уже знал, что скажет Смайлер.

— Большую часть своей жизни она была шлюхой культа. Выходила во внешний мир и заманивала мужчин обратно в коммуну, трахая их. Как только они оказывались там, они, конечно же, присоединялись. Они хотели все свободные киски и всех возрастов. Он говорил, что сестра Лилы была главной шлюхой коммуны. Все эти шлюхи верили, что делают «Божью работу» или что-то в этом роде. Старый пророк начал практику много лет назад, когда хотел расшириться.

Мой желудок скрутило. Мои пальцы сжались в крепкие кулаки. Я почувствовал, как кровь закипает, гребаный убийственный яд плывет сквозь меня. Я подумал о Фиби, о ее рыжих волосах и веснушчатом лице. Думал о ее гребаном мужчине за мужчиной, о тех проклятых голубых глазах, которые тарасились на меня, заманивая их трахаться. Мне хотелось перерезать кому-нибудь глотку.

Это пробуждало желание убивать.

— Черт. Значит, Иуда продавал Мейстеру культовых шлях для его борделя? — спросил

Хаш. — Это потому Мейстер иногда оставался в культе. Он наверняка выбирал женщин.

— Дерьмо. А я-то думал, что мы облажались! — воскликнул Вик.

— Так какой у нас план? — спросил я Стикса.

Он встретился с моими глазами, но прежде чем успел показать, заговорил Таннер.

— Это не так просто, как если бы мы ворвались туда и уничтожили этих мудаков. У них первоклассное оружие и военные солдаты. Это не деревенский секс-клуб. Если это Мейстер, то это нечто большее. Охренеть какое большее.

— Ну и что? — спросил я.

— А то, что нам нужен план, — сказал Тэнк.

— Тогда давайте придумаем гребаный план! — рыкнул Кай.

Стикс свистнул, приглашая проспектов войти. Малыш Эш и Слэш вошли в комнату, и Кай дернул подбородком.

— Нам нужна еда, выпивка и держите это дерьмо наготове. Мы пробудем здесь какое-то время.

Эш и Слэш вышли. Затем мы приступили к планированию. Пытаясь понять, как, черт возьми, попасть внутрь борделя, находящегося в городе-призраке.

И все это время, все, что я мог видеть в своей голове, было красным. Красная кровь, красный туман, который опустился на мои глаза. И поверх всего этого я увидел самые длинные рыжие волосы. Длинные рыжие волосы и бледная кожа девушки, привязанной к гребаному дереву.

Веснушки.

Голубые глаза.

Фиби.

Культовая шляха, превратившаяся в шляху Мейстера.

Фиби

Мои руки и ноги болели, когда я пыталась перевернуться на кровати. Я вспотела, мне было так жарко, что, когда заставила свой рот открыться, просто начала хватать ртом воздух. Я подвигала языком, он едва шевелился в моем пересохшем рту.

Меня мучила жажда.

Так хотелось пить.

Я дышала через нос, ожидая, когда боль в ноющих мышцах утихнет. Когда это произошло, я заставила себя открыть глаза. Вздрогнула от света, пробивающегося сквозь выцветшие занавески, закрывающие крошечное высокое окно, тщетно пытаюсь моргнуть. В голове у меня стучало, а в животе урчало. Но я заставила себя сесть. Мне хотелось закричать, так как мышцы протестовали против этого движения. Я посмотрела вниз на свои обнаженные ноги, борясь с тошнотой, когда увидела кровь, собравшуюся на грязных простынях между моих бедер.

Вспышки прошлой ночи пробились сквозь густой туман, который, казалось, всегда был в моем сознании. Мейстер прижимает меня к кровати. Накрывая своим огромным мускулистым телом, причиняя мне боль. Впрыскивает мне сладкое зелье, которое забирает все мои страхи и боль.

Мне нравилось зелье Мейстера.

Я нуждалась в нем.

Потом я увидела, как он схватил меня за руки и прижался губами к моим губам. Кусая их и вытягивая кровь из тела. Он отхлебнул горячую жидкость. Я вспомнила, как его руки раздвигали мне ноги, и как его пальцы нашли мою сердцевину и грубо вонзились внутрь. Один палец, два, потом еще. Больше, пока я не смогла сдерживать свой крик.

А потом я услышала его смех, его глубокую признательность за мою боль. Прежде чем его рука обвилась вокруг моей шеи, когда весь его кулак выскользнул из меня. Передышка пустотой длилась всего несколько секунд, пока он не вонзил в меня свое мужское достоинство. И он стал еще более грубым, чем раньше. Врезаясь в меня, лишая дыхания, сдавливая горло. Я царапала его, царапала ногтями, но он только громче рычал, становясь жестче. Пока, наконец, не излился в меня, рухнув сверху с долгим громким вздохом.

После этого я утонула в потолок, молчаливые слезы заполнили мои глаза, когда я позволила зелью заполнить меня и унести прочь из этого ада.

Мне нравилось, когда меня уносило.

Я редко покидала эту комнату, эту кровать. Я не знала, как долго пробыла здесь. Не видела никого, кроме Мейстера, в основном. Иногда он брал меня на улицу, чтобы погулять по этому... этому... чем бы это ни было, месту. Иногда он позволял мне чувствовать солнце на лице, вдыхать свежий воздух, когда считал, что я это заслужила. Я всегда разочаровывала его, он всегда причинял мне боль. В те драгоценные дни, проведенные на солнце, я иногда встречала мужчин, но они никогда не говорили со мной.

Я была одна.

Только я и Мейстер.

При звуке поворачивающегося замка в моей двери, я напряглась, широко раскрыв глаза,

ожидая, что он войдет. Моя рука зачесалась, а ноги заерзали на мокром матрасе. Цепь, прикрепленная к моему запястью, натянулась, когда мои руки задержались от возбуждения. Кровь стучала в жилах, и пульс забился в предвкушении того, что принесет мне Мейстер.

У него было зелье, которое заставит меня забыть.

Я улыбнулась.

Потом он вошел в комнату, такой же большой и властный, как всегда, с толстой шеей и бритой головой. На нем были джинсы и белая майка. Его покрытые татуировками руки были мускулистыми. Голубые глаза остановились на мне, и, как это бывает каждый раз, когда я видела его, страх наполнил меня и пригвоздил к месту.

— Фиби, — тихо сказал Мейстер.

Я не сводила с него глаз, пока он обходил мою кровать, прежде чем остановиться около ног. Он протянул руку, его палец мягко обвел мою лодыжку. Ненасытный жар, сжигавший мое тело, внезапно превратился в лед от его прикосновения. А потом его пальцы прошлись вверх по моему бедру, пока не остановились у входа в мое нутро.

Я ни разу не отвела взгляда от его глаз. Они вспыхнули при виде крови, скопившейся у меня между ног. У меня перехватило дыхание, когда его пальцы скользнули по моим складкам. Я хотела закричать из-за резкой боли, которую чувствовала — следствие прошлой ночи. Но я держала это в себе, пока не потеряла контроль и меня не стошнило, когда Мейстер поднес окровавленные пальцы ко рту и облизал языком влажные кончики.

Я перекатилась в сторону, к ведру, стоящему рядом с моей кроватью, и меня вырвало сухой рвотой, когда мое тело тщетно пыталось очиститься. Ничего не вышло. Вместо этого мое тело жаждало зелья. Оно жаждало жидкости, которая заберет плохое и принесет только хорошее. Я почувствовала, как кровать рядом со мной прогнулась. Мейстер убрал мои длинные липкие волосы с разгоряченного лица.

— Ш-ш-ш... — нежно напевал он.

Затем провел рукой по моему позвоночнику и проник пальцем между моими ягодицами. Я застонала, чувствуя тошноту и растерянность, пока обжигающий жар желания разливался по моим венам.

Но он не остановился, Мейстер никогда не останавливался, как бы я не пыталась протестовать. Он брал. Он брал, брал и брал.

Он поднял меня и положил плашмя на кровать. У меня закружилась голова, когда я попыталась сосредоточиться. Ушло несколько секунд на то, чтобы мое зрение прояснилось, и размытые очертания комнаты снова появились перед глазами.

Мейстер протянул к себе мою скованную руку. Мое запястье лежало у него на коленях, и он водил пальцами вверх и вниз по моей руке. Моя кожа была бледнее, чем когда-либо; она была испещрена красными пятнами, некоторые из них были покрыты синяками и струпьями, некоторые свежими и ноющими.

— Ты этого хочешь, *meine Liebchen* (прим. пер. — *meine Liebchen* с нем. — моя дорогая)? — спросил Мейстер тихим, как шепот, голосом.

У меня не было ни единой мысли, что могли означать эти слова, но всегда, когда он говорил их мне, он был нежным.

Почти любящим.

Я крепко зажмурилась и кивнула. Мои вены чуть не лопнули от желания. Казалось словно они тянутся из моей кожи, ища прилив, которого так жаждали, жидкость, которая была бальзамом для моей измученной души.

Для моей *грешной* души.

Когда я открыла глаза, Мейстер показал мне иглу. Я сопротивлялась желанию наброситься и воткнуть ее в свою плоть. Мейстер держал себя в руках. Я поняла, что для него не существует свободы воли.

Когда мой разум погрузился в калейдоскоп темных воспоминаний боли, я почувствовала знакомый укол острой иглы, входящей в вену. Затем волна света и блаженства растеклась по моему телу, приводя меня в состояние эйфории, тепла и безболезненной свободы.

Словно оказавшись в безопасности Божьих рук, я глубоко вздохнула и позволила своему разуму наполниться спокойствием, танцем со светом и жизнью. Ни стресса, ни боли... просто река мира.

Я почувствовала, как игла выскользнула из моей плоти, а затем и щетину на подбородке Мейстера, когда он наклонился поцеловать меня и сказать, что скоро вернется.

Я была в лесу, глубоко в волшебном раю. Танцевала среди деревьев, чувствуя, как листья трепещут под моими пальцами, а мягкая трава под ногами. Легкая музыка плыла в воздухе, побуждая мое тело раскачиваться в воздухе.

Я любила танцевать. Это было моей самой любимой вещью в мире.

Я обернулась и улыбнулась, увидев, как моя Ребекка выходит на поляну, такая красивая, какой я ее никогда не видела. Ее длинные светлые волосы струились по спине, а голубые глаза были яркими и полными радости.

— Ребекка, — выдохнула я.

Обняла ее и крепко прижала к себе. Ребекка сладко рассмеялась около моего уха.

— Я в порядке, Фиби, — ее мягкий, нежный голос пронесся надо мной, как молитва.

— Правда? — спросила я сквозь сдавленное горло. — В последний раз, когда я тебя видела... что сделал Иуда... что сделали эти люди...

— Ш-ш-ш... — успокаивала Ребекка, проводя рукой по моим волосам. — Я счастлива, и...

Ребекка отстранилась и повернулась в опушке леса.

— Подойди, — приказала она кому-то.

Пронзительный смешок прорезал теплую ночь, и мое сердце сжалось так сильно, что это казалось невозможным.

— Грейс...

Я прикрыла рот, чтобы остановить рыдания, вырывающиеся у меня из горла. Грейс бежала к ожидавшей ее Ребекке, которая обняла ее и прижала к себе... как мать прижимает ребенка.

— Она нашла тебя, — выдохнула я, слезы текли по моему лицу.

— Она так и сделала, — сказала Ребекка, когда Грейс потянулась к моим объятиям.

Я прижала к себе маленькую белокурую девочку и зарыдала в ее мягкие волосы.

— Теперь ты в безопасности, — пробормотала я и почувствовала, как Грейс кивнула.

Я открыла глаза и увидела, что Ребекка смотрит на меня с такой нежной любовью в глазах.

— Прости меня, Ребекка, — взмолилась я. — За то, что не спасла тебя, когда должна была. За то, что не защитила тебя, когда ты была молода, за то, что Иуда сделал с тобой на том холме.

Ребекка подошла ближе, качая головой.

— Тебя не за что прощать, Фиби. Ты спасла Грейс. Теперь мы счастливы. Ты спасла меня, спасая ее.

— Я рада, — воскликнула я.

— Сестра Фиби?

Я медленно обернулась. Она стояла в белом платье, с длинными светлыми волосами и глубокими темными глазами, которые я так хорошо знала. Наши глаза встретились, и она улыбнулась мне. Я поднялась на ноги, чувствуя, как во мне нарастает всепоглощающая любовь, которую я ощущала каждый раз, когда смотрела на нее.

— Сапфира, — прошептала я.

Она немного повзрослела с тех пор, как я видела ее в последний раз, когда мы вместе читали священные писания в коммуне, лежа среди синих цветов весной, держась за руки и улыбаясь под теплым солнцем. Ни людей, ни обязанностей... просто счастье в обществе друг друга. И она стала еще красивее, если такое вообще возможно. Она наклонила голову, когда я посмотрела на нее. Она всегда была такой застенчивой. Такая тихая, но такая красивая от природы. Я провела рукой по ее мягким волосам и почувствовала, как мое сердце затрепетало, а затем разлетелось на части.

— Я так давно тебя не видела, — сказала я срывающимся голосом.

— Да.

Слезы покатались по ее щеке, и я поймала их пальцем. Они были теплыми, прямо как она.

— Я... скучала по тебе, — ее тихое признание разорвало мою душу надвое.

В мгновение ока она оказалась в моих объятиях.

— Я тоже скучаю по тебе, Сапфира. Так сильно, что временами не могу дышать.

— Я хочу вернуться к тебе, — взмолилась она и крепче прижалась ко мне.

— Это небезопасно, — сказала я, плача. — Там, где я, небезопасно для тебя.

— Я знаю, — смягчилась она, но не высвободилась из моих объятий.

Она хотела остаться со мной, я могла почувствовать это своей душой. Мое сердце воспарило. Я тоже хотела, чтобы она осталась.

Я открыла глаза, улыбаясь, счастливее, чем когда-либо могла мечтать, но затем лес начал исчезать. Деревья начали исчезать в темноте, солнце скрылось за таким близким горизонтом. Я пыталась крепче прижать к себе Сапфиру, но переставала чувствовать ее в своих объятиях. Ее тело мерцало передо мной, превращаясь в дым. Я моргнула, пытаюсь увидеть ее еще раз, поцеловать в щеку и сказать, что люблю ее. Но потом я начала падать, падала до тех пор, пока что-то не стало твердым, таким твердым, что у меня перехватило дыхание. Я вскрикнула, раскинув руки, пытаюсь забраться обратно в лес, но темнота начала рассеиваться, а затем прояснилась, чтобы показать мне стены моей маленькой комнаты.

Я снова лежала в постели, прикованная цепями, с высоко поднятыми руками.

— Нет, — прошептала я, опустошение разрывало меня. — Нет! — снова закричала я, поворачиваясь на бок, пытаюсь вернуть свет.

Я хотела вернуться к свету.

Мне нужно было больше зелья. Чтобы вернуться.

Потом я услышала его дыхание.

Слезы волнами катились по моим щекам, когда кайф от эйфории полностью перешел в

отчаяние. Рука Мейстера протянулась и смахнула влагу с моих щек.

— *Liebchen* ... — прошептал он.

Когда я посмотрела на него — потому что знала, что должна была это сделать — он снял майку, обнажив огромную черную татуировку, украшавшую его грудь. Символ, который он повторил на многих других частях своей бледной кожи, символ, который висел на больших красных, белых и черных флагах по комнате.

— Она опять тебе снилась? — тихо спросил он, приблизив свое лицо к моему.

Зелье исчезло, и я почувствовала глубокую пустоту в животе, в сердце. Я открыла рот, чтобы умолять его о большем. Мне хотелось еще зелья. Но, прежде чем я успела это сделать, глаза Мейстера затуманились тьмой.

— Отвечай мне! — приказал он.

Рука, которая несколько секунд назад была такой нежной на моей щеке, вдруг стала такой жесткой, когда он сжал мою челюсть и посмотрел на меня с угрозой в глазах.

— Да, — сказала я, проталкивая слова сквозь сдавленное горло. — Она мне снилась.

Он ослабил хватку.

— Забавно, как героин заставляет тебя говорить во сне, как будто ты видишь все в реальной жизни.

Его голова наклонилась в сторону.

— То, как ты плачешь по ней. Хочешь держать ее в своих руках.

Затем он решил на последнее оскорбление:

— Но ты ведь не боролась за нее, не так ли? Ты потеряла ее, и теперь она ушла навсегда.

Он постучал по моей голове.

— Только здесь ты ей нужна. Потому что ты подвела ее, — он выразил свое неодобрение. — Ты была ужасным, ужасным защитником. Отвратительной сестрой.

Его хватка снова сжала мою челюсть так сильно, что я вскрикнула, испугавшись, что мои кости сломаются от его огромной силы. Он оскалил зубы и прошептал:

— И Грейс там тоже была? Хорошенькая малышка, которую ты прятала от меня.

Его нос скользнул по-моему соблазнительно, нежно, пока его рот не коснулся моего уха.

— Она заработала бы мне чертову кучу денег, но ты ее отпустила. Ты забрала ее у меня.

Он отпустил меня, и я вздохнула с облегчением.

Его рука провела по моим волосам.

— Но я получил тебя, — он улыбнулся, жестокой и злой улыбкой. — Я не позволю тебе уйти. Я люблю тебя. Ты ведь знаешь это, не так ли? Моя маленькая рыжеволосая шляха.

Он потянулся к моему запястью, когда я не ответила. Поэтому я быстро сказала:

— Да. Я... я тоже тебя люблю, Мейстер.

Мейстер отдернул руку и одобрительно кивнул.

— И поэтому ты заслужила себе душ.

Он освободил меня и помог встать с кровати. Я посмотрела вниз на свое обнаженное тело и неуверенно поднялась на ноги. Я видела свои бедра. Я видела свои ребра.

Когда я восстановила равновесие, Мейстер повел меня в душевую. Мне хотелось плакать с каждым шагом, так было больно. Я не принимала душ уже несколько дней. Мои конечности не привыкли к движению. Но более того, с каждым шагом я видела, как мой сон о Сапфире уносится дальше и дальше от меня. И я слышала эхо голоса Мейстера... «*ты проиграла... ты ужасный, ужасный защитник... отвратительная сестра...*»

Потому что это было правдой.

Я подвела ее.

Все было напрасно.

Моя *жизнь* была напрасной.

Ничего...

... это все что у меня осталось в этом мире.

Я позволила струям воды падать мне на голову. Мои ладони были прижаты к стене, когда ровный поток смывал кровь и грязь последних нескольких дней. Мое запястье болело от жесткости металлического наручника, и мои новые следы от уколов пульсировали, когда горячая вода словно пробивала дыры в моей плоти.

Я вдохнула клубящийся пар, молясь, чтобы в голове прояснилось. Но это было бесполезно. Мой вечно занятый разум никогда не отдыхал. В нем никогда не было покоя. Единственный раз, когда у меня была хоть какая-то отсрочка, это когда зелье Мейстера прокалывало вену и попадало в кровь.

— Выбирайся, — приказал Мейстер, стоявший рядом со мной.

Он никогда не оставлял меня одну, если только я не была прикована к кровати. Всякий раз, когда я освобождалась от оков, я была с ним, и он наблюдал за мной. Изучал меня... жаждал меня.

Я видела это в его глазах.

Так было с тех пор, как Иуда отдал меня ему в Новом Сионе, как священный дар. Женщину, которая, Иуда знал, доставит Мейстеру неизмеримое удовольствие. И это сработало. Я соблазнила его, заставила жаждать моих прикосновений.

Только теперь все стало ещё хуже. Он не мог отказаться от меня.

Я была воздухом для его легких и каждым ударом сердца.

Я была его основной одержимостью.

Пока я пыталась вытереться, Мейстер подошел к ближайшим ящикам. Когда услышала, как открывается ящик, первый кусочек надежды, который я почувствовала за последний день, расцвел в моей груди.

Когда Мейстер обернулся, держа в руках белое платье, мне пришлось сдерживать рыдания от счастья. Он одевал меня только, когда выводил на улицу. Я чуть не упала на колени от тоски при одной только мысли о том, как теплое солнце целует мое лицо и свежий воздух наполняет тяжелые легкие.

Мейстер приблизился ко мне, его ноздри раздувались, пока он упивался моим обнаженным телом. Он взял у меня полотенце, сбросив его на пол. Я склонила голову, когда он остановился передо мной. Мне удалось остаться совершенно неподвижной, совершенно послушной, когда его палец опустился на мою грудь и обвел кожу вокруг соска.

Я позволила ему. Всегда позволяла. Я знала последствия любого акта неповиновения. Мне потребовалась целая неделя, чтобы оправиться от наказания, когда люди дьявола вторглись в Новый Сион. Мейстер нашел меня прячущуюся, но без Грейс. Я подвела его.

И я расплачивалась за это.

— Ты так чертовски красива, *Liebchen*, — сказал Мейстер, когда его язык прошелся по моему горлу и слизал остатки воды по всей шее, пока он не засосал мочку моего уха в рот.

Я закрыла глаза.

Просто дышала.

Я знала мужчин. Это была моя роль, мой единственный долг в Новом Сионе — знать людей. Я была женщиной ответственной за священных сестер Нового Сиона. Мы покидали коммуну, чтобы набрать людей, привлечь больше членов в наше дело. И я верила, что Бог вознаградит меня за мое служение. Я доставляла мужчинам такое удовольствие, которого они никогда не испытывали. Я была искусна в соблазнении, мастерски заставляла каждое мое прикосновение ощущаться, как вкус божественного. Иуда не мог устоять передо мной, даже дошел до того, что сделал меня своей единственной супругой. То есть до тех пор, пока он не нашел более молодую, более подходящую его... особым потребностям.

Но Мейстер... Я никогда раньше не имела дела с такими мужчинами, как он. Его сила, его собственничество и его наказания... Я не знала, что делать в его присутствии. Он парализовал меня страхом.

— Одевайся.

Мейстер протянул мне тонкую белую материю. Трясущимися руками я выполнила просьбу, убирая пальцами с лица длинные мокрые волосы.

Мейстер пнул пару сандалий в мою сторону, и я надела их, удерживаясь от того, чтобы броситься к двери. Затем мужчина оказался рядом со мной, держа мою руку железной хваткой. Он повел меня вперед, подталкивая к двери. Поворот замка, казалось, занял целую вечность. Но когда дверь, наконец, открылась, и в комнату хлынул дневной свет, я вдохнула первый глоток чистого воздуха и мгновенно успокоилась.

Я вздрогнула, когда мы вышли на улицу и солнечный свет запылал вокруг меня. Замерла, пытаясь сориентироваться, пока моргала от утреннего солнца. Или, может быть, обеденного или вечернего. Этого я не знала.

Я наклонилась к Мейстеру, чтобы не упасть, его огромное тело поддерживало меня, когда я потерялась во внезапной волне слабости. Когда мир, в конце концов, вернулся в фокус, я увидела, что было передо мной. Город не похожий ни на что, что видела раньше, с его лачугами всех форм и размеров, разбросанными по пыльной земле. Над зданиями висели вывески: «Таверна», «Тюрьма», «Стоматолог», «Парикмахерская» и многие другие. Я понятия не имела, что означают многие из этих названий.

Легкий ветерок поднял грязь в воздух, вметнув песок вокруг моих ног. Он развеивал флаги, которые свисали со зданий, материал мягко хлопал.

Было тихо, только несколько человек прогуливались по пустынному городу. Многие из них были похожи на Мейстера — у них были такие же суровые черные татуировки на коже. Такие же короткие стрижки. Одеты тоже одинаково.

И все они смотрели на меня.

Мейстер напрягся, когда один из мужчин прошел мимо и бросил на меня злобную усмешку. Он шагнул вперед, используя свое массивное тело как оружие устрашения.

— Убирайся отсюда, пока я не сломал твою гребаную шею, мразь! — зарычал Мейстер, заставляя другого мужчину бежать в большое здание, на вывеске которого было написано «Таверна».

Мейстер дернул меня вперед. По его агрессивному поведению я поняла, что он не очень доволен.

Я подавила стон, когда его рука царапнула кожу на моей руке. Я не знала, куда мы идем. Я была просто благодарна, что оказалась снаружи. Не успели мы сделать и нескольких

шагов, как тишину разорвал громкий крик и выстрел.

Моя голова резко повернулась вправо, к зданию, откуда исходил звук. Мейстер замер на месте, его хватка усилилась.

— Бл*дь, — выплюнул он, когда в дверь здания ворвался мужчина.

— Мейстер! — позвал он. — Проблема!

Губы Мейстера скривились, и он издал низкий раздраженный рык. Он потащил меня обратно к двери лачуги, в которой держал меня. Мое сердце упало. Меня снова запрут.

Я глотала как можно больше воздуха, жалко пытаюсь насладиться его свежестью и бархатным прикосновением ветерка, когда он ласкал мое лицо. Раздался еще один выстрел, и снова раздался зов Мейстера, на этот раз еще громче.

Он застонал от досады и прижал меня спиной к стене. Воздух вырвался из моих легких от удара. Прежде чем я успела прийти в себя, Мейстер крепко сжал мое лицо, и его голубые глаза впились в меня.

— Оставайся здесь. Даже не смей шевелиться, пока я не вернусь.

— Да, сэр, — сумела ответить я.

Мейстер прижался своим жестким ртом к моим губам. Он не хотел целоваться, он просто хотел терзать мой рот. Он отстранился и бросился по грязи к зданию, в котором скрывалась беда. Табличка над дверью гласила: «Стоматолог».

Я прислонилась к хрупкой деревянной стене и вытерла слезы на глазах. Как будто мое тело не в силах ничего сделать, кроме как подчиняться его приказу, я оставалась непреклонной и неподвижной.

В тишине я позволила своим глазам осмотреть местность. Голова болела, во рту пересохло. Но еще хуже зудела рука, а вены уже начали набухать от потребности в зелье Мейстера.

И я устала. Так устала...

Движение по тропинке привлекло мое внимание, и моя голова резко поднялась, когда я увидела человека, который спешил из одного здания в другое, волоча кого-то за собой.

Я прищурилась, пытаюсь разглядеть получше. Мое зрение стало таким расплывчатым, усталость набирала силу... а потом резко сфокусировалось.

Светловолосая молодая девушка. Белое платье, точно такого же фасона, как и то, что было на мне. Потрясенная тем фактом, что была не единственной женщиной в этом месте, я сделала шаг вперед. Как только я это сделала, женщина отстранилась от мужчины, пытаясь освободиться.

Она выскользнула из его хватки и повернулась, давая мне возможность взглянуть на ее лицо. Осознание поразило меня, как удар по голове. Я почувствовала, как кровь отхлынула от моих щек, мои конечности стали неметь, я боролась, чтобы удержаться на ногах.

Нет... нет, нет, нет, нет...

Я потеряла глаза, пытаюсь разглядеть ее получше. Молилась, чтобы ошибиться. Я молилась... Я покачала головой, пытаюсь убедить себя, что ошиблась.

Но я знала лицо этой девушки.

Я любила ее...

Ужас и опустошение пронеслись сквозь меня, как ураган, когда мужчина схватил девушку за волосы и ударил ее по лицу. Она покачнулась на ногах и смерилась со своей судьбой от бессилия, затем ее потащили к большому зданию, похожему на амбар.

Девушка.

Потому что она была молодой.

Не больше, чем... я ломала голову, пытаюсь вспомнить, пытаюсь очистить этот вездесущий туман из своего мозга и ухватиться за некоторые факты, некоторые истины, которые существовали до того, как Мейстер сжег их все своим зельем и своей болью.

Четырнадцать... Мои глаза расширились, а сердце забилося в невероятном ритме. Мои руки дрожали, когда я вспомнила лицо девушки, связывая воспоминания с настоящим. Ее длинные светлые волосы, стройное тело, темно-карие глаза.

— Сапфира? — прошептала я, и раскаленный кусок боли пронзил мой живот.

Неужели это была она? Нет, не может быть. Она была в безопасности далеко-далеко отсюда.

Он сказал мне, что она в безопасности.

Она была выслана из Нового Сиона. Она не принимала отраву... она была в безопасности, пережила массовые убийства...

Сокрушительная боль пронзила мою голову, когда я снова подумала о ее лице. Страх и паника, когда она вырывалась из хватки мужчины. Ее разбитые губы, рассеченная кожа.

Нет, этого не может быть.

Голова закружилась, и зрение поплыло. Я не могла думать. Мне нужна было зелье, чтобы подумать. Мне нужно было то, что может дать только Мейстер.

Но тут из здания слева раздался пронзительный женский крик. Не задумываясь, мои ноги подтолкнули меня вперед.

Я побежала. Я бежала изо всех сил и так быстро, как только могла, камни с неровной, рыхлой земли скользили в мои сандалии и резали кожу. Мои ноги подкашивались, когда я подталкивала себя к зданию, но это не имело значения, когда за этим криком последовал другой, более слабый, как будто кричащему было больно. Моя Сапфира страдала...

— Сапфира! — выдохнула я почти неслышно.

Паника проникла в каждую клеточку, стремясь вырваться в колодец печали, растущий в глубине моего живота. Я добралась до деревянной двери амбара и прижалась к темному дереву. Пульс на моей шее бился так яростно, что я могла слышать только этот звук...

...пока не толкнула дверь, и все остановилось — время, смысл жизни.

Мое тело было неподвижно, когда я оглядела комнату. Желчь и рвота поползли вверх по моему горлу. Гнилостный запах забивал воздух.

Девушка за девушкой, в основном молодые и стройные, неподвижно лежали в рядах узких кроватей, разделенных тонкими занавесками. Я пробежала мимо брюнетки, вглядываясь в их изнеможенные лица. Их глаза были либо закрыты, либо ошеломлены — они были потеряны из-за зелья, их руки так же были покрыты синяками, как и мои.

И тут я замерла. У меня задрожали губы. Я знала этих женщин. Мэри... Ева... Валла... Марта...

Марта!

Они были из Ордена. Эти девушки, некоторым было по четырнадцать, были женщинами из Нового Сиона.

Моими людьми.

И...

Из дальнего угла раздался крик.

— Сапфира! — крикнула я, и каждый слог наполнял меня ужасом.

Я ничего не понимала. Видела ее лицо, ее прекрасное, ангельское лицо.

Это было не то зелье, которое играло шутки с моим разумом.

Не в этот раз.

Сапфира была здесь, когда *он* сказал мне, что она была в безопасности. Я ничего не понимала. Моя тяжелая голова не позволяла мне это переварить.

Мужчина прижимал ее к койке, одной рукой впиваясь ногтями в плоть ее руки, пока раздвигал ее ноги своими. И вдруг я увидела, как ее стройное, хрупкое тело обмякло. Прозрачный мешочек висел на металлическом шесте рядом с ней, и зелье внутри капало ей в вену.

Сапфира... моя Сапфира...

Я двинулась вперед, бросившись всем телом на мужчину, прижимавшего Сапфиру. Я ударила его по рукам и использовала свои длинные ногти, чтобы поцарапать кожу.

— Сука! — прорычал он и отбросил руку назад, я потеряла равновесие и упала.

Моя рука ударилась о пол, посылая молнии боли, раскалывающие кости. Но когда я подняла глаза и встретила с затуманенным темным взглядом Сапфиры, пока ее хрупкое тело поддавалось неумолимой воле зелья, я заставила себя подняться.

Я направилась к мужчине, который снова навис над Сапфирой. Собравшись с силами, о которых я не подозревала, прижалась к нему, потянув руку, чтобы не дать его руке упасть на обнаженное тело Сапфиры.

— Стой! — крикнула я, мой голос был резким и грубым.

Я должна была его остановить. Я обязана была ее спасти.

На этот раз, когда он попытался сбросить меня, я держалась изо всех сил. Мои руки обвили вокруг него, и, действуя чисто инстинктивно, я впилась зубами в его шею. И сильно прикусила. Я укусила его так сильно, что мужчина отшатнулся в сторону и ударил меня спиной о стену. Дыхание со свистом вырвалось из моих легких, и мои руки соскользнули с его шеи. Я упала на пол, измученная и истощенная, опустошенная всеми сражениями, но я должна была попытаться. Мне нужно было подняться. Я должна была ее спасти.

Дверь с грохотом распахнулась. Мое сердце сжалось от чистого страха еще до того, как я подняла глаза. Потому что мне не нужно было делать этого, чтобы почувствовать его присутствие.

— Какого хрена? — он зарычал, его глубокий голос звучал как обнаженные кинжалы, угрожая разрезать мою холодную и израненную кожу.

— Тупая сука напала на меня, как бешеная собака.

Ноги Мейстера так быстро застучали по полу, что я свернулась калачиком, отчаянно пытаясь избежать его гнева. Но его гнев был направлен не на меня. Я слышала шарканье, болезненный крик и борьбу за дыхание. Мейстер прижал другого мужчину к стене, его накачанная рука уперлась в основание его горла. Он покраснел, когда Мейстер приблизил к нему лицо, оскалив зубы и растянув губы, как гончая, сбежавшая из самого ада.

— Ты прикасался к ней? — прошипел Мейстер, и слюна упала на лицо мужчины.

Он протестующе покачал головой. Кровь потекла по его груди от укуса, который я сделала на его плоти. Я воспользовалась этим отвлечением и поползла по полу. Я потянулась к руке Сапфиры и взяла ее. Она была такой холодной. Ее пальцы были такими слабыми.

Сапфира...

Я повернула голову, чтобы увидеть, как мужчина пытается дышать, пока пальцы его ног

бьются о пол. Его глаза смотрели в глаза Мейстера, но этот контакт заставил его вздрогнуть. Сильные руки Мейстера крепко держали его, пока мужчина испускал кровь и свое дыхание жизни... Я наблюдала, как свет исчезает из его глаз. Когда его взгляд начал холодеть от неминуемого зова смерти, Мейстер наклонился ближе, его рот приблизился к ушам мужчины, и он сказал мягко, деликатно:

— Ты тронул ее. Никто не трогает *ее*!

Голова Мейстера откинулась назад, и он с интересом наблюдал, как кожа мужчины покрылась красными пятнами.

— Я не могу этого допустить, Дейл. Даже лучшие солдаты должны подчиняться моим приказам. Никаких исключений. Никаких слабостей. Помнишь? Мы на войне, и я командир.

В последней отчаянной попытке побороться за свою жизнь мужчина бился из последних сил. Но его усилия были тщетны. Непреклонная хватка Мейстера была крепкой, и через несколько секунд тело мужчины оказалось в его объятиях. Руки мужчины обвисли, ноги волочились по полу, а глаза больше никогда не моргали, навсегда застыв на убийце.

Словно отбросив мешок с грязью, Мейстер опустил тело на пол. А потом повернулся ко мне. Его голубые глаза горели адреналином, трепетом убийства. Я умоляла свои предательские конечности перестать дрожать. Но это было бесполезно; страх крепко держал меня в своих объятиях, когда Мейстер шагнул ко мне.

Он был недоволен. Он был так недоволен, как никогда прежде. Я крепче сжала руку Сапфиры. Плача, я поцеловала тыльную сторону ее ладони, кожа под моими губами была разбита. Потом я отпустила ее. Я не могла подпустить к ней Мейстера. Не могла позволить ему причинить ей боль, как он сделал с человеком на полу.

Я заставила себя встать и направилась к двери. Мои глаза обшаривали комнату, пока я лениво размышляла, что мне делать, куда идти. Как вытащить Сапфиру.

Соль от слез потекла по потрескавшимся сухим губам. Мейстер неподвижно стоял в центре комнаты, наблюдая за мной. Я сглотнула, пытаюсь влагой слез смазать свой распухший рот достаточно, чтобы заговорить. Я пробежала взглядом по знакомым женщинам, с которыми когда-то смеялась, делила еду и питье. Их тела, такие изувеченные, отравленные странной жидкостью, смотрели на меня, словно я была худшей частью шутки дьявола.

— Что это за место? — успела прохрипеть я.

Ноздри Мейстера раздулись, вены на толстой шее запульсировали. Он склонил голову набок и провел языком по нижней губе.

— Это... это мои сестры из Нового Сиона.

Мой взгляд метнулся к Сапфире, лежащей на своей маленькой койке, и я почувствовала, как мое сердце сжалось. Ее платье все еще обнажало ее скромность там, где теперь уже мертвый мужчина касался ее молодой кожи. Тошнота подступила к горлу, когда я думала о том, как ее берут, когда я думала о мужчине, который ее брал. Ее четырнадцатилетнее тело.

Ее достоинство.

Всхлип слетел с моих губ, когда я попыталась добраться до нее, прикрыть ее. Я хотела, чтобы она открыла свои глаза и посмотрела на меня, но зелье вывело ее из сознания. Мне нужно было, чтобы она проснулась и увидела меня. Знала, что я здесь ради нее. Что я люблю ее.

Твердая рука схватила меня за запястье, заставляя остановиться. Мейстер сжал меня крепче, и я закричала; я больше не могла выносить боли. Он молчал, выкручивая мне руку. Я

упала на колени, заливаясь слезами.

— Пожалуйста, — взмолилась я, боясь, что он сломает мне кость.

Мейстер посмотрел на меня сверху вниз. Все мое тело тряслось. Медленно, очень медленно Мейстер присел на корточки, пока не оказался на уровне моих глаз. Я всегда считала его красивым. И все же меня поражало, как оскверненная душа человека может просочиться из его сердца и испортить даже самые прекрасные черты.

— Я велел тебе оставаться возле хижины.

Он провел указательным пальцем свободной руки по моей щеке, мягкий, успокаивающий жест, резко контрастирующий с болью в запястье.

Мои глаза крепко зажмурились.

Когда открыла их снова, я повторила:

— Что... что это за место?

Я наблюдала за опустошающим зрелищем женщин, доведенных до этого жалкого состояния, запахом мужского освобождения и... чувством беспомощности и западни.

Но Мейстер не ответил. Вместо этого он приблизил свое лицо к моему и посмотрел на меня со своей уникальной версией обожания. Его щека потерлась о мою, а губы скользнули по моим губам.

— Я был добр к тебе, *Liebchen*, — прошептал он с любовью. — Я лелеял тебя, заботился о тебе, держал подальше от всего... *этого*.

Мейстеру потребовалось всего несколько секунд, чтобы сорваться с места и превратиться из снисходительного мужчины в злобного. Его руки опустились с моего лица и запястья, только чтобы дотянуться до моих волос и сжать их в кулак.

Он обхватил пальцами пряди и рывком поставил меня на ноги. Я закричала так громко, как только мог мой слабый голос. Мой скальп горел огнем, когда Мейстер безмолвно тащил меня из комнаты, где были мои сестры, моя Сапфира. Я пыталась сопротивляться, пыталась вернуться к ней, но Мейстер не терпел неповиновение любого рода.

Он не отпускал меня.

Повернувшись на пятках, он поднял руку и ударил тыльной стороной ладони по моему лицу. Мои ноги подкосились, но я не упала — Мейстер держал меня за волосы. Я изо всех сил пыталась найти хрупкую опору, когда он вытащил меня обратно на солнечный свет.

Мы резко остановились перед зданием, куда Мейстер убежал, когда приказал мне оставаться у хижины. Табличка «Стоматолог» лениво блуждала у меня в голове, пока я смотрела в землю.

Боковым зрением я увидела пару обутых в сапоги ног.

— Мейстер? — произнес низкий голос с интонацией вопроса.

— Я воспользуюсь кабинетом. Никто не войдет, пока я не скажу. Любого, кто осмелится, я убью.

— Сэр, — ответил мужчина, отступая в сторону.

Я осмелилась поднять голову, но тут же пожалела об этом. Рядом с деревянным зданием в грязи лежало безжизненное мужское тело. Но в отличие от мужчины, которого задушил Мейстер, этот был с лезвием в верхней части черепа, кровь собралась вокруг него.

Я споткнулась, когда меня заставили подняться по ступенькам к зданию. А потом мы оказались внутри и все, что я видела, была кровь. Кровь на полу. Кровь размазывалась по стенам... и покрывала бледное, безжизненное тело молодой девушки, не старше семнадцати лет, привязанной к большому кожаному креслу. Ее запястья были связаны, лодыжки скованы

наручниками, а между ног собралась лужа крови. Рядом с ней висел прозрачный мешок, такой же, как у Сапифры и моих сестер из Нового Сиона.

Я не могла сдерживать слез по девушке, которая смотрела в потолок невидящими глазами. Ее волосы были длинными и коричневыми, густые пряди спутаны и тусклы.

А потом я изучила ее лицо. Ее красивое лицо...

Рейчел.

Моя грудь сжалась, когда я узнала девушку передо мной. Священная сестра. Всего шестнадцать лет. Милая, добрая Рейчел с самыми розовыми щечками. Но на ее щеках больше не было розового оттенка.

— Уберите ее к чертовой матери и сожгите, — приказал Мейстер.

Мужчина поднял Рейчел с кресла. Ее обнаженное, пепельно-серое тело превратилось в скелет в больших руках мужчины. Он перебросил ее безжизненное тело через плечо, как будто она никогда не была человеком, духом и душой. Вместо этого одноразовая и ничего не значащая. Даже не достойная уважения после смерти.

Не говоря ни слова, мужчина понес Рейчел к двери. Когда он проходил мимо, я обнаружила, что моя рука поднимается вверх, и мои пальцы обхватывают ее собственные.

Они были холодными.

Они были такими холодными. Ничего больше, чем кожа и кости. Точно так же, как и Сапфира...

Худшее — они были покрыты багровыми пятнами крови, пролитой ею во время испытания. Чтобы это ни было. Кровь капала с ее тела, оставляя за собой след, темно-красную дорожку, ведущую от места ее земного ада.

Я закрыла глаза. Мне хотелось бежать к Сапфире и освободить ее. Я хотела, чтобы мы убежали и начали что-то новое. Отправились в какое-нибудь райское место. Где не было ни боли, ни крови. Там, где была доброта, а не жестокость.

Но я не знала такого места.

Дверь закрылась, и мы с Мейстером остались одни. Я слышала каждый наш вздох: его — спокойные и ровные, мои — быстрые и испуганные. Я оглядела комнату, позволяя своим покрасневшим глазам впиться в эту сцену. На стенах висели странные инструменты, на столах стояли непонятные мне приборы.

А потом я увидела кресло.

Я чувствовала, как глаза Мейстера следят за мной, прожигая дыру в том месте, где я стояла. Он подошел ко мне с иглой в руке. Как и всякий раз, кожа реагировала на зов своего хозяина — безымянного зелья, которое успокаивало мою огненную кровь.

Непроизвольный стон сорвался с моих губ, когда мое тело качнулось в направлении иглы. Но Мейстер отстранил ее от меня и одной рукой схватил меня за щеки.

— Ты ослушалась меня, — мрачно сказал он, и его голубые глаза наполнились гневом.

Он приближался, и на каждый шаг, который делал ко мне, я делала шаг назад. Он был охотником, а я его добычей, когда он оттеснил меня дальше в комнату, его большое тело нависло над моим.

Мои ноги ударились обо что-то, и я потеряла равновесие, кувыркаясь назад. Что-то твердое прервало мое падение, и я поскользнулась на чем-то мокром. Прежде чем успела среагировать, я уже сидела на кресле, откинувшись назад. Я попыталась пошевелиться, но Мейстер прижал мои запястья и крепко привязал их к подлокотникам. Мои руки пульсировали, когда кровь пробивалась сквозь связанные запястья.

Следующими были мои лодыжки. Я посмотрела вниз и поняла, где нахожусь. И то, что было мокрым подо мной. Я гнала рвоту изо рта, наблюдая, как мое белое платье пропитывается красной кровью.

Все еще свежей кровью Рейчел.

— Нет! Пожалуйста! — взмолилась я.

Мейстер закончил связывать лодыжки, убедившись, что я не могу пошевелиться. Я боролась против своих оков, но это было бесполезно. Я оказалась в ловушке.

— Мейстер.

Я почувствовала, как слеза слетела с уголка моего левого глаза и упала на грязную кожу под моим телом. Он подошел ко мне, убирая волосы с моего лица. Мои глаза закрылись от его прикосновения, но не от удовольствия.

Это была тревога.

Я не знала, что будет дальше, но знала, что это помешает мне добраться до Сапфиры. Она нуждалась во мне, и я не смогу ей помочь. Я не смогу помочь никому из них.

Мейстер наклонился и мягко улыбнулся мне.

— Это место, как ты его называла, расовая война, которая вот-вот начнется.

Мои брови в замешательстве поползли вниз. Я даже понятия не имела, что такое расовая война.

— Я избавил тебя от правды, потому что пытался защитить, — он улыбнулся, как будто почувствовал что-то сладкое в своем сердце. — Потому что я люблю тебя, я уберегу тебя от того, что происходит в этом городе.

Лицо Мейстера вытянулось, и гнев исказил его черты.

— Но ведь тебе пришлось послушаться меня, не так ли, *Liebchen*? Потому что ты шлюха, а шлюхи всегда так делают. Тебе нельзя доверять. А теперь я должен научить тебя вести себя прилично, — он наклонился и поцеловал меня в лоб. — Я должен искоренить то, что ты видела сегодня, из твоего разума. Убрать эти новые воспоминания.

Он улыбнулся.

— Я возьму новую сыворотку, которую тестирую. Настоящее мощное дерьмо. Заставляет все воспоминания исчезнуть, чтобы никогда больше не вспоминать.

Он нежно погладил меня по лицу.

— Я дам тебе, и она сработает. Скоро ты ничего не будешь помнить об этой ночи. Все будет так, как будто этого никогда и не было. С чистого листа.

— Нет! — закричала я.

Я не хотела забывать. Мне нужно было помнить, что она здесь. Что она не в безопасности. Что я должна спасти ее от этого ада. Я не могла быть брошена в пустоту, мои воспоминания украдены, чтобы никогда не вспомнить их. Она погибнет. Боль, страх, которые она будет терпеть...

Он не обратил внимания на меня. Достав из кармана нож, он провел острым лезвием по моему платью, разорвав его надвое. Он отодвинул ткань в сторону, открывая мое тело своим глазам.

Затем в мгновение ока его рука оказалась у моего горла, его сжатые пальцы лишили меня дыхания. Его лицо приблизилось к моему.

— Если хочешь, чтобы с тобой обращались, как с остальными шлюхами в этом городе, то так оно и будет. Только ты будешь *моей* шлюхой. И я научу тебя нашим здешним обычаям. Я сломаю тебя, как сломал их. Овладею твоей киской, как владею их, — он ослабил хватку,

другой рукой полез в карман и вытащил иглу, которую так жаждали мои вены.

Мейстер ввел мне в руку пузырек зелья, потом еще один и потом еще. Я уплыла. Я отстраненно наблюдала, как он залез на меня, высвободил свое мужское достоинство и вошел в меня. Я как будто отделилась от тела и наблюдала сверху, как он заткнул мне рот кляпом и полоснул лезвием по плоти моего живота, позволяя крови стекать на уже испачканный пол.

И я закрыла глаза, когда зелье унесло меня в лес, о котором я мечтала больше всего, в тот, где меня ждали Ребекка и Грейс. Туда, где Сапфира вышла из-за деревьев, вся в крови. Я закричала, глядя на ее слишком худое тело и безжизненные глаза.

— Сапфира!

Я попыталась добраться до нее. Но я была привязана к дереву, руки за спиной. Сапфира увидела меня, и слезы потекли по ее лицу.

— Спаси меня, — взмолилась она, начиная исчезать.

Пока зелье разливалось по моим венам, я наблюдала, как она исчезает из леса, а затем начинает исчезать из моей головы, форма за формой, образ за образом. Я пыталась вспомнить ее лицо. Я старалась не думать о том, что она здесь. Но зелье, смешанное с новой таинственной сывороткой, стало сильнее, чем когда-либо прежде, лишая меня криков Сапфиры, ее слез, ее лица.

Я раскачивалась, прислонившись к дереву, взад и вперед, пытаюсь вспомнить то, что я умоляла мой мозг не забывать. Но лес был бесплотным и темным, а моя голова была слишком полна тумана. Я была одна в этом лесу. Одинокой и испуганной.

Я хотела вспомнить.

Мне нужно было вспомнить.

Но пока мою руку покалывало, я замерла, прислонившись к дереву, и все просто... исчезало.

АК

— Я создал для вас биографии, — сказал Таннер, пока мы читали файлы, которые он нам дал.

— Я поместил информацию во внутренней сети Клана и в общих файлах. Там миллионы людей, так что вы затеряетесь среди имен. Я сделал вас членами среднего уровня — вас должны впустить, но не создавайте слишком много шума.

Я снова прочитал свой файл. Таннер указал, что изначально мы были частью луизианского братства. Каджунский акцент Ковбоя помог с этим. Очевидно, мы были кочующими клановцами. Я даже не знал, что такое бывает. Это значит, что мы кочевали из штата в штат, помогая «делу» Клана везде, где были нужны. Мобильные солдаты.

— А этот Бо Айерс, наш предполагаемый референт? — спросил я. — Как понимаю, он твой родственник?

Таннер напрягся.

— Мой брат, — сказал он в конце концов, непринужденно, как будто эти отношения ничего для него не значили.

Но то, как слегка напряглись вены на его шее, говорило об обратном.

— Дай угадаю, вы не слишком близки теперь, когда покинули великое белое дело? — протянул Ковбой, пока Хаш с подозрением наблюдал за бывшим нацистом.

Он никогда не доверял ему полностью. На самом деле, я не мог винить парня.

— Заткнись, — жестко сказал Таннер. — Он был следующим в очереди после меня. Теперь он наследник. У него высший авторитет в кругах Клана наряду с моим отцом и дядей. Но он держится особняком, не слишком разговорчив. Подписывает приказы по электронной почте и прочее. Идеальный человек, чтобы дать вам зеленый свет на поездку в Техас.

Таннер облокотился на стол, весь в деле, эмоции исчезли.

— Вы назовете им свои имена на входе. Они проверят их в системе, подтвердят членство. Вы скажите, что только что приехали в город, и что вам нужно развеяться. Что вам нужна киска. Я бы даже зашел так далеко, что сказал бы, что вы хотите киску всеми гребаными способами.

Я скрестил руки, пытаюсь представить, что за дерьмо творится в этом так называемом городе. Взгляд Таннера переместился на каждого из нас по очереди.

— У вас всех вымышленные имена. Запомните их. Не используйте свои клички — если все пройдет как надо, и вы вытащите эту сучку, на хрен, нам не нужны никакие следы.

Оценивающий взгляд Таннера переместился на Флейма, стоящего рядом со мной. Он уставился на имя в лежащей перед ним папке: Эрл Браун.

Я мог прочесть, что творилось в голове у Таннера; то же самое творилось и у меня. Мы не были уверены, что брат готов ко всему этому дерьму под прикрытием.

— Карсон Эбни, — сказал мне Таннер. — Та же биография. Бывший морской пехотинец, снайпер-разведчик, спецназовец. Те же задания, что и у тебя. Это значит, что они не могут получить твои настоящие записи, так что это работает для нашего прикрытия. Вик — Уэйд Брей, а Ковбой — Брайар Гроувс.

Таннер посмотрел на Хаша. Хаш посмотрел в ответ, дерзко приподняв одну бровь.

— Что? Никаких псевдонимов для меня, monfrère (в пер. с французского «мой брат»)?

Челюсть Таннера сжалась.

— Войдешь туда, и эти ублюдки линчуют тебя на месте.

— Весело, — сухо сказал Хаш.

— Ты останешься поблизости, в соседнем мотеле, — я кивнул своему брату-метису. —

В какой-то момент нам понадобится отвлечение. Ты будешь им.

— Черная приманка? — он улыбнулся, его голубые глаза загорелись от волнения. — Ты имеешь в виду, что я смогу поиграть с большими, плохими арийцами?

Он заерзал, сидя на стуле.

— Черт, мой огромный, черный член только что стал очень твердым. Спорим, Мейстеру и его приспешникам понравится сосать его.

Ковбой рассмеялся, а потом рассмеялся еще сильнее, когда Вик облокотился на меня, чтобы посмотреть на Хаша, и спросил:

— Это правда, голубоглазка? Прямо болтается?

— Как у гребаного коня, — съязвил Хаш.

Вик покачал головой и посмотрел на Ковбоя.

— Дерьмо, брат. Удивляюсь, как ты вообще можешь сидеть, если тебя ежедневно долбит этот таран.

Я закатил глаза и прикрыл эту гребаную лавочку, пока она не превратилась в соревнование по мочеиспусканию Викинг/Ковбой.

— Когда мы выдвигаемся?

— Все готово, выезжайте, когда захотите, — сказал Таннер.

— Тогда сегодня, — я встретился взглядом с каждым из моих братьев. — Хаш, возьми фургон. Он нам может понадобиться. Остальные поедут на грузовике. У нас есть один дерьмовый, который только что поступил в магазин. Разбитый и угнанный — его невозможно отследить.

Мои братья кивнули.

Стикс и Кай вошли в дверь.

— Вы готовы? — спросил Кай, указывая на папки в наших руках.

— Отправляемся сегодня. Может быть, на несколько дней. Едем затемно.

— Если станем вам нужны, сообщите, и мы придем с оружием в руках, чтобы вытащить вас, — заключил Стикс.

Я снова кивнул, затем посмотрел на Кая.

— Не говори своей старухе ничего из этого дерьма. Мы идем за ее сестрой, но если этот хрен Мейстер делает то, что мы подозреваем, нет никакой гарантии, что Рыжая вернется домой. А если мы найдем ее и вытащим к чертям собачьим, не думаю, что нам стоит собирать гребаный комитет по приветствиям, пока мы не убедимся, что она не на пороге смерти.

Кай молчал несколько секунд, но потом кивнул в знак согласия.

— Как только выберетесь, дай мне знать, что происходит. Живая или мертвая, я хочу знать.

— Заметано, — ответил я.

Стикс поднял руки.

— Если что-то пойдет не так, убирайтесь к чертовой матери. Если Фиби там, но вы не можете до нее добраться, возвращайтесь, и мы придумаем другой план, — он

ухмыльнулся. — В общем, просто не сдохните на хрен. Нет времени заменять вас, тупые куски дерьма. Ясно?

— Поняли, През, — сказал Вик, отдавая честь.

Я вывел нас из здания клуба. Повернулся к Ковбою и Хашу, закуривая столь необходимую сигарету.

— Подъезжайте к нашим домам через час. Хаш, пригони фургон. Ковбой, пригони грузовик. Ключи у Тэнка.

Нам нужно было проникнуть в город Клана.

— Ты ведь знаешь, что нам придется трахать этих шлюх, когда мы будем там? — сказал я и тут же почувствовал, как все в грузовике застыли.

— Я не буду трахать никаких шлюх, — выплюнул Флейм.

Он взволнованно заерзал на своем сиденье.

— Мы просто сразу предупредим их, что Эрл — долбанутый псих и не трогает женщин, разве что отправляет их к лодочнику. Они взглянут на него и поверят, — сказал Викинг. — Клану должны нравиться психи, верно?

— Ты ожидаешь, что мы будем трахать этих сучек? — спросил Ковбой, низко надвинув на лоб свою кожаную «Стетсон». — Не уверен насчет вас, придурков, но я не люблю трахать накачанных наркотиками шлюх. Клубные шлюхи, проститутки и прочее дерьмо — это нормально. Но изнасилование не в моем вкусе.

— Киска вообще не в твоём вкусе, да? — Вик повернулся лицом к заднему сиденью. — Разве соленая сперма на языке не больше тебе по вкусу, mon frère (в пер. с франц. — мой брат)?

Я закатил глаза, когда Викинг провел языком по губам, ожидая, когда наш брат укусит в ответ.

— Зависит от того, из какого члена изливается сперма.

Ковбой наклонился вперед, оказавшись в нескольких дюймах от шокированного лица Вика.

— Возьмешь у чувака, который только что ел ананас, и, черт... — он покачал головой и пошевелил бровями, — я мог бы лакать это дерьмо весь день.

Я засмеялся, а Вик поперхнулся, и на его лице появилось выражение отвращения. Ковбой уставился на него, прищелкивая языком.

— Ты прикалываешься надо мной, да? — спросил Вик.

Ковбой просто пожал плечами и сел на свое место, как ни в чем не бывало.

— Ведь так и есть, верно? Мы все видели, как ты стал плаксивой киской с сестрой Кая на его свадьбе.

Ковбой проигнорировал его, глядя в окно.

— Но если серьезно, — наседавал Вик, не в силах ничего оставить без внимания, — тебе должна нравиться киска. Я могу пировать на этом дерьме весь день — завтрак, обед, ужин. Шведский стол на любой вкус, понимаешь?

— Бл*дь, Вик! Заткнись. От одного вида того, как ты опускаешься на кого-нибудь, мне хочется выколоть свои чертовы глаза, — прошипел я.

— Как скажешь, сучка. Просто у тебя нет такого таланта к торнадо-языку, как у меня.

Клитор, щель, плюнуть — в таком, мать твою, порядке. Это заставляет сучек сквиртить днями напролет. Люблю хорошую струю в лицо. Она остается в моей бороде, по крайней мере, неделю.

Прежде чем рвота успела подняться по горлу, я увидел вдалеке два флага, развевающиеся на ветру. По моей коже пополз лед. Я знал, откуда эти флаги — из города-призрака.

— Это он?

Ковбой осмотрел пустынные окрестности.

— По словам Таннера, — ответил я. — Все готовы?

Мои братья кивнули. Мы подъехали к воротам. Как только охранник покинул свой пост и приблизился, я почувствовал, как во мне вспыхнула потребность убивать. С каждым его шагом я представлял, как мой кулак врежется в его квадратную челюсть, как я прыгаю на него, когда он падает на землю. Я представлял, как достаю из кармана нож и вонзаю его в еще бьющееся сердце.

Этот урод однозначно был из Клана. Охранник был на каких-то серьезных стероидах, в руках у него был полуавтомат, на поясе — ножи. Его голова была выбрита, белая футболка туго натянута на накачанной груди, а штаны заправлены в дерьмовые ботинки.

Мы четверо тоже были одеты в разновидности этой униформы — черные брюки-карго или джинсы, военные ботинки и белые футболки или майки.

— Какого хрена вы хотите? — потребовал этот ублюдок.

— Мы здесь по приказу Бо Айерса, — ответил я непринужденно.

Я протянул свою липовую карточку Арийского братства, которую подделал Таннер, и тупой качок взял ее из моей руки.

Он проверил мое имя, затем наклонился, маня пальцами, чтобы остальные передали свои карточки. Он отнес их в свой маленький офис. Я с пристальным вниманием наблюдал, как он вводит номера и имена в компьютер.

— Ковбой? — сказал Вик шепотом.

Ковбой нахмурился на Вика и его умение выбирать совершенно неподходящий момент.

— Эта штука с ананасовой спермой? Неужели, когда ты его ешь, твой вкус становится не таким дерьмовым?

— Вик, — прошипел я.

Я схватил его за руку и дернул, чтобы он сел на свое место.

— Что? — спросил он. — Если это заставит больше клубных шлюшек лакомиться моими причиндалами, как будто мой любовный сок накачан пина коладой, то можешь не сомневаться, я буду съедать столько полезной еды, сколько вешу!

Я продолжал сжимать руку на руле, едва сдерживаясь, чтобы не врезать кулаком в бедро Вика, когда этот придурок качок вернулся.

— Морпехи? — спросил он.

Я кивнул.

— Снайпер.

Я заметил ту же татуировку на его предплечье, что и на своем.

— ОМУ (WMD — weapons of mass destruction, с англ. — оружие массового уничтожения), — подтвердил он, затем кивнул мне в знак уважения.

Он посмотрел в грузовик.

— Нарушите правила — не уйдете. У нас жесткий контроль. Нет брата выше закона

Мейстера.

Охранник отошел назад и постучал по крыше кабины грузовика. Шлагбаум поднялся, и мы выехали на грунтовую дорогу, которая тянулась на добрых несколько миль. Два флага, которые я видел с дороги, стали хорошо различимы — техасский флаг с одинокой звездой и американский звездно-полосатый. Затем, когда мы свернули за угол, стали появляться флаги поменьше. Свастика, Конфедерация и белый крест Ку-клукс-клана.

— Черт, — тихо сказал Викинг.

Клон качка, вооруженный точно таким же полуавтоматом, сигнализировал нам о въезде на стоянку. Там были припаркованы десятки автомобилей.

— Насыщенные выходные, — прокомментировал Вик.

Уже стемнело, и когда мы вышли из грузовика, воздух наполнился запахом горящего дерева.

— Там собрание, — сказал я себе под нос.

Охранник подошел и вздернул подбородок.

— Пропустили начало собрания. Проходите, и вас проводят в ваши комнаты. Собрание проходит на дальнем поле. Просто идите по тропинке, потом выберете себе киску и лачугу.

Я кивнул, как будто знал, о чем он говорит. Но я не знал.

— Лачуга? — тихо сказал Ковбой, пока мы шли к входу.

— Думаю, мы скоро узнаем, — ответил я со вздохом.

Затем мы вошли в город.

Наше жилье было самым обычным — одноместные комнаты по типу общежития, расположенные бок о бок. Вик и Флейм были рядом со мной, Ковбой — по другую сторону от Вика. Мы бросили вещи и вышли на улицу.

— Как будто произошел гребаный ядерный апокалипсис или еще какая-нибудь хрень, — сказал Вик, когда мы осматривали город.

Старые здания были разбросаны по пустынной земле. В самом конце был бар, а восточную часть занимал длинный амбар. Я прищурился, ища признаки жизни. Окна всех зданий были зарешечены, и, кроме нескольких охранников, вокруг никого не было.

Один из них подошел к нам.

— Собрание в той стороне. Киски потом.

Мы пошли в сторону поля. Не нужно было никаких указаний, нужно было просто следовать за оранжевыми отблесками, исходящими от костров Клана.

— Помните о приветствии, — сказал я, оглядываясь, чтобы убедиться, что охранник не слышит. — Левая рука вытянута, пальцы разведены в стороны, правая рука делает букву «К» напротив живота. Если они дадут приветствие Техасского арийского братства, поднимите в ответ указательный палец, безымянный и мизинец на одной руке. Таннер сказал, что так будут приветствовать друг друга в основном охранники, но на всякий случай будьте начеку. А если они поднимут стандартное нацистское приветствие правой рукой, повторите и ответьте «Хайль Гитлер», «Зиг Хайль» или «Белая сила» — ничего сложного, просто повторите то, что они скажут.

— Черт, — Вик покачал головой. — Что это за чушь с языком жестов? Может, Стиксу самому стоило приехать?

— Бог его знает, — ответил я, когда мы свернули за угол.

Флейм зарычал во все горло, глядя на то, что предстало перед нами. Около сорока человек, одетых в стандартные футболки и джинсы, и, конечно же, люди в капюшонах, море

конусообразных белых капюшонов. Мои руки сжались в кулаки, когда я увидел огромного ублюдка в центре круга, стоящего прямо перед горящим крестом.

Мейстер.

Я оценил обстановку, отметив потенциальные выходы, если дело пойдет наперекосяк. Я пошел по дороге и присоединился к кругу мужчин. Несколько человек приветствовали нас стандартным клановским приветствием — поднятой правой рукой. Мне пришлось заставить себя не плюнуть в лицо каждому самодовольному ублюдку, который повернул голову в мою сторону.

Но мы ответили на приветствие и смотрели, как Мейстер говорит над треском горящих дров.

— Грядет война рас, и мы должны быть готовы. Белая раса снова будет господствовать, и мы покончим со всеми — черными, евреями, мусульманами и любыми другими гребаными неполноценными ублюдками, которые попытаются проникнуть на наши земли.

Его синие глаза расширились от возбуждения, когда он посмотрел на каждого из нас и кивнул, улыбка заиграла на его губах.

— Прошли времена уличных бандитов и скинхедов, битья витрин и беспорядков в городах. Мы создаем армию для борьбы. Вы видели новости, слышали репортажи — белые наконец-то на подъеме. И мы победим! Мы сильны! Мы чисты! И мы поднимемся!

Мужчины вокруг нас подняли руки вверх, из их уст полились крики «Белая сила».

Мы кричали в ответ, повторяя мантру снова и снова, пока Мейстер не потребовал закончить собрание. Охранники отвели толпу обратно в центр города. Я дал сигнал Вику, Флейму и Ковбою держаться позади. Хотел проследить за Мейстером. Жаждал увидеть, куда он направился. Не будет ли явных следов Фиби.

Мы держались плотной группой, притворяясь, что разговариваем, пока не подошел охранник с пистолетом, чтобы направить нас обратно к тропинке в сторону от поля. Я не сводил глаз с Мейстера, пока шел позади. Я пытался расслышать, о чем говорят он и охранник, но они были слишком далеко. Я не мог подобраться к этому мудаку.

Кровь забурлила в моих жилах, когда мы вошли в город. На безжизненном пустыре теперь кипела деятельность. Мужчины, которые были на собрании, входили в здания, некоторые поодиночке, некоторые небольшими группами. У большого амбара образовалась очередь. Чертовски хаотичная.

— Что, бл*дь, происходит? — раздраженно спросил Вик, когда мы остановились возле нашего общежития.

Как по команде, из лачуги вышел охранник, таща за собой сучку. Затем другие охранники вывели еще больше сучек из других лачуг. Мое нутро сжалось. Все женщины были одеты в почти прозрачные белые платья, и все они выглядели так, будто их подвергли серьезному дерьму.

Флейм покачивался на ногах рядом со мной, его нож скользил по его рукам, прослеживая длинные шрамы, которые у него уже были. Только эти ножи не были тупыми, как те, которыми он пользовался в последнее время. Они были острыми и чертовски готовыми. Он провел кончиками по коже, но не разорвал плоть.

Пока.

Глядя в глаза брата, я увидел проблеск прежнего Флейма, до Мэдди. Я увидел, как из сна восстает тот долбанутый мальчишка, которого я спас все эти годы назад.

Я вглядывался в море блондинок и брюнеток, ища хоть какой-то проблеск рыжего. Но

его не было.

— Господи Иисусе, — прошептал Ковбой, когда мы смотрели, как сучек заталкивают в лачуги вместе с мужчинами, и двери захлопываются, закрывая их внутри.

— Стало оживленнее, — тихо сказал я, когда подошел охранник.

— Вы опоздали, а это значит, что все одиночные лачуги заняты, — он оглядел нас, затем указал на маленькую лачугу на западной стороне. — Заплатите свои взносы. Остальное вам расскажут.

Мы направились в лачугу, где за столом сидел худой белый хрен в очках. Не поднимая глаз, он сказал:

— Две тысячи с каждого за три дня. Делайте что хотите и сколько хотите — за исключением собраний Мейстера, конечно. Они обязательны. Резинки нужны всегда. Не подчиняетесь правилам — понесете наказание.

Я полез в карман и ударил пачкой наличных по столу. Мои братья последовали моему примеру.

— Если хотите забронировать конкретные лачуги, делайте это утром. Я здесь с девяти, — он что-то печатал на своем компьютере, не поднимая на нас глаз. — Лачуга стоматолога в эти выходные не работает. Даже не пытайтесь войти внутрь.

Он протянул руку и собрал пачки денег.

— Амбар открыт сегодня вечером. Встаньте в очередь, и вас отведут к шлюхе. Если вам нужны молодые киски, есть начиная с четырнадцати. Моложе можно заказать за дополнительную плату, — он сделал паузу. — Очереди на них длиннее. Крутое дерьмо.

Я почувствовал, как Флейм напрягся рядом со мной, а его рука затряслась от ярости.

— Хайль Гитлер, — сказал мужчина в знак прощания и отдал неуклюжее правостороннее салютование.

Мы повторили:

— Хайль Гитлер.

А затем убралась на хрен.

Пока мы шли по дороге к амбару, я сканировал местность, моя снайперская подготовка в спецподразделении заработала в полную силу. Из лачуг доносились звуки траха и крики. Очередь к амбару была уже короче. Я направился в ту сторону.

— Заходи внутрь вместе с сучкой, — пробормотал я. — Останься на некоторое время, а потом уходи. И ради всего святого, выгляди так, будто ты трахнул эту шлюху.

— Я не буду трахать никакую сучку!

Флейм остановился, его лицо пылало красным.

Повернувшись, я ответил:

— Тогда вали на хрен обратно в общежитие и жди, пока мы вернемся.

Его ноздри раздулись, и я понял, что брат увидел, как сучек-рабынь таскают с места на место. Он быстро выходил из себя. Я встал прямо перед его лицом.

— Вали обратно в общежитие. Позвони Мэдди, забудь о том, что ты видел, и успокойся, бл*дь. Она в безопасности. Ее здесь нет. Она с Малышом Эшем у тебя дома.

Скривив губы, Флейм повернулся на пятках и зашагал обратно к общежитию.

Через несколько секунд к нам подошел охранник.

— Куда он пошел?

Я повернулся лицом к бритоголовому ублюдку.

— Этот мужик — гребаный псих. Если ты хочешь, чтобы сучка была изрезана и мертва

с лезвиями в глазах, топусти его внутрь одного.

Охранник сузил глаза на удаляющуюся спину Флейма.

— Мы проезжаем через Техас по приказу Бо Айерса. Эрл такой же солдат за дело, как и мы. Но нам нужна киска. А ему — нет. Ему нужны только кровь и убийства. Это его порно.

— Лучше бы он не был долбаным педиком, — прорычал охранник, отвращение было написано на его лице.

— Пожалуйста, не стесняйся, походи и спроси его, педик ли он, — небрежно предложил Ковбой, но его садистская ухмылка показала, как он зол. — Рискни.

Охранник позволил этому дерьму задержаться на секунду.

— Он хорошо убивает Untermenschen (в пер. с нем. «недочеловек» — вошло в нацистский лексикон из названия немецкого перевода книги Стоддарда "Der Kulturumsturz: Die Drohung des Untermenschen" (1925)?

— Очень изобретательно. Поэтому просто оставим все как есть, — ответил я.

У охранника практически встал при мысли о том, как Флейм режет черных и евреев.

Я оставил его наедине с его гребаными мыслями и встал в очередь к амбару. Пока мы ждали, я просканировал город в поисках Мейстера. Его не было видно. Только когда я увидел движение, исходящее из самой дальней лачуги, я застыл на месте. Мейстер повернул за угол здания, на вывеске которого было написано «Стоматолог». Здание, от которого нам сказали держаться подальше.

Но не это заставило меня замереть, насторожиться и следить за каждым его движением. Это было связано с тем, что он нес на руках какую-то тощую сучку, ее тело обмякло, а голова упала набок.

Сучка с рыжими волосами.

Сучка, которую он затащил в лачугу и закрыл за ними дверь.

Мое сердце заколотилось, когда я снова прокрутил в голове воспоминания о Фиби. Я видел ее однажды, когда мы вернули Лилу после того, как ее едва не распяли. Я чуть не убил ее, решив, что она представляет угрозу. Я приставил пистолет к ее голове, но Кай сказал: *«Послушай, сучка, мы свяжем тебя, чтобы ты не смогла побежать к долбаному Пророку и сказать, где мы. Ты же понимаешь это своим трахнутым маленьким мозгом?»*

Ее голубые глаза закрылись. Ее трясло, а потом она разбила мое гребаное мертвое сердце, когда кивнула и сказала: *«Просто... просто, пожалуйста, увезите ее в безопасное место. В следующий раз, старейшины не оплошают и убьют ее».*

Я уставился на нее, ее глаза снова открылись. Эта сучка плакала, мать ее, стоя перед нами, людьми дьявола, просила защитить Лилу.

И что-то внутри меня изменилось. Я захотел забрать ее с собой и уехать из этой чертовой дыры. Я никогда не задумывался о причинах, но с тех пор я жалел, что оставил ее там.

Я прокрутил в голове ее образ, сравнивая его с той сучкой, которую видел в руках Мейстера. Я закрыл глаза и позволил своей памяти сделать то, чему ее учили. Ее волосы были того же оттенка рыжего, длина была похожа. Я вспомнил ее руки, их размер и длину. Сучка в руках Мейстера была такой же, но она была худее, намного худее.

Моя щека дернулась, когда меня охватил прилив гнева. Я тряхнул головой, чтобы избавиться от тесноты в моей груди. Хороший снайпер никогда не позволяет эмоциям дурманить свою голову. Он всегда объективен, бесстрастен, оценивает ситуацию.

Я представил себе ее голубые глаза. Эти чертовы океаны, которые смотрели в мои. Но

глаза рыжеволосой сучки на руках у Мейстера были закрыты.

Под наркотой? Без сознания? Я не знал.

— Следующий, — приказал охранник, отрывая меня от размышлений.

Я сохранил детали на потом, когда останусь один, когда смогу разобраться со всей информацией в своей голове.

— Предпочтения? — спросил он.

Я пожал плечами, снова играя свою роль.

— Просто хочу поиметь киску, — ответил я.

— Кабина двадцать три, — сказал он.

Я направился по узкому скрипучему коридору. Ворчание и стоны мужчин, трахающих своих шлюх, заполнили мои уши. Кровати были отделены друг от друга выцветшими занавесками с номерами, написанными от руки на клочках бумаги, прикрепленных к затхлой материи. Когда я добрался до номера двадцать три, я отдернул занавеску и шагнул внутрь.

Я резко втянул воздух, глядя на сучку, лежащую в центре того, что выглядело как небольшая больничная койка. Она была голая, ее кости торчали под чертовски белой кожей. Ее темные волосы были слипшимися от пота и грязи. Ее глаза закатились, она то приходила в себя, то теряла сознание, ее голова не двигалась на тонкой, испачканной слюной подушке под ней. В вене ее худой, вывернутой руки стояла капельница, а на подставке у нее висел пакет.

«Героин», — предположил я.

Я знал, что наркоторговцы регулярно продают это дерьмо. Это делало их пленников послушными.

Я закрыл глаза, чтобы держать себя в руках, чтобы рука не потянулась за пистолетом и не набросилась на этих ублюдков, пополнив свой послужной список из 132 подтвержденных убийств — снайпер во мне не мог не отслеживать каждое остановленное сердце. Психопату внутри, бл*дь, нравилось делать это.

Звук какого-то ублюдка, доносившийся из соседней комнаты, заставил меня открыть глаза. Пружины кровати застонали под быстрыми движениями его бедер, а дыхание вырывалось короткими рывками. Я представил, как какой-то бледный, толстый ублюдок из Клана сползает, обессиленный, с четырнадцатилетнего ребенка. Его мерзкое дыхание обдувает ее потерявшее сознание лицо, его пот капает на ее покрытую синяками кожу.

«Успокойся», — приказал я себе.

Не в силах смотреть на молодую сучку, лежащую на кровати, я присел на край матраса и склонил голову на руки. Держи себя в руках, Ксавьер Дейерс. Я направил мысли в голове туда, где они должны были быть...

Палящее солнце било мне в спину, пока я, не двигаясь, ждал появления одного из этих ублюдков.

— Два часа, — сказал Боунс рядом со мной.

Я переместился, переставляя винтовку на новую позицию. Через маленькое окошко я увидел мелькнувшее движение и приготовился к выстрелу.

— Подожди... подожди... — сказал Боунс. — Сейчас, — я пустил пулю прямо в окно и в голову этого ублюдка.

— Прямое попадание, — констатировал Боунс под вздох, но я мог слышать его

Я представил себе пыльную, засушливую землю, не слишком похожую на эту гребаную дыру, в своей голове, представил себя, делающего выстрел, и позволил спокойствию и тренировкам со времен моей снайперской службы заполнить каждую мою клеточку.

Я представил себе карту города-призрака, прорисовывая каждую деталь его планировки. Я увидел себя стоящим на углу главной улицы и смотрящим на город со стороны этого амбара. По крышам ходили три охранника. Дорога была длиной в милю, шириной около ста ярдов. Бар был самым оживленным местом. Два выхода — главный вход и боковая дверь слева. Три замка — один засов, два навесных замка.

Я представил, как смотрю на здание стоматолога. Один вход и один выход. Все здание площадью не более ста двадцати четырех квадратных футов. Одно окно в фасадной стене, которое было частично закрыто решеткой и грязью. Жестяная крыша и обветшалые деревянные стены.

Затем я прикинул, откуда лучше всего стрелять в этом городе. Большая дальность действия на юго-востоке. Четкий выстрел почти под любым возможным углом.

Я моргнул, выныривая из глубин своего сознания. Моя рука пробежала по рукоятке пистолета. Нога постукивала по полу. Сзади меня раздался стон, и я взглянул на одурманенную сучку на кровати. Хотел я того или нет, вспышки из прошлого обрушились на мою голову как проклятый таран.

Я попытался вытеснить из ушей звуки бульканья и удушья. Но чертовы воспоминания нахлынули так же быстро, как пули из «Узи». Когда я открыл глаза, моя всегда уверенно стреляющая рука дрожала. Я сжал пальцы в кулак и заставил себя посмотреть на шлюху из Клана, лежащую на кровати.

Следы от уколов тянулись красными полосами по ее тонкой коже. Ее губы были сухими и потрескавшимися, а на щеках пепельную кожу покрывали язвы. Синяки создавали палитру из черных, синих и желтых цветов на внутренней стороне ее бедер, и я даже не смог заставить себя посмотреть на то, что находилось к северу от них.

Поднявшись на ноги, провёл рукой по волосам и взъерошил длинные пряди. Я потер руками лицо, чтобы придать ему красный цвет, и, наконец, окунул пальцы в маленький тазик с водой, стоявший рядом с кроватью. Вскрыл резинку, лежавшую на краю кровати, завернул ее в салфетку и выбросил в мусорное ведро. Контейнер уже был полон использованными презервативами.

Я бросил последний взгляд на сучку на кровати, и в моем животе образовалась дыра. Она была здесь для использования платящими клановцами. И выглядела чертовски плохо. Как, чёрт возьми, будет выглядеть Фиби, когда я доберусь до неё? На какой, черт возьми, наркоте она будет? Потому что я, бл*дь, доберусь до нее. Даже если мне придется убрать Мейстера одним выстрелом между глаз.

Покончить с его правлением в качестве главы Клана Канта.

А потом посмотреть, можно ли спасти то, что осталось от Рыжей.

После этого я не слишком надеялся...

...но должен был попытаться.

АК

Я ворвался в двери общежития и увидел Ковбоя, сидящего на полу возле наших комнат. Его шляпа «Стетсон» была в руках, светлые волосы торчали во все стороны, и он смотрел на пятно грязи на противоположной стене. Он поднял голову, когда я пнул его бедро носком ботинка.

Его лицо было подобно грому, когда голубые глаза встретились с моими. Он поднялся на ноги.

— Что теперь? — холодно спросил он.

— Где Вик?

Ковбой наклонил голову в сторону комнаты Вика. Дверь была закрыта. Я прошел мимо Ковбоя и услышал его шаги позади себя. Открыл дверь и увидел своего брата, сидящего на кровати. Его огромные руки были напряжены под обтягивающей футболкой. Волосы собраны в пучок на макушке. И хоть раз в своей долбаной жизни он не смеялся. Он посмотрел мне прямо в глаза.

— В жизни я натворил немало дерьма: мог убить без угрызений совести, трахнуть любую сучку самыми разными способами, но то, что происходит здесь, заставляет меня хотеть отрезать несколько членов и съесть их на завтрак.

— Держи себя в руках, — я посмотрел на Ковбоя. — Вы оба. Поспите немного. Завтра мы попадем в этот гребаный бар. Нужно осмотреть это место еще раз. Я попытаюсь добраться до лачуги парикмахера. И мне нужно подойти как можно ближе к лачуге стоматолога.

— Ты видел ее? — спросил Вик, его голос был жестче, чем обычно.

— Видел, как Мейстер нес в лачугу стоматолога рыжеволосую, весом намного меньше той сучки, которую я привязал к дереву. Но чертовски уверен, что это была она.

Я провел рукой по лицу.

— Завтра снова сходим в амбар. То же самое дерьмо, другой день. Как только я увижу ее, удостоверюсь, что она здесь, и получу полное представление о расположении и графике смен охранников, я соберу все свое дерьмо и разработаю план, как ее вытащить.

Вик и Ковбой кивнули. Я пошел обратно к себе, но остановился возле комнаты Флейма. Тихо открыл дверь и заглянул внутрь. Моя чертова грудь сжалась, когда я увидел его, без футболки, сидящим на холодном, твердом полу. Его голова была откинута, и кровь струйками стекала вокруг него из свежих порезов на руке.

Черный бездушный взгляд встретился с моим. Я вошел в комнату и закрыл дверь. Прежде чем успел заговорить, Флейм прорычал:

— Мне здесь ни хрена не нравится, — он покачал головой, и его губы скривились, обнажив зубы. — Они должны умереть. Они все должны умереть.

Флейм шипел, разрезая свое предплечье.

— Я должен убить их.

Это был прежний Флейм, тот, которого я знал лучше, чем более спокойного брата, каким он был в последнее время.

— И у тебя будет шанс, — пообещал я. — Тебе просто нужно дать мне время.

Флейм посмотрел на меня, читая мое выражение лица. Когда он понял, что слишком долго смотрит в глаза, опустил взгляд и сказал:

— Просто дай мне гребаное убийство, — его лицо напряглось. — Я... Я ничем не могу помочь с тем, что сделаю, если ты это не устроишь.

Вернувшись в свою комнату, я опустился на кровать и прислонил голову к изголовью. Закрыв глаза. Затем, как это происходило каждую ночь, на меня обрушился чертов шторм воспоминаний; чувство вины и стыда пронеслось по всем моим жилам. Видения крови захлестнули разом и выбили дыхание из легких...

— Мы должны идти.

Боунс вырвался через отверстие моей палатки. Я был на ногах в считанные секунды. Схватил свое оружие и каску, и побежал наружу к грузовику. Здесь был настоящий хаос.

— Что происходит? — спросил я, когда мы выехали из ворот.

Боунс напрягся.

— Засада.

— Где? — спросил я.

— На севере, Ксав.

— Девин, — сказал я и уставился в окно.

Песок простирался на многие мили. Песок и чертовы заброшенные здания.

Рука Боунса опустилась на мое плечо.

— Мы доберемся туда. Он будет в порядке. Он чертовски хороший солдат, Ксав.

Но слова Боунса ни хрена не значили.

Звуки выстрелов привели нас к засаде.

— Вперед, вперед, вперед! — кричал наш сержант, когда мы бежали от грузовика. — Ксав, Боунс, обеспечьте мне несколько гребаных глаз сверху. Нужно посмотреть, с чем мы имеем дело.

Я заставил свои ноги следовать за Боунсом, и мы бросились за разрушающиеся здания, ища место, где можно было бы немного подняться.

— Здесь! — сказал Боунс, и мы поднялись по каменной лестнице, которая вела на крышу.

Бомбы взрывались вокруг нас, песок и осколки летели мне в лицо под горячим ветром.

Девин. Где ты, бл*дь?

Я упал на живот рядом с Боунсом. Поставил свою винтовку и посмотрел в прицел. Боунс смотрел в свой бинокль.

— Бл*дь, — сказал он. — Ублюдки повсюду.

Один солдат, затем другой, падали на землю, когда в них попадали. Кровь лилась из их рук и ног, и я почувствовал, что, черт возьми, сгораю от злости.

— Боунс, дай мне гребаное убийство, — прорычал я и сфокусировался через линзу.

Я увидел мужчин на земле, и мой гнев разгорелся еще ярче, когда заметил, что это были двое из людей Девина.

— Ура! (прим. пер. — с ударением на первый слог; Oorah! — боевой клич, распространенный среди морских пехотинцев Соединенных Штатов) — крикнул Боунс клич морпехов и пригнулся рядом со мной.

— Север, — сказал Боунс.

Я перевел свое оружие в том направлении.

— Две мили на запад.

Мои ноздри раздулись, когда я увидел, как в фокус попал урод с РПГ. Мир померк.

Я прицелил свой выстрел в череп этого ублюдка.

— Цель найдена.

Горячий ветер дул мне в лицо, солнце жгло кожу. И я ждал. Ждал, пока...

— Сейчас!

Я нажал на курок.

Вокруг раздались крики, когда он упал со столба, за который держался, и разбился о землю.

— Прямое попадание, — сказал Боунс, а затем: — Черт! Приближается!

Он достал рацию, чтобы предупредить сержанта о двух грузовиках, приближающихся с востока, но было уже поздно. Я развернул винтовку и увидел знакомое лицо, притаившееся за зданием с тремя своими людьми.

— Девин, — позвал я, хватая Боунса за руку.

Но грузовики открыли огонь, осыпая нас пулями и РПГ с тыла. Вокруг здания прогремели взрывы, и дым затуманил мне обзор на брата.

— Дай мне чертову визуализацию! — потребовал я.

Боунс смотрел в свой бинокль и выравнивал свое сбившееся дыхание.

— Северо-запад, три мили.

В линзе мелькнуло тело.

— Вижу.

— Подожди... подожди... сейчас! — крикнул Боунс, и я выстрелил.

Я делал выстрел за выстрелом, но гребаные бомбы продолжали лететь. И я потерял Девина из виду. Сквозь дым, кровь и зной, Девин исчез...

Я открыл глаза. Я был весь в поту. Уставился на край своей кровати и на призраков, которые приходили каждую ночь.

«Они ненастоящие, — сказал я себе. — Они, бл*дь, ненастоящие».

Но они никогда не уходили.

Закрыв глаза и отгородившись от них, я мысленно призвал лицо Фиби и сосредоточился на ее бледной коже, усыпанной веснушками. Я представил, как спасаю ее из этой дыры и забираю к Лиле. Я представлял ее свободной от наркотиков и улыбающейся. Я ухватился за этот образ, за стопроцентный факт того, что она будет в безопасности.

Она должна была быть в безопасности.

— Ты видел что-нибудь полезное в лачуге парикмахера? — спросил Викинг, пока мы шли к бару.

Я оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что рядом никого нет.

— Все тихо. Внутри ничего не видно. Но никакого движения ни внутри, ни снаружи не было. Зато я разобрался с расписанием караула. Это уже кое-что.

Я наблюдал за лачугой стоматолога всю ночь из своего окна. Я проспал в общей сложности два часа. Ночные кошмары, так их называли в клинической практике, по крайней мере, так сказал психиатр из морской пехоты. Мертвецы, пронзая меня черными пустыми

глазами, смотрели на человека, который послал их на смерть. Они толпились вокруг, дразня своими исхудалыми, искаженными лицами. Я сидел и смотрел на них со своего места на кровати. Застыв, парализованный болью, которую приносили их образы. Когти вины глубоко вонзались в мою грудь и разрывали ребра, чтобы терзать мое обнаженное сердце.

Я пытался убедить себя, что их там нет, ночь за ночью. Но когда ты видишь кровь, просачивающуюся из их ран — свежую и горячую, стекающую на пол... когда ты чувствуешь удушливый запах смерти, витающий в воздухе... слышишь их рваное дыхание... осознание того, что они ненастоящие, превращается в дерьмо. Когда каждое из твоих чувств говорит тебе, что твои жертвы здесь, чтобы заставить тебя заплатить, ты, бл*дь, веришь им и просто позволяешь пытке начаться.

Флейм ворчал рядом со мной, когда мы вчетвером вошли в бар. Он был полон клановцев, из трещащих динамиков доносилась музыка белой силы (White Power music — это музыка, пропагандирующая белый национализм. Он охватывает различные музыкальные стили, включая рок, кантри, экспериментальную музыку и фолк). Никто даже не взглянул в нашу сторону, когда мы подошли к бару. Четыре американских пива и четыре виски были поставлены на барную стойку без нашего заказа. Бармен посмотрел на нас, я быстро понял, о чем идет речь. Эти американские и европейские напитки были единственными, которые здесь подавали.

Ничего, что выходило бы за рамки особых убеждений Клана в отношении белых англосаксонских протестантов.

Мы отнесли наши напитки в дальний угол, подальше от глаз и в тень. Это место было идеальным для обзора окружающей обстановки. Я был прав насчет выходов. Два охранника бдительно следили за помещением, а пьяные в стельку клановцы громко разговаривали и смеялись, под кайфом от спиртного и траханья накачанных шлюх в амбаре.

Через сорок минут Мейстер вошел в бар с тем же охранником, с которым я видел его раньше. Гиммлер для своего Гитлера, без сомнения. Мужчины уходили с дороги, когда Мейстер пробирался сквозь толпу, его татуировки в виде свастики и черепа Тотенкопфа (нем. Totenkopf — немецкая дивизия СС. Отряды «Мёртвая голова») выделялись в тусклом свете. Он взял напиток из бара. Когда повернулся, держа в руке что-то похожее на напильник, я увидел на его лице следы когтей.

Моя рука крепко сжала пиво. Это была работа Фиби? Я представил, как рыжеволосая сучка отбивается от этого ублюдка, и мои пальцы дернулись. Затем мудака двинулся к музыкальному автомату. Он выдернул провод из розетки и уставился на толпу. Все замолчали.

Я бы отдал этому мудаку должное, он был устрашающим ублюдком. Запугивающим всех, кроме нас, Палачей.

В комнате было так тихо, что можно было услышать, как падает булава. Мейстер поднял руку.

— Хайль Гитлер! — крикнул он, и мы все ответили ему эхом.

Его помощник поднес ему виски. Мейстер выпил его за один раз. Он был одет в черные камуфляжные штаны, заправленные в черные ботинки, и обтягивающую майку. Тэнк и Таннер могли бы стоять бок о бок с этим придурком и не выглядеть не к месту.

Он сделал шаг вперед и протянул папку.

— Вы все здесь, потому что мы служим великому делу, — его голос был низким, а движения размеренными.

Мои глаза сузились, когда я изучал каждый дюйм этого ублюдка.

— Вы все здесь, потому что кто-то порекомендовал вас или решил, что вы заслуживаете трахнуть киску за хорошо выполненную работу.

Мудак окинул своими голубыми глазами каждого из нас в этой комнате, затем улыбнулся, показав смесь белых и золотых зубов.

— Киски здесь принадлежат Братству и Клану. Хорошие, все американки, белые киски, делающие нам деньги для войны, которая висит над нами, — он провел рукой по своей бритой голове. — И член, который долбит эти киски, который трахает, сосет и пьет соки из их кисок, — это только белый член. Член Клана. Никаких евреев. Никаких негров. Никаких латиносов. Или любой другой отравленной крови, которая заражает эту планету, как чума, и лишает истинную расу, арийскую расу, того, что принадлежит им по праву.

Мейстер расхаживал вперед-назад.

— Все братья здесь чисты, — он остановился. Медленно, на его губах появилась дикая ухмылка. — Или должны быть.

Я бросил взгляд на Вика, Ковбоя и Флейма. Флейм держал руки на своих клинках, готовый к бою. Вик незаметно кивнул, не глядя в мою сторону. Ковбой постукивал пальцем по кончику своей «Стетсон», его свободная рука переместилась к «Глоку». Я смотрел на самый быстрый путь к выходу, держа пистолет наготове.

Мейстер открыл папку.

— Мы проверяем всех, кто въезжает в мой город. И мы камня на камне не оставляем. Чтобы расовая война началась, нам нужны хорошие белые солдаты. Солдаты, которые преданы пути белых и сделают все, чтобы воплотить нашу мечту в реальность.

Мейстер взял лист из папки.

— Киска здесь арийская. Мы все арийцы. Потому что мы, бл*дь, АРИЙСКО БРАТСТВО!

Подняв в воздух фотографию, он сказал:

— И ни один ариец, бл*дь, не станет трахать черную киску!

Мейстер помахал фотографией, чтобы все видели, на ней была изображена улыбающаяся чернокожая женщина.

Мои брови опустились. Из дальней левой части бара донесся звук ножек стульев, скребущих по деревянному полу, — кто-то вскочил на ноги.

Головы повернулись в его сторону.

На вид ему было около двадцати. Какой-то тощий блондин, похоже подсевший на метамфетамин. Мейстер посмотрел на парня, его губы скривились в отвращении. Вены на его шее вздулись, когда он зарычал на месте.

— Ты смеешь называть себя Белой Силой, когда ты трахал киску этой дряни и жил с ней целый год?

Лицо Мейстера покраснело, он пристально посмотрел на парня, который начал отступать к двери. Охранник, которого я назвал Гиммлером, остановил парня и обхватил рукой его шею. Мейстер достал зажигалку и, убедившись, что не очень честный клановец наблюдает за ним, поджег фотографию. Он плюнул на горящий снимок, и тот упал на землю, объятый пламенем.

— Берите оружие, — приказал всем Мейстер.

Охранники начали собирать нас в кучу, выводя всех на улицу.

— Какого хрена? — пробормотал Вик, когда мы поднялись на ноги и последовали за

толпой.

Нас выстроили по всей ширине пустой улицы. Дневной свет угасал. Несколько тускло освещенных уличных фонарей горели, но ночь прогоняла солнце. Гиммлер стоял примерно в десяти футах от нас, все еще держа за шею перепуганного клановского придурка. Мейстер протиснулся через центр шеренги и встал перед нами.

— Оружие! — приказал Мейстер.

Все вытащили свои пистолеты.

Я вытащил свой.

Гиммлер повернул парня лицом к Мейстеру. Мейстер сложил свои мощные руки на груди.

— Беги.

Лицо парня побледнело.

— Нет, клянусь, я не трахал ее, — сказал он, запинаясь.

— Беги, — повторил не впечатленный Мейстер.

Гиммлер отошел от парня и встал сбоку от нашей импровизированной линии огня. Дыхание парня было затруднено от страха. Он бросился бежать со скоростью спринтера. Мейстер поднял руку, и парень, набирая скорость, побежал по главной улице.

— Огонь! — крикнул Мейстер.

Пули полетели из пистолетов нацистов вокруг меня. Большинство из них были обдолбаны выпивкой и хрен знает, чем еще. Я сдерживал свой огонь, наблюдая, как ни одна пуля не попала в цель. Парень набрал скорость, и Мейстер снова поднял руку.

— Огонь! — приказал он громче, и раздался еще один залп выстрелов.

Парень продолжал бежать.

Он приближался к дальнему выходу, и с его скоростью и угасающим светом ни у одного из этих братьев, даже у Вика, Флейма или Ковбоя, не было шансов попасть в это дерьмо.

— Черт возьми! — закричал Мейстер. — Кто-нибудь, подбейте эту предательскую задницу сейчас же!

Но никто не попал, и Мейстер повернулся лицом ко всем нам, в его глазах горела убийственная ярость. Я сделал шаг вперед, поднял пистолет и прицелился. Как будто все остальные исчезли рядом со мной — мое зрение стало сфокусированным, и я удерживал позицию, пока не навел прицел. Один, два, три вдоха. Я выпустил пулю и увидел, как она с идеальной точностью пролетела по воздуху прямо в череп клановского ублюдка.

Тело бесформенной кучей упало на землю. Даже с такого расстояния я видел, как из его головы хлещет кровь, а тело дергается в предсмертных муках.

133 подтвержденных убийства.

Я, бл*дь, улыбнулся.

Опустил пистолет, не сводя глаз с симпатизирующего Клану засранца с моей пулей в черепе. Я не чувствовал за собой никакой вины. Даже если он трахнул черную цыпочку, этот ублюдок все равно заслуживал смерти. Они все заслуживали. По одной пуле каждому, просто за то, что они оказались в этом месте.

Когда убедился, что он не собирается двигаться, я переключил свое внимание с трупа и поднял голову... чтобы понять, что каждый ублюдок в этом месте уставился на меня, раскрыв рты и тарашась.

Я глубоко вздохнул, ненавидя это внимание. И тут я увидел, что Мейстер наблюдает за мной, его голубые глаза смотрят на мои. Только он не таранился, как все эти деревенщины.

Он смотрел на меня так, словно я был вторым гробаным пришествием.

Он шагнул ко мне.

— Имя?

Я опустил пистолет вниз, но крепко сжал его рукоятку.

— Карсон. Карсон Эбни, — я с легкостью выговорил вымышленное имя.

— Снайпер?

— Морпех. Спецназ. Ирак.

— Убийства?

— 132, — ответил я, — 133... теперь, — я наклонил голову в направлении убитого клановца.

Мейстер издал низкий свист.

— Впечатляет, — он протянул руку.

Там среди нацистских символов и флага ку-клус-клана была татуировка морского пехотинца — американский орел, сжимающий американский флаг, под ним надпись «Semper Fi» (Semper fidelis — от лат. Всегда верен — фраза, служащая девизом и названием некоторых структур). Не слишком отличающаяся от моей собственной.

— Танковый батальон, — он одобрительно кивнул.

Мои пальцы дернулись, когда я боролся с желанием поднять ствол пистолета и послать металлический самородок в его череп. Этот ублюдок не был моим братом по оружию.

— Ирак и Афганистан.

Не говоря больше ни слова, Мейстер повернулся и пошел по главной улице к трупу. Он навис над мертвецом, и в угасающем свете я увидел, что выражение его лица искажено отвращением. Затем, подняв тяжелый черный ботинок, он со всей силы ударил каблуком по черепу нациста. Кровь и мозги забрызгали пыльную землю.

Нескольких мужчин вокруг нас стошнило, большинство отвернулось. Но я смотрел на этого садиста, как он плюнул на тело, а затем пошел обратно ко мне, оставляя на грунтовой дороге окровавленные следы.

Вид смерти не беспокоил меня.

Я видел гораздо хуже. Черт, я делал гораздо худшее.

— Карсон.

Мейстер махнул рукой в мою сторону.

— Мы с тобой собираемся выпить, мать твою.

Мое сердце учащенно забилось, когда адреналин, вызванный как убийством, так и перспективой того, что этот ублюдок впускает меня в свой круг, пронесся сквозь меня. Я бросил взгляд на Вика, который стоял рядом с Флеймом, пока наш резидент-псих разглядывал Мейстера. Ковбой двинулся рядом с ними, его голубые глаза сканировали все вокруг в поисках любого признака неприятностей.

Мы прошли за Мейстером и Гиммлером мимо все еще ошеломленных мужчин и вошли в бар. Мейстер подвел нас к столику в передней части бара, за которым, как я знал, сидел только он. Это было недалеко от того места, где он не так давно произнес свою маленькую речь о предательстве.

Перед нами поставили поднос с рюмками. Мейстер опрокинул в себя три рюмки подряд. Мы все сделали то же самое. Когда принесли пиво, Мейстер сделал длинный глоток, не сводя с меня глаз.

— Ты знаешь Бо Айерса?

Я не удивился, что этот ублюдок знал о каждом из «гостей» своего города.

— Не лично. Он передал нам сообщение, — я жестом указал на Флейма, Вика и Ковбоя. — Мы были в Луизиане. Он захотел, чтобы мы были в Техасе.

Мейстер изучил каждого из нас. И со знанием дела кивнул.

— Великий Мудрец (глава ку-клус-клана) призывает всех своих хороших солдат сюда, — он указал на себя и на Гиммлера. — Война вот-вот начнется, — его глаза сузились. — У вас техасский акцент.

— Плано, Остин, Западная Вирджиния и Луизиана, — сказал я, поочередно указывая на себя, Викинга, Флейма и Ковбоя. — Мы все были бродягами, которых объединило дело. Теперь мы здесь.

— Все морпехи?

— Я — нет, просто мне нравится рвать глотки черным, — сказал Вик, звуча как идеальный арийский брат.

— Еврей поимел моего старика. И я перерезал ему горло. С тех пор и режу глотки, — пробурчал Ковбой, придерживаясь предыстории, которую дал ему Таннер.

— А ты? — спросил Мейстер у Флейма.

Флейм молчал, и я увидел, как дернулась его щека. Его руки схватились за клинки.

— Эрл — просто чертов психопат. Он пришел со мной. Но он также предан нашему делу.

Глаза Мейстера загорелись.

— Ему нравится убивать? — спросил он меня, как будто Флейм был его новой любимой игрушкой.

— Я живу ради этого, — прорычал Флейм.

А затем, словно в доказательство того, что он псих, каким я его и представил, провел лезвием по руке, шипя и чертовски напрягаясь, когда начала литься кровь.

Мейстер щелкнул пальцами в сторону Гиммлера. Не прошло и двух минут, как Гиммлер притащил еще одного человека, брыкающегося и кричащего.

— Этот ублюдок убил сегодня одну из моих лучших шлюх, трахнул ее так сильно, что сучка истекла кровью. Я собирался оставить его убийство до вечера, когда мне станет скучно...

Он сделал паузу, на его губах появилась холодная улыбка, когда внимание Флейма переключилось на обвиняемого.

— Но теперь я думаю, что ты захочешь попробовать его крови.

Если Флейм ждал зеленого света, то это было то, что нужно. Он вскочил со стула и бросился через быстро заполняющийся бар. Когда он проходил мимо меня, я услышал, как он произнес «Мэдди» под нос. Затем он выхватил клинки, и прежде, чем Гиммлер успел отпустить парня, Флейм одним клинком перерезал ему горло, а другим распорол живот.

Мужчина захлебнулся собственной кровью, а его внутренности начали выскальзываться из раны на животе. Гиммлер отпустил мертвеца, и тот упал на пол. Флейм не останавливался, резал и колол, пока тело не стало напоминать лишь окровавленную кучу мяса.

У Мейстера практически поднялся стояк от убийства, совершенного Флеймом.

Я знал, что он видел Мэдди на месте этой шлюхи. Мейстеру повезло, что брат сумел переключить свой гнев с него на деревенщину.

Флейм отступил назад, задыхаясь и вздымая грудь, его татуированные руки были в

крови, а майка — ярко-красного цвета. Мейстер хлопнул в ладоши, смеясь, и подал знак принести еще выпивки.

— Неудивительно, что Бо позвал тебя в Техас.

Флейм посмотрел в мою сторону, и я жестом велел ему сесть. Спасибо, черт возьми, что этот придурок сделал, как я просил.

Около часа Мейстер говорил только о политике белой власти и о том, как, по его мнению, будет проходить грядущая расовая война. Он хвастался, что город финансирует огнестрельное оружие и любое другое нацистское дерьмо, которое Клан только может придумать, чтобы приобрести.

Наступила ночь.

Мужчины напились.

Гремела музыка.

Потом Мейстер щелкнул пальцами.

Я понятия не имел, какого хрена он приказал Гиммлеру сделать на этот раз, но через несколько минут Гиммлер вернулся в бар и потащил к нам накачанную шлюху.

Худая шлюха с бледной кожей. Одета в испачканное белое платье. Чертовы огненно-рыжие волосы и веснушки на лице.

Моя грудь напряглась, ладони вспотели, и мне потребовалось все, что у меня было, чтобы не встать со своего места и не вырвать сучку из рук Гиммлера.

Мейстер отодвинул свой стул, и Гиммлер опустил ее на колени Мейстера.

Он схватил ее за волосы и поднял ее лицо. Весь гребаный воздух вылетел из моих легких... этой шлюхой была Фиби.

— Очень красивая, правда? — спросил Мейстер.

Голова Фиби болталась под его хваткой, ее голубые глаза не могли сфокусироваться. Следы один за другим покрывали кожу на ее руках. Следы от игл. Ее длинные рыжие волосы были засалены и перепачканы грязью, прозрачное платье показывало сиськи и киску. Кости выпирали под любым углом.

Но хуже всего было ее лицо. Опухшие глаза, окровавленные, потрескавшиеся губы, синяки — старые и новые — украшали ее щеки и челюсть.

Сучка была в полном беспорядке.

Из уст Фиби вырвался стон, когда Мейстер провел рукой по ее груди и коснулся сисек. Его губы пробежались по ее шее, и сучка наклонила голову в сторону, чтобы позволить ублюдку лизнуть ее покрытую потом кожу. Она вскрикнула от боли, когда его зубы впились в нее, оставив красный след.

Викинг переместился на сиденье позади меня и кашлянул. Я знал, что он пытается что-то сказать. Он неуловимо наклонил голову в сторону остальной части комнаты. Лицо брата выглядело бы нейтральным для любого другого, но я знал, что этот ублюдок был в ярости.

Оглядевшись, я увидел, что несколько сучек, одетых так же, как и Фиби, подвели к мужчинам, те повалили их на колени и делали с ними все, что хотели.

— Хочешь одну, просто выбери, — сказал Мейстер.

Он поднял на меня бровь. Я попытался сформулировать ответ, но мне пришлось очень постараться, чтобы удержать себя в руках, когда я увидел, что платье Фиби задралось, обнажив ее киску. Рука Мейстера была между ее ног, его палец проникал внутрь.

— Может быть, позже, — сумел сказать я.

Но внутри меня все кипело. Болезненные, убийственные мысли проносились в моем

мозгу, и в центре их было мертвое тело Мейстера. Все мысли с его бледной кожей, покрытой кровью, и глазами, выколотыми кончиком моего ножа.

Стул Флейма отлетел назад, и вдруг мой брат оказался на ногах и выскочил за дверь.

— Что, бл*дь, с ним такое? — спросил Гиммлер, сидя рядом с Мейстером.

Этот ублюдок не переставал наблюдать за нами.

— Не очень ладит с толпой, — ответил Ковбой.

— Да кого это волнует? Посмотри, как он убивает. Кому какое дело, если он не любит публично трахаться?

Мейстер подмигнул мне, потом положил руки на щеки Фиби и повернул ее голову ко мне лицом.

Она вздрогнула и застонала, ее глаза пытались сфокусироваться. Я не был уверен, было ли это из-за того, что рука Мейстера была в ее киске, или из-за того, что он крепко держал ее за лицо.

Возможно, и то, и другое.

— Это гребаная земля обетованная, Карсон. Все это — наша награда за службу нашей расе, за службу, которую мы оказали нашей стране. Мы можем брать то, что хотим, когда хотим, — он улыбнулся. — Смотри.

Мейстер потянулся к передней части платья Фиби и разорвал материал. Обрывки упали на пол, обнажив слишком тонкое тело. Не было ни одного дюйма, который не был бы покрыт отметинами.

— Эта шлюха — моя. Но она пыталась послушаться меня, пыталась сопротивляться, поэтому я научил ее, как себя нужно вести.

Он повернул рот Фиби к своему и прикусил ее нижнюю губу.

Она вскрикнула, ее тело дернулось.

Он засмеялся.

— Разве не так, Фиби? Показал тебе, кому ты, мать твою, принадлежишь, тогда, в лачуге стоматолога?

Его лицо приобрело строгое выражение.

— Кому ты принадлежишь? — потребовал он.

Каждый мой мускул напрягся, когда она тихо, как по заученному, произнесла:

— Мейстеру.

— Хорошая девочка, — он поставил ее на ноги. — Так покажи мне, — он наклонился вперед. — Покажи мне, как сильно ты меня любишь.

Фиби повернулась к нему лицом, как чертова марионетка на веревочке. Она наклонилась вперед, ее задница поднялась вверх. Я вцепился в подлокотники своего стула, чуть не вырвав гребаное дерево, когда увидел, что он преподавал ей уроки, как следует. В каждое гребаное отверстие.

Фиби уперлась сиськами в лицо Мейстера и, даже под действием наркотиков, на моих глазах превратилась в гребаную соблазнительницу. Ее тело извивалось, когда она прижималась голой кожей к груди Мейстера, ее руки держались за ручки кресла. Я не мог оторвать от нее глаз, пока она вводила свой сосок в рот Мейстера, сжимая его затылок, пока он усердно сосал, а она стонала, словно смакуя это дерьмо.

А потом она опустилась на колени, ладони ее рук пробежались по бедрам Мейстера. Глаза ублюдка остекленели, наполовину от виски, наполовину от вида его игрушки на коленях, опускающейся ртом к его промежности. Ее дрожащие руки начали расстегивать его

ремень, затем пуговицы на джинсах.

Я оглядел комнату и увидел, что мудаки дрочат, наблюдая за ней. Другие трахали своих шлюх на эту ночь. Это выглядело как субботняя вечеринка гребаных Палачей. По крайней мере, клубные шлюхи сами предпочитали, чтобы их киски трахали я и мои братья. Мои глаза встретились с глазами Викинга и Ковбоя. Я увидел в них огонь. Огонь и неверие. Руки Викинга были сжаты в кулаки на коленях, а нога Ковбоя подергивалась. Братья были в шаге от того, чтобы наброситься на этого ублюдка и уничтожить его.

Задышающийся звук вернул мое внимание к Мейстеру и Фиби. Голова Мейстера была откинута назад, его член был в руке Фиби. И она подносила его ко рту.

Ее спина выгнулась дугой, а бедра покачивались, как будто она уже трахала его. Сучка зарычала, заглатывая кончик и втягивая в горло весь член. Она не задышалась и даже не вздрагивала, глубоко заглатывая член Мейстера. Он зарычал во все горло, положил руку ей на голову и накрутил пряди. Он был груб, практически срывая ее волосы с головы. Но Фиби только сильнее сосала.

Я вспомнил, что она была выращена для этого дерьма в том культе. Пророк развратил ее, чтобы она привлекала новых членов секты. Я понял, почему эта сучка была гребаной сиреной.

Рычание и стоны Мейстера становились все громче, когда она брала его сильнее, быстрее, глубже. Окружающие нас деревенщины вскрикивали, кончая. И тут Мейстер взвыл, оттолкнул Фиби от своего члена и схватил ее за руку. Он поднял ее на ноги и развернул лицом к себе. Затем, не теряя времени, он притянул ее к себе на колени и вогнал свой член в ее киску.

Фиби вскрикнула, ее руки упали на плечи Мейстера.

— Двигайся, — приказал он.

Бедра Фиби задвигались на его члене, а его руки потянулись, чтобы раздвинуть ее задницу. Он ввел два пальца в ее попку. Она закричала, когда он грубо задвигал бедрами, беря каждую ее дырочку.

Мои руки сжались в кулаки, когда он трахал ее и трахал, с каждой секундой все сильнее и сильнее. Наконец он издал протяжный стон и вошел в нее в последний раз.

Фиби двигала бедрами, пока Мейстер не вытащил пальцы из ее задницы. Взяв ее затылок, он направил ее вперед и наклонил ее рот к своему. Он впился в ее губы, пока ее тело дергалось. Затем оттолкнул назад, снимая со своего члена.

— Очисти его, — хрипло приказал он, зрачки расширились.

Фиби опустила на колени и взяла его вялый член в рот. Ее язык облизал его плоть, слизывая сперму.

Мейстер провел пальцами по ее волосам, словно гладил проклятую собаку. Он оттолкнул ее голову от своего члена, и Фиби поднялась на ноги. Мейстер выпрямился, обессиленный, засунув свой член обратно в штаны.

— Танцуй, — лениво приказал он и дал сигнал включить музыкальный автомат.

По бару разнеслась какая-то заурядная рок-песня. Руки Фиби поднялись в воздух, и ее стройное тело начало раскачиваться. Я не мог перестать наблюдать за ней, замороженный тем, как она двигалась. Она была высокой и слишком худой. Но даже выглядя такой избитой и сломленной, как сейчас, я мог думать только о ней, о том гребаном дереве. Как она смотрела на меня в тот день, ее голубые глаза впились в мои, как будто она могла видеть каждую чертову вещь, которая проносилась у меня в голове.

Я представил себе, как танцует эта версия Фиби, и понял, что если бы я был одним из тех ублюдков, которых она соблазняла в баре, я бы записался и пел аллилуйя вместе с другими сектантами, только ради возможности поиметь ее снова.

Она повернулась лицом ко мне, и мое дыхание остановилось. Даже под героином, даже заморенная голодом, изнасилованная и пойманная, как собака, на ее губах мелькнула улыбка. Засохшая кровь потрескалась на ее губах, когда ее глаза закрылись, а тело продолжало двигаться в ритм. Слишком сосредоточившись на том, чтобы наблюдать за ней, потерянной в музыке, я едва заметил, как Мейстера отозвали, чтобы поговорить с Гиммлером. Я просто продолжал смотреть. Потому что не мог оторвать глаз.

И тут, с тяжелым вздохом, глаза Фиби распахнулись и встретились прямо с моими. Она замерла.

Сначала я подумал, что она просто слишком устала, чтобы продолжать двигаться... но потом она моргнула, снова моргнула, и слезы наполнили ее глаза.

— Ты.

Ее хриплый голос был почти неслышен из-за музыки. Ее маленькое тело покачнулось, но на этот раз музыка не имела к нему никакого отношения. Ее окровавленная нижняя губа задрожала, и на нетвердых ногах она, спотыкаясь, направилась ко мне. С каждым шагом ее и без того пепельное лицо становилось все бледнее. А потом полились слезы, одна тяжелая капля за другой, стекая по ее щекам, обнажая веснушки, которые скрывались под потом, кровью и грязью.

Ее грудь поднималась и опускалась в быстром темпе. Когда она дошла до меня, закрыв рот рукой, она опустилась на колени и легла у моих ног. Я посмотрел на Мейстера, он все еще был занят. Викинг и Ковбой внимательно наблюдали за происходящим с чертовски растерянным выражением лица. Их руки лежали на оружии, готовые к любому дерьму, которое произойдет.

А потом я снова посмотрел на Фиби. Я уставился в ее голубые глаза. Они все еще были одурманены до предела. Все еще расфокусированные и стеклянные. И все же, когда она стояла на коленях у моих ног, с затрудненным дыханием, с глазами полными слез, я видел их насквозь.

Они, бл*дь, умоляли меня о помощи.

— Она... она в безопасности? — пролепетала она, ее некогда красивое лицо исказилось от боли, когда она подалась вперед, как будто эта боль вонзилась ей прямо в живот.

Мои брови сошлись на ее вопросе. Фиби удалось поднять голову и положить руку на сердце.

— Она в безопасности? Я не спасла ее... но она в безопасности?

Я сглотнул, проверяя, что Мейстер все еще углублен в разговор с Гиммлером. Я поблагодарил Аида, что это так, потому что мне отчаянно хотелось поговорить с этой сучкой, но я должен был разыграть это дерьмо как следует. Фиби подалась вперед, пока ее сиськи не оказались у моих коленей. Я напрягся, пока она искала мое лицо. Затем, осторожными, нежными движениями, она потянулась вперед, ее покрытые мозолями пальцы потянулись к моему лицу.

Я замер, когда кончики ее пальцев коснулись моих щек и пробежали по густой щетине. Ее веки боролись за то, чтобы оставаться открытыми, несомненно, под действием наркотиков. Ее волосы прилипли к гладкой коже. Хуже всего то, что сперма Мейстера стекала по ее бедрам. Я чувствовал, как от нее волнами исходит запах секса. Но я все еще не

мог дышать, когда ее ласковые руки коснулись моего лица, когда эти чертовы голубые, ошеломленные глаза изучали меня. Затем ее брови поднялись, на губах появилась улыбка, и это, бл*дь, сразило меня наповал. Эта сучка только что была изнасилована, унижена перед толпой и, без сомнения, недавно избита Мейстером, и все же она стояла на коленях у моих ног, касалась моего лица и, бл*дь, улыбалась.

Я чуть не вытащил пистолет и не пристрелил каждого ублюдка, находящегося здесь, только ради возможности вытащить ее из этой дыры прямо сейчас.

— Ты, — сказала она снова, в ее голосе появилась новая легкость.

Ее пальцы пробежали по моим губам, затем вверх, остановились на моих глазах. Ее ладошка сжалась возле моих глаз, и она издала долгий, счастливый вздох.

— Тот, у кого добрые глаза, — пробормотала она.

Ее голова склонилась набок, как у невинного ребенка.

— Ты не убил меня. Я заслуживала смерти, но ты не убил меня... потому что у тебя добрые глаза. Человек дьявола с глазами ангела.

Я снова вспомнил ту гребаную ночь в коммуне. Вспомнил, как эта сучка гладила волосы Ли и называла ее Ребеккой. Чертовы слезы. Гребаные всхлипы. У меня защемило в груди, и я проглотил комок в горле... как она смотрела на Ли. Я... Я знал, что она чувствовала.

Вот почему я не мог убить эту сучку.

Она... в тот момент она была мной. Мной в тот гребаный день, который не выходил у меня из головы.

— Дерево, — голос Фиби выдернул меня из мыслей.

Я переместился на сиденье, когда она отдернула руки и сцепила их так, как я их связал.

— Человек дьявола с глазами ангела, — повторила она и начала всхлипывать. — Снова здесь, ради меня. Чтобы спасти меня из ада? Чтобы забрать нас?.. Чтобы защитить нас?

Она произнесла эти фразы, как будто это были вопросы, ее голубые глаза умоляли меня забрать ее из этого города, от Мейстера. Черт, как она смотрела на меня, умоляя, прося... эта сучка просила меня избавить ее от страданий.

Так же, как он. Как...

— Какого хрена? Шлюха!

Я вскинул голову, когда Мейстер ворвался в комнату. Привстал, готовый к драке. Рука Мейстера схватила Фиби за волосы и дернула ее на ноги. Фиби вскрикнула, спотыкаясь. Затем, когда она выпрямилась, Мейстер развернул ее лицом к себе и нанес удар наотмашь по лицу. Мне пришлось приложить все силы, чтобы не броситься на него. Но когда я оглянулся, все охранники были начеку, руки на оружии. Никто из нас не смог бы выбраться живым, даже если бы попытался.

Мы должны были ждать.

Фиби начала плакать, всхлипывая, когда подняла голову. Кровь густо и быстро стекала с ее губ. Ее глаза наполнились слезами, но даже после сильного удара, нанесенного Мейстером, ее опарашенные глаза все еще искали мои. И черт меня побери, но они смягчились. Как будто я облегчал ее страдания, просто находясь здесь.

Я не мог справиться с этим взглядом.

— Шлюха! — прорычал Мейстер, притягивая ее близко к своему лицу. — Похоже, ты еще не усвоила урок.

Он сильно встряхнул ее, голова моталась туда-сюда.

— Тогда мне придется, бл*дь, постараться.

Мейстер повернулся к двери, весь бар смотрел на него в ожидающем молчании. Когда он проходил мимо меня, то посмотрел вниз и сказал:

— Эта сучка была обученной шлюхой. Раздвигала свои ноги для всего, что двигалось. Я переквалифицирую ее в жену Клана, — как будто его собственные слова разозлили его, он размахнулся и ударил ее снова, ее голова дернулась в сторону. — Но эту шлюху трудно сломить.

Он вытащил Фиби из бара, и прежде, чем за ними закрылась дверь, я увидел, как он повернул налево. В сторону лачуги стоматолога.

Я достал сигареты, зажег одну и сделал длинную затяжку. Гиммлер недоверчиво наблюдал за мной, поэтому внешне я вел себя спокойно, хотя в голове я представлял, как перерезаю горло каждому до последнего ублюдка во всем этом месте. В течение следующих десяти минут я допил свое пиво, выпил еще одну рюмку, затем поднялся на ноги.

Вик и Ковбой последовали за мной из бара и перешли дорогу к общежитию. Вик придвинулся поближе, чтобы заговорить, но я зашипел:

— Еще нет. Гиммлер будет наблюдать из бара.

— Откуда, бл*дь, ты это знаешь?

— Поверь мне, — сказал я, когда мы вошли в общежитие, не включая свет.

Как только мы вошли в коридор, я украдкой посмотрел на улицу.

— Черт, — сказал Ковбой. — Ублюдок прямо там, смотрит нам вслед.

— Он нас подозревает.

Я привел их в комнату Флейма. Брат вышагивал взад-вперед. Я проигнорировал его и запер дверь.

— Мы вытащим ее завтра, — сказал я тихо. — Если Мейстер не убьет ее сегодня ночью. Гиммлер начнет копать, если мы этого не сделаем. Этот ублюдок чувствует, что мы не чисты на руку.

Я дернул подбородком в сторону Ковбоя.

— Позвони Хашу. Скажи ему, что мы разрабатываем план, и он должен быть готов, когда я скажу.

Ковбой достал из кармана свой сотовый. Он тихо поговорил с Хашем, затем поднял большой палец вверх и завершил разговор.

— Он готов.

Вышагивая, я провел рукой по волосам.

— Завтра вечером, после наступления темноты.

Вик и Ковбой кивнули. Флейм был слишком погружен в свой собственный мир, чтобы слышать. Я изложил свой план, и мои братья внимательно слушали. Мы все согласились — именно так должно было произойти это дерьмо.

В комнате было тихо. Вик бросил на меня странный взгляд.

— Не уверен, что эту сучку можно спасти, брат. Я никогда не видел такого дерьма раньше. Он просто конченный урод.

Я закрыл глаза и попытался не позволять мыслям о Фиби, о моем гребаном прошлом, разорвать меня на куски. Я мысленно досчитал до десяти.

— Возможно, ты прав.

Я опустил на край кровати и посмотрел на Флейма, доказательство того, что даже самые поганые души можно спасти, в какой-то степени.

— Но я, бл*дь, умру, пытаюсь.

— Всегда этот чертов герой, — с юмором сказал Викинг.

Герой? Далекo не герой. Мне просто не хотелось смотреть, как еще один человек умирает под чьей-то рукой.

Так что завтра вечером я возьмусь за Мейстера и его клановцев.

С остальным мы разберемся после.

Даже если она уже в полной заднице.

Фиби

Улица пронеслась мимо меня. Я с трудом открывала глаза. Поэтому сдалась темноте. Я поддалась ей и позволила паре добрых глаз наблюдать за мной. Ангел, замаскированный под дьявола.

Дверь открылась. Затем закрылась. Меня толкнули на поверхность, которую я узнала. Мои ноги были раздвинуты. Игла уколола мою руку. Затем жидкий огонь прошел по венам, я почувствовала, как меня ударили по щеке и впились в мою сердцевину.

Но мне было все равно.

Я моргнула в мягком сиянии теплого солнца. Когда осмотрела свое окружение, я улыбнулась. Я снова была в лесу. Прохладный ветерок трепал мои волосы. Я села на траву, проведя руками по мягким травинкам. Закрыла глаза, просто расслабляясь, а потом почувствовала, как воздух вокруг меня зашевелился. Кто-то сел рядом со мной. Открыв глаза, я посмотрела направо. Улыбнулась шире, вдыхая успокаивающий аромат кожи.

— Ты? — сказала я со счастливым вздохом.

Дьявол с ангельскими глазами кивнул и положил руки на согнутые колени.

— Я, — сказал он, и уголок его рта приподнялся.

Я изучала его черты. Изучала его длинные каштановые волосы, несколько прядей которых казались почти карамельного цвета, когда на них попадало солнце. Его кожа была загорелой, тело — высоким и мускулистым. Но больше всего мне нравились его глаза. Они были такого глубокого коричневого цвета, что я могла потерять себя в их глубине на несколько дней.

Он указал на лес.

— Тебе нравится это место?

Я проследила за его рукой. Посмотрела на высокие деревья, услышала журчание реки за поляной.

— Я прихожу сюда, чтобы оставить все позади. Это... — я вдохнула ароматный воздух. — Это мой рай.

Он повернулся ко мне, ища что-то в моем лице. Он молчал, поэтому заговорила я.

— Ты здесь ради меня? — спросила я, затаив дыхание в надежде.

— Я вытащу тебя, — прохрипел он, и я увидела в его глазах убежденность в своем обещании.

Напряжение покинуло мое тело, и у меня появилось ощущение, что я парю. Рука, накрывшая меня, внезапно стала моим якорем. Опустив тело на мягкую траву, я смотрела на его татуированную руку, лежащую на моей. Я боролась со слезами, которые наворачивались на глаза от его нежного прикосновения.

Этот человек был нежным и добрым. Он был...

— Ангел, — прошептала я и подняла глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. — Ты мой ангел, — сказала я.

Его губы расплылись в улыбке. Это были полные, мягкие губы.

— Ты ангел, пришедший спасти меня. Однажды ты уже пощадил мою жизнь, и ты вернулся, чтобы сделать это снова.

Секунды тянулись, слышен был только шум текущей воды. Затем:

— Да, — он крепко сжал мои пальцы. — Я здесь, чтобы забрать тебя, Фиби. Чтобы забрать тебя из этого ада. Ты просто должна продержаться эту ночь. Просто, бл*дь, продержись.

— Хорошо, — сказала я.

Я не отпустила руку ангела, когда он попытался отдернуть ее. Ангел нахмурился и посмотрел на меня в замешательстве.

— Сегодня ночью может быть трудно, — сказала я и почувствовала, как эхо боли отдается в моем теле в каком-то другом месте.

Сжав его руку покрепче, я спросила:

— Ты можешь остаться со мной? Только на эту ночь? Мне... Мне может понадобиться твоя помощь...

Глаза ангела смягчились, и он кивнул.

— Всегда, — сказал он и придвинулся ближе ко мне.

Я положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Непонятное чувство безопасности окутало меня своим теплом.

— Просто, бл*дь, держись, хорошо? Одну лишь эту ночь.

Я вздохнула.

И улыбнулась.

Это было именно то, что я намеревалась сделать.

АК

Я сидел на краю матраса в лачуге парикмахера, отсчитывая минуты. Моя нога подпрыгивала, когда сучка позади меня издавала тихие звуки боли. Я отгородился от нее. Сегодня у меня было только одно задание.

И мы были в нескольких секундах от его выполнения.

Я проверил свои часы.

Затем... Раздался вой сирены. Мое сердце выстрелило, как «Узи». Я схватился за пистолет и выглянул в зарешеченное окно. Охранники и другие мужчины выбегали из своих лачуг и амбаров. Раздался выстрел, и я посмотрел на главный выход.

Застыл на месте.

— Хащ, — прошипел я.

Что, бл*дь, делал этот самоубийца?

Широко раскинув руки, он прокричал на своем мощном каджунском акценте:

— Моя мать — белая, а отец — черный. Я ваш худший кошмар, так почему бы вам всем не прийти и не достать меня и мой огромный межрасовый член!

Засранец бросился бежать. Пистолеты стреляли, и люди гнались за Хашем.

Я видел, как охранник за охранником покидали свои посты, как хорошие, маленькие клановцы в погоне за негром. Когда охранник напротив лачуги стоматолога удрал, в мою дверь постучали. Там стоял Вик, я вышел к нему на улицу.

— Он погнался с ними, — сказал Вик.

Мейстер. Этот мудака заглотив наживку.

Флейм выбежал из задней части лачуги и набросился на деревенщину, который не успел остановить свой трах. Он перерезал ублюдку горло и полоснул по бедренной артерии. Засранец упал. Вик подтолкнул меня вперед.

— Забери ее. У нас есть несколько минут. Мы возьмем на себя всех, кто остался.

Я бросился к соседней лачуге и заглянул в окно. Из всех сил старался что-либо разглядеть сквозь толстый слой пыли и грязи. Там кто-то был, лежал смертельно неподвижно на каком-то кресле. Я ударил плечом в дверь, и старое дерево тут же поддалось. Бросился внутрь маленькой комнаты и замер. На старом стоматологическом кресле лежала Фиби, избитая до полусмерти. Она была голая, и кровь была свежей. К ее руке была прикреплена капельница с героином или какой-то другой дрянью.

Я выдернул иглу, не обращая внимания на брызнувшую следом кровь, и поднял Фиби на руки. Она издала слабый стон, но не проснулась. Она практически ничего не весила. Выйдя из лачуги, я увидел пять тел, лежащих посреди дороги.

— Думаю, они мертвы, — сказал Вик, когда Ковбой и Флейм встали рядом со мной.

Фиби застонала в моих руках.

— В дерьмовом состоянии, — оценил Ковбой, глядя на тело Фиби.

Сучка была голой, а у меня не было с собой ничего, чтобы прикрыть ее. Я пристально смотрел на Ковбоя, пока он не отвел взгляд.

— Лес начинается вон там, Хаш оставил там фургон, — сказал я и начал двигаться.

Едва успел сделать три шага, как услышал щелчок пистолета и хруст нескольких ног по

неровной земле. Я замер и повернул голову вправо.

Гребаный Гиммлер, а также два придурка с пистолетами, нацеленными прямо нам в голову.

— Я знал, что с вами, суки, что-то не так, как только вы вошли сюда, — сказал Гиммлер, крепче сжимая пистолет.

Флейм и Ковбой застыли рядом со мной. Я крепче сжал Фиби в своих руках. Глаза Гиммлера упали на Рыжую.

— Мейстер не потерпит того, что ты пытался украсть его шлюху, ублюдок. Ему плевать, был ли ты снайпером или можешь убивать с расстояния в несколько ярдов.

Он подходил ближе, пока ствол его пистолета не уперся мне в лоб. Он улыбнулся, а я приготовился к атаке. Его голова склонилась набок.

— Почему вы здесь? Вы не из Клана. Если бы это было так, вы бы присоединились к делу, а не воровали у нас.

— Черный-любовник. com, — сказал Вик позади меня. — Может, слышали о нас. Белые, которые просто обожают трахать черных. Киска, член, да все, что угодно. Мы по уши в этом шоколадном дерьме.

Гиммлер фыркнул на неубедительную шутку Вика, но это дало мне долю секунды, необходимую для атаки. Я ударил рукой по дулу пистолета Гиммлера, сбив прицел с головы. Опустился и положил Фиби на землю, пока Вик, Флейм и Ковбой набрасывались на других придурков. Выстрелы звучали, как гром среди пустого города-призрака.

Я оттолкнул Гиммлера, и мы упали на землю. Ублюдок боролся со мной за пистолет. Но я ухватился за него и врезался лбом в его лоб. Гиммлер закричал. Я услышал гортанный звук, как будто кто-то захлебывается кровью. Посмотрел в сторону и увидел, что Флейм сидит на одном из мужчин, его грудь залита кровью, ножи вонзаются в плоть клановца.

Удар пришелся мне в рот, из губы потекла кровь, и я вышел из себя. Я обрушил кулак на лицо Гиммлера. Вырвав пистолет из его руки, одним резким движением повернул ствол и прижал к его горлу. Ублюдок встретил мой взгляд, и я улыбнулся. Я улыбнулся, когда послал пулю через его череп, разбрызгивая мозги по этой гребаной грязной земле.

Я выстрелил снова, на этот раз в подбородок, и увидел, как у мудака отлетела челюсть. Я подумал о Фиби и других шлюхах в этом месте и выстрелил снова, и снова, теряясь в море крови, пока кто-то не оттащил меня назад, и я не упал на землю. Я нацелил пистолет на того, кто это был, и увидел, как Ковбой отпрянул, поднимая руки вверх.

— Ты убил его. И мы должны, бл*дь, уходить. Сейчас же. Эти выстрелы заставят остальных ублюдков вернуться за несколько секунд.

Встряхнув головой и вернувшись в реальность, я бросил пистолет на землю и кинулся за Фиби. Ее обнаженное тело было забрызгано кровью. Я поднял ее и посмотрел на своих братьев. Лицо Флейма было залито кровью, а его черные глаза были безумными.

— Двигайся, сейчас же, — приказал я.

Мы оставили изрезанных ублюдков на земле и скрылись за деревьями.

Я не стал ждать братьев, зная, что они последуют за мной, и направился к тропинке, ведущей к дороге. Ветки и сучья били меня по лицу, пока мы бежали.

Через десять минут мы добрались до фургона, который оставил для нас Хаш. Вик и Флейм запрыгнули в кабину и завели двигатель. Я забрался на заднее сиденье, как и Ковбой.

— Где он, бл*дь? — спросил Ковбой в панике, его глаза сканировали заброшенную проселочную дорогу.

— Скорее, о чем он, бл*дь, думал? — огрызнулся я, вспоминая о том, как Хаш взял на себя всех этих ублюдков.

Засранец.

Ковбой сжал кулак и ударил им в стену фургона. Фиби вздрогнула в моих руках. По крайней мере, она не настолько была под кайфом, чтобы ни на что не реагировать. Может, с ней все будет в порядке. По крайней мере, физически.

Я схватил одеяло, которое лежало на заднем сиденье фургона, и обернул его вокруг ее обнаженного тела. Фиби снова застонала, ее глаза закатились, но она все еще не проснулась. Черт знает, на каком коктейле Мейстер держал ее.

— Там! — крикнул голос Вика из кабины.

Я выглянул из открытых дверей и увидел Хаша, бегущего к нам. Этому ублюдку повезло, что он был быстрым. Он подал сигнал, чтобы мы начали движение. Ковбой высунулся из задней двери и вцепился в руку Хаша, втягивая его внутрь. Они захлопнули двери, и мы рванули с места. Я держал пистолет в руке, на всякий случай.

— Что это, бл*дь, было? — огрызнулся Ковбой.

Он нависал над Хашем чертовски злой.

— Что? — Хаш огрызнулся в ответ, выражение его лица потемнело.

— Насмешка над массивным межрасовым членом, придурок. Ты должен был привести в действие взрывчатку, а не предлагать себя для гребаного линчевания, — прошипел я.

Хаш проигнорировал меня и впился взглядом в лицо Ковбоя.

— Ты думаешь, после всего, что эти ублюдки из Клана сделали со мной, с моей семьей, я собирался просто отвлечь их взрывчаткой? Да пошло это дерьмо. Я хотел, чтобы эти ублюдки увидели мою нечистую задницу. Я хотел, чтобы они кипели от злости.

— Ну, работа сделана, ублюдок, — Ковбой сполз вниз и сел на противоположную сторону фургона. — Ты хотел, чтобы они кипели? Подожди, когда Мейстер вернется и увидит, что у его заместителя нет лица и черепа.

Никто не проронил ни слова, пока Викинг, как молния, вез нас обратно в лагерь. Пока Хаш не покачал головой и не сказал:

— Черт. Это Фиби? Сестра Ли?

— То, что от нее осталось, — я указал на Ковбоя. — Свяжись с говнюком Пророком по сотовому. Он должен быть в моем доме к нашему приезду. И скажи этому ублюдку, что это не гребаная просьба.

Ковбой сделал, как я просил.

Я держал взгляд направленным вперед, уставившись в стенку фургона. Пока не почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Когда я посмотрел вниз, глаза Фиби, покрытые синяками, были открыты. Я напрягся, когда мой взгляд встретился с ее.

— Вик, езжай домой окольными путями и гаси свет. Они будут кишеть на главных дорогах через несколько минут. Это дерьмо не закончится, пока мы не проедем через ворота лагеря.

Я не сводил глаз с лица Фиби, и та маленькая улыбка, которую она постоянно демонстрировала мне, растянула ее губы. Мое сердце разорвалось прямо по середине.

Своим хриплым, искаженным голосом она прошептала:

— Безопасность...

Через секунду ее глаза закрылись, но я не переставал смотреть на нее. Я не мог отвести взгляд. Даже когда фургон остановился, я не мог оторвать глаза.

«Безопасность», — сказала она.

Что бы это, бл*дь, для нее ни значило.

Когда фургон остановился у моего дома, я прижал Фиби к груди и вышел на воздух. Она стонала в моих руках, когда ветер трепал ее поврежденную кожу.

Райдер стоял возле двери в мой дом с медицинской сумкой в руках. Малыш Эш был перед дверью Флейма, а в окне я видел Мэдди, которая наблюдала за происходящим.

Флейм направился прямо к Эшу, а затем вошел в дверь своего дома. Я двинулся к своей, взглянув на теперь уже бритоголового Пророка и сказал:

— Следуй за мной.

Я прошел в свою спальню и положил Фиби на кровать. Она застонала, выгнув спину дугой, когда я отступил назад. Ее рыжие брови нахмурились, а ноги стали беспокойными.

Я смотрел, как пальцы на ее левой руке ощупывают правую руку. Ногти начали царапать, ища место введения героина.

— Могу я?.. — спросил голос позади меня.

Я оглянулся на Райдера, стоящего в дверном проеме. Но глаза этого уroda были устремлены не на меня, а на Фиби.

— Давай, — я отступил назад.

— Черт, — пробормотал Райдер под нос, опускаясь на колени и открывая свою сумку.

Он поморщился, глядя на ее раны. Рука, проводившая по рукам и ногам Фиби, остановилась в воздухе и сжалась в кулак.

— Мне очень жаль, — сказал Райдер Фиби.

Если я не ошибаюсь, голос этого засранца надломился. Его голова опустилась и закачалась из стороны в сторону.

— Мне чертовски жаль.

Мои глаза сузились, когда я наблюдал за ними, и грудь сжалась от того, как он говорил с ней. Я знал, что они были знакомы. Знал, что его близнец-психопат трахал ее дольше всех. Но мне не нравилось, как близко был к ней Райдер. Какому-то проклятому режущему чувству в моей груди не нравилось, как близко он был с ней знаком.

— Ее насиловали и избивали. Не знаю, как долго.

Райдер повернул голову, чтобы выслушать меня, и, клянусь, этот ублюдох вытер глаза.

— А еще она на героине. Мудак Мейстер держит всех сучек на этом дерьме.

Вспомнив о причине, по которой Райдер находился в своём доме, он начал осматривать повреждения Фиби.

— Мне нужны полотенца и вода. Мы должны вымыть ее.

Из коридора послышались шаги. Я оглянулся: Малыш Эш уже собирал то, что просил Райдер. Я даже не заметил, что пацан был рядом. Когда он вернулся, я вопросительно поднял бровь.

— Подумал, что понадобится тебе, — сказал он.

Я взъерошил его темные волосы и забрал у него таз с водой. Поставил его рядом с Райдером, в это время Эш передал полотенца.

— Подожди на кухне, парень, — велел я.

Я наблюдал, как Райдер вымыл кожу Фиби и начал накладывать швы. Он перешел к ее

киске и повреждениям, которые были там. Я напрягся. Если быть честным по отношению к Пророку Придурку, этот ублюдок был бесстрастным и, бл*дь, профессионалом. Но глядя, как он приближается к ее киске, я чуть не сошел с ума. Поэтому сосредоточился на лице Фиби, на ее глазах, которые то открывались, то закрывались. Ее губы разомкнулись, и язык провел по потрескавшейся плоти.

— Ей нужна вода, — сказал Райдер, зашивая порез на ее бедре.

Стиснув зубы, я помчался на кухню и прошел мимо Эша, который сидел за столом. Я взял стакан и наполнил его водой. Вернувшись в спальню, я протянул его Райдеру. Бывший брат посмотрел на мою руку.

— Тебе придется самому это сделать. Я должен зашить эти порезы, чтобы в них не попала инфекция.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Открыв их снова, я переместился к изголовью кровати и сел на край.

Фиби застонала и повернула голову в мою сторону. Ее глаза открылись, и ее чертов голубой взор устремился прямо на меня. Ее губы подергивались, мое тело напряглось, гадая, не попытается ли эта сучка снова улыбнуться мне. Но она задыхалась от жажды, поэтому я осторожно провел рукой по ее затылку и наклонил ее шею. Тощее тело Фиби было легким, как перышко. Она издавала болезненные звуки, когда я двигал ею, но все это время ее остекленевшие глаза не отрывались от моих.

Я сглотнул гребаный комок, пробиравшийся к горлу. И, черт возьми, моя рука, державшая стакан, дрожала. Я закрыл глаза и приказал себе собраться с мыслями. Но не успел это сделать, как меня снова впихнули обратно.

Я почувствовал, как пот стекает по моей шее. Чувствовал, как сухой воздух наполняет мои легкие. Ощущал грязный пол под коленями и его руку в моей руке, когда я крепко вцепился в него. Я чувствовал, как чертовы слезы застывают под моими закрытыми веками, когда я вдыхал его запах — запах крови, мочи и дерьма, оставшийся от многодневных пыток.

— АК, — сказал глубокий голос, проникая в мое сознание.

Я попытался вернуться назад, но был в чертовой ловушке. Мое сердце ударилось о грудную клетку так сильно, что я был уверен в том, что мои ребра вот-вот сломаются.

Затем протяжный женский стон завладел моим разумом и, бл*дь, прорвался сквозь воспоминания.

Я моргнул и смахнул слезы. Голубые глаза все еще смотрели на меня. Но не глаза вернули меня назад, а осознание того, что я был с Фиби. Это было ощущение ее костлявых пальцев, схвативших мое запястье со всей силой, которая у нее была. Ее рука дрожала, но она пыталась поднести стакан с водой в моей руке ко рту.

Глубоко вдохнув, я медленно поднес стакан к ее рту и внимательно наблюдал за тем, как она пьет. Она закашлялась, пытаясь проглотить слишком много за один раз.

— Маленькими глотками, — произнес Райдер где-то рядом со мной.

Но я не мог отвести взгляд от Фиби. Теперь, когда ее лицо очистилось от грязи, крови и прочего дерьма, которым она была испачкана, я увидел, как она выглядит на самом деле. Ее и без того бледная кожа стала серой. Щеки были впалыми, а скулы резко выделялись на исхудалом лице. Но ее гребаные веснушки все еще были на месте. Та же чертова уйма веснушек, что и в тот день, когда я привязал ее задницу к тому гребаному дереву в коммуне. Их было так много, что на ее щеках, что на лбу, наверное, миллион. И эти маленькие ублюдки на ее носу...

— Достаточно, — проинструктировал Райдер.

Я отодвинул стакан. Но не опустил ее обратно на кровать. Я держал ее голову в своих руках. Даже когда ее глаза закрылись, а дыхание стало поверхностным, я не отпустил ее. До тех пор, пока Райдер не появился в поле моего зрения. Этот ублюдок наблюдал за мной, нахмурившись. Следил за мной. Как будто он имел какое-то гребаное право решать, что будет с этой сучкой дальше. Как чертов брат, присматривающий за своей сестрой.

— Что? — огрызнулся я и опустил Фиби обратно на подушку.

Она выглядела чертовски странно, лежа в моей постели.

Райдер молчал несколько секунд, просто смотрел на меня. Он провел рукой по своей бритой голове.

— Я подлатал ее. Она... — он жестом указал на ее киску, — Пострадала. Он сделал ей больно, но она поправится.

Райдер посмотрел на ее руки и видимые следы.

— Но нам нужно достать лекарства, чтобы вывести героин из организма.

Пока я собирался заговорить, послышался звук открывающейся входной двери, и торопливые шаги по коридору. В мою комнату вошел Кай, за ним Стикс.

Кай посмотрел на кровать. Я встал и отодвинулся, чтобы он мог видеть Фиби. Затем скрипнул зубами, когда вспомнил, что она все еще была голая. Я повернулся, поднял ее тонкую фигуру и положил под одеяло. Когда она была укрыта, отступил назад и посмотрел на своего Преза и ВП. Но они уже видели ущерб. Я понял это по убийственному выражению лица Кая.

— Она будет жить? — холодно спросил он.

По его тону я понял, что вопрос был адресован не мне.

— Будет, — ответил Райдер.

Он сделал паузу, достаточно долгую, чтобы Кай и Стикс посмотрели на него.

— Но она была на героине и даже больше, я полагаю.

Я почувствовал, как воздух вокруг нас чертовски похолодел. Зубы Кая впились в губу. Брат был в ярости.

— Они все, — добавил я.

Кай и Стикс посмотрели на меня.

— Сучки из города-призрака. Он ставил им капельницы с героином, крэком и хреном, знает, чем еще. Все шлюхи были в отключке.

Я оглянулся на Фиби. Она выглядела чертовски крошечной, лежа на моей кровати.

— Черт его знает, как долго она была на этом.

— Недолго, я бы сказал, — заключил Райдер.

— Не говори Лиле, что она вернулась, — сказал я Каю. — Она еще не прошла через все дерьмо.

— Ей нужны лекарства, — продолжил Райдер. — Чтобы избавить ее от героина и...

— А мне нужно, чтобы вы все убрались на хрен, — сказал я, скрестив руки на груди.

— Что? — резко спросил Кай.

Стикс шагнул вперед, его мощная грудь тяжело вздымалась от моего дерьмового отношения.

— Мне нужно, чтобы вы все убрались из моего дома, — моя челюсть сжалась.

Кай посмотрел на меня.

— У тебя проблемы, брат? — спросил он, несомненно, задаваясь вопросом, что за хрень

тут происходит.

— Сучке нужно избавиться от дерьма в ее венах. Так что я буду наблюдать за ней, пока оно не исчезнет. А для этого мне нужно, чтобы все остальные отвалили.

— Резко завязать с наркотой? — спросил Райдер, в голосе которого звучала паника. — Есть способы получше. Мы можем отучить ее от этого с помощью лекарств, сделать это менее болезненным для нее. Черт, она заслуживает этого после того, через что ей пришлось пройти.

— Мой способ займет всего несколько дней. Так что убирайтесь, — я обратился непосредственно к Каю и Стиксу. — Я позвоню, когда она пройдет через это.

Глаза Стикса переместились на Фиби. Подняв руки, он показал:

— Ты не должен этого делать. Сучка — не твоя забота.

Нет... должен.

Прежде, чем я успел увидеть ненужное, бл*дь, сочувствие на лицах Стикса и Кая, я повернулся и пошел к своему шкафу. Вытащил черную футболку Палачей и пару боксерских трусов. Не оглядываясь, я сказал:

— Выметайтесь, я сказал. Позвоню, когда все будет закончено.

Я знал, что они ушли не сразу, и не оборачивался, пока они этого не сделали. Когда мы остались одни, я встал у края кровати и уставился на Фиби. Она выглядела такой чертовски спокойной, но я знал, что через несколько часов, когда наступит ломка, ей не будет покоя в течение нескольких дней.

Я крепче сжал в кулаках футболку и боксеры и боролся с чертовой ямой, которая пыталась образоваться в моем животе.

Фиби вздрогнула во сне. Я подошел к ней и откинул одеяло. Я уставился на ее истощенное тело и представил, как бы она выглядела здоровой и сытой. Черт. Я знал, что в таком виде она была бы лучшей гребаной сучкой, которую я когда-либо видел. Я представил себе ее кожу без порезов и следов, цвета молока. И улыбку на губах, которая была вызвана тем, что она освободилась от дерьма в венах, а не неуместной благодарностью за спасение из сети секс-торговли.

Заставив себя двигаться, я надел на нее футболку. Аид улыбался мне, держа в руках свой «Узи» и петлю. Футболка свисала до середины ее бедер. Я надел черные боксеры на ее ноги и снова натянул на нее покрывало.

Вик и Флейм наблюдали за мной из дверного проема.

— Ты не должен делать это дерьмо, Ксав, — сказал Вик. — Предоставь это кому-нибудь другому.

— Я могу это сделать, — я скрестил руки на груди.

Флейм, в кои-то веки, был чертовски неподвижен, и я понял, что брат беспокоится, когда его черный взгляд задержался на мне, не отрываясь.

— Отдай ее кому-нибудь другому, — прорычал он.

— Я сделаю это, — сказал я.

Флейм покачал головой, словно готов был спорить.

— Флейм, я провел тебя через твое дерьмо, верно? Когда мы вытащили тебя из той психушки?

Ноздри Флейма раздулись, а мышцы на его шее напряглись при воспоминании.

— Я могу сделать это и для нее, — я провел рукой по волосам. — Черт, я должен сделать это и для нее тоже.

Вик в отчаянии прислонился затылком к дверному проему. Флейм посмотрел на Фиби, и его глаза слегка сузились. Я мог сказать, что он видит себя на этом матрасе. Он повернулся на пятках и вышел из моей комнаты. Я знал, что так брат отпускает свое протестующее дерьмо.

— Не всегда нужно быть тем, кто делает это для людей, понимаешь? — сказал Вик.

Я посмотрел на своего старого друга, но ничего не сказал. У нас были очень разные взгляды на этот вопрос.

— Это не изменит прошлого.

Я поднял руку вверх и быстро оборвал это дерьмо.

— Не надо, — предупредил я, — Не вороши это, бл*дь, Вик. Я серьезно.

Вик посмотрел на меня, но опустил глаза. Он повернулся, чтобы уйти.

— Что у тебя с этой сучкой? Почему тебе не насрать?

Я не ответил. В основном потому, что сам не знал. Мне просто нужно было, чтобы ей стало лучше. Это все, что я позволил себе принять.

— Мне нужно, чтобы ты взял пацана на несколько дней, — сказал я вместо этого. — Флейму нужно побыть с Мэддс наедине. Он не в себе после города-призрака. Не хочу ставить Эша на его пути.

Вик кивнул.

— И не веди себя с ним как придурок.

Вик отдал мне чертову честь. Затем вышел из дома, а я постучал в дверь комнаты Эша.

— Да? — отозвался он.

Я открыл дверь. Малыш Эш сидел на своей кровати.

— Нужно, чтобы ты остался с Виком на несколько дней, парень.

Он уставился на меня, его черные волосы были в чертовом беспорядке.

— Хорошо.

Он поднялся на ноги и начал собирать сумку. Затем выждал, пока почти закончит, чтобы спросить:

— Это имеет отношение к сучке в твоей комнате?

Я ухмыльнулся.

— Сучка, Малыш Эш? Осторожно, скоро ты можешь начать говорить как настоящий Палач.

Его лицо загорелось от смущения.

— Вы все говорите «сучка», теперь и я говорю. Здесь не так уж плохо так говорить. Ты говоришь это только о цыпочках, которые тебе нравятся.

Я кивнул, затем ответил на его первоначальный вопрос.

— Да, парень, это связано с сучкой в моей комнате.

Он двинулся к выходу. Когда проходил мимо меня, я схватил его за руку.

— Если тебе что-нибудь понадобится, обращай к Вику, Флейму или Мэддс, хорошо?

Он кивнул и ушел. Я запер дверь, затем собрал все вещи, которые, как я знал, понадобятся в ближайшие часы. Принял душ и оделся в одни джинсы, смахнув с лица все еще мокрые волосы. Затем притащил стул в спальню и сел на край кровати.

И стал ждать.

Я ждал, когда начнется ломка. Стараясь не позволить дежавю из прошлого проникнуть в голову.

Кого я обманывал? На это не было ни малейшего шанса.

Так что я позволил начаться и моим пыткам.

Кровь. Кровь и хренова тонна тел окружала нас. И его не было. Девина больше не было...

Фиби

— Фиби, — позвал мой отец.

Я выбежала из спальни в гостиную. На диване сидел мужчина. Он был одет в белое, и у него были самые светлые волосы, которые я когда-либо видела. Ну, кроме одного человека. Моей Ребекки. Но она уже ушла. Ушла в дом Пророка, чтобы избавить свою душу от дьявола. Скоро она освободится от зла, и я снова обрету свою лучшую подругу и сестру.

Я считала дни.

— Фиби, — сказал мой отец. — Это брат Джон.

— Здравствуйте, сэр, — сказала я и низко поклонилась.

Когда я выпрямилась, мой отец с улыбкой смотрел на меня.

Я улыбнулась в ответ.

Брат Джон поднялся с дивана и подошел ко мне. Он остановился в нескольких дюймах от меня, поднял руку и положил пальцы мне под подбородок. Я посмотрела в его голубые глаза, которые изучали мое лицо. Он добродушно улыбался мне, и я тоже улыбнулась ему. Это, похоже, понравилось брату Джону, потому что он кивнул и обратился к моему отцу.

— Она прекрасна. Из нее получится хорошая Священная Сестра.

Брат Джон развязал платок и снял его с моей головы. Мои длинные волосы были убраны назад. Он вынул заколки, которые удерживали их на месте, и позволил им распусться. Волосы ниспадали до самой талии.

— Прекрасна, — повторил он и провел пальцами по прядям.

— Скажи мне, Фиби, — спросил брат Джон, — сколько тебе лет?

— Мне десять лет, сэр.

— Отлично, — ответил он. — И ты уже получила свое первое прикосновение?

Я посмотрела на своего отца, который кивнул мне в знак ответа.

— Да, сэр.

— Она еще не до конца освоилась, но ее исследовал брат, с которым она была близка с тех пор, как была совсем маленькой. У нее есть необходимый опыт.

Мое сердце учащенно забилось, когда вспомнила брата Абея. В первый раз я лежала на кровати, когда он вошел в мою комнату и снял с меня одежду. А потом он прикоснулся ко мне. Он шептал мне на ухо Священное Писание, пока его пальцы исследовали мою кожу. А потом он сказал, чтобы я тоже прикоснулась к нему. Он часто возвращался и делал то же самое, иногда даже больше. Отец сказал мне, что такова воля Божья.

— Фиби, — сказал брат Джон, и я моргнула. — Пророк попросил тебя занять особую должность в нашей общине.

Счастье пронеслось по моему телу, и я взволнованно улыбнулась.

— Я? Пророк знает меня?

— Да, — брат Джон провел пальцем по моему лицу. — И ты должна стать особенной для него и всех братьев нашей веры.

— Я?

— Да. Ты должна стать Священной Сестрой. Ты знаешь, кто это?

— Нет, сэр.

— Это одна из самых важных должностей во всех царствах Пророка Давида.

Я тяжело сглотнула, когда брат Джон вложил свою руку в мою.

— Пойдем, дитя. Ты будешь жить со мной в коммуне, в очень особенном месте.

Я взглянула на отца, и он широко мне улыбнулся. Я чувствовала только гордость, когда брат Джон вел меня дальше от дома. Братья и сестры, мимо которых я проходила, махали мне, поздравляя. Все время я думала о нашем Пророке и о том, как мне повезло, что меня выбрали на особую должность.

Я не подведу его...

Мои глаза закатились, когда боль пронзила живот. Свет в комнате ударил по глазам, и я вскрикнула, так как от его яркости у меня заболела голова.

Я поднесла руки к голове и попыталась остановить бьющуюся пульсацию. Пот покрыл ладони, и я почувствовала, как желудок переворачивается снова и снова, пока...

Я перегнулась через край кровати и увидела ведро, стоявшее рядом. Меня стошнило. Я вздрагивала от повторяющихся спазмов, ужасные воспоминания моей юности все еще крутились в моем сознании. Когда уже нечему было выходить, и рвота перешла в сухой кашель, я попыталась прочистить голову от тумана.

Я устала, так устала.

Затем две руки обхватили меня, укладывая обратно на мокрый матрас. Я переместила свое тело и почувствовала, что мои ноги прилипли к постельному белью под ними.

— Черт, — прорычал кто-то.

Мое сердце перестало биться. Я была уверена, что посмотрю наверх и увижу Мейстера. Я не хотела Мейстера. И никогда не хотела. Я закрыла глаза, и услышала, как кто-то мечется по комнате. Я попыталась пошевелиться, но когда это сделала, то закричала от боли. Мои мышцы, все до единой, словно горели и сжигали меня изнутри. Моя рука двинулась вниз по другой руке, остановившись на середине. Ладонь скребла плоть, пока я молча искала ответ на вопрос о том, что мне было нужно.

Зелье... Мне нужно было зелье.

— Его нет, Рыжая. Придется пройти через это дерьмо вместе со мной.

Глубокий голос раздался рядом с моим ухом, а затем я оказалась в чьих-то объятиях. Только они не были похожи на объятия Мейстера, и этот мужчина не пах, как он. От него пахло сигаретами, кожей и порохом.

Меня посадили обратно на кровать, и мужчина сел рядом со мной. Я открыла глаза, но мое зрение было затуманено. Я моргала, пока оно не прояснилось. Нежная рука обхватила мой затылок, и к моим губам поднесли стакан. Прохладная вода попала мне в рот, при глотании она ощущалась как лезвие бритвы. Я осушила стакан, затем второй.

Когда захотела выпить ещё, глубокий голос сказал:

— Нет.

Я протянула руку, пытаясь вернуть воду, но мужчина встал и ушел. Попыталась сфокусироваться на его удаляющейся спине, но все, что увидела, был дьявол, смеющийся надо мной. Страх охватил меня, и крик вырвался из моего горла.

Когда мужчина вернулся, я замерла. Я наблюдала за его темными глазами, когда они встретились с моими. У него была небольшая борода и длинные волосы, как у братьев в коммуне, но он не был одним из них. Я знала, что он не один из них.

Он опустил на колени рядом со мной и откинул волосы с моего лба.

— Мне нужно...

Я задыхалась от боли, пронизывающей мое тело. Ногти скребли по расцарапанной коже на руках.

— Зелье, — умоляла я. — Мне нужно зелье.

Он покачал головой.

— Никакого зелья, Рыжая. Больше нет.

Слезы потекли по моим щекам.

Предметы начали двигаться по комнате. Входили какие-то люди, поначалу это были просто тени, потом...

— Ребекка, — крикнула я.

Она качалась в углу, истекая кровью, обожженная пожаром на Холме Погибели.

— Нет! — я попыталась пошевелиться, но кто-то держал меня.

— Это ты виновата, — сказала она своим прекрасным голосом.

Кровь заменяла ей слезы и пятнала ее идеальную кожу.

— Я не знала, — плакала я. — Просто поверила им, когда они сказали, что ты создана дьяволом.

Я зарыдала так сильно, что горло начало саднить и першить.

Затем справа появилось какое-то движение.

Я закричала от мучительной боли, когда увидела, кто движется рядом с Ребеккой. Карие глаза Сапфиры смотрели на меня, и она протянула руку. Ее нижняя губа подрагивала, а по щекам текли слезы. Я потянулась к ней, но не смогла дотронуться. Я была слишком далеко. Мне никогда не удавалось до нее добраться. Люди всегда удерживали меня.

— Ты никогда не рассказывала мне, — грустно сказала она.

Мой желудок снова сжался.

— Я не могла.

Я увидела, как кровь начала вытекать из ее носа и рта.

— Они никогда бы мне не позволили, — в горле у меня першило от слез. — Если бы я хорошо справлялась, они бы разрешили мне видеться с тобой, но они никогда бы не позволили мне говорить с тобой о таких вещах. Они никогда бы не позволили мне рассказать тебе.

— Ты позволила причинить мне боль.

Она указала на синяки на ее руках и ногах. Она задрала платье на бедрах и обнажила отпечатки рук, ссадины...

— Теперь ты в безопасности. Он выслал тебя из коммуны. Ты в безопасности.

— Подумай хорошенько.

Она подошла ближе к кровати. Когда появилась на свету, мое сердце разорвалось на части.

— Вспомни, — умоляла она.

Ее длинные светлые волосы ниспадали до пояса, а карие глаза были впалыми и печальными.

— Что вспомнить?

Сапфира покачала головой и встала рядом с Ребеккой. Они взялись за руки. Я хотела только одного — бежать к ним, присоединиться к ним, будь то на небесах или в аду. Но мужчина все ещё удерживал меня на месте.

— Ты видишь их? — я плакала, соленые слезы застилали мне глаза. — Им больно,

нужно, чтобы я их спасла! Сапфира... ей всего четырнадцать. Она ранена!

— Слишком поздно, — сказала Ребекка, и я замерла.

Сапфира отвернулась от меня, лишив мой взор своего прекрасного лица.

— Нет...

— Там никого нет, — сказал мужчина мне на ухо.

— Нет! — закричала я в ответ, его невероятная сила по-прежнему удерживала меня.

— Пройди через это. Там никого нет. В этой комнате есть только ты и я. Они в твоей голове.

— Ты лжешь, — всхлипнула я и обмякла в его руках.

Моя голова погрузилась в подушку, когда очередная волна адского огня овладела моими мышцами. Я стиснула зубы и попыталась справиться с болью. Единственное облегчение, которое я нашла, это прохладная ткань, положенная мне на голову, которая избавила мою разгоряченную кожу от выступившего пота.

— Зелье, — умоляла я, — Пожалуйста... просто дай мне зелье Мейстера.

— Нет, — прогремел голос, твердый и решительный.

Он звучал прямо надо мной. Я заставила себя открыть глаза. Лицо мужчины медленно появилось перед ними.

— Ты, — сказала я, и он замер.

Я подняла руку к его длинным каштановым волосам и провела кончиками пальцев по щетине, покрывающим верхнюю губу и подбородок.

— Я все еще у дерева?

Была ли я снаружи, на свежем воздухе? Я попыталась почувствовать запах травы и вечернего воздуха, но ничего не ощутила, ничего не могла определить.

Все было... вытеснено.

— Ты в безопасности, — сказал он успокаивающе и убрал мою руку от своего лица.

Я думала, что он отбросит мои прикосновения, как это делали все остальные мужчины. Но вместо этого он взял мою руку в свою и крепко сжал ее.

Его слова проникли в мой затуманенный мозг.

— В безопасности? — спросила я.

Он наклонил голову ближе. Я посмотрела в его карие глаза, и он кивнул. Я перестала дышать. Его глаза. Я знала его глаза...

— Добрые глаза, — прошептала я.

Он откинулся назад, вздохнув.

Поднеся его руку ко рту, я поцеловала кожу.

Мой взгляд упал на Ребекку и Сапфиру, стоящих в углу. Они все еще смотрели на меня. Только на этот раз их кожа осыпалась, волосы растворялись в воздухе, а кровь, окрасившая плоть, начала струйками стекать на пол.

— Это ты виновата, — упрекнула Ребекка. — Ты поверила им. Ты позволила им причинить нам боль.

— Нет! — я плакала, но это было бесполезно.

— Зелье, — умоляла я мужчину. — Ты должен дать мне зелье. Я больше не могу этого выносить.

Он протяжно вздохнул и открыл глаза.

— Ты должна, — просто сказал он. — Ты должна пройти через это дерьмо, чтобы тебе стало лучше.

Ярость, подобной которой я не испытывала прежде, нарастала во мне, и я оттолкнула его руку. Я плюнула на его голую грудь, разрисованную дьяволом.

— Дай его мне!

Я ударила себя по голове и оттолкнула тумбочку, стоявшую рядом с кроватью. Она упала на пол.

Я указала на свою руку и ударила по отметинам на коже.

— Сюда! Введи его СЮДА! Сейчас же!

В мгновение ока мужчина оказался верхом на мне, его огромное тело прижало мои руки к матрасу. Я плевала ему в лицо и пыталась вцепиться в его руки. Мною овладел гнев, и я позволила этому случиться, когда огонь вернулся, сжигая каждую часть меня заживо.

— ДАЙ ЕГО МНЕ! — крикнула я.

Мужчина молча смотрел на меня.

Я смотрела в ответ, выкрикивая требования, пока мой голос не прервался, когда я увидела, как последние очертания Ребекки и Сапфиры исчезают в воздухе. Моя грудь сжалась, и слезы хлынули из глаз.

— Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста...

Он покачал головой.

— Ты пройдешь через это.

— Я хочу умереть, — сказала я наконец, спустя неизвестно сколько времени.

Я потерпела неудачу.

— Дай мне умереть, — шепотом попросила я. — Помоги... мне умереть.

Голова мужчины откинулась назад, когда я произнесла эти слова. Его хватка усилилась на моем запястье, и он наклонил голову ближе.

— Ты не умрешь. Я не позволю погибнуть еще одному невинному человеку. Ты поняла меня, Рыжая? — его загорелые щеки покраснели, а глаза потемнели. — Мы проведем тебя через это. Мы здесь уже давно, осталось совсем немного. Ты не получишь свою дозу, и ты не умрешь.

Я закрыла глаза и позволила темноте забрать меня. Но я видела только Мейстера. Мейстера и Иуду в Новом Сионе.

— *Фиби! — позвал Иуда, и я подошла ближе.*

Я смотрела на мужчину, выдававшего себя за Пророка. Я распознала его ложь. Он знал, что я была в курсе. Его глаза, идентичные глазам Пророка Каина, неотрывно следили за мной. Их глаза выглядели одинаково, но в глазах Иуды всегда было что-то отличное от глаз Каина — врожденная злоба, которую нельзя было не заметить.

— *Пророк Каин.*

Я опустилась перед ним на колени.

— *Встань.*

Я выполнила приказ.

Рядом с ним стоял мужчина, которого однажды я уже видела. Он присутствовал на недавнем богослужении. Справа от Иуды стояла Сараи, девочка, которая с недавних пор стала его супругой.

— *Сестра Фиби.*

Иуда жестом указал на бритоголового мужчину, стоявшего рядом с ним.

— *Это Мейстер. Он очень привилегированный гость в Новом Сионе. Он увидел тебя на*

Дани Господней и тут же стал поклонником твоих... талантов.

Взгляд Иуды буравил меня, и я прекрасно поняла, чего он от меня хочет.

— Хорошо, Пророк Каин.

Я подошла к Мейстеру.

С каждым шагом я концентрировалась на всем, чему меня когда-либо учили. Мои бедра соблазнительно покачивались, когда я поднималась по лестнице к тому месту, где стояли мужчины. Наклонив голову, я посмотрела на него сквозь прикрытые ресницами глаза. Я откинула волосы в сторону, позволив им развеяться по ветру..

И вот я оказалась перед ним.

— Сэр, — сказала я хриплым голосом. — Пойдемте. Хочу показать вам, как мы чувствуем наших гостей.

Мейстер вложил свою руку в мою, и я вывела его из дома Пророка в свои покои. Я предложила ему присесть на краю кровати и встала перед ним. Не разрывая зрительного контакта, я убрала волосы с плеч и подняла руку, чтобы спустить рукава своего одеяния.

Мейстер затвердел под джинсами, обнаженные мышцы его рук и шеи напряглись, когда материал упал с моего тела, оставив меня обнаженной.

Я подалась вперед, достаточно медленно, чтобы он мог насладиться моим телом, но не настолько, чтобы он не начал задыхаться от моих прикосновений.

— Черт, — сказал он, когда я остановилась перед ним и провела руками по его рукам.

На его коже были нарисованы странные знаки, не похожие на те, что я видела раньше. Некоторые яркие, некоторые ужасающие. Я подняла его футболку над головой и обнажила тело. Все еще глядя ему в глаза, я скользнула грудью по его груди и нашла ртом его сосок. Я провела кончиком языка по плоти, чувствуя, как она твердеет под моими прикосновениями. Он зашипел, когда я провела зубами по рельефной коже.

Его рука переместилась на мои волосы, и вдруг он повалил меня на кровать. Я вскрикнула, ударившись об матрас. Мейстер стоял на ногах, расстегивая джинсы резкими движениями. Его голубые глаза горели похотью. Его сильные руки стянули трусы, освобождая толстый член. Используя навыки, которые прививались мне с десятилетнего возраста, я потянулась вперед и притянула его ближе к себе за мускулистые бедра.

Его член был твердым и готовым, поэтому, не останавливаясь, я обхватила его губами. Сначала я двигалась медленно, дразня и маня, но вдруг резким движением рука Мейстера вцепилась в мои волосы. Без предупреждения он вогнал себя в мой рот так, что я задохнулась. Я глотала каждый его толчок, не обращая внимания на слезы, текущие по моим щекам. А потом Мейстер вышел из моего рта и толкнул меня на спину.

— Тебе нравится грубость, шлюха? — прорычал он.

Страх поселился в моих венах.

Я соблазнила сотни мужчин. Некоторые были грубее других — я была готова ко всему. Но благодаря ненормальному блеску в глазах, Мейстер нервировал меня больше, чем кто-либо из тех, кого я встречала. Даже больше Иуды.

Мейстер накрыл мое тело собой и раздвинул ноги своими сильными руками. Я вскрикнула от боли, но это вызвало лишь улыбку на губах Мейстера.

— Тебе это нравится, шлюха? Нравится, что я могу взять у тебя все, что захочу, а ты ничего не можешь сделать, чтобы остановить меня?

Мои губы задрожали, когда я приготовилась к тому, что он собирался сделать. Но я помнила о своем предназначении и о том, чего от меня ожидали как от Священной Сестры.

— Да, сэр, — ответила я. — Я хочу, чтобы ты одолел меня. Взял против моей воли.

Приблизив губы к уху Мейстера, я лизнула мочку и прошептала:

— Я хочу, чтобы ты владел мной.

Этого оказалось достаточно, чтобы Мейстер сорвался. Он сильнее навалился и грубо вошел в меня. Я смотрела в потолок, пока он входил в меня снова и снова. Мои руки пробежались по его спине, и я позволила ему впиться в мои губы своим ртом, прикусив губу, чтобы пустить кровь. Потому что такова была моя роль в этой жизни. Ублажать мужчин, связанных с Пророком и верой.

И я была хороша в этом.

Самая одаренная Священная Сестра.

Мейстер прорычал мне в ухо о своем освобождении и прижался ко мне своим пропитанным потом телом.

Я закрыла глаза.

Проснувшись, я ахнула. Через несколько секунд комната приобрела четкие очертания. Теперь она была мне знакома. Я попробовала пошевелить руками и ногами. Они все еще болели, но уже не так, как вчера. Я сделала глубокий вдох и позволила своим легким свободно раскрыться. Было больно, когда я заполнила их до отказа, но не до такой степени, как в прошлый раз, когда я проснулась. Понятия не имела, как долго пробыла в этой комнате. Помнила, как меня тошнило. Помнила, как плакала. И помнила гнев.

Но сейчас я чувствовала себя спокойнее. Образы Ребекки и Сапфиры были далеким воспоминанием. Даже сейчас, когда я смотрела на место, которое они занимали слишком много часов, чтобы сосчитать, я видела только деревянную стену и сломанный комод.

Я обвела взглядом комнату, и увидела его.

Он наблюдал за мной. Каждый раз, когда я просыпалась — по крайней мере, те разы, что я помнила, — он был рядом. У него были царапины на коже и синяки на груди. Но он никогда не оставлял меня одну.

Что-то в моей груди сжалось от осознания. Я отказывалась верить, что это было мое сердце, так как не была уверена, что оно все еще там, ведь его столько раз разбивали. Но я подумала, что, возможно, это была благодарность. Я не знаю. Но этот человек, мужчина с добрыми глазами, остался со мной. Он избавил меня от зелья Мейстера.

Я пошевелилась на матрасе. Мой пересохший язык едва двигался во рту. Не успела я заговорить, как мужчина уже шел через комнату. Когда он подошел ближе, я увидела глубокие темные круги под глазами. Я подумала, спал ли он вообще за то время, что я была здесь. Я попыталась вспомнить, что произошло, но все, что могла увидеть, было связано с Мейстером и темной комнатой, в которой он меня держал.

И зелье, которое он мне давал. Это выделялось больше всего. Это было все, о чем я могла думать.

Мужчина сел на край кровати и взял стакан с водой, который я искала. Он сглотнул, когда наклонился ко мне своим обнаженным торсом и погладил меня по затылку. Нежнее, чем я могла себе представить, он приподнял мою голову и поднес стакан к моему рту. Я закрыла глаза, пока жидкость увлажняла мое пересохшее горло. Я делала глоток за глотком, пока стакан не был опустошен.

Когда он уложил меня обратно на подушку, я не сводила с него взгляда. Он опустил голову, разрывая зрительный контакт, и спросил хриплым голосом:

— Как ты себя чувствуешь? — его глубокий тембр засел во мне, и я смотрела, как он откидывает волосы с лица.

Я сдвинулась на кровати, и меня пронзило чувство ужаса, когда я почувствовала под собой влагу и ощутила зловоние отходов своего тела. Слезы навернулись на глаза от смущения, и я попыталась подняться.

Но руки мужчины тут же оказались на моих плечах, удерживая меня на месте.

— Не надо, бл*дь, смущаться из-за всякого дерьма, хорошо?

Я сглотнула нарастающий комок в горле.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — повторил он, на этот раз не отрывая от меня глаз ни на секунду.

Я судорожно вдохнула.

— Я... чувствую себя намного лучше... Вроде...

Плечи мужчины расслабились, как будто мой ответ был хорошей новостью, на которую он так надеялся.

— Я...

Я наклонила голову, мои щеки пылали от смущения.

— Грязная, — смахнула слезу, скатившуюся из глаза. — Я хочу помыться... если ты не против?

Я почувствовала тяжесть его взгляда на себе.

— Да, — сказал он наконец и встал с кровати.

Он вышел из комнаты, и я услышала звук льющейся воды. Я переместилась на край кровати, стиснув зубы от невероятного усилия, которое потребовалось для этого сделать. Я заметила, что на мне странная одежда, которая свисала с моего тела. Когда посмотрела на свои руки, то не увидела ничего, кроме костей и синих вен. Кожа на была покрыта красными рубцами и струпиями. Я закусилла нижнюю губу, чтобы она не дрожала.

Опираясь на стену рядом с собой, заставила себя встать. Мои ноги дрожали. Я посмотрела вниз, но мне пришлось закрыть глаза и отвернуться, когда увидела, что от меня остались одни лишь кости, обтянутые кожей.

Я открыла глаза, когда мужчина вернулся в комнату. Он смотрел на меня, проводя взглядом по моему слишком худому, разбитому телу. Я хотела прикрыться руками, но не могла пошевелиться. Его рука сжалась в кулак.

Сделав глубокий вдох, я заставила свою ногу сдвинуться с места. Один-единственный маленький шаг казался мне подъемом на самую высокую гору. Мое дыхание стало затрудненным, и пот выступил на и без того горячей коже. И все же я шла вперед. Мне нужно было помыться. Я видела, что сделала с бельем, на котором лежала. Унижение послужило прекрасным стимулом для того, чтобы добраться до очищающей воды.

Когда подошла к мужчине, он протянул руки, чтобы я взяла их. Но покачав головой, решила, что сделаю это одна. Я последовала за звуком воды в маленькую ванную комнату. Пар от душа коснулся моей кожи и стал бальзамом для моих уставших костей.

— Полотенце там. Я буду в конце коридора, если понадобится, — сказал он позади меня.

Я не обернулась, чтобы ответить.

— Спасибо.

Дверь закрылась за мной, и я опустилась на закрытое сиденье унитаза. Я вдохнула пар, давая себе время собраться с силами. Посмотрела на душ — сейчас я жаждала его больше, чем зелье Мейстера.

Мне потребовалось слишком много минут, чтобы избавиться от испачканной одежды, которая на мне была, и еще больше времени, чтобы войти в душ. Но как только струи воды коснулись моей головы, на меня обрушился шквал усталости и боли. Я изо всех сил пыталась справиться с туманом, который застилал мой разум.

Меня окутало смятение. Как я здесь оказалась? Что со мной случилось? Почему я была такой худой? Где был Мейстер?

При мысли о Мейстере у меня подкосились ноги. Я с грохотом рухнула на пол душевой. Страх овладел мной, и я едва могла пошевелиться. Слезы катились по моему лицу и смешивались с водой, льющейся сверху.

Мурашки пробежали по коже, когда в голове пронеслись воспоминания о том, как Мейстер привязывал меня к креслу, причиняя боль. Я уперлась руками в стенки душа и попыталась встать, но не могла пошевелиться. Мои предательские мышцы не слушались и сделали меня слишком слабой, чтобы сдвинуться с места.

Я наклонила голову к струям воды, пытаясь смыть ощущение Мейстера на своей коже, очистить воспоминания о нем из моего сознания. И как раз в тот момент, когда я начала плакать от разочарования, дверь в ванную открылась, и вошел мужчина, который присматривал за мной. Он бросился ко мне и наклонился, крепко обхватив руками. От него пахло сигаретным дымом. В спальне это не ощущалось так сильно.

— Я упала, — смогла произнести я, когда обрела голос. — И... не смогла подняться.

— Все в порядке, Рыжая, — успокоил он меня и вывел из душа.

— Нет! — запротестовала я, сумев добавить немного силы в свой голос. — Пожалуйста.

Я протянула руку к душевой кабине, страстно желая быть чистой. Чувствовала себя не тем человеком, я ощущала себя грязной, внутри и снаружи.

В его объятиях мое тело дрожало от холода.

— Ты хочешь, чтобы я тебя помыл? — спросил он.

Я положила голову ему на грудь, чтобы он не видел моего смущения.

— Пожалуйста...

Мужчина глубоко вздохнул, затем повернулся и подошел к все еще включенному душу. Я думала, что он будет стоять позади меня и придерживать, пока я пытаюсь помыться. Но никак не ожидала, что он прямо в джинсах войдет внутрь вместе со мной. Он держал меня в своих объятиях. Он поставил мои ноги на пол и обнял меня одной рукой. Другой он набрал немного шампуня в ладонь и начал втирать его в мои волосы. Я закрыла глаза. Затем вздохнула от облегчения, когда его рука провела по моей коже, смывая пот и вонь, которые я находила такими отвратительными. А после он просто держал меня, когда я стояла под горячими струями. Он стоял позади меня, как опора. Мужчина молчал, пока последние капли мыла смывались с моего тела. Он не произнес ни слова, пока вода не стала остывать, и он тихо спросил:

— Достаточно?

Он выключил душ и завернул меня в полотенце. Усадил меня обратно на закрытое сиденье унитаза, пока сушил мои волосы вторым полотенцем. Я вздохнула, когда его руки массировали кожу головы. И открыла глаза. Открыла и оказалась лицом к лицу с этим человеком. Он не смотрел на меня, настолько он был сосредоточен на своей задаче. Волна

чего-то неведомого пронеслась сквозь меня, когда я поняла, что за всю мою жизнь ни один мужчина не заботился обо мне так, как он, тем более совершенно незнакомый.

Ангел. Это ласковое слово промелькнуло у меня в голове.

Его темные волосы были влажными. Джинсы мокрыми, создавая лужу у его ног. Завороженная этой странной доброй душой, этим мужчиной, я положила руку на его запястье. Он замер, как только мои пальцы коснулись его кожи, но осторожно встретил мой взгляд.

— Как... — пролепетала я. — Как тебя зовут?

Темные глаза мужчины чуть сузились. Он убрал руки с моих волос.

— АК.

— АК, — тихо повторила я, ощущая на своих губах необычность его имени.

Не зная, что еще сделать, я поднесла его запястье к своему рту и прижалась одним благодарным поцелуем к пульсу. Я почувствовала, как он ускоряется под моими губами, и услышала его внезапный вздох.

— Мы уже встречались раньше, да?

Он отвел взгляд.

— Однажды.

— У дерева, — сказала я.

Он кивнул в подтверждение. Внезапный прилив эмоций захлестнул мое сердце.

— Ты помог спасти мою Ребекку.

Я поморщилась, борясь со слезами. Затем вспомнила его глаза, волосы и запах, уже такой знакомый.

— Ты пощадил мою жизнь, когда мог уничтожить.

Вздохнув, он неохотно посмотрел на меня.

— Ты ни черта не сделала плохого.

Его слова не были бальзамом, скорее тяжелым металлическим шипом, пронзившим мою совесть.

— Это спорно, — ответила я.

Он изучал меня, его темные глаза оценивали. Я тяжело сглотнула под его пристальным вниманием. Открыла рот, чтобы заговорить. Но слова так и не вышли. Я не могла выразить свой стыд, свою полную вину за то, что была сестрой, которая позаботилась о том, чтобы Ребекка с раннего возраста стала дьявольской девочкой, как считали все в коммуне.

По правде говоря, это я — была девочкой дьявола. Я позволила мужчинам причинить боль ребенку, что еще хуже, я поощряла Ребекку верить, что она сама является злом.

Что она, должно быть, думала обо мне...

— Она здесь.

Кровь, которая плавно текла по моему телу, превратилась в стремительный поток. Я уставилась на АК. Он встретил мой взгляд и осторожно кивнул.

— Р-Ребекка? — я заикалась, уверенная, что ослышалась.

— Лила, — АК отступил назад. — Твоя сестра. Она здесь. Она живет здесь.

АК протянул руку, чтобы я взяла ее. Он хотел, чтобы я встала на ноги. Но это было невозможно. Миллион эмоций пронеслось в моей голове, пока его слова доходили до меня. Она была здесь? Здесь, в этом месте?

— Люди Дьявола, — сказала я, мой голос надломился.

АК нахмурил брови.

— Мы — Палачи Аида. И твоя сестра теперь принадлежит одному из нас.

— Мужчина с длинными светлыми волосами.

— Кай.

Кай. Я прокрутила это имя в голове, смакуя знакомый слог в памяти. Ребекка любила его. Она говорила мне об этом до того, как ее наказали.

Образ за образом Ребекки заполнял мой разум. Ее красивая улыбка, длинные светлые волосы, опустошение на ее лице, когда они публично судили ее в Новом Сионе. Ее лицо, когда она смотрела на меня с такой болезненной покорностью в глазах. Решимость, что ее жизнь всегда будет заканчиваться именно так. И что она была окающей, которой они ее выставили. Проклятая женщина из рода Евы. Истина, в которую я так долго верила. Титул, который мучил ее всю жизнь.

— Она... она счастлива? — спросила я.

АК кивнул, на его губах появилась небольшая улыбка, и я не смогла бы остановить слезы, даже если бы попыталась.

— Счастлива, — сказал он хрипло, и моя голова упала вперед.

Мокрые волосы скрыли мое лицо, и я закрыла рот руками. Я позволила облегчению вылиться из моего тела. Она была счастлива. Я не знала наверняка. Но она была счастлива. Я не могла желать ничего большего.

АК вышел из комнаты. Затем вернулся и встал в дверях, держа в руках одежду. Я не могла разобрать выражение его лица, когда он наблюдал за мной.

«Его было трудно понять», — подумала я.

Он носил нейтральную маску, которая скрывала его истинные чувства.

Он воздвиг вокруг себя стены для защиты. Я знала это, потому что узнала в нем себя. Я задавалась вопросом: почему?

— Одевайся. А потом тебе нужно поесть.

Мысль о еде вызвала у меня тошноту. Я покачала головой, собираясь протестовать, когда АК сказал:

— Ты не ела почти неделю, пока отходила от наркотиков. Это будет нелегко, Рыжая, но ты должна что-нибудь съесть, — он указал на меня. — Сейчас ты просто мешок с костями.

Он ушел и оставил меня одну. Я взяла одежду, которую он положил на тумбу. Это была длинная футболка и брюки свободного кроя из мягкой на ощупь ткани. Они оказались слишком велики, но я смогла завязать их на своей тонкой талии с помощью шнурка на поясе.

Опираясь на стену для равновесия, я встала и подошла к раковине. Там лежала новая зубная щетка и расческа. Я почистила зубы, и когда рот был чист и свеж, я заставила себя посмотреть на отражение, которого избегала.

Я задохнулась, глядя на девушку в зеркале. Ее кожа была тусклой и серой. Ее кости торчали, а волосы безвольно свисали по бокам. Затем мой взгляд упал на отметины на внутренней стороне ее рук. Десятки отметин, которые уродовали ее бледную, веснушчатую кожу. Я провела кончиками пальцев по этим отметинам, почти ощущая, как игла прокалывает кожу, а небесное зелье, словно чистый солнечный свет, проникает в мои вены. Мое тело покачнулось, а глаза закрылись, когда я вспомнила, как это зелье отвлекало меня от боли и тягот.

Я споткнулась, и мои глаза открылись. При одной мысли о зелье мои щеки покраснели. В животе поселился ужас. Я жаждала зелья больше, чем еды, воды или чего-либо еще. Но потом я подумала о Ребекке, которая была здесь, в этом месте, в безопасности и счастливой,

и заставила себя взять расческу. Сконцентрировавшись на ее лице, ее улыбке и надежде, что Грейс добралась до нее живой, я провела щетинками по волосам, пока длинные рыжие пряди не стали прямыми и гладкими.

«Рыжая», — подумала я, глядя на свое отражение. — «АК назвал меня Рыжей».

Из-за цвета моих волос.

Я удивилась, когда на моих губах мелькнула улыбка. Не знаю почему, но мне нравилось это прозвище. Не Фиби. Не шлюха... а просто Рыжая.

Я открыла дверь и медленно, болезненно заставила свои ноги нести меня в том направлении, куда ушел АК. Запах еды почти заставил вернуться обратно в ванную, меня снова затошнило. Но я боролась с этим, решив продолжать двигаться.

Когда я дошла до кухни, АК стоял у плиты и готовил еду. Я не осознавала, что остановилась в дверях, очарованная им, пока он не оглянулся через плечо и не замер. Он переоделся в спортивные брюки, а его волосы были убраны с лица.

Он был невероятно красив. Я не понимала, почему на моих щеках появился румянец, когда эта мысль пришла мне в голову. Мужчины не влияли на меня. Никогда. И все же я была здесь, краснея, как будто ни разу не ощущала прикосновения мужчины.

— Хочешь присесть?

Он дернул подбородком в сторону стола, стоявшего в конце комнаты.

Я села, и АК поставил передо мной кружку. Я узнала этот запах.

— Кофе, — сказал он и вернулся к плите.

— Никогда не пробовала.

Я наклонилась, чтобы понюхать жидкость, но мне пришлось отвернуться от запаха.

— Попробуй, — ободряюще сказал он, ставя передо мной тарелку с едой.

Бекон и яйца. Он пожал плечами и сел напротив меня.

— Я не очень хорошо готовлю, но даже я не могу испортить это.

Я неуверенно разрезала еду. Поднесла небольшое количество ко рту и заставила себя жевать. На вкус она была как опилки. Проглотить её было сопоставимо глотанию лезвия бритвы. Но я продолжала это делать. Я знала, что должна.

АК смотрел в окно, пока я ела столько, сколько могла, это было не так уж много. Когда закончила, то положила столовые приборы и спросила:

— Почему?

АК медленно повернулся ко мне лицом. Я отхлебнула небольшое количество кофе, поморщившись, когда горячая жидкость обожгла горло. Но мне понравилось.

— Почему, что? — переспросил он.

Мой взгляд упал на его обнаженный торс и массу татуировок на коже.

— Я? — ответила я, наконец-то вернув свое внимание к его глазам. — Почему... почему ты помог мне?

Инстинктивно моя ладонь провела по отметинам на внутренней стороне другой руки.

— Почему ты забрал меня у... него? — опутив взгляд, уставилась в темную бездну своей кофейной чашки. — Почему тебя это волнует? Ты не знаешь меня.

— Просто сделал, и все, — ответил он наконец.

По его жесткой позе я поняла, что он больше ничего мне не скажет. И это было нормально. Ему не нужно было ничего объяснять. Он по какой-то причине спас меня от Мейстера. В конце концов, это было все, что мне нужно было знать.

— Спасибо, — прошептала я, не встречаясь с ним взглядом. — Спасибо, что спас меня.

Я услышала, как участилось его дыхание, и почувствовала, что он хочет что-то сказать. Но прежде, чем он успел ответить, раздался стук в дверь.

Я вскинула голову, подумав, кто бы это мог быть.

АК встал и открыл дверь. Когда гость вошел внутрь, мое сердце наполнилось светом. Он увидел меня, сидящую за столом, и замер.

— Фиби, — вздохнул он.

В неверии я поднесла руку ко рту. За ним вошла женщина. Она была красива, с длинными черными волосами и голубыми глазами. Прежде, чем я смогла разглядеть ее, Каин пересек комнату и заключил меня в объятия. Слезы хлынули из моих глаз, когда я упала в его знакомые руки. Он был одет в черную футболку и джинсы... а его длинные волосы исчезли. Я плакала у него на плече, захлебываясь рыданиями, пока он не отстранился. Его глаза осмотрели меня, и он улыбнулся.

Я узнала эту добрую улыбку.

Затем мимо него протиснулась женщина.

— Фиби, — вздохнула она и обняла меня с той же силой.

Я нахмурилась в замешательстве, недоумевая, откуда она меня знает. Затем она отстранилась, и я изучила ее лицо. Ее волосы были другого цвета, как и глаза, но она была, это была...

— Хармони? — прошептала я в недоумении, затем прижала ее к себе так сильно, как только могла.

Хармони отступила назад и улыбнулась мне. Ее рука провела по моему лицу.

— Я Белла, Фиби. Мое настоящее имя — Белла, — она показала на свои волосы и глаза. — Я была замаскирована в Новом Сионе. Это — настоящая я.

— Белла? — я покачала головой в замешательстве.

Я не понимала.

— Все в порядке, — сказала Харм... нет, Белла. — Мы все объясним тебе со временем.

Я посмотрела на Каина, но тут же вспомнила Иуду. Я сглотнула, и Каин поднялся на ноги.

— Он убил их всех, — сказал он, прочитав мои мысли. Его выражение лица наполнилось мукой. — Я... Я убил его, Фиби. Я должен был его остановить.

От шока я потеряла дар речи. Белла взяла руку Каина в свою и приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку.

«Они были вместе», — поняла я.

Меня пронзила зависть. Настолько, что у меня защемило сердце. Каин закрыл глаза под ласками Беллы, затем глубоко вздохнул и повернулся ко мне. Я искала в его глазах ответ на вопрос, который не решалась задать.

— Она в безопасности, — сказал он.

Я затаила дыхание, считая, что в это невозможно поверить.

— Мы вытащили ее, — он улыбнулся. — Она с твоей сестрой. Здесь. В безопасности и счастлива.

— Грейс.

Я закрыла глаза, когда облегчение охватило меня.

Он вытащил ее. Грейс была в безопасности. Она была с Ребеккой.

— Мне нужно их увидеть.

— После того, как он осмотрит тебя, — раздался голос АК из глубины кухни.

Его поза была напряженной, а глаза следили за каждым движением Каина. Я не понимала, в чем дело.

— Осмотри ее, — сказал он Каину. — Она уже прошла через худшее из дерьма.

Его тон был холодным, почти жестоким. Я нахмурила брови в замешательстве. Каин подошел ко мне, держа в руках большую сумку, его щеки покраснели от смущения.

— Я был обучен как целитель, Фиби. Я здесь, чтобы проверить, все ли с тобой в порядке. Мейстер подсадил тебя на множество препаратов, я не совсем уверен в их количестве. АК помог тебе избавиться от них.

Я кивнула, все еще не понимая, почему АК сменил доброту на злость в присутствии Каина. Но ничего не сказала по этому поводу. Вместо этого я просто наблюдала за АК, пока Каин осматривал меня. Я наблюдала, как взгляд АК не покидал меня.

И от этого я ощущала... тепло.

Я не могла понять почему, ведь совсем не знала его.

Но я была уверена в том, что это чувство, — это тепло, которое он приносил мне, — было настоящим.

АК

— Да, я такой, сучка! Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, что ты отсасываешь мне? Я рассмеялся над Виком, когда он сел обратно на свое место.

— Бл*дь, она мне почти весь лобок сняла своими гребаными зубами! Мог бы и прихлопнуть эту шлюху.

— Может, тебе, бл*дь, нужно подстричь свой куст, чтобы волосы на лобке не попадали ей в рот, ты когда-нибудь думал об этом?

— Отвали, — Вик покачал головой. — Я отрастил гребаный куст в стиле восьмидесятых и горжусь этим.

— Единственный, бл*дь, кто гордится, — сказал я. — Ты ведь знаешь, что если побреешься, твой член будет казаться больше? Волосы только скрывают истинный размер.

Рука Вика остановилась, напиток был почти у его рта, когда он посмотрел на меня.

— Правда?

— Это наука, брат, — я вскинул брови.

— Дерьмо! Тогда прощай, куст, это все, что я могу сказать.

Я смеялся, чертовски сильно смеялся над своим братом, пока он делал глоток своего пива. По его серьезному сосредоточенному выражению лица я понял, что он планирует подстричь свой гребаный куст, как только вернется домой.

— Как насчет тебя, Флейм?

Я посмотрел на брата поверх костра. Но он уже наблюдал за мной. Чертовы черные глаза буравили меня.

— Что? — спросил я, моя нахальная улыбка все еще была на лице.

Я увидел, как у него сжалась челюсть, а затем Флейм поднялся со своего места. Не оглядываясь, он выбежал с моего заднего двора и направился к своему дому.

— Что, бл*дь, с ним такое? — спросил Вик.

Я покачал головой и посмотрел в ту сторону, куда он ушел.

— Понятия не имею.

Я выпил остатки пива и открыл еще одно.

Вик потянулся в карман своей куртки и достал Зиплок (Ziploc — это марка многоразовых, повторно закрывающихся пакетов и контейнеров на молнии). Я прищурился, пытаюсь разглядеть, что в нем было. Вик открыл пакет, и я увидел внутри ломтик ананаса. Он начал грызть фрукт. И тут я не сдержался. Я смеялся так, что у меня заболел живот.

— Что? — спросил он, запихивая в рот последний желтый плод.

— Это из-за того, что Ковбой сказал в грузовике?

Вик дожевал, затем вытер рот предплечьем.

— От этого моя сперма должна пахнуть тропиками и прочим дерьмом, я буду заказывать эту дрянь целыми ящиками, — он улыбнулся. — На самом деле, я чувствую потребность протестировать это. Хочешь пойти в клуб?

Я покачал головой.

— Надо остаться. Фиби завтра собирается к Ли и Каю. Она впервые увидит сестру с тех пор, как Иуда пытался распять ее в секте.

Вик поднялся на ноги.

— Хорошо. Тогда мы сможем отойти от этого дерьма и вернуться к нормальной жизни. Чертовски ненавижу эту неделю. Флейм не оставляет Мэдди, а ты не оставляешь Рыжую. Мне, бл*дь, скучно, когда вас нет.

Вик бросил свою пустую бутылку в урну.

— По крайней мере, эта сучка исчезнет из твоих мыслей. Мне не нравится, какой ты рядом с ней. Весь такой угрюмый и дерьмово выглядишь. По крайней мере, теперь ты придешь в норму.

Я подмигнул, улыбаясь, когда Вик покинул мой двор. Подождал, пока не услышал звук его мотоцикла, а затем сбросил свою гребаную улыбку. Я ссутулился на своем сиденье и провел рукой по лицу. Мой желудок сжался, когда я подумал о Фиби, лежащей на моей гребаной кровати.

Она брыкалась, когда я прижимал ее к себе, глаза в один момент горели яростью, а в другой — были потеряны, когда яд покидал ее вены.

Я подумал, не был ли и он таким. Интересно, выглядел ли он также, чертовски разбитым, но диким, когда громил спальню, требуя еще наркотиков? Была ли ему нужна уборка после этого, потому что он был слишком слаб? Слишком долбанутый, чтобы что-то делать, о чем-то думать, кроме как о следующей дозе.

Я зажмурил глаза, пытаюсь прогнать эти мысли из головы. Звук открывающейся двери домика прорезал тишину ночи. Фиби вышла на веранду, закутанная в одеяло.

Я выпрямился, уронив пиво.

— Ты в порядке?

Я пробежался по ней глазами, чтобы убедиться, что она не пострадала.

— Да, — тихо ответила она и подошла к тому месту, где я сидел.

Я затаил дыхание при виде того, как она идет ко мне. Даже уставшая и слишком худая, эта сучка была сногсшибательна. Ее глаза были опущены, когда она нависла над сиденьем рядом со мной, тем самым, на котором сидел Вик.

— Можно? — она кивнула в направлении кресла.

— Да, — ответил я, и Фиби села.

Она поплотнее затянула одеяло вокруг своего тела.

— Тебе холодно? — спросил я.

Ночь была охренительно теплой.

Фиби подняла на меня глаза, перехватывая мое чертово дыхание.

— Меня бросает то в жар, то в холод. Сейчас я изо всех сил пытаюсь согреться, — она указала на пламя. — Я увидела тебя здесь и подумала, не поможет ли мне огонь.

Костер горел довольно сильно, и когда я смотрел на ее лицо, на оранжевые отблески пламени, отражающиеся на ее щеках, мне было трудно отвести взгляд. Прочистив горло, я сказал:

— Я слышал об этом. Невозможность регулировать температуру тела в течение некоторого времени. Последствия детоксикации.

Фиби одарила меня вымученной улыбкой.

— Я подозреваю, что это так.

Она откинулась на спинку стула, и ее взгляд потерялся в огне. Я закурил и сам уставился на пламя. Прошло совсем немного времени, и я почувствовал, что Фиби смотрит на меня. Когда я повернулся и поймал ее взгляд, ее голубые глаза изучали меня, словно

препарируя каждую черту моего лица.

— Что? — спросил я.

— Ты ведешь себя с ними по-другому.

Я нахмурил брови.

— С кем?

— С твоими друзьями. Теми, что были здесь сегодня вечером.

— Ты наблюдала за нами? — спросил я.

Ее щеки запылали от смущения.

— Мне нужно было попить воды и подышать свежим воздухом. Но когда я увидела их с тобой, то решила подождать, пока они уйдут. Я... Я не готова видеть никого... никого, кроме тебя.

Ее губы изогнулись в уголках, когда она произнесла это дерьмо, и Господи, если моя грудь не сжалась от этого. Но это точно произошло, когда она наклонилась в мою сторону, ее лицо было так чертовски близко к моему.

— Ты смеялся и шутил. Ты был игривым и дурачился.

Я хотел рассмеяться, сказать ей, что именно таким я и был на самом деле, но эта сучка не смеялась. Она даже больше не улыбалась.

— Ты носишь маску, АК.

Она наклонила голову в сторону, в то время как мое сердце ударялось о грудную клетку и не унималось.

— Ты смеялся и шутил, но твои глаза... — Фиби протянула руку и провела пальцами указывая на них. — Твои глаза оставались затравленными. Ты видел что-то, и даже, когда ты веселишься, видение этого не уходит.

Я застыл, чертовски неподвижно. Фиби опустила глаза, затем села на свое место и уставилась на огонь.

— Я наблюдала за тобой и размышляла, почему ты изображаешь из себя двух людей. И думаю, нашла ответ — потому что ты хочешь найти счастье в той обуви, которую сейчас носишь, — она повернулась ко мне и впиалась в меня своими голубыми глазами. — Не в той обуви, которую ты когда-то носил. Та, что причинила тебе боль, натерла мозоли на ногах и сердце... навсегда.

— Да? — ответил я, мой предательский голос подвел меня, от ее меткости. — Откуда ты знаешь?

— Потому что только тот, кто ходил в похожей обуви, кто прошел по знакомому пути, может увидеть это.

Фиби согнула колени и провела руками по своим ногам. Они все еще были в порезах и отметилах, появившихся в городе-призраке.

— Эти шрамы поблекнут, но никогда не исчезнут. Так же, как и у тебя, АК. Игривость, которую ты проявляешь в компании своих друзей, сохранится, но твои глаза навсегда обнажат твою душу тому, кто по-настоящему узнает ее.

— Что ты видишь в моих глазах? — спросил я, моя гребаная кровь отхлынула от лица.

Мои чертовы ладони вспотели, пальцы дрожали, пепел от сигареты падал на джинсы.

— Кое-кто ищет благодати, — Фиби рассмеялась смехом, в котором не было ни капли юмора. — Незнакомые с нашей болью люди, те, кто еще не был брошен на ту же каменистую дорогу, не узнают в тебе попутчика, отчаянно ищущего то, что лежит в конце пути, — она глубоко вздохнула. — Прощение. Но те из нас, кто уже прошел много миль по этой дороге,

увидят тебя. Мы увидим в тебе родственную душу.

Она не давила на меня. Она не спросила, что я могу скрывать. Нет, она просто вскрыла мою чертову грудь, обнажила мою душу, а затем выставила ее на обозрение своим голубым глазам.

Руки Фиби вылезли из-под одеяла, и она протянула ладони к огню. Я увидел, как ее глаза переместились на руки, а затем она издала один смешок.

— Мои веснушки. Мои миллионы веснушек выделяются на фоне бледной кожи, как неоновый свет в отблесках этого огня, — она пожала плечами. — Они мне всегда не нравились, — она провела рукой по лицу. — Особенно те, что на моем лице. Я чувствовала, что они портили мою внешность. Заставляли меня выделяться из толпы.

Конечно, бл*дь, они это делали. Она выделялась на целую милю. Но не в плохом смысле. После недели, проведенной с ней в одном доме, я был уверен, что она была самой сногшибательной сучкой, которую я когда-либо видел.

Я посмотрел на ночное небо, потом снова на Фиби.

— Посмотри наверх.

Фиби перевела свой взгляд на меня.

— Посмотри на небо, — сказал я снова.

Она посмотрела. Я наблюдал, как на ее губах появилась чертовски огромная улыбка.

— Там так много звезд, — прошептала она.

— Представь себе небо без них.

Фиби посмотрела на меня в замешательстве.

— Зачем мне это делать? Звезды ведь делают небо таким красивым. Из-за них люди любят на него смотреть. Чтобы увидеть их красоту.

— Думай о своем лице, как о небе. Веснушки, как звезды, только усиливают впечатление от зрелища.

Глаза Фиби расширились настолько, что ресницы практически прижались к бровям. Она моргала, бл*дь, просто молча моргала, заставляя меня чувствовать себя гребаным идиотом. Затем ее глаза заблестели.

— Спасибо, — прошептала она, как будто никогда в жизни не получала комплиментов.

Но это была правда. Я не мог представить это чертовски красивое лицо без веснушек так же, как не мог представить ночное небо без звезд.

— АК? — спросила она несколько минут спустя.

— Ммм?

— Я должна покинуть тебя завтра?

Мой желудок перевернулся. Меня скрутило от одной мысли о том, что она уйдет, и не в мою постель.

— Да. Тебе нужно снова увидеть свою сестру. Не хотел привозить ее сюда, когда ты была в таком состоянии. Теперь тебе лучше, пора бы ей знать, что ты в безопасности.

Фиби сглотнула, затем заставила себя улыбнуться.

— По крайней мере, ты снова будешь спать. Я заметила, что всю неделю тебе удавалось поспать не больше пары часов за ночь. Твоя кровать, свободная от меня, снова вернет тебе мирный сон.

— Я и так мало сплю, Рыжая, — сказал я и почувствовал истинность этого факта до самых костей.

— Еще одна причина, по которой ты похож на меня, — сказала она. — Тебе нужно

спать, но ты ужасно боишься того, что ждет тебя в темноте.

— Что-то вроде того.

— Да, — только и сказала она, закончив разговор.

— Здесь очень красиво, — добавила она позже, жестом обводя двор. — Так спокойно. В окружении деревьев, которые защищают и оберегают тебя.

Она замолчала, затем посмотрела вниз на свою руку, протянула ее и взглянула на меня.

— Я кое-что помню, — сказала она, ее голос дрожал. — Мы были в лесу. Ты сказал мне держаться.

Фиби переместила свою руку к моей на подлокотник моего кресла.

— Ты накрыл мою руку вот так, — она положила свою руку на мою. — Да, — тихо сказала она. — Вот так. Ты сказал мне, что пришел за мной. Но я должна была просто подождать еще немного, — ее глаза встретились с моими. — Я попросила тебя остаться со мной, поддержать меня за руку.

Фиби пропустила свои пальцы сквозь мои, и мое сердце остановилось, как будто я был чертовым ссыкливым ребенком.

— Ты соединил их так крепко, так прочно, что это помогло мне пережить боль, — глубокий вдох. — Ты помог мне пережить боль, пока мы сидели на мягкой траве.

Фиби вдохнула, глаза закрылись. Открыв глаза, она сказала:

— Кожа. Когда моя голова лежала на твоём плече, я чувствовала запах твоей кожаной одежды. Я чувствовала твое благородство, твое уверенное присутствие.

— Ничего этого не было, — сказал я, не желая, чтобы она убирала свои чертовы руки.

Я устался на ее ладонь в своей и был готов поклясться, что никогда в своей жалкой жизни не чувствовал ничего подобного.

— Возможно, это был ангел в моих снах.

Я посмотрел на ее лицо.

— Да, — сказала она, ее лицо было воодушевленным, как будто она только что что-то поняла. — Ангел, замаскированный под дьявола. Дьявольский мужчина с ангельскими глазами. Добрыми глазами...

Добрые глаза. Опять эти чертовы слова.

— Это не имеет смысла, Рыжая, — прохрипел я.

— Для меня имеет, — ответила она, все еще наблюдая за нашими руками.

— Ты помнишь что-то еще?

Я пожалел, что спросил об этом, потому что, когда это сделал, ее рука соскользнула с моей, и она обхватила обеими руками свои согнутые ноги.

— Нет, — она глубоко вздохнула. — Больше ничего. Только черная пустота. Есть проблески, но, как и ты в лесу, я не знаю, являются ли эти воспоминания реальностью или плодом моего воображения.

Она потеряла глаза.

— Время и память были украдены у меня. Хотя я знаю, что воспоминания будет трудно пережить, я бы хотела, чтобы они не были скрыты. Лучше знать, не так ли? Даже если правда может принести больше вреда, чем пользы, — губы Фиби сжались. — Ложь — дело рук дьявола. Ложь. Все, что я когда-либо знала, было ложью.

— Со временем ты сможешь их вернуть, — сказал я, и Фиби зевнула.

Она улыбнулась в ответ, но я видел, что с нее хватит разговоров. Поплотнее закутавшись в одеяло, она поднялась на ноги и повернулась к двери. Но, прежде чем уйти, она

остановилась передо мной. Взяв мою руку в свою, она сказала:

— Я благодарна тебе за то, что ты для меня сделал.

Я кивнул, не зная, как воспринять этот чертов комплимент. Фиби наклонилась и поцеловала меня в макушку.

— Я всегда буду смотреть на свои веснушки и на звезды с новым осознанием. Спасибо тебе.

После этого она вернулась в дом.

Когда дверь закрылась, я глубоко вздохнул. И пока продолжал сидеть, обдумывая все, что она сказала, я чувствовал себя разорванным на части. Никто. Никто, бл*дь, ни один человек не читал меня так. Как гребаную книгу. Чертова Рыжая с ее большими голубыми глазами и миллионом веснушек.

Я откинул голову и посмотрел на звезды. Я знал, что больше никогда не увижу их такими, какими видел раньше. И был этому рад, потому что завтра она уйдет, и все, что у меня останется от нее, будут звезды.

Звезды и шрамы на моих ногах. Шрамы, которые были скрыты, которые были приобретены на пути к благодати. Но, по крайней мере, я мог утешиться, зная, что у нее они тоже есть.

Впервые за долгое время я не чувствовал себя таким чертовски одиноким. И все из-за Рыжей.

Рыжей и ее гребаного лица с веснушками.

Флейм

— Флейм?

Я провел лезвием по руке, сидя на полу. Моя голова. Моя гребаная голова была забита этими сучками. Наркотиками. Этими мудаками из Клана, которые их трахали. Заставляя их кричать. Причиняя боль моим чертовым ушам. Заставляя меня нуждаться в том, чтобы убить. Пролить кровь.

— Флейм? — голос Мэдди прорвался сквозь мои мысли, и я поднял голову.

Она стояла надо мной. По ее глазам было видно, что она разочарована. Теперь я знал, как это выглядит. Я знал, что означают все ее взгляды. Теперь я понимал ее больше. Все было лучше.

Было лучше...

Мэдди опустилась на колени напротив меня. Я почувствовал, что мое сердце забилося быстрее. Это всегда происходило, когда она приближалась ко мне. Когда я смотрел на ее длинные черные волосы и зеленые глаза. Мое тело не пыталось убежать или отбиться от нее. Оно хотело ее.

Я хотел ее.

— Малыш, — прошептала она и положила свою ладонь на мою руку.

Там были следы от ножа, но лезвие было тупым. Это было сделано для того, чтобы я не мог пораниться. Мне это было не нужно, когда я находился с Мэдди. Но теперь у меня были новые раны. Раны от того гребаного Клановского ада.

Они заставили меня порезаться. Из-за них Мэдди расстроилась, что я порезался. Из-за них я хотел вернуться и убить их еще сильнее. Медленно, слыша их крики вместо криков сучек, которых они поймали в ловушку. Таких сучек, как...

— Флейм?

Мэдди вытащила у меня из рук нож. Она отбросила его в сторону. Я уставился на нее. На ней было длинное черное платье и нашивка с моим именем на спине.

— Ты красивая, — сказал я, и Мэдди замерла.

Ее голова склонилась набок, и она улыбнулась. Я любил, когда она улыбалась. Но эта улыбка была другой. Она была не такой полной и не такой широкой как обычно. Это была не улыбка моей Мэдди.

— Спасибо, — сказала она и протянула руку.

Она провела пальцами по моей щеке.

— Я хочу прилечь, Флейм. Присоединишься ко мне?

Я кивнул, наблюдая, как Мэдди поднимается на ноги. Она протянула руку. Я взял ее и встал с пола. Она повела меня из гостиной в нашу спальню. Мне нравилась наша спальня. В ней пахло Мэдди. Здесь пахло Мэдди, пока она была со мной.

Она забралась на кровать, и я прилег рядом с ней. Мы положили головы на подушку, и она взяла меня за руку. Я посмотрел на наши руки. Это всегда помогало мне чувствовать себя лучше.

— Флейм? — сказала Мэдди, и я поднял голову, посмотрев ей в лицо. — Посмотри на меня.

Я заставил свои глаза смотреть в ее.

— Вот, — она откинула мои волосы с лица.

Но мой взгляд вернулся к нашим рукам, когда я почувствовал, как ее пальцы провели по моему обручальному кольцу.

— Я люблю тебя, Флейм, — сказала Мэдди.

Я закрыл глаза, и снова услышал эти слова.

— Люблю тебя больше всего на свете.

Я открыл глаза и, когда смог, посмотрел на Мэдди.

— Я тоже тебя люблю, — сказал я, и на этот раз она улыбнулась своей настоящей улыбкой.

Я расслабился и придвинулся ближе к ней.

Мэдди поцеловала меня в нос.

— Почему ты был на полу, когда я вошла? — я нахмурился. — Ты был на том месте, где раньше находился люк.

— Правда?

Мэдди кивнула. Она взяла мою руку и провела ладонью по новым шрамам.

— Почему ты мечтаешь о порезах? Почему ты порезался во время побега?

Я видел сучек в своей голове. Видел, как мужчины Клана трахали их. Помнил их лица. Кровь. Сперму. Пот.

Из моего рта вырвался гребаный рык.

— Ш-ш-ш, — прошептала Мэдди и положила руку мне на лоб.

— Это могла быть ты.

Я зажмурился. Но каждый раз, когда закрывал глаза, видел ее на одной из кроватей. Видел ее в одном из тех платьев. С капельницей, о которой мне рассказывал Ковбой. Я видел, как ее глаза закатываются. И, как эти гребаные мужики насилуют ее, заставляя кричать.

— Флейм. Я здесь. С тобой. Открой глаза.

Я сделал так, как просила Мэдди, и покачал головой.

— Они могли быть тобой. Сучки из секты.

Мэдди сглотнула. Я знал, это означает, что она нервничает.

— Ты говоришь о том месте, из которого вы спасли Фиби?

Я опустил глаза.

— Я не должен рассказывать тебе о делах клуба.

— Флейм. Что-то причиняет тебе боль. Это я, твоя Мэдди. Все, что ты мне скажешь, никогда не покинет моего рта. Я понимаю, что клуб просит вас не рассказывать своим женам о делах. Но я не хочу, чтобы ты погиб из-за этого. Я не выдам никаких секретов. Даю тебе слово. Всегда давала и всегда буду давать.

— Они накачивают их наркотиками и трахают, — сказал я.

Мэдди втянула воздух.

— Фиби?

— Да. Он бил ее. Трахал ее. Накачал наркотиками. Всех их. Так много долбаных мужиков, что сучки истекали кровью. Дети тоже. Мужчины платили за то, чтобы трахать накачанных несовершеннолетних сучек.

Глаза Мэдди метались из стороны в сторону, затем наполнились слезами.

— Фиби пострадала таким образом? Сестра Лилы?

— Да, — я сел. — Ты плачешь. Это заставило тебя плакать. Мне не нравится, когда ты плачешь.

Мэдди потянула меня обратно на кровать. Она наклонилась надо мной и вытерла глаза.

— Печально то, что случилось с Фиби, то, что случилось с другими девушками. Вот почему я плачу.

— Я видел тебя, — сказал я, и Мэдди замерла.

Ее зеленые глаза встретились с моими.

— Каждый раз я видел тебя вместо них. Если бы ты не выбралась. Если бы они держали тебя там. Это могла быть ты.

— Вот что тебя беспокоит, — сказала она и положила руки мне на щеки. — С тех пор как вернулся, ты представляешь меня там, — она провела пальцами по моим порезам. — Ты причиняешь себе боль, чтобы справиться с тем, что ты видел. В своей голове.

Я сглотнул.

— Я не мог перестать видеть тебя такой. Только об этом и думал. Если бы тебя не было здесь, с Палачами... если бы тебя не было здесь, со мной...

Мэдди придвинула свою голову к моей и наклонилась. Она поцеловала мои губы, и я поцеловал ее в ответ. Затем она подняла голову и положила свою руку на мою.

— Я здесь, с тобой, Флейм. Я здесь, и никогда не оставлю тебя. Я — Мэдди, а ты — Флейм, и мы женаты. Мы никогда не расстанемся.

— Никогда, — сказал я, и Мэдди положила голову мне на грудь.

Я провел пальцами по ее волосам. Это успокаивало меня. Успокаивало мою кипящую кровь. Я чувствовал, как ее пальцы двигались по моей груди, пока я смотрел в потолок.

Затем я рассказал ей, что еще меня беспокоило.

— Что-то не так с АК.

Пальцы Мэдди перестали двигаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Он такой же, как и раньше. Мне это чертовски не нравится. Он лжет. Он ведет себя так, будто все в порядке, но это не так. Я это вижу. Вик не замечает. АК такой же, как и раньше, он не в порядке.

— Раньше? — спросила Мэдди.

— Много лет назад. Потом ему стало лучше. Но с Фиби он снова стал прежним.

Мэдди подняла голову. Ее лоб был нахмурен. Она была в замешательстве. Я знал это.

— Почему раньше он не был в порядке, Флейм?

Я вспомнил те дни. Всю эту гребаную кровь, боль и то, что АК потерял.

— Дев, — ответил я, подумав о нем.

О Зейне, о Тине, обо всем том гребаном времени. О том, что АК больше не АК.

— Он мне нужен — сказал я. — Мне нужен нормальный АК. Я не могу позволить ему быть таким, каким он был раньше. Мне это не нравится. Это...

Я потер грудь. Она была слишком напряжена, и я не мог нормально дышать.

— У меня болит в груди. От того, как печален АК, у меня болит в груди.

— Это потому, что ты любишь его, — объяснила Мэдди.

Она накрыла мою руку на груди своей ладонью.

— Твое сердце болит, потому что ты волнуешься за него. За своего брата. Человека, который дал тебе второй шанс на жизнь.

Я кивнул.

— Да, он сделал это.

— Ты говорил с ним?

Я покачал головой.

— Нет. Но сегодня вечером он солгал. Вик пошутил, и он присоединился к нему, поддерживая шутку. Но это было фальшиво. Все это было чертовски фальшиво. Это меня разозлило. И я ушел.

Мэдди вздохнула и поцеловала меня в грудь. Я затаил дыхание от ее прикосновения. Мне чертовски нравилось, когда она прикасалась ко мне.

— Ты должен поговорить с ним, Флейм. Он твой лучший друг, самый близкий тебе человек. Ты должен спросить, все ли с ним в порядке. Он помог тебе, когда ты был потерян во тьме. На этот раз ты можешь ему понадобиться.

— Я не знаю, что ему сказать, — ответил я.

Когда посмотрел на свои руки, они дрожали. Я нахмурился. Мэдди взяла меня за руку.

— Это заставляет тебя нервничать. Но это нормально. Это потому, что тебе не безразлична его судьба. АК любит тебя. Он выслушает. Он никогда не захочет причинить тебе боль.

Я посмотрел на Мэдди и кивнул.

— Хорошо. Я поговорю с ним.

— Отлично, — она улыбнулась.

Я коснулся ее губ.

— Мне нравится, когда ты улыбаешься.

— Мне нравится, когда ты разговариваешь со мной.

Мэдди приподнялась и легла на меня. Она положила обе руки мне на лицо.

— Больше не скрывай от меня ничего, малыш. Я люблю тебя и разделю любое твоё время.

— Хорошо, — сказал я, и она снова улыбнулась.

Мне нравилась ее улыбка.

Пальцы Мэдди проследили татуировки пламени на моей груди.

— Ашер забрал меня от Беллы сегодня вечером.

Я смотрел на нее. Ждал.

— Он все еще живет у Викинга. В его хижине.

— Знаю, — сказал я.

Что-то заставило выражение лица Мэдди измениться.

— Ему не нравится жить с Викингом. Я вижу это.

Моя щека дернулась, когда она это сказала, и я почувствовал, как что-то холодное пробежало по моим венам.

— Он скоро вернется в дом АК. Ему там хорошо.

Мэдди вздохнула, затем наклонила голову в сторону, глядя на меня.

— Да, но... — она снова вздохнула. — Думаю, ему больше нравится с нами. Когда он приходит к нам на ужин, я вижу, как ему нравится быть с тобой, в этом доме. Ты заметил это?

Я вспомнил Мальша Эша, сидящего с нами за столом. Вспомнил его лицо, то, как он улыбался, когда ел приготовленную Мэдди еду. Как разговаривал с моей женой.

Он был счастлив, находясь здесь.

— Флейм? — Мэдди снова произнесла мое имя. Я наблюдал за ней. — Я тут

подумала... может быть, Ашер захочет остаться с нами?

— Сегодня вечером?

Она покачала головой.

— Я подумала, что, возможно, Ашер должен жить здесь, с нами. Он твой брат и обожает тебя. Знаю, что он также любит АК, но ты его родной брат. Мы — его семья. Я считаю, он должен переехать жить к нам.

Я покачал головой, тяжело дыша через нос.

— Я не... не знаю, как о нем заботиться. Что, бл*дь, я ему скажу? Где он будет спать?

— Ш-ш-ш, — успокаивала меня Мэдди. — Это была просто идея. Что-то, что может остаться между нами. Что-то, о чем ты должен подумать. Не нужно паниковать. Или волноваться. И мы могли бы сделать дальнюю комнату его спальней. Ему шестнадцать, и он очень самостоятельный. Ашер не будет нуждаться в заботе, как маленький ребенок. И ты сможешь разговаривать с ним. Ты и сейчас это делаешь. Просто это будет происходить чаще, что, я думаю, будет хорошо для вас. Хорошо для вас обоих.

Я попытался представить себе Малыша Эша, живущего здесь. Мое тело похолодело, и я не мог дышать.

— Флейм, — сказала Мэдди, и я сосредоточился на ее лице. — Это то, о чем стоит подумать. Но не сейчас.

Рука Мэдди мягко прошла по моему прессу. Я зашипел, когда ее рука добралась до пояса моих кожаных брюк.

— Сейчас я хочу быть со своим мужем. Я хочу напомнить тебе, что всегда рядом с тобой. Что не там, где была Фиби. Вместо этого я в твоих объятиях, в нашей постели, в нашем доме. И что я люблю тебя.

— Да, — сказал я хрипло, — Я тоже этого хочу.

Затем Мэдди поцеловала меня. Она поцеловала меня, и желание нанести себе ещё порезов исчезло. Мысли о ней в городе-призраке покинули мою голову. Потому что она была здесь.

В нашей постели.

В моих объятиях.

Моя гребаная Мэдди.

Моя.

Фиби

Я смотрела на проносящиеся мимо деревья — сплошное зелено-коричневое пятно. Грузовик двигался бесшумно, пока мы ехали по грунтовой дороге. Вокруг нас расстилались поля зелени. Если бы я не знала наверняка, то могла бы поверить, что вернулась в Новый Сион. Но почему-то мне казалось, что сразу бы поняла, если бы это было так. Все в этом дьявольском логове ощущалось по-другому. И не так, как я могла бы подумать. Я не чувствовала страха, но и не чувствовала себя в безопасности. Я пребывала в состоянии чистилища, не зная, где мое место.

Как опавший лист, подхваченный сильным ветром.

— С этого момента я должна оставаться с Ребеккой? — спросила, глядя в окно.

Я теребила рукав свободного белого платья в пол, которое Белла принесла для меня.

Мое сердце трепетало, когда я думала о том, когда в последний раз видела Ребекку. Какая-то часть меня боялась, что она возненавидит меня, что она не примет меня в свой дом. Но, с другой стороны, мне хотелось вырваться из этого грузовика, в котором я ехала, и броситься в ее объятия.

Одна рука АК крепко держалась за руль. В другой была сигарета, и он регулярно затягивался, пока мы ехали.

Последние несколько часов я пыталась собрать воедино то, что в конце концов произошло со мной в Новом Сионе. Я вспомнила, что Иуда, опасаясь нападения людей дьявола, начал собирать наших людей. Вспомнила, как прятала Грейс возле тюрьмы. Вспомнила, как Каин вернулся и пообещал мне, что, если со мной что-нибудь случится, он обеспечит безопасность Грейс. Я вспомнила, как освободила Каина, сестру Руфь, брата Давида, Соломона и Самсона из их камер.

Затем, как Мейстер нашел меня возле леса, когда я спешила обратно к Грейс. Он схватил меня за руку. Я пыталась сопротивляться, но он проявил жестокость и воткнул иглу в мою руку. Несколько недель до этого он вводил мне зелье, которое заставляло чувствовать себя странно, но в тот день все было по-другому. Потому что это было последнее, что я действительно помнила. Остались только вспышки и фрагменты других моментов — темные комнаты, Мейстер и его друзья, смеющиеся надо мной.

И боль. Много-много боли.

АК свернул налево, движение машины выдернуло меня из раздумий. В поле зрения появился дом. Такой же, как у АК, но больше и с огромным количеством зелени снаружи. Мой пульс участился, когда грузовик остановился.

АК указал на дом.

— Это дом Кая и Лилы.

— Ох.

Внезапно я занервничала. Попыталась сосредоточиться на окнах, проверяя, нет ли движения, но не могла видеть дальше отражения деревьев на стекле.

Я сжимала и разжимала руки на коленях.

— Так долго ждала этого момента... и все же не могу сдвинуться с места, — сказала я, мой голос дрожал.

Я посмотрела вниз на свои руки, на поврежденную кожу, на пепельную бледность и представила, что подумает обо мне Ребекка.

— Я много раз думала об этом моменте, АК. Так долго верила, что у меня никогда не будет такого шанса. Увидеть сестру, которую так долго любила, но в то же время во многом ошибалась...

Я нервно рассмеялась.

— Полагаю, ты не понимаешь, о чем я говорю.

Он переместился в своем кресле.

— Думаю, понимаю.

— Да? — уточнила я с облегчением.

Облегчением от того, что, возможно, кто-то знает, как я боялась этого момента так же сильно, как и радовалась тому, что он наконец настал.

АК кивнул, затем посмотрел в окно, отвернувшись от меня.

— Значит... ты тоже пережил похожий момент? — спросила я.

Я слышала птиц на деревьях и шелест ветра в листьях, но от него не было ни звука. В конце концов он снова встретился со мной взглядом, в его глазах плескалась печаль. Он опустил голову.

— Нет.

Его голос был резким и грубым, и мое сердце жаждало утешить его. Я протянула к нему руку, но как раз в тот момент, когда положила ладонь на его бедро, под которым напряглись крепкие мышцы, он произнес:

— Но теперь ты получишь то, что хотела.

— Я боюсь, — призналась я, увидев, как открывается входная дверь дома.

Блондин с длинными волосами, которого я помнила с той ночи на холме гибели, вышел и посмотрел на наш грузовик. Это был Кай.

— Она скоро выйдет, — сказал АК.

Я убрала руку с его бедра.

— АК?

— Да?

— Можешь помочь мне выйти из грузовика, пожалуйста. Чувствую что... Я не уверена, что смогу выбраться самостоятельно при виде ее. Мои ноги, я уверена, не выдержат.

Румянец смущения вспыхнул на моих щеках.

— Ты не обязан, если ты не...

Прежде чем я успела закончить фразу, АК обошел грузовик и открыл дверь. Он протянул руку и обхватил меня за талию, вытаскивая из грузовика. Мои обутые в сандалии ноги ступили на мягкую траву, и теплый ветерок растрепал мои волосы.

Собравшись с духом, я сделала шаг вперед. Тот же теплый ветерок, казалось, проникал в мое сердце, пока рука АК оставалась в моей, чтобы поддержать меня. Моя поступь была медленной, когда мы обогнули грузовик и подошли к Каю.

— Я боюсь, что могу упасть, — сказала я, остановившись.

Крупное тело АК двигалось позади меня, и я поняла его молчаливый ответ: он не позволит этому случиться.

Кай открыл дверь.

— Ли! Иди сюда, детка!

В одно мгновение мои руки задрожали так же сильно, как и дыхание.

— О Боже, — произнесла я, задыхаясь, так как нервозность стала единственным, что я могла чувствовать.

Руки АК крепко сжали меня, удерживая меня на месте. А потом она появилась в дверях, и воздух вокруг меня замер.

— Что, милый? — обратилась она к мужу.

Кай притянул ее к себе и развернул лицом ко мне.

Я смотрела на свою сестру... или на девушку, которая была моей сестрой, и мне показалось, что все вокруг остановилось. Оставались только мы, в нашем собственном мире.

Только в этом мире Ребекка изменилась. Ее длинные волосы исчезли, вместо них была короткая стрижка, обрамлявшая лицо. Лицо... ее некогда прекрасное лицо, которое было рассечено вдоль одной щеки красным, рваным шрамом. Одна сторона ее рта была слегка приподнята.

Огромный поток слез заструился из моих глаз, когда я изучала свою сестру. Боль от того, что я видела ее такой, парализовала меня.

— Фиби, — она попятилась назад в объятия своего мужчины.

Он поддержал ее, чтобы она не упала. Я закрыла глаза от звука ее нежного голоса. Конечно, теперь она стала взрослой, но это был тот же голос, который звал меня из сна, когда она была молода и стояла у моей двери. Тот же голос, который звал меня по имени, когда она на цыпочках подходила к моей кровати и забиралась под одеяло, потому что боялась мужчин, с которыми наш отец веселился в гостиной... мужчин, которые трогали ее... мужчин, которые трогали и меня...

Я открыла глаза и увидела, что ко мне приближается Ребекка. На ней было длинное сиреневое платье, а на ногах — коричневые сапоги. Но я не могла перестать смотреть на ее лицо и волосы.

Что с ней произошло?

— Фиби.

Слезы капали из ее глаз, когда она осторожно шагнула ко мне. Я видела, как эти красивые голубые глаза оценили мой внешний вид. В тот момент я поняла, что мы с ней не похожи друг на друга.

Обе изменились.

Необратимо.

— Ребекка.

Мы подошли друг к другу медленно, осторожно, пока между нами не осталось всего несколько сантиметров пространства.

Моя рука дрожала, прикрывая рот, и она повторила мои действия. Если бы я не была так потрясена ее изуродованным лицом, то получила бы удовольствие от этого очевидного родственного жеста. Но я не могла.

Я протянула дрожащую руку и коснулась щеки Ребекки. Ее голубые глаза закрылись, и она всхлипнула под моим прикосновением. Кончики моих пальцев пробежали по ее шраму, подушечки ласкали рельеф кожи.

— Ребекка, — тихо заплакала я.

Она взяла мою руку и нежно притянула меня в свои объятия. Мои слабые руки обвились вокруг ее талии. Моя младшая сестра снова была в моих объятиях. Я крепко прижалась к ней, как будто никогда не собиралась отпустить.

— Где ты была? — заплакала Ребекка.

Я покачала головой, не желая портить этот момент. Но она обняла меня еще крепче и сказала:

— Ты слишком худая... Фиби, тебе больно?

— Я...

Я колебалась.

— Сейчас я здесь.

Видение с АК пронеслось в моем сознании, и только одно слово покинуло мои губы:

— В безопасности, — пробормотала я. — Теперь я в безопасности.

Мы прижались друг к другу, казалось, на несколько часов, прежде чем Ребекка отступила назад и взяла меня за руки.

— Твое лицо, — сказала я и услышала, как мой голос срывается и ломается.

Ребекка покачала головой, на ее губах появилась небольшая улыбка.

— Это было к лучшему, — мягко сказала она. — Я не хотела всей этой красоты. Мне больше не нужна была красота.

— Я... я не понимаю.

— Позже. Сейчас это не имеет значения.

— Кто спас тебя? — спросила она.

Я увидела, что она смотрит через мое плечо.

— АК?

— Да, — это был единственный ответ, который я могла дать.

Ее загадочные слова все еще звучали в моей голове.

Мне больше не нужна была красота.

— Спасибо, — услышала я, как она обратилась к АК.

— Фиби? — нежный, детский голос донесся из дома.

Ребекка тихонько засмеялась. Взяв меня за руку, она повернулась. Мое и без того разбитое сердце расколосось прямо посередине, когда в парадную дверь впорхнула знакомая светловолосая голова.

— Грейс, — прошептала я.

Она увидела меня, и ее улыбающееся лицо засветилось. Она зашагала по траве так быстро, что я боялась, будто она упадет. Она попыталась броситься ко мне в объятия, и я приготовилась к этому, не уверенная, что у меня хватит сил удержать ее. Но Ребекка встала на пути и подхватила Грейс на руки.

— Мама, я хотела обнять Фиби! — воскликнула Грейс.

Я закрыла глаза, услышав такое благословение из ее уст.

Мама.

— Тетя Фиби не здорова, Грейс. Ты должна быть аккуратной.

Красивое лицо Грейс осунулось.

— Ты больна? — спросила она.

— Мне уже лучше, детка, — успокаивающе сказала я.

Я сделала шаг вперед, не обращая внимания на дрожь в ногах.

— Мне стало лучше, когда я увидела тебя. Ты всегда скрашивала мой день.

Грейс улыбнулась, затем посмотрела мне за спину.

— Пророк Каин с тобой? Или брат Мейстер?

Ее слова ударили меня как молот. Она имела в виду Иуду, а не Каина. И конечно же, она знала Мейстера. Он позаботился о том, чтобы они встретились. А я постаралась держать ее

подальше от них обоих, насколько это было возможно.

— Нет, милая, — выдавила я и увидела, как в глазах Ребекки нарастает беспокойство. — Они далеко отсюда.

Грейс посмотрела на Ребекку.

— Фиби будет жить с нами?

И вдруг я почувствовала слабость. Слишком много вещей обрушилось на меня одновременно. Грейс, изуродованное лицо Ребекки, а теперь еще и мысль о том, что будет дальше. Какой будет моя жизнь? Что я здесь делаю? Кем я буду вдали от Нового Сиона?

— Фиби? — голос Ребекки ласкал мои уши, когда мои ноги окончательно подкосились, и я упала на землю.

Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться, но мир вокруг меня продолжал исчезать из поля зрения.

Две руки подняли меня, и я расслабилась, почувствовав знакомый запах дыма и кожи.

— Куда мне ее отнести? — спросил хрипловатый голос АК.

Меня уложили на кровать. АК положил руку мне на лоб.

— Райдер сказал, что следующие несколько дней она будет слаба. Но больше всего ей нужна еда и вода. И сон. Насколько я могу судить, за последние несколько недель она так и не выпалась по-настоящему.

— Спасибо, АК, — сказала Ребекка. Она неуверенно поцеловала его в щеку. — Я не знаю, как смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделал. Ты, несомненно, рисковал своей жизнью ради нее, чтобы вернуть ее мне. За это я тебе бесконечно благодарна.

АК опустил глаза. Я знала, что, если бы могла видеть их под копной его волос, они бы блестели. У него была жесткая оболочка, но под ней скрывалось что-то более мягкое. И сколько бы я ни пыталась вытеснить эту мысль из головы, как ни странно, не могла думать ни о чем другом.

— Я пойду, — сказал АК, его голос был низким и грубым.

Моя грудь болела при мысли о его отсутствии. Перед тем, как выйти из комнаты, он встретился со мной взглядом и сказал только одно слово:

— Рыжая.

Это был его способ попрощаться.

— Прощай, АК, — сказала я, мой голос был уставшим и слабым.

Мои глаза начали закрываться, так как сон пришел по зову сердца.

Ребекка села на кровать рядом со мной и сжала мою руку.

— Спи, сестра. Теперь ты в безопасности.

И это было последнее, что я помнила.

Это и ангельский взгляд АК, когда он покидал меня.

Я моргнула в темной комнате. Единственный свет исходил от маленькой лампы на тумбочке.

Где я была?

Из-за двери доносилось тихое бормотание голосов. Я откинула с себя одеяло, и, когда мои ноги коснулись пола, то вспомнила, где нахожусь.

У Ребекки.

Чувствуя себя лучше, чем прежде, я отправилась на звук голосов в соседнюю комнату. Заглянув через щель в двери, я увидела Ребекку, которая сидела возле кровати Грейс и читала ей книгу.

Мое сердце бешено колотилось, пока я слушала, как мягкий голос Ребекки рассказывал историю о говорящих ежике и кролике. Грейс смеялась над веселыми отрывками, а затем медленно погрузилась в сон. Ребекка закрыла книгу и встала. Она уложила Грейс и наклонилась, чтобы поцеловать ее в макушку.

— Я люблю тебя больше, чем звезд на небе, — прошептала она.

Слезы навернулись мне на глаза, когда я смотрела на крепко спящую Грейс. В другом мире это была бы Ребекка. Тот же цвет кожи, то же красивое лицо. Но ее лишили этой жизни.

Я не заметила, как Ребекка подошла к двери.

— Фиби? — она закрыла дверь в комнату Грейс. — Как ты себя чувствуешь? — ее обеспокоенные глаза изучали мое лицо.

— Лучше, — сказала я, мой голос был хриплым. — Который час?

— Уже поздно.

Ребекка взяла меня за руку и повела в большую кухню, отделанную деревом. Я села за стол и увидела, как Ребекка достает блюдо из духовки.

— Я приготовила поесть, пока ты спала. АК сказал, что ты будешь голодна, или, по крайней мере, что тебе нужно будет поесть.

Она поставила передо мной тарелку с незнакомым мне блюдом.

— Это ты приготовила? — спросила я.

Щеки Ребекки покраснелись.

— Я люблю готовить. С тех пор как попала сюда, я обнаружила страсть к кулинарии.

Я протянула руку через стол и взяла ее за левую руку. На четвертом пальце она носила обручальное кольцо. Я улыбнулась.

— Ты вышла за него замуж.

— Да, — подтвердила она, и я увидела счастье, светящееся на ее лице. — Он... он не был тем мужчиной, которого я ожидала. Но потом, после всего...

Она вздохнула.

— Оказалось, что он именно то, что мне нужно. Кай дерзкий и грубый. Он ругается, и порой очень опасен. Но он любит меня больше, чем я заслуживаю, а я люблю его больше, чем когда-либо считала что смогу. Он... он мой дом.

Она пожала плечами, как будто недостаточно хорошо все объяснила. Но я потеряла дар речи от ее признания. Я понятия не имела, что собой представляет подобное спокойствие.

— Тогда я несказанно счастлива, — смогла вымолвить я. — Ты...

Я сглотнула комок в горле.

— Ты, как никто другой, заслуживаешь этого.

— Не уверена, но благодарю Бога за Кая каждый день, — она вздохнула. — И за Грейс.

Ребекка крепче сжала мою руку, и по ее щеке скатилась беззвучная слеза.

— Ребекка?

Моя сестра покачала головой, ее короткие волосы упали на лицо.

— Когда... когда они вернулись из Нового Сиона и рассказали нам, что сделал Иуда. Все эти люди...

Я ненадолго закрыла глаза от воспоминаний.

— Когда они вернулись без тебя, сестра моя, я не могла дышать. Я боялась... Боялась, что тебя тоже убили. Потом Райдер, он же Каин, сказал мне, что ты спасла Грейс. Ты спасла ее и отправила ко мне, потому что знала, что я буду заботиться о ней, — она покачала головой. — Я не знала, что чувствовать. Тебя не было, но ты дала мне благословение, о величине которого даже не могла догадываться.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

В ее голосе слышалась боль.

Ребекка глубоко вздохнула, затем сказала:

— Когда я вернулась с холма погибели, я... — она прочистила горло. — Я была не в лучшем состоянии.

Она рассеянно провела пальцем по шраму на своем лице.

— Я больше не хотела видеть это лицо, Фиби. Не хотела ничего из этого. Поэтому порезала себя. Причинила себе боль, чтобы избавиться от искушения, которое испытывали мужчины, глядя на меня.

Я была уверена, что ничто не может причинить мне большую боль, чем последние несколько дней, когда АК держал меня в своем доме, очищая мое тело от зелья Мейстера. Я ошибалась. Знание того, что моя Ребекка, девушка, которую забрали за то, что она была слишком красива, была вынуждена сделать с собой нечто подобное... И это ранило меня больше, чем что-либо на этой земле.

И в этом была моя вина. Я убедила ее в том, что ее внешность была греховна.

— Ребекка... — я услышала ужас и вину в собственном голосе.

— Все в порядке, — сказала она. — Мне понадобилось время, чтобы встретиться лицом к лицу с этими демонами, но я справилась. А потом...

— Что?

— Потом выяснилось, что я не могу иметь детей.

И остатки моего сердца превратились в пыль. Странное оцепенение охватило мое тело. Онемение, которое я не могла объяснить, как будто во мне был выключен какой-то переключатель.

— Все, что было сделано со мной за эти годы. То, что Иуда приказал своим людям сделать со мной, когда я была захвачена... это оказалось слишком для моего тела. И это... это разбило мне сердце, Фиби.

Ребекка выпрямила спину, стараясь быть сильной. Мне хотелось заключить ее в объятия и сказать, что это все моя вина, что я стояла в стороне и смотрела, как это происходит с ней.

— А потом ты подарила нам Грейс.

Я вздрогнула, боль вонзилась в меня как нож. Моя сестра, покрытая шрамами, которая никогда не должна была пройти через все это.

— Ты подарила нам ангела, когда спасла Грейс. Спасая ее, ты спасла меня. Я никогда не смогу отплатить тебе за это чудо. Ты подарила Грейс жизнь. Если бы ты не вмешалась, ее жизнь повторила бы мою. Или она погибла бы вместе с остальными членами Ордена.

Ребекка встала и, обойдя стол, присела у моих ног.

— И теперь ты тоже здесь. Я...

Она вытерла слезы со своих глаз.

— Я не знаю, как ты это сделала, но ты, сестра моя, спасла нас своим мужественным поступком.

Я слышала ее слова, но не могла им поверить. Потому что я не спасла ее. Неважно,

какую кару заплатила, неважно, что спасла Грейс, я подвела свою сестру, и теперь обнаружила, что это непоправимо омрачило ее жизнь.

— Тебе не нужно благодарить меня, — сказала я и имела в виду каждое слово. — Грейс должна была стать твоей. Как только я увидела ее и поняла, какую опасность представляет ее красота, я знала, что она должна быть с тобой. Потому что была уверена в том, что твое чистое сердце полюбит ее.

Ребекка вытерла влагу с моих щек, и я протянула руку, ухватившись за ее запястье.

— Я должна была сказать это много лет назад и как-то бороться за тебя, прийти за тобой. Я ошибалась, когда верила тому, что нам говорили о тебе. Ты не создана дьяволом. Я поняла это слишком поздно, хотя и видела твою боль. По глупости верила пророку, пока не увидела, как наша вера начала разрушаться на моих глазах. Я... Я...

— Ш-ш-ш, — Ребекка покачала головой. — Теперь все кончено. Мы не можем вернуться назад.

Я хотела возразить, что, хотя мы не можем вернуться, для некоторых из нас также невозможно двигаться дальше. Но сдержала свое беспокойство.

Ребекка осторожно спросила:

— Где... где ты была, Фиби? Что этот человек сделал с тобой? — ее глаза были полны беспокойства. — Ты такая худая... Я... Я не могу вынести мысли...

На этот раз я заставила ее замолчать.

— Тихо, Ребекка, — я прогнала правду из своих уст. — Я не пострадала, честно. Мейстер держал меня как пленницу. Он был невнимателен, но не обижал меня. Будь спокойна. Я в порядке. Мы все теперь в порядке.

Ребекка сделала глубокий вдох-выдох, и я увидела, как ее плечи расслабились, как будто с них сняли невероятный груз.

Она притянула меня к себе и обняла. Я закрыла глаза и сдержала слезы. Ребекке не нужно было знать о моих страданиях. Она уже достаточно пережила и даже больше.

Смеясь, Ребекка отстранилась.

— Твоя еда. Ты должна поесть, пока она не остыла.

Ребекка села напротив меня. Она улыбнулась, делая глоток своего напитка, пока я проталкивала еду в горло. Чувствовала, как чешутся следы на руке. Если бы у меня сейчас было зелье Мейстера, я бы воспользовалась им, чтобы хоть ненадолго покинуть этот мир.

Когда я доела последнюю крошку, то опустила вилку.

— Здесь все зовут тебя Ли́ла или Ли.

Она кивнула.

— Я предпочитаю эти имена. Воспоминания, связанные с Ребеккой, иногда бывает трудно пережить.

Я это понимала.

— Тогда я тоже буду называть тебя Ли́ла.

— Спасибо, — она зевнула.

— Пошли спать, сестра, — сказала я и поднялась на ноги.

— Ты тоже устала? — спросила она.

— Да, но мне бы очень не помешал свежий воздух... Я не часто ощущала дуновение ветра там, где была.

Я попыталась вспомнить, было ли это правдой. И не смогла, но была уверена, что так и было.

— На веранде есть кресла. Потратить столько времени, сколько тебе нужно. Здесь ты будешь в безопасности, я обещаю. Ты свободна.

— Спасибо.

Я направилась к двери. Когда проходила мимо Лилы, она взяла меня за руку, и я снова оказалась в ее объятиях.

— Не могу тебя отпустить, — сказала она, и мое сердце растаяло.

— Я никуда не уйду, — заверила ее я. — А теперь иди в постель. Ты устала.

Открыв дверь, я вышла на свежий воздух. Услышала, как Лиลา уходит, и расслабилась. Можно было отбросить все притворство. Но я не заметила его рядом с собой. Не заметила, что он сидит там, в темноте, пока не увидела движение и огонек горячей сигареты. Я вскочила и прижала руку к сердцу.

Кай поднялся на ноги.

— Ты напугал меня, — сказала я.

Муж Лилы шагнул ко мне, выпуская дым, рассекающий темноту.

— Ты солгала ей.

Я машинально покачала головой в знак протеста, но он поднял руку.

— Спасибо, — сказал он с трудом.

Я в недоумении моргнула, наблюдая, как напряженность уходит из его глаз.

— Я знаю, через что ты прошла, по крайней мере, кое-что. И я видел тебя в доме АК, когда он вытащил тебя. И все же ты сказала Ли, что ты в порядке. Так что... спасибо.

Я кивнула, не находя слов. Кай подошел к двери.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Он оставил меня одну, его доброта повисла в воздухе. Это только усугубило ситуацию. Я прошла к креслу, которое только что покинул Кай. Села, разминая ноющие мышцы, и уставилась в темноту. Наверху ярко светили звезды, а над большим садом проносились летучие мыши. По траве были разбросаны детские игрушки. Лила была права. Это был ее дом.

Потом я подумала о ее лице. Подумала о том, что она больше не может иметь детей из-за того, что сделали с ней старейшины. И я возненавидела все это. Мне хотелось, чтоб АК не спасал меня. Я жалела, что зелье Мейстера по-прежнему не смешивается с моей кровью, потому что оно заставляло меня забыть. Прежде всего, я хотела забыть.

Я думала о Грейс, мирно спящей в своей постели, о Лиле, читающей ей, о поцелуе в макушку. Мое сердце мечтало о том же. Но эта надежда давно умерла, и моя душа тоже увяла. Грехи, которые я носила в тайне, привели к тому, что мне казалось, будто моя жизнь больше не имеет смысла.

У меня больше не было цели, теперь я находилась здесь, начинала все сначала, но была разлучена с недостающим кусочком своего сердца.

Я провела рукой по отметинам на руке, плоть зудела и жаждала того, что я не могла дать пульсирующей вене. Затем моя рука нащупала что-то рядом с креслом. Я схватила этот предмет и поднесла к свету фонаря, свисающего с потолка.

«Джек Дэниелс».

Я сняла пробку, и знакомый аромат наполнил мой нос. Мейстер пил его в Новом Сионе. Внезапно передо мной возник его образ, то, как он выпивал после того, как присоединился ко мне в темной комнате. Я вздрогнула, когда воспоминание вызвало у меня тошноту. Я вспомнила кровь. Боль между ног. Его семя на моей коже и небесную иглу, введенную в мою

руку...

Он использовал этот напиток, чтобы расслабиться.

Я подняла бутылку и отпила из горлышка. Горькая жидкость обожгла мне горло. Я закашлялась, когда она забрала дыхание из моих легких. Но потом жидкость прошла по моему телу и немного облегчила боль, которую я испытывала.

Сделала еще глоток, и еще, и еще, пока не почувствовала, что боль утихает, а образ изуродованного лица Лилы уходит из моей головы. Когда воспоминания пытались проникнуть в мое сознание — манипуляции Мейстера, предательство Иуды — я пила снова. А когда худшие из них пытались пробиться сквозь дымку, ранить, уничтожить меня, я топила их в напитке, умоляя исчезнуть.

В конце концов, мир блаженно оцепенел, и мой разум стал неуязвим для любого зла. Но один образ не покидал меня. Лицо и добрые глаза АК оставались со мной, пока я наблюдала за полетом летучих мышей в полуночном небе.

И я смирилась с этим. Потому что во всей этой неразберихе он был сияющим маяком надежды. Единственным, с кем я чувствовала себя в безопасности. Потому что в нем тоже была тьма, он был попутчиком на той же нелегкой дороге.

Поэтому я позволила его ангельским глазам наблюдать за мной, пока сидела в этом кресле.

Я позволила им держать меня в безопасности.

В безопасности...

АК

Пять дней спустя...

Я пил пиво, позволяя холодной жидкости стекать по горлу. Ночь стала теплее, и я сидел на своем заднем дворе, рядом со мной стоял ящик, наполненный пивом. Небо было черным, и на нем не было ни единого облачка.

Вик ушел в клуб около часа назад и попросил Малыша Эша стать его вторым пилотом на эту ночь. Сегодня я не думал о шлюхах. Черт, я не думал о них всю неделю. Меня не интересовало, чтобы какая-то шлюха царапала мою грудь и сосала мой член.

Какой в этом, бл*дь, был смысл?

Я посмотрел в окно своей кухни, чтобы увидеть часы на стене. Пять минут до полуночи. Глаза щипало от усталости, но я знал, что, если попытаюсь заснуть, то не больше, чем на пару часов. Потому что через секунду они окажутся у подножья моей кровати. И я действительно не мог выносить, когда эти гребаные лица смотрели на меня.

Они, конечно, дали мне пару дней отдыха. Я так и думал. С той минуты, как помог Фиби, помог ей вывести этот гребаный героин из ее вен, я знал, что они уйдут на некоторое время. Но я также знал, что, когда они вернуться, будет хуже. Намного, бл*дь, хуже. Воспоминания, которые, как я думал, выкинул из головы навсегда, вернулись и ударили мне между глаз, как идеальный выстрел. Стоя у подножия кровати, они показывали мне детали, о которых я забыл. Детали, о которых я не мог думать без потери дыхания.

Но чувство вины было еще хуже. Оно впивалось в мой живот, как когти.

Поэтому я не спал.

Потому что сейчас я действительно не мог справиться с этими воспоминаниями.

Я допил пиво и уже открывал другое, когда услышал шаги по траве.

— Что случилось? — спросил я, когда Флейм, избегая смотреть мне в глаза, подошел к тому месту, где я сидел.

— Ничего, — он сел на стул рядом со мной.

— Ничего не случилось? Ты уверен?

Он кивнул, его черные глаза смотрели на деревья. Я наблюдал, как он сжимает челюсти, как ножи переворачиваются в его ладонях.

С тех пор как мы вернулись из города-призрака Клана говнюков, свежие порезы на его руках зажили, и ножи снова стали тупыми. Он все еще прослеживал ими плоть, но новых порезов не делал.

Он вернулся к Мэдди.

Он успокоился.

Я сел обратно на свое место. Что бы Флейм ни пришел сюда сказать, в конце концов, это все равно выйдет наружу. Я откинул голову назад, уставившись на эти чертовы звезды.

— Ты ведешь себя странно.

Я замер, бутылка была почти у моего рта, и я сделал глубокий вдох. Опустил бутылку и посмотрел на Флейма. Его голова была наклонена в мою сторону, но он не смотрел на меня. Его мышцы были напряжены, а руки подергивались.

Черт. Я заставил этого ублюдка нервничать.

— Я в порядке, — сказал я нейтрально.

Губы Флейма скривились, показывая зубы.

— Ты лжешь, — прошипел он и поднялся на ноги.

Я вздохнул, когда он начал вышагивать.

— Флейм, — сказал я. — Я в порядке. Перестань беспокоиться...

— Ты мало говоришь и не ходишь в клуб.

Его голос был холодным и ровным, но я видел по сузившимся глазам, что его разум метался, пытаюсь понять, что во мне изменилось.

— Еще не подошла дата.

Черт, брат мог с таким же успехом врезать железным кулаком мне в живот.

Моя рука сжалась на горлышке бутылки. Я сжимал ее до тех пор, пока не подумал, что стекло треснет под моей хваткой. Отпустил ее и покачал головой.

— Флейм, — сказал я медленно, — оставь это. Я в порядке.

— До этого еще несколько месяцев, — продолжал он. — Но ты ведешь себя так же, как и тогда.

Мой желудок сжался, когда воспоминания, которые я все время отодвигал в сторону, начали прорываться сквозь защиту. Я увидел кровь, услышал гребаные крики и почувствовал едкий запах, наполнивший комнату.

— Флейм, — предупредил я, близкий к тому, чтобы сорваться.

Почувствовал, как комок подбирается к горлу. Чувствовал, как слезы застилают глаза.

— Это из-за нее, — он резко остановился.

Подняв глаза, я встретил пристальный взгляд брата. Я вскочил на ноги, разгораясь от злости из-за того, что он довел меня до такого состояния. Но замер, увидев, как он качает головой, на его лице появилось чертовски потерянное выражение.

— Ты — АК. Ты так не поступаешь. Почему ты делаешь это сейчас? Ещё не время. Это не тот месяц. Это бессмысленно.

Я закрыл глаза и сделал долгий, глубокий вдох. Когда я снова открыла их, Флейм неловко покачивался на ногах.

— Это из-за нее, — он не задавал вопрос.

Люди думали, что Флейм был не в себе. Его отец неоднократно говорил ему, что он слабоумный. Но брат был проницателен. Он никогда ничего не забывал. И более того, с того дня, когда я помог освободить его из психушки, он был уверен, что знает меня лучше, чем кто-либо другой. Все думали, что я присматриваю за ним. Но я знал правду — он тоже присматривал за мной.

— Я в порядке, — повторил я и снова сел, проведя рукой по лицу. — Сядь, Флейм.

Он замер, но потом сделал то, что я просил. Я взял еще одну бутылку пива, чувствуя, как последствия выпитого за весь день начинают сказываться на мне.

— Это происходит с тех пор, как мы вытащили ее, — сказал он. — С тех пор, как ты привел ее сюда, к себе. Она заставила тебя снова думать обо всем этом.

Я открыл рот, чтобы ответить, но он продолжил:

— Ты не спишь. Но с тех пор, как она вернулась, стало еще хуже. Ты все время сидишь здесь. Ты пьешь. Ты никогда не пил так много.

Я знал, что отрицать это было бессмысленно. Если брат был здесь, если он оставил Мэдди в их домике одну, его беспокойство за меня должно было съедало его заживо.

Поэтому я молчал. Уж точно не собирался говорить о дерьме, о котором не нужно было говорить. Не говорил об этом с того дня, как это случилось, и не собирался начинать сейчас.

— Я переживу это, — сказал я после нескольких минут молчания. — Я...

Сглотнул, борясь с комом в горле.

— Я всегда так делаю.

— Ты никогда не делал этого, — возразил Флейм, в его голосе не было эмоций.

— И никогда не сделаю, — согласился я.

Мой голос был хриплым, поэтому я прочистил горло. Я отказывался сломаться.

— Это не твоя вина, — агрессивно сказал Флейм. — Я не знаю, сколько раз тебе нужно повторять это дерьмо.

— Я никогда не смирюсь с этим.

Мне не хотелось закрывать глаза, потому что если бы я это сделал, то увидел бы их лица. Увидел бы то, что у меня должно было остаться, если бы я не был таким чертовски глупым.

— Ей лучше, — я знал, что он говорит о Фиби. — Мэдди видела ее, и ей лучше. Мэдди наблюдала за ней ради меня, ради тебя. Ты спас ее.

Я кивнул, напряжение в моей груди немного ослабло. Ей было лучше. Черт, от Флейма это с таким же успехом могло быть веселой джиггой. В памяти всплыло лицо Рыжей. Я не навещал ее с тех пор, как она осталась у Кая. Даже не спрашивал, как она. Я вытащил ее, избавил от наркотиков. Этого было достаточно. Хотя думал о ней почти каждый день. Думал о ней здесь, глядя на звезды. О ее воссоединении с Лилой. Вспоминал ее лицо, когда она увидела шрам своей сестры... ее руку в моей, когда она благодарила меня, такая чертовски маленькая... ее слова о том, что она боится...

— Я не... — Флейм стиснул зубы. — Ты мне не нравишься... такой, — низкий, грубый голос Флейма заставил меня почувствовать вину.

— Знаю, — сказал я. — Я пройду через это.

Плечи Флейма опустились в облегчении, затем он поднялся на ноги.

— Хорошо.

Он начал уходить.

— Флейм? — позвал я, когда огромное тело моего брата почти исчезло в темноте.

Он повернулся.

— Ты разговаривал с Малышом Эшем в последнее время?

Он стал неподвижен, как статуя.

— Мы сегодня работали над мотоциклом, — в его голосе снова слышалось напряжение.

Так было всегда, когда он боялся, что как-то облажался. Что он разочаровал меня.

— Просто продолжай с ним разговаривать, хорошо? Продолжай приглашать его на ужин и все такое.

— Хорошо, — сказал Флейм и, не произнеся больше ни слова, ушел в свой домик.

— Черт! — сказал я в пустоту.

Я закрыл глаза, позволяя алкоголю взять свое. Услышав звук хруста ветки, я вздохнул.

— Флейм, обещаю, я в порядке. Просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

Я открыл глаза... и замер. Моргнул, когда увидел, что она стоит и смотрит на меня. Она сделала шаг вперед и еще один, пока не оказалась на свету. Сначала я увидел ее волосы, длинные, до середины спины. Она была одета в длинное темно-зеленое платье, подвязанное сверху каким-то хлипким куском шелковой веревки. Рукава закрывали ее руки, но, черт

возьми... глубокий цвет заставлял ее веснушки выделяться больше, чем все остальное.

— Привет, — сказала она, в конце концов.

Ее охренительно приятный голос доносился сквозь ночь. Я пробежался взглядом по ее телу. Она все еще была худой, но выглядела лучше, чем пять дней назад. К ее белым щекам вернулся цвет. Синяки и следы поблекли. У нее были темные круги под глазами, но это все.

Черт. Она была сногшибательна.

— Привет, — я выпрямился.

Фиби опустила голову и снова посмотрела на меня из-под прикрытых век. Мой член затвердел, когда она начала идти ко мне.

Она улыбнулась и заправила свои длинные волосы за уши.

— Я хотела увидеть тебя, — сказала она.

Я позволил своим глазам пробежаться по ее телу. Платье облегалo небольшую фигуру, подчеркивая все изгибы. Оно прекрасно демонстрировало ее полные сиськи, скрытые под почти невесомым материалом.

Она медленно опустилась на сиденье рядом со мной. Запах цветов и еще какой-то девчачьей дряни наполнил мой нос. словно зная, какой эффект она производит на меня, она, бл*дь, улыбнулась. Но ее улыбка быстро померкла, а глаза потеряли свой блеск.

— У меня были проблемы со сном.

Я сделал глоток пива, позволяя ей выговориться.

— Обнаружила, что с тех пор, как я здесь, не могу расслабиться.

Она закрыла глаза и наклонила голову в сторону, обнажив свою длинную гладкую шею. Ее рука поднялась и мучительно медленно провела по коже. С ее красных от природы губ сорвался вздох. Я крепко сжал свою бутылку пива.

— Ничего так не люблю, как ощущение ветра на лице, — сказала она, не открывая глаз. На ее губах появилась улыбка. — А еще мне нравится чувствовать тепло, когда светло, и лунный свет, когда темно.

Она выгнула спину, и я стиснул зубы, когда ее круглые сиськи уперлись в ткань платья. Здесь было мало света, но его было достаточно, чтобы я увидел, что под ним ничего нет. Она моргнула, и, наклонившись через пространство между двумя нашими стульями, взяла пиво из моей руки. Снова одарив меня этой гребаной улыбкой, она поднесла бутылку к губам. Медленно и осторожно, не отрывая, бл*дь, голубых глаз от моих, она обхватила горлышко губами и откинула голову назад. Проглотила один, два, три глотка, затем опустила бутылку, облизывая ободок кончиком языка. Затем передала обратно мне.

Я почти ничего не пил, кроме текилы, виски и пива, с тех пор как пять дней назад подвез Рыжую, но никакой алкоголь не сравнится с тем, как она дурманила мой разум прямо сейчас.

Фиби провела рукой по волосам.

— Я... Сегодня ночью я снова не могла уснуть и решила прогуляться. И пошла туда, куда повели ноги, — она сделала паузу. — И они привели меня прямо к тебе.

— Привели, да? — сказал я хриловато, чувствуя, как мой постоянно увеличивающийся член практически рвется из ширинки джинсов.

— Да, — она посмотрела на землю.

Ее непринужденность исчезла, и она сжала руки в кулаки, ее пальцы дрожали.

— Я все время вспоминаю твои глаза, — вдруг сказала она, подняв взгляд на меня.

Мои гребаные глаза.

Когда она была под наркотой, и когда была в сознании, она все время говорила о моих глазах. Моих глазах и об этом проклятом дереве.

— Я пока не помню всего. Все пытаюсь вспомнить, что произошло, когда он забрал меня. Где я была? Что там произошло? Мне все время кажется, что есть что-то, что я должна знать. Должна знать. Что-то важное, что я забыла. Что я блокирую.

Она подняла руки к голове.

— Но моя голова — это огромный туман, сквозь который я не могу пробиться, как бы ни старалась.

Она посмотрела на меня и перестала дрожать.

— Но, как ни странно, я помню тебя. Больше, чем что-либо или кого-либо еще.

Наклонившись вперед, она поднесла руку к моему лицу. Я застыл на месте, когда она провела кончиками пальцев по моей щеке.

— Я помню тебя. И эти ангельские глаза.

Фиби поднялась на ноги и подошла ко мне, остановившись возле моих коленей. Я откинулся в кресле, а она смотрела на меня сверху вниз. Даже в тусклом свете я увидел, что ее бледные щеки покраснели.

— Ты спас меня.

Не было ни одной части меня, которая не была бы напряжена, когда она произносила эти слова. Она наклонилась и положила ладони на мои ноги. Мои бедра сдвинулись, когда я почувствовал тепло ее рук через джинсы.

— Помню, как была в твоих объятиях.

Ее руки начали двигаться вверх по моим бедрам, по одному дюйму за раз.

— Рыжая, — прорычал я, когда ее лицо приблизилось к моему.

Даже в пьяном состоянии я мог видеть, как расширяются ее зрачки.

— Рыжая, — сказала она, когда ее рот встретился с моим ухом. — Мне нравится это прозвище, которым ты меня называешь — Рыжая.

Ее губы коснулись моей щеки, затем пробежались по коже, пока не зависли над моим ртом, ее глаза встретились с моими.

— Я всегда выделялась в детстве из-за своих рыжих волос. Я не была блондинкой, как Ребекка или другие мои сестры. Не была красивой, с гладкой, безупречной кожей, как все остальные. Я не была проклятой и не была одаренной. Была веснушчатой и бледной. И все же я была призвана для высшей миссии.

Она улыбнулась и выгнула спину, ее сиськи уперлись мне в грудь.

Я застонал, одна рука сжалась на подлокотнике моего кресла. Я уронил свое пиво на землю, стекло звонко ударило о камни в траве.

— Потом все пошло не так. Все изменилось.

Она замолчала и прижалась одним медленным поцелуем к моему рту.

— И ты спас меня... дважды.

Пальцы Фиби поползли вверх к моему члену. Я схватил ее за запястье.

— Ты должна остановиться, — приказал я.

Ее глаза вспыхнули.

— Я не хочу останавливаться, — задыхаясь, сказала она. — Последние пять дней я думала только о тебе и ни о чем другом.

Она понятия не имела с кем связывалась. Если бы она знала, она бы отступила.

— Продолжай в том же духе, и я трахну тебя, Рыжая. Нельзя прижимать ко мне свои

сиськи, если ты не хочешь, чтобы я ими овладел.

Я уловил заминку в ее дыхании и почувствовал, как ее пульс участился под моими пальцами.

— Я трахну тебя прямо здесь. Буду трахать и не остановлюсь, пока ты не будешь кричать мое имя. Ты хочешь этого, сучка?

Ее прерывистое дыхание коснулось моего лица. Я почувствовал запах спиртного, увидел, как расширились ее зрачки и покраснела ее веснушчатая кожа от моих грубых слов. Я знал, что она вот-вот отвернется, убежит обратно в темноту. Знал, что она отступит и вернется домой. И я знал...

— АК, — прошептала она, и мои сужившиеся глаза встретились с ее.

В ее ярко-голубых глазах светилось то, чего я не ожидал — желание. Затем, бл*дь, улыбка мелькнула на уголке ее рта, и она выдернула свое запястье из моей руки, потянувшись вниз, чтобы обхватить мой твердый член. Она облизнула губы.

— АК... Я хочу, чтобы ты... чтобы ты владел мной.

И я, бл*дь, сорвался.

Наклонившись вперед, я прижал руки к ее лицу и впился своим ртом в ее. Погрузил свой язык в нее, притягивая голову вниз, когда она стонала в мой рот. Я трахал ее губы, сжимая плоть до синяков. Опустил руки на ее бедра и потянул к себе на колени. Она рухнула на меня сверху, не отрываясь от моего рта. Я застонал, когда ее рука начала теревить ширинку моих джинсов. Мой язык погрузился глубже, я потянулся вниз и задрал ее платье, чуть не разорвав гребаный материал на две части, когда не смог добраться до ее ног. Но тут мои ладони встретились с гладкой кожей.

Задыхаясь, Фиби отстранилась от моего рта и провела губами и языком по моей шее. Ее пальцы вцепились в пуговицы на моей ширинке. Я прикусил губу, когда она расстегнула джинсовую ткань и ее рука обхватила мой член. Ее бедра покачивались, и ее киска двигалась по моему бедру, пока она насаживала меня на свою руку. Ее рот прижался к моему уху, длинные рыжие волосы упали на мою щеку.

— АК, — стонала она, и проклятье, я дернулся в ее руке.

Закрыв глаза, сдерживая желание повалить ее на землю и трахнуть, как она хотела. Но тут она скользнула по моему телу. Я открыл глаза и увидел, как ее колени опустились на землю, а рука все еще сжимала мой член.

Верхняя часть ее платья расстегнулась, и под этим углом я мог видеть все, что было спереди. Но этого было недостаточно.

— Расстегни платье, — приказал я, мой голос звучал как сталь.

Фиби прикусила губу и улыбнулась. Она не сводила с меня этих чертовых голубых глаз, когда выпустила мой член и села так, чтобы я мог видеть каждое ее движение.

Ее пальцы поползли вверх по зеленому платью к завязке на вырезе. Ее язык облизал губы, когда она потянула за шнурок, удерживающий верхнюю часть платья. Ее сиськи подпрыгивали под ним, как будто только и ждали, чтобы освободиться и оказаться у меня во рту. Она задышалась. Задышалась, покачивая бедрами вперед-назад. Она откинула голову, и ее длинные рыжие волосы упали на одно плечо, обнажив одну сторону шеи. Я сжал кулаки, сопротивляясь желанию прыгнуть вперед и впиться зубами в ее бледную кожу.

Она была чертовой сиреной.

Мои ноздри раздувались, я едва сохранял терпение, когда она взяла одну руку и осторожно потянула верх платья в сторону. Ее ярко-белая кожа блестела, как молоко в

лунном свете. Ее веки закрылись. Я зарычал, нащупывая свой член, когда ее вторая рука переместилась к подолу платья. Стоны с придыханием вырывались из ее горла. Она опустила плечо, и ткань соскользнула с одной из ее сисек. Грудь была полной, а кожа так же усеяна веснушками, как и везде. Ее пальцы скользили по коже, пока не нашли твердый сосок. Я поглаживал свой член вверх и вниз, долгими, жесткими движениями, пока она ласкала свой сосок.

Затем ее рот открылся. Я сосредоточился на руке между ее ног и чуть не кончил. Она приподняла юбку своего платья, обнажив передо мной свою киску. Но не только ее чертовски идеальная киска заставила мою руку быстрее работать над членом, но и тот факт, что два ее пальца уже были в ее дырочке. Большой палец поглаживал клитор туда-сюда, ее глаза поднялись к небу.

— Проклятье, сучка, — простонал я, наблюдая, как кровь приливает к ее лицу, а веснушки исчезают в румянце.

— АК, — простонала она, работая своей рукой все сильнее и сильнее.

Ее стоны становились все глубже и громче по мере того, как она все быстрее двигала руками. Она сжала грудь, уцепившись за сосок, и вскрикнула. Моя рука на члене замерла, когда я увидел, как ее плечи подались вперед, а рот раскрылся шире. Ее рука дрожала, когда она работала пальцами в своей киске так быстро, что я едва мог усидеть на месте. И тут она замерла, лицо ее исказилось от удовольствия, а изо рта вырвался гортанный стон. Ее голова откинулась назад, обнажив шею, а рука оказалась покрыта ее собственной влагой. Краснота, как бушующий поток, распространилась по ее бледной коже, когда она отчаянно пыталась отдышаться.

Я не сдвинулся ни на дюйм, наблюдая, как эта сучка распадается на части. С закрытыми глазами и широкой улыбкой на губах, она опустила голову, ее пальцы на сиськах и в киске снова начали двигаться. Когда ее глаза открылись, зрачки расширились, она сфокусировалась прямо на мне. Отпустив себя, она двинулась ко мне.

Дойдя до моих коленей, она пробралась между моих бедер, пока ее сиськи не оказались у моего обнаженного члена. Она взяла меня в руку. Пальцы, которые были в ее киске, поднялись к моему рту, а другой рукой она начала поглаживать мой член вверх и вниз. Кончиками пальцев она провела по моей нижней губе. Она следила за мной, как ястреб, когда я схватил ее запястье и держал его у своего рта. Ее грудь поднималась и опускалась, когда я высунул язык и облизал ее пальцы. Ее вкус наполнил мой рот, и я застонал. Ее дыхание участилось, когда она наблюдала за мной, и по твердости ее соска я понял, что она получает от этого удовольствие. Поэтому я взял ее пальцы глубже в рот, пока ее рука быстрее двигалась на моем члене. Я обхватил их губами, слизывая сок.

— Ммм, — застонала она, вытаскивая пальцы из моего рта.

Ее глаза загорелись огнем, а рот расплылся в улыбке, когда она наклонилась вперед и провела языком по моим губам.

— Я чувствую вкус себя на тебе, — прошептала она и крепко сжала мой член.

— Рыжая, — предупредил я, и мой самоконтроль быстро испарился

Я наклонился вперед, чтобы поцеловать ее, но она увернулась прежде, чем я успел это сделать. Она опустилась ниже, потом еще ниже, пока, упершись ртом в кончик моего члена, не сказала:

— Я хочу попробовать тебя на вкус.

Прежде чем я успел сделать хоть один вдох, она опустила губы на мой член, не

останавливаясь, пока не заглотила его целиком. А я не был, черт возьми, маленьким. На самом деле, я знал, что был огромным. Но она взяла меня в горло, даже ни разу не поперхнувшись.

— Черт, Рыжая, — простонал я, протягивая руку, чтобы запустить в ее волосы.

Затем она действительно показала мне, на что была способна. Она двигалась вверх и вниз, обводя головку языком, когда достигала верхушки. Мои яйца напряглись, когда ее рука обхватила их и поработала пальцами. Она причмокивала и стонала, когда поедала меня, как будто сучка была чертовски голодна.

Я почувствовал, как по моим яйцам разливается тепло, и за волосы оттащил ее от моего члена. Фиби задыхалась. Она пыталась вернуть свой голодный рот на мой член, но у меня были другие планы. Я потянул ее на себя и поставил на ноги. Ее большие губы были опухшими и красными. Она подалась вперед и забралась ко мне на колени. Ее бедра опустились на мои, а ее сиськи прижались к моей голой груди. Я зашипел, когда ее зубы впились мне в шею.

Потянувшись вперед, я стянул платье с ее сисек и взял их в руки. Ее губы впились в мою шею, и она застонала, становясь все громче, когда я опустил руку к ее киске и ввел пальцы внутрь.

— Проклятье, сучка, — шипел я, когда ее руки пробежались по моим грудным мышцам и спустились к прессу. — Ты чертовски мокрая.

— Для тебя, — она откинула голову назад, когда я провел пальцем по ее набухшему клитору. — Все для тебя.

— Я собираюсь трахнуть тебя, Рыжая. Я буду трахать тебя очень жестко.

Фиби улыбнулась и наклонилась, пока ее рот не оказался у моего уха. Убрав мою руку со своей киски, она схватила член и опустилась ниже, пока он заполнял ее влажную дырочку.

— Нет, — мягко сказала она, проводя языком по контуру моего уха. — Я собираюсь трахнуть тебя.

Не думал, что можно стать еще тверже, но, когда она прошептала эти слова мне на ухо, это произошло. Затем она вцепилась в мои плечи и опустилась вниз, пока я не заполнил ее полностью. Ее лоб прижался к моему. Затем сучка начала двигаться. Опираясь руками на мои плечи, она раскачивалась вперед-назад, двигая этими гребаными бедрами, пока я не видел ничего, кроме нее. Рыжие волосы, раскрасневшееся лицо, соски.

Я опустил руки и хлопнул ими по ее заднице. Спина Фиби выгнулась дугой, прижимая соски к моему рту. Пока она скакала на мне, все сильнее и сильнее, все быстрее и быстрее, я втянул ее сосок в рот и прикусил. Фиби вскрикнула, ее бедра дернулись, выжимая все дерьмо из моего члена.

— АК, — кричала она, вцепившись руками в мои волосы, чтобы удержать мой рот на своих сиськах.

Мои руки сжались на ее заднице, и я начал двигаться быстрее. Я хотел оказаться в ее киске так глубоко, как только мог. Пальцы Фиби сжимали мои волосы так крепко, что казалось, будто она вырывает пряди. Но мне было наплевать. Она могла вырвать все до единого волоска, если хотела. Мои яйца напряглись, и по тому, как сжалась ее киска, я понял, что сучка тоже была близка к оргазму.

Дыхание Фиби изменилось, и она ослабила хватку на моих волосах. Она откинулась назад, отодвигая свою грудь от моего языка. Ее темп увеличился, стоны стали более

частыми, но все это ничего не значило, когда она обратила свой взгляд на меня. Ее руки переместились на мои щеки, и когда я понял, что мы оба вот-вот кончим, она посмотрела мне в глаза, и, черт возьми, казалось, что она видит меня насквозь.

Движения Фиби стали беспорядочными, ее рот слегка приоткрылся. Затем она затихла и издала протяжный стон. Ее киска сжимала мой и без того истекающий член, и когда она кончила, заливая меня своей влагой, я откинул голову назад и тоже кончил. Я кончал и кончал, удерживая сучку на своем толстом члене, пока не заполнил ее своей спермой. Я рычал, толкаясь в ее горячую киску, пока не опустел. Бл*дь, я был выжат досуха.

Пот выступил на лбу и стекал по спине. Я боролся за дыхание, пробиваясь сквозь туман, который стоял у меня в голове. В конце концов я открыл глаза.

Руки Фиби все еще лежали на моем лице. Ее глаза все еще были прикованы ко мне. И я наблюдал, как слеза за слезой падают по ее покрасневшимся щекам.

Я застыл, гадая, что, черт возьми, случилось, но потом она приоткрыла свои талантливые губы и тихо спросила:

— Кого ты видел, когда спасал меня?

Мои мышцы напряглись так сильно, что я был уверен, будто связки вот-вот лопнут. Она наклонила голову в сторону, изучая меня, и ее пальцы погладили мои щеки.

— Кто преследует тебя?

Затем на ее губах появилась поистине чертовски душераздирающая улыбка.

Но эта улыбка не имела ни малейшего отношения к счастью. Это была такая улыбка, которая не дает тебе развалиться на части. Гребаная ложь. Фальшивое прикрытие. Как та, в которой Флейм обвинил меня.

Фиби приблизила свое лицо к моему. Я чувствовал жар от ее влажной кожи. И, черт возьми, я чувствовал запах соли от ее слез. Но я был парализован. Слова этой сучки заставили меня полностью замереть, а мой член размякнуть внутри нее.

Она прерывисто вздохнула, а потом откинула волосы с моего лица.

— Кто держит тебя в этой тюрьме? В такой же тюрьме, как моя? — повторила она, но мой рот был плотно закрыт.

Я знал, что мое дыхание тяжело вырывается через нос, но больше ничего не ощущал, кроме ее ищущих глаз, ее слез и этих чертовых мучительных вопросов.

Губы Фиби прижались поцелуем к каждой моей щеке, затем ко лбу и, наконец, ко рту. Она осталась там, целуя мои сомкнутые губы. Мои руки были крепко сжаты на ее заднице, но, когда ее язык проник в мои губы, я впустил ее. Но этот поцелуй не был похож на тот, когда мы трахались. Эта сучка была нежной, чертовски заботливой.

Просто, бл*дь, уничтожала меня.

Кто держит тебя в этой тюрьме? В такой же тюрьме, как моя?

Она целовала меня минуту, может две, прежде чем отстраниться. Прижавшись носом к моему носу, она нежно провела рукой по моему лбу, затем по щеке.

— Я думаю, мы не так уж и отличаемся.

Она улыбнулась, когда по ее бледным щекам покатались слезы.

— Я вижу это в твоих глазах. Я... — ее дыхание сбилось. — Я вижу... себя.

Фиби сдвинулась и, отстранившись от моего члена, поднялась на ноги. Она поправила платье и откинула голову назад к ночному небу. Сделала три глубоких вдоха, затем повернула голову ко мне.

— АК, — тихо сказала она на прощание и пошла прочь.

Я смотрел ей вслед, пока она исчезала в темноте.

Смотрел ей вслед черт знает сколько времени. Я провел рукой по лицу. Голова кружилась. Я потянулся вниз и засунул свой вялый член обратно в джинсы. Я все еще чувствовал вкус ее киски на своих губах. Все еще видел ее на земле передо мной, позволяющую себе кончить. Но я все еще видел и слезы, текущие по ее лицу.

Кто преследует тебя?

Я достал новую бутылку пива и выпил янтарную жидкость в три глотка. Затем запил ее бутылкой текилы, стоявшей под моим креслом. Я пил, пока не потерял сознание.

Когда очнулся, ночь все еще была темной, я уставился на людей, стоящих передо мной. Ублюдки, которые никогда не оставляли меня в покое. Поднял голову, и мои пьяные глаза увидели кровоточащие фигуры, идущие ко мне, смотрящие мне в лицо. Их черные глаза были бездушными ямами, они смотрели на меня, не позволяя двигаться дальше.

Я закрыл глаза, пытаюсь отгородиться от них.

— Они, — хрипло сказал я.

Затем вздрогнул, почувствовав, как по моим щекам текут слезы.

— Я пытался спасти их... но ничего не вышло... ничего не вышло. Они никогда не оставят меня в покое.

Я снова заснул, чувствуя руки Фиби на моем лице и ее губы на моих.

Я вижу это в твоих глазах... Я вижу... себя.

И черт, но в ее глазах я тоже видел себя.

АК

Я остановил байк возле своего дома. Откинул шарф и вытер двухдневную грязь с лица. Спустив ногу с мотоцикла, я направился к дому, открыл дверь и прошел на кухню.

— Ты вернулся, — сказал Малыш Эш, входя в комнату.

Я провел рукой по его затылку и прижал парня к своей груди.

— Ты в порядке?

— Да, — бесстрастно ответил он, а затем застенчиво пригнул голову, как всегда делал.

Я достал из пачки сигарету и протянул ему. Он взял, и я прикурил, ожидая, что он начнёт говорить то, к чему бы он ни готовился.

— Последние две ночи я был у Флейма, — сказал он в конце концов.

Я посмотрел на лицо этого маленького засранца. Можно было подумать, что мой брат-психопат только что подарил этому ребенку целый мир.

— Да?

— Да, — он попытался скрыть улыбку. — Я остался у них прошлой ночью. Мэддс приготовила для меня кровать в свободной комнате, прежде чем я успел сказать, что вернусь сюда.

— Флейма это устраивает?

Он кивнул.

— Даже остался со мной ненадолго после того, как Мэддс ушла спать. Он мало что говорил, но показал мне все свои ножи. Он даже выпил со мной, — Эш пожал плечами. — В основном мы сидели в тишине, но...

Он глубоко вздохнул.

— Это было... хорошо. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я и почувствовал, как мое проклятое напряжение в груди ослабло.

Флейм, бл*дь, послушал меня, засранец.

— Ты закончил с ездой в одиночестве?

Малыш Эш подошел к холодильнику и протянул мне пиво.

Я взял банку, затем полез в шкаф за бутылкой бурбона — мне нужно было что-то покрепче. Но ее там не оказалось.

— Ты брал мой бурбон?

— Нет, — ответил он.

Я поднял бровь.

— Врешь?

— Нет, — он покачал головой. — Я бы сказал тебе, если бы сделал это.

Я нахмурился, когда увидел, что моя новая бутылка «Патрона» тоже пропала. — Текилы тоже нет.

Я схватил бутылку «Джека» и сделал несколько глотков. Закрыв глаза, чувствуя, как ликер обжигает горло.

— Может, Вик забрал ее? — предположил Эш, когда я сел за стол. — Он был здесь какое-то время, пока тебя не было.

Парень покраснел.

— Он был зол, что ты уехал без него. Флейм тоже.

Я кивнул, зная, что это правда. Никогда не отправлялся в путешествие без Флейма и Вика. Но... черт... после того, что было две ночи назад, мне нужно было в дороге побыть одному.

Я поднялся на ноги, собираясь идти в душ, когда мой сотовый завибрировал в кармане.

— Дерьмо! — прорычал я. — Неужели не могу получить чертову минуту свободы?

Я включил дисплей, войдя в свою спальню. Там было сообщение от Кая.

Кай: Ты уже вернулся?

Я: Только что.

Кай: Тебе лучше прийти в клуб. Прямо сейчас, бл*дь.

Что, черт возьми, произошло?

Пришло второе сообщение.

Кай: Похоже, твоя хрень с «резкой завязкой» дала обратный эффект.

Я уставился на сообщение, и мой желудок сжался.

Фиби.

Я: Уже еду.

Накинув чистую футболку, я вылетел из спальни, прошел по коридору и попал на кухню.

— Мне нужно в клуб, — сказал я Малышу Эшу.

Парень вскочил и схватил со стойки ключи от грузовика.

— Я поведу.

Я выскочил из парадной двери, задаваясь вопросом, что, черт возьми, случилось с Фиби. И что, черт возьми, Кай имел в виду, говоря: «Твоя хрень с «резкой завязкой», дала обратный эффект?»

Эш скользнул на водительское сиденье и включил двигатель. Очевидно, почувствовав мою срочность, он быстро вывел машину с поляны наших домов на грунтовую дорогу.

— Все в порядке? — спросил он, когда мы мчались вверх по склону.

— Понятия не имею, — ответил я, сжимая руки на коленях.

Попытался подумать, что, твою мать, могла делать Фиби в течение двух дней. Вик и Флейм ни черта не сказали, но, опять же, эти ублюдки не разговаривали со мной из-за того, что я уехал без них.

Мы подъехали к задней части здания клуба. Там было полно народу — обычное дерьмо выходного дня. Снаружи стояли ряды мотоциклов, а из главного бара доносилась громкая музыка.

Я ворвался через заднюю дверь, следуя за басами. В баре было много дыма, шлюх и выпивки. Осмотрел помещение и увидел руку, машущую в воздухе. Кай стоял в дальнем углу. Я оттолкнул тонну прихлебателей со своего чертова пути, пробиваясь к тому месту, где он меня ждал.

Когда мой путь оказался свободен, я увидел Стикса и Мэй, сидящих за столом. Лила сидела рядом с бокалом вина, на ее лице читался ужас. Стул отодвинулся, и внезапно Флейм оказался у меня перед лицом. Брат уперся руками в мою грудь и оттолкнул меня назад. Я устоял на ногах. Знал, что получу от него это дерьмо.

— Какого хрена? — прорычал он.

Мэдди потянулась, чтобы схватить его за руку. Смайлер, Тэнк и Булл наблюдали за

происходящим из-за соседнего столика. Красотка и Летти смотрели на что-то через бар, не обращая внимания на Флейма. Соломон и Самсон — братья, которых Райдер привел из секты, — тоже были там. Они всегда были там в последнее время.

Я поднял руки.

— Понял. Ты в бешенстве.

Голова Флейма дернулась в ответ. Я подошел ближе.

— Просто... — я покачал головой. — Черт, мне просто нужно было побыть одному пару дней. Понятно?

Взгляд Флейма сосредоточился на полу, не встречаясь с моими глазами, но я видел, как его плечи потеряли часть своего напряжения.

— Больше так не делай. Говнюк.

Он убрался с моего пути, и я прошел мимо него, чтобы добраться до Кая. Стикс появился рядом с ним.

— Посмотри, мать твою.

Кай указал на что-то через всю комнату.

Я пробежался взглядом по каждому углу. Наконец, увидел вспышку рыжих волос, и мои глаза чуть не выскочили из орбит.

— Какого хрена? — заорал я, отступая в сторону, чтобы лучше разглядеть происходящее.

Новый ракурс только заставил меня еще больше растеряться. В дальнем конце комнаты стояла Фиби. Только это была не та Фиби, которую я спас от Клана, и не та сучка, которая пришла ко мне две ночи назад и поймела меня так, как никогда в жизни.

Эта шлюха стояла в баре, стройные руки обхватывали задницу какого-то придурка, который был в нескольких минутах от встречи с лодочником без гребанных монет на глазах. Мои руки задрожали, сжавшись в кулаки. Волосы Фиби ниспадали по спине, вымытые и охрененно рыжие. И они были завиты. Макияж, ярко-красная помада на полных губах. Но не боевая раскраска заставила меня закипеть. А то, во что она была одета.

На ней был прозрачный белый топ. Ее соски виднелись под тканью. И он был коротким, показывая ее плоский живот и прекрасно очерчивая сиськи. Юбка была длинной, но даже отсюда я мог видеть ее стройные ноги и трусики сквозь материал. Или то, что больше походило на чертовы стринги. Она откинула голову назад, и ее смех раздался даже сквозь грохот рок-музыки.

— Сучка улизнула без нашего ведома, — сказал Кай.

Стикс сузил глаза, глядя на то, как Фиби выставляет себя идиоткой. Даже клубные шлюхи смотрели на нее, как на жалкую.

— Очевидно, Красотка приходила вчера и рассказала ей о клубном доме. Хотела предупредить Фиби о том, что ее ждёт. Ли сказала ей, что она может прийти сегодня вечером, — Кай покачал головой. — Пришел за ней, но обнаружил, что она уже ушла.

Он сделал паузу.

— А также четвертая бутылка «Джека» из моего бара за неделю. Оказывается, ее не пугала мысль о том, чтобы оказаться здесь. Сучка хотела этого.

Я оглянулся на Фиби. Черт, она была в хлам. Ее руки все еще лежали на том же мудаке, но когда я присмотрелся внимательнее, то увидел, что сучка едва стоит на ногах. Она качалась, ее сильно накрашенные глаза закатывались к ее гребаному затылку.

И тут меня осенило.

— Бурбон и текила, — сказал я вслух.

Если Кай и Стикс и обращали на меня внимание, то я не заметил.

— Бл*дь! — я сплюнул.

Я вспомнил ту ночь, когда она трахнула меня. Я сам был пьян, но помню, что чувствовал вкус ликера на ее губах.

— Она превратилась из наркоманки в алкоголичку.

Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала эта чертова струйка знакомых ощущений.

Снова.

— Да, и от спиртного эта сучка становится бешеной, — сказал Кай.

Он потер царапину на щеке. Она выглядела свежей.

— Моя награда за попытку вернуть ее домой.

Он посмотрел на Лилу, которая все еще наблюдала за Фиби с беспокойством в глазах.

— Накричала и на Ли. Шокировала ее до смерти, — лицо Кая потемнело. — Я потратил все силы, чтобы не вырубить эту сучку и не оттащить ее за волосы к нам домой.

Я повернул голову в сторону Кая. Его комментарий вывел меня из себя. Но он смотрел через всю комнату на Фиби.

— Считаю, — сказал Кай, пожав плечами, — что она свободна и может трахаться, с кем хочет. Пусть ее тут хоть каждый чувак обслюнявит, если ей так надо. Мне, бл*дь, все равно. Но Ли не плевать.

Он похлопал меня по спине.

— Подумал, что раз уж это был твой план — запереть ее в своем доме на неделю, чтобы отучить от погони за драконом, то ты, возможно, захочешь сделать это снова.

Мои губы скривились от дерьмового выражения Кая и ухмылки Стикса. И я никогда бы не сказал им об этом, но, черт возьми, я хотел вернуть эту сучку.

Она проникала мне под кожу. И прямо сейчас она была гребаным ножом под моими ногтями.

В баре раздался громкий треск, и какой-то незнакомый мне парень бросился на другого, с полуразбитой бутылкой в руке, готовый воткнуть ее в горло обидчика.

Тэнк и Булл в считанные секунды оказались на ногах. Булл ударил парня по горлу.

— Пора выкинуть этих дохляков.

Тэнк мотнул головой, и два массивных ублюдка влетели в толпу, Самсон и Соломон последовали за ними. Я огляделся в поисках Фиби, но ее нигде не было.

— Дерьмо, — прошипел себе под нос.

Я пробивался сквозь толпу, ища огненно-рыжие волосы и нанося удары каждому попавшемуся на моем пути ублюдку. Чем больше людей попадалось мне на глаза, жаждущих драки, тем больше я злился. Мои кулаки разлетались, желая разбить нос любому, кто посмел бы сейчас меня остановить.

Когда я подошел к дальнему углу бара, мне на плечо легла рука. Я повернулся, негодуя на того, кто посмел меня тронуть, и увидел Таннера с поднятыми вверх руками.

— Успокойся, бл*дь, АК, — он провел рукой по лицу.

Таннер выглядел как дерьмо.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал он, отталкивая меня с пути разрастающейся бойни.

Придурки и спиртное равнялись еженедельной драке в баре.

— Не сейчас.

Я попытался протиснуться мимо него.

Он встал на моем пути, и мне потребовалось вся сила воли, что у меня была, чтобы не ударить Белого Принца.

— Таннер. Убирайся, — предупредил я, оглядывая комнату в поисках Фиби.

Сучка исчезла. Я проскочил мимо, но Таннер схватил меня за плечо и оттащил назад. Я повернулся и замахнулся кулаком, но брат увернулся и схватил меня за воротник, притягивая к себе.

— Он, бл*дь, все знает!

Потребовалось около трех секунд, чтобы его слова просочились сквозь шум прямо в мою голову.

— Только что взломал электронную переписку между ним и моим братом. Он охотится за тем, кто забрал его сучку, — он сделал паузу. — Он охотится за тобой.

— Бл*дь, — прошипел я, чувствуя, как каждая унция крови в моем теле разгорается в пламя.

— Бо сказал ему, что не знает никого из вас в списке. Я проверил остальной сервер Мейстера. Ему не потребовалось много времени, чтобы заподозрить Палачей. Оказывается, Иуда рассказал ему все о нас. И хотя это никогда не звучало из уст Фиби, Мейстер знает, что ее сестра здесь.

Он покачал головой.

— Он знает, что она замужем за вице-президентом.

Таннер взглянул на Кая, который наблюдал за нами, как проклятый ястреб.

— Он будет искать.

— Мне плевать, насколько у них много оружия, эта банда деревенщин не сравнится с Палачами. Особенно когда Стикс и Кай узнают об этом. У нас будет подкрепление в течение нескольких часов.

— Согласен. Просто хотел, чтобы ты знал. Мейстер указал на тебя. Карсон. Он знает, что ты бывший снайпер, и этот ублюдок использует все имеющиеся у него связи с морпехами, чтобы выяснить, кто ты, бл*дь, такой. И ублюдок очень дотошный.

— Знаю. Я, бл*дь, встречался с ним, помнишь?

Мой взгляд упал на входную дверь.

— Иди и расскажи все Каю и Стиксу. Они разберутся в этом дерьме.

Таннер помчался через комнату. Когда я подошел к задней двери, Хаш и Ковбой уже проходили через нее.

Ковбой повернул голову в сторону бара, и по его лицу расплылась чертовски огромная ухмылка.

— Да, черт возьми, — промурлыкал он своим сильным каджунским акцентом. — У меня огромный стояк на сегодняшнюю драку.

Ковбой со своей «Стетсон» исчез в толпе.

Хаш наклонил голову в мою сторону.

— Я не уверен, но думаю, что сучка, которую мы вытащили из Клана, сейчас в переулке и собирается трахнуть какого-то придурка.

Огонь зажегся в моем животе, и я оказался за дверью быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Красный цвет затуманил мои глаза — весь день, бл*дь, красный. Мои легкие тяжело работали, когда я вдыхал теплый воздух, а глаза следили за каждым уголком переулка.

А потом я услышал это.

Этот гребаный стон, который держал меня в напряжении сорок восемь часов подряд. И этот вздох, который издавала сучка, когда засовывала пальцы в свою киску и работала над собой, пока не кончила.

Я сунул руку в задний карман, вытащил нож и зафиксировал его в руке. Медленно вошел в переулочек, соблюдая полную скрытность. Свет из здания клуба прекрасно освещал парочку, но я оставался в темноте.

Я смотрел, как рыжая голова Фиби скользила вниз по телу ублюдка. Видел, как сучка смотрит на него теми же глазами, которыми смотрела на меня. Гнев нарастал во мне, как адский огонь. Мудак залез в джинсы и вытащил свой член. Он подался вперед, пока Фиби устраивала свое маленькое представление. Потом его рука оказалась у нее в волосах, и он дернул ее вперед. Фиби даже не вскрикнула, когда его пальцы почти вырвали ее волосы. Сучка просто открыла рот, ожидая его члена.

И это было все, что я смог, бл*дь, вынести.

Я рванул вперед и врезался плечом в мудака, который держал свой член всего в дюйме от лица Фиби. Повалил это дерьмо на землю и ударил кулаком в уродливое лицо. Жирное ничтожество хрюкнуло и попыталось нанести ответный удар. Я рассмеялся ему в лицо, уклоняясь, и поднял свой нож так, чтобы он видел. Он побледнел, и я отступил от его тела.

На его лице появилось выражение облегчения. Этот ублюдок не знал, что я живу ради погони.

Он с трудом поднялся с земли. Одной рукой пытался засунуть свой маленький член обратно в джинсы. Он оглянулся, и облегчение сменилось ужасом, когда он увидел, что я медленно приближаюсь к нему.

Я рассмеялся.

Наклонившись, наслаждаясь тем, как кусок дерьма пытается выбраться из переулочка, я выхватил свой клинок и одним движением перерезал ему ахиллово сухожилие. Мешок с дерьмом закричал и схватился за лодыжку. Он посмотрел мне в лицо.

— Не с той сучкой связался, ублюдок, — насмехался я.

— На ней не было одежды «чей-то собственности». Она сказала, что никому из братьев не принадлежит, — попытался возразить он, но его слова только сильнее обожгли мою кожу.

— Она не свободна, — прорычал я, даже не осознавая, что слова сорвались с моих губ.

Затем, ведомый старым демоном, которого я держал взаперти, чтобы все были в безопасности, я опустил свой нож и пронзил подколенное сухожилие другой его ноги. Ублюдок снова закричал. Но я не остановился. Теперь, когда начал, я уже не мог остановиться. Я позволил этому чувству затеряться глубоко внутри меня, запереться. Но мысль о том, что рука этого ублюдка лежала на голове Фиби, а его член приближался к ее рту, выпустила ярость на свободу.

Я бил его по лицу, снова и снова, пока его оно не стало изуродовано, а мои костяшки пальцев разбиты.

— Пожалуйста, — умолял он сквозь кашель.

Но я лишь снова рассмеялся. Взяв его за сальные темные волосы, я оторвал его голову от земли и поднес лезвие к горлу. Я смотрел в его глаза и чувствовал знакомый запах мочи, когда трус намочил штаны.

Лезвие вдавилось в его кожу. Я уже собирался нанести удар, когда в переулочке раздался

звук шагов.

— Мужик остановись! — услышал я крик Хаша.

— Какого хрена ты пытаешься покончить с этим салом, брат?

Ковбой наклонился и поднял козырек своей «Стетсон», чтобы изучить будущий труп подо мной.

— Ого! — присвистнул он. — До встречи с лодочником осталось около одного взмаха, а, друг мой?

Мои зубы были стиснуты, пока я держал этого засранца за шиворот. Кто-то позвал меня по имени. Это был Хаш.

— Давай мы сами здесь закончим, — предложил он.

Я покачал головой, желая прямо сейчас покончить с этим дерьмом. Но в этот момент Хаш наклонился ближе и сказал:

— Твоя сучка только что снова вошла в бар. Похоже, она охотится за членом.

Я, бл*дь, сорвался.

Поднялся с разочарованным рыком, повалив парня на землю. Спрятал свой клинок обратно в карман и направился к двери. Я повернулся к своим братьям.

— Бросьте его или убейте. Но, если он будет здесь, когда вернусь, я закончу то, что начал. И не буду таким добрым, каким собирался быть.

Люди иногда удивлялись, почему Флейма, Вика и меня называли «Психотрио». У Вика было свое собственное дерьмо, с которым нужно было разбираться. А Флейм? Один взгляд на этого ублюдка говорил сам за себя. Что касается меня? Из-за этого мудака на земле, с перерезанным подколенным сухожилием и истекающего кровью, я и заслужил это имя. Но большинство моих братьев понятия не имели о том дерьме, которое я натворил в своем прошлом. Не представляли, на какое дерьмо я еще способен. И что в половине случаев я хотел сделать. И именно в этом заключалась истинная сущность психопата: совершить поступок и не испытывать ни малейших угрызений совести за содеянное.

Я распахнул дверь бара и шагнул внутрь. Здесь был полный бардак — последствия драки. Не-братьев вычистили к чертовой матери, что открыло мне прекрасный вид на Рыжую... и это зрелище резануло меня еще глубже, чем то дерьмо, которое я только что видел снаружи.

Вик.

Долбаный Вик!

Мои ноги тряслись, когда я стоял в дверях и смотрел на Фиби, сидящую на коленях Вика. Ее рука лежала на его плечах, и она смеялась. Но я смотрел именно на руку Вика. Его гребаная огромная рука лежала на ее спине, на ее чертовой голой спине, приближаясь к ее заднице.

Подгоняемый гневом, который выпустил наружу, я позволил ярости взять верх. Ворвался в комнату, не обращая внимания на то, что Кай зовет меня по имени. Схватил Фиби за руку и сдернул ее с колен Вика. Она удивленно вскрикнула, когда я толкнул ее за себя. Вик вскочил на ноги, его ехидная улыбка сияла во все лицо. Но сейчас я не видел своего друга. Я просто видел его гребаную руку на спине Фиби, ее руку на его плечах.

И видел гребаный красный цвет.

Я хлопнул руками по его груди, и гигант попятился назад.

— Какого хрена? — прошипел он, улыбка исчезла с его лица.

— Держись от нее подальше! — рыкнул я.

Глаза Вика расширились, когда он уставился на меня. Но я еще не закончил. Снова набросился на него, схватил за воротник и притянул к себе.

— Держи свои чертовы руки подальше от нее, или, клянусь Богом, ты больше не будешь моим братом.

На мое плечо легла рука, и я обернулся. Там стоял Флейм, темные глаза расширились, ноздри раздувались. Я вырвался от него и бросился к Фиби. Даже не дал ей шанса отреагировать, просто взял ее за руку и потащил из бара. Прошел мимо Малыша Эша, лицо которого было абсолютно белым.

— Ключи, — потребовал я, когда Фиби попыталась отстраниться от меня.

Я крепко держал эту сучку. Она вывела меня из себя.

Эш передал мне ключи от грузовика, и я покинул клуб с этой шлюхой на буксире. Я слышал крики Лилы и Мэй. Слышал, как Кай пытался догнать меня.

— АК! — крикнул он, когда я добрался до своего грузовика.

Я открыл пассажирскую дверь и бросил почти голую задницу Фиби на сиденье. Захлопнул дверь и перебрался по капоту на сторону водителя.

— АК! — снова крикнул Кай.

Я обернулся, приготовившись к еще одной гребаной драке. Вице-президент смотрел на меня с подозрением. Он держался в стороне.

Хороший, бл*дь, выбор.

— Куда, твою мать, ты с ней собрался, брат?

— Ты написал мне, чтобы я разобрался с этим дерьмом. Так вот, бл*дь, этим я и занимаюсь.

Фиби дотянулась до окна со стороны водителя и начала бить по нему кулаком. Она говорила какую-то хрень, которую я не мог разобрать, пыталась вырваться, кричала, как долбаная банши. Кай наблюдал за ней, пока она в ярости пыталась разбить стекло.

— Ты думаешь, Ли просто так смирится с тем, что я позволил тебе забрать ее сестру?

— Ты знаешь, как вести себя с ней в таком состоянии? Ты знаешь, как вести себя с чертовой наркоманкой? Которая настойчиво пытается отыметь весь клуб, член за членом?

Мое терпение было на исходе. Фиби переместилась на задницу и начала бить в окно ногами. Я услышал, как сломался уплотнитель; она была в двух секундах от того, чтобы разбить стекло.

— У тебя сейчас есть ребенок, о котором нужно беспокоиться. Пусть эта сучка будет моей проблемой.

Моя челюсть сжалась, и я почувствовал, будто лезвие вонзилось мне в грудь.

— Черт возьми, я уже сталкивался с подобным дерьмом раньше.

Я не стал дожидаться ответа Кая. Открыл дверь и протиснулся внутрь. Руки Фиби обрушились на меня, когда она пыталась бороться. Взяв ее за руки, я толкнул ее на сиденье и встретился с ее разъяренным лицом.

— Ты, оставайся на месте на хрен. Не выводи меня, сучка. Не выводи меня, твою мать!

Ее кожа была влажной от пота, и она тяжело дышала. Если бы взглядом можно было убить, я бы в считанные секунды превратился в пепел. Воспользовавшись ее кратковременной неподвижностью, я включил двигатель и тронулся с парковки. Выехал на грунтовую дорогу на бешеной скорости и сосредоточился на том, чтобы поскорее вернуться в свой дом.

Бешеной сучке не потребовалось много времени, чтобы снова напасть на меня.

Практически перелезая через консоль, она впиалась ногтями в мои руки и шею. Я не сводил глаз с дороги, не обращая внимания на кровь, которую она пускала. Единственный раз, когда я вообще среагировал, это когда она провела ногтями по моей щеке.

Я толкнул ее назад, пока она не оказалась на своем сиденье, запыхавшись и с глазами, остекленевшими от переизбытка гребаного спиртного. Свернув на поляну, я припарковал грузовик.

Она выскочила из двери со стороны пассажира еще до того, как я успел пошевелиться. Я вылез из грузовика и помчался за ней, пока она бежала к деревьям. Настиг ее в мгновение ока и перекинул худое тело через плечо. Фиби вцепилась ногтями в мою спину.

— Отпусти меня, — прошипела она, колотя кулаками по моим лопаткам.

Я открыл дверь в свой дом и запер нас внутри. Опустил ее на пол. Она пошатнулась, выпрямляясь. Свет из кухни был ярче, чем в баре, и я хорошо рассмотрел ее глаза. Они были тусклыми и прикрытыми. Черный макияж размазался вокруг глаз, делая ее похожей на чертова енота.

— Успокойся, мать твою, — приказал я.

Бледная кожа Фиби покраснела, когда она задергалась на месте. Я стоял на своем, сложив руки на груди. Затем сучка нанесла удар. Ее рука полоснула меня по лицу. И на этот раз за ударом стояла чертова сила. Моя голова дернулась в сторону. С меня было достаточно. Двигаясь вперед, я толкнул ее спиной к стене коридора.

— Богом клянусь, сучка, я тебя вырублю, если ты еще раз так сделаешь, — прошипел я, впиваясь в нее взглядом.

Она плюнула в меня.

— Отпусти меня!

Я чувствовал запах спиртного в ее дыхании.

— Зачем? Чтобы ты могла трахнуть какого-то жирного засранца? Чтобы твоя киска была заполнена, как у гребаной шлюхи, которой ты и являешься?

— Да! — закричала она, борясь с моей хваткой.

Когда ей не удалось освободиться, она приблизила свое лицо к моему и холодно улыбнулась.

— Мне нравится, когда меня трахают. Я люблю кончать. Мне нравится член, и я не люблю ничего больше, чем когда кто-то засовывает его мне в рот, а потом кончает мне в горло.

Злость, которая кипела во мне, вспыхнула от этих дерьмовых слов, вылетевших из ее рта.

— И ты не был против моей киски той ночью, — подразнила она.

Сучка укусила меня за мочку уха. Укусила чертовски сильно. Я дернул головой назад, и она рассмеялась мне прямо в лицо.

— Когда я держала твой член во рту, а потом глубоко внутри себя. Я скакала на тебе и заставляла тебя стонать.

Мои руки дрожали, я старался не сжимать ее слишком сильно.

— Ты так сильно хочешь, чтобы тебя трахнули, шлюха? Ты хочешь, чтобы я ворвался в тебя и заставил кончить?

— Да, — крикнула она и вырвала одну из своих рук.

Она не ударила меня, как я ожидал. Вместо этого ее веки опустились, и она провела рукой по моему животу, пока не остановилась у члена. Она встретилась с моими глазами, и

мы оба просто замерли.

Адреналин и гнев смешались в моих венах. Я услышал тиканье часов на кухне и звук включившегося кондиционера. Услышал слишком быстрое дыхание Фиби. Она пристально смотрела на меня. Я пристально смотрел в ответ. И я не был уверен, кто двинулся первым, но в одну минуту я был полон кипящего гнева, готовый вот-вот взорваться и надрать ей задницу, а в следующую — ее рот был на моем, сиськи прямо напротив моей груди, и мой член стал дико твердым.

Фиби застонала, когда я отпустил ее руку и стянул с нее топ. Ее сиськи вырвались на свободу, и я обхватил их руками. Пальцы Фиби расстегнули мои джинсы. Я оторвался от ее рта, когда ее рука обхватила мой член.

— Проклятье, — прошипел я и опустил голову, чтобы взять ее грудь в рот.

Другой рукой она обхватила мои волосы, потянув за пряди. Я сосал ее сосок, пока ее рука гладила мой член вверх и вниз.

Ее дыхание было учащенным, а кожа скользкой. Я задрал ее юбку до бедер. Порвал в клочья трусики, отбрасывая в сторону испорченный материал. Моя рука скользила вдоль ее киски, пока не встретилась с клитором. Она вскрикнула в мое плечо, затем лизнула шею, впиваясь в кожу. Я закрыл глаза, когда ее губы вернулись к моим, а язык проник в мой рот. Она стонала и задыхалась, когда я брал ее гребаный рот, заставляя сучку забыть о Вике и том мудаке из переуллка.

Мысль о том, что она трахается с другими мужчинами, заставила мою кровь еще сильнее нестись по венам. Оторвав руку от клитора, я наклонился и взял ее за ноги. Поднять ее оказалось совсем несложно. Фиби застонала и обхватила меня руками за плечи. Я прижал ее спиной к стене, а затем одним быстрым толчком вошел в ее мокрую киску.

— АК! — воскликнула она, когда ее голова откинулась назад и ударилась о стену позади.

Я был как одержимый, когда входил в нее. Фиби поднесла руки к моим щекам и прижала меня к своему лицу. Она смотрела мне в глаза, пока я двигал бедрами, прикусив губу от ощущения, что ее дырочка душит мой член. Ее стоны были низкими и протяжными. Ее губы встретились с моими. Она поела мой рот, и я глотал ее крики. Мои руки крепче сжимали ее бедра, пока я входил в нее. Ее ногти царапали мою кожу, но это только подстегивало меня.

Я входил в нее все сильнее и сильнее, пока не почувствовал, что ее киска начала сжиматься. Мои яйца начали болеть, и я оторвал свой рот от нее, уткнувшись головой в ее шею. Ее крики становились все громче и громче, а бедра быстрее качались вверх и вниз.

— АК... — сказала она, ее голос больше не был кричащим и безумным.

Ее задыхающийся голос был надломленным, потерявшим весь свой гнев. А потом она кончила, дыхание покрыло мою кожу. Ее руки скользнули к моей шее, ногти прочертили кровавые следы. Еще тремя толчками я вошел в нее, подрагивая, пот стекал по моей спине, пока ее спина билась об стену.

А потом все стихло.

Ничего не было слышно, кроме нашего дыхания. Тишина была настолько сильной, что я услышал ее плач прежде, чем почувствовал, как слезы падают мне на шею. Услышал ее плач раньше, чем почувствовал, как она дрожит в моих руках.

Я поднял голову, и Фиби крепко обхватила меня за шею, словно я был ее якорем. Я моргнул, не зная, что, черт возьми, делать. Как можно мягче я поднес руку к ее лицу и

сдвинул голову с моего плеча. Сначала Фиби сопротивлялась, но уступила, когда я сказал:

— Рыжая. Посмотри на меня.

Ее щеки были залиты слезами, на бледной коже виднелись черные пятна от туши. Ее красная помада была размазана по лицу. Сиськи выпирали из испорченного топа, а волосы были в беспорядке.

Она разбивала мое чертово сердце.

— Теперь они позволят мне увидеть ее, — тихо проговорила она. — Если у меня все получится, они позволят мне взять ее за руку.

Что за?..

Я смахнул слезы с ее щек. Она взяла мою руку дрожащими пальцами и поднесла к губам, и я почувствовал себя так, будто меня ударили по лицу. Она уставилась на разбитую в драке кожу на моих костяшках, поцеловала пятно крови — я не знал, было ли оно моим или принадлежало кому-то другому.

Она отпустила мою руку и уставилась в пол. Я смотрел на ее опущенную голову, и, черт возьми, обнял ее еще крепче.

Она была сломлена.

Потеряна.

Ее слова, сказанные в начале недели, вертелись у меня в голове. Не знаю, как долго я простоял у стены, просто держа ее в объятиях. Но в конце концов все выпитое ею спиртное взяло свое, и ее лоб опустился на мое плечо. Ее дыхание выровнялось, и она уснула.

Я вышел из нее и одной рукой застегнул джинсы. Фиби зашевелилась в моих руках, но не проснулась. Я отнес ее в спальню и положил на кровать. Натянул плед на почти обнаженное тело. Когда взглянул на нее, похожую на какую-то заблудшую шлюху, часть меня умерла. Рукава ее топа были разорваны, открывая шрамы от уколов. И теперь, когда мы вышли из бара, я чувствовал запах спиртного, волнами исходящий от ее кожи.

Я стянул с себя футболку и бросил на пол. Зайдя в ванную, я увидел свое отражение в зеркале и замер. Кожа на моих щеках, шее, груди и верхней части спины была исцарапана в кровь и покраснела. Помада Фиби была размазана по моему лицу. В глазах потемнело, и когда я сделал шаг вперед, передо мной уже не было АК, брата Палачей. Прямо на меня смотрел Ксавьер Дейерс, снайпер морской пехоты, спецназовец. Я знал этого ублюдка и относился к нему только с ненавистью. Этот ублюдок жил со смертью в глазах.

И я считал, что усыпил его много лет назад.

Очевидно, Рыжая смогла его разбудить.

Разочарованный, не желая видеть его лицо, я сжал кулак и ударил им по стеклу. Оно разбилось, и осколки полетели в раковину, внезапно мне стало трудно дышать. Моя грудь сжалась, отсутствие дыхания, которое я никак не мог заполучить, подкрадывалось ко мне, как тяжесть, давящая на грудную клетку.

Я отступил к ванне и сел на край. Мои руки дрожали. Мои всегда спокойные руки снайпера никак не могли успокоиться. Я опустил голову, и шквал образов хлынул на меня. Кровь, крики, гнев.

Гнев, который пылал так горячо и ярко, что изменил меня навсегда. Затем беспомощность, печаль и гребаное чувство вины. Так много вины, что я чувствовал ее горечь на языке.

Заставив себя собраться с мыслями, я встал, стер помаду со рта предплечьем и вытер кровь с костяшек пальцев о джинсы. Намочил полотенце водой и вернулся в спальню. Сев на

край кровати, я начал стирать черные и красные разводы с лица Фиби. Когда макияж уступил место ее бледной коже и веснушкам, я расслабился. Черт знает, зачем ей понадобилось скрывать эти веснушки. Я очищал ее лицо, пока не осталось ничего, кроме нее.

Фиби.

Я надел на нее свои тренировочные штаны и чистую черную футболку Палачей и снова накрыл ее пледом.

В течение двадцати минут я смотрел на нее, спящую. Подумал о спиртном, которое она украла на этой неделе, и понял, что с тех пор, как она была здесь в последний раз, кричала и громила мою комнату, когда слезала с героина, она не была трезвой.

— С чем ты не можешь смириться? — спросил я, наклонившись над ней.

Она не проснулась, да я и не хотел этого. В таком состоянии она была спокойна. Но когда просыпалась? Похоже, она была в такой же жопе, что и я.

— Спи, — я прижался поцелуем к ее лбу.

Ее бледная кожа была прохладной под моими губами.

Я достал сигареты из заднего кармана и вышел за дверь. Прислонившись к внешней стене дома, опустил на задницу. Я опустил голову, делая затяжку за затяжкой.

Сидя в тишине, я просто, бл*дь, думал. Думал о дерьме, о котором больше никогда не хотел думать. Остановился только тогда, когда услышал шаги на поляне. Я услышал негромкий звук голосов, потом как закрылась дверь.

Почувствовал, что они стоят передо мной, и поднял голову. Вик и Флейм смотрели на меня. Я видел, как Малыш Эш ушел с Мэдди в дом Флейма, оставив меня и моих братьев одних.

Я прислонился головой к стене и уставился на них. Флейм покачивался на ногах. И, черт возьми, если бы это не заставляло меня чувствовать себя еще более виноватым. Он смотрел на меня так, словно не знал меня.

Потерянный.

Сбитый с толку.

Внезапно, все, что я мог видеть, это молодого Флейма много лет назад, в той психушке, на кровати. Я видел его черные глаза, которыми он смотрел на нас с Виком, его взгляд был таким же мертвым и неподвижным, как и его тело, когда он лежал на этой чертовой койке. Он был худым, его руки были связаны. В нем было примерно столько же жизни, сколько и в Девине. И когда я увидел, что он смотрит на меня, действительно смотрит в мои глаза, я просто обязан был помочь.

— Мне жаль, — пролепетал я.

Брат замер. Его взгляд опустился на землю, а глаза задвигались из стороны в сторону, обдумывая мои слова.

— Я... — я не знал, как как выразить то, что со мной происходит. — Моя голова...

Я глубоко вздохнул.

— Я в глубоком дерьме.

— Мы твои братья, — сказал Флейм.

Я знал, под этим он подразумевал вопрос: какого хрена я на них ополчился?

— Ты мой... мой... мой... — он пытался придумать, что сказать.

Но я знал. Я был его семьей, тем, кто привел его сюда. И я никогда не подводил его раньше.

Но по его глазам я понял, что подвел его. Я клялся, что никогда не подведу. Особенно Флейма. Он не знал, как справиться с этим дерьмом.

— Этого не повторится, — пообещал я.

Его напряженное лицо расслабилось от облегчения. Я посмотрел на Вика.

— Я облажался.

Вик покачал головой и подошел ко мне. Он сел рядом. Флейм подошел и сел с другой стороны от меня.

— Не знал, что тебе нравится эта сучка, — Вик смотрел прямо на поляну. — Я бы и близко к ней не подошел, если бы знал. Думал, ты просто хочешь, чтобы она была в безопасности.

— Знаю, — сказал я, чувствуя, что полностью лишен энергии.

— Она делает тебя другим, — сказал Флейм своим обычным безэмоциональным тоном. — Она делает тебя таким, каким ты был раньше.

Я поморщился, зная, что Флейм всегда говорил только правду. Я поморщился, потому что это и была правда.

— Она напоминает тебе... обо всем, не так ли? — спросил Вик, в его голосе не было ни нотки юмора.

— Я никогда не забывал, — сказал я, признавая это впервые. — Просто мне удалось закопать это дерьмо достаточно глубоко, чтобы оно не проявлялось. Рано или поздно оно должно было всплыть.

— Ты видишь все это, когда ты с ней? — спросил Флейм.

— Да, — я попытался проглотить комок в горле.

Вздыхнул и стряхнул пепел на землю.

— Я устал. Так устал от того, что никогда не сплю. Пытаюсь не закрывать глаза из-за того дерьма, что вижу. Не могу думать ни о чем из своего прошлого, потому что не могу, бл*дь, справиться...

Вик схватил меня за плечо и сжал. Я опустил голову, чтобы не сломаться, как киска.

— Я заберу ее в охотничий домик, — сказал я, почувствовав, как Вик напрягся.

Флейм зашипел сквозь зубы:

— Нет...

— Да, — возразил я. — Ей нужно уехать и очиститься навсегда. Необходимо разобраться со всем своим дерьмом подальше отсюда. Даже от своей сестры. Я видел ее глаза. Она чертовски потеряна. И она не справится, если останется здесь.

— Ты не возвращался туда с тех пор, как... — сказал Вик.

— Знаю. Но он уединенный, и ей это пойдет на пользу. Изоляция.

— Мы с тобой, — Флейм двинулся вперед, несомненно, к Мэддс.

Я знал, что лучше не тащить его в прошлое.

— Нет, — сказал я.

Он повернулся ко мне, его мышцы напряглись.

— Я пойду один.

— Но...

— Флейм. Это я. — я покачал головой. — Черт, брат, мне тоже это нужно.

Сделал глубокой вдох.

— Я сломаюсь, если не сделаю этого. Чувствую, как все повторяется. У меня больше нет сил этому противостоять.

— Мне это не нравится, — грубо сказал он.

— Знаю.

— Когда? — спросил Вик.

— Сейчас, — я поднялся на ноги.

Дверь в дом Мэдди и Флейма открылась, и Эш вышел покурить. Тут же его обеспокоенный взгляд упал на меня. Я вскинул подбородок и сказал:

— Иди сюда, Малыш Эш.

Он подошел к нам, засунув руки в карманы. Я положил руку ему на затылок и притянул его к себе.

— Я был мудаком, — сказал я и поцеловал его в макушку.

Я отпустил его, и он поднял на меня глаза.

— Все в порядке.

— Нет. Я просто сорвался, парень. Этого не должно было случиться, — я оглянулся на Флейма и Вика. — Я уезжаю на некоторое время. Присмотришь за домом, хорошо?

— Конечно.

Малыш Эш сделал паузу, затем спросил:

— Надолго?

— Не знаю. На столько, на сколько потребуется.

Я достал ключи от грузовика из кармана и бросил их Эшу.

— Проверь масло и прочее дерьмо, парень, ладно? Я скоро уезжаю.

— Да, хорошо.

Эш направился к грузовику.

— Таннер сказал мне кое-что сегодня вечером, — сказал я Вику и Флейму. — Мастер знает, что это были мы. Или подозревает. Таннер думает, что к нам могут пожаловать гости.

— Черт, — сказал Вик, затем кивнул. — Мы разберемся.

Я направился обратно в дом, чтобы собрать вещи и забрать Фиби.

— Увидимся, когда мы вернемся.

За пятнадцать минут я собрал все необходимое дерьмо и погрузил в грузовик. Вернулся в спальню, взял Фиби на руки и вынес наружу. Положил ее на сиденье и сел в машину со стороны водителя. Вик и Флейм подошли к моей двери.

— Позвони, если мы тебе понадобится, хорошо? — сказал Вик.

— Хорошо.

Я кивнул Флейму. Знал, что он был недоволен. Затем отъехал от поляны и выехал из комплекса на дорогу. Я не включал музыку, пока Фиби спала. Через тридцать минут она пошевелилась во сне, ее рука протянулась и легла на мое бедро. Я посмотрел вниз на ее ладонь, лежащую раскрытой. Не знал, что, черт возьми, на меня нашло, но я убрал одну руку с руля и переплел свои пальцы с ее.

Ее рука выглядела крошечной и хрупкой, переплетенной с моей. И впервые за несколько дней я сделал вдох, который показался мне настоящим гребаным глотком воздуха.

И я не отпускал ее, пока мы приближались к охотничьему домику.

Где нас поджидало слишком много демонов.

Так что я просто, бл*дь, держался за нее.

Фиби

Я почувствовала тяжесть своих век еще до того, как открыла глаза. Было жарко, и мои волосы прилипли к лицу. А щека к тому, на чем лежала. Пахло кожей.

Я застонала, как только попыталась пошевелиться. У меня болела голова и пульсировало в висках. Я поднесла руку к голове и перевернулась на спину. Резко вдохнула, когда это небольшое движение вызвало тошноту, подступившую к горлу. Я старалась не двигаться, молясь, чтобы это прошло. Но мне не повезло.

Присев, я открыла глаза и поморщилась от проникающих лучей солнца... Пошарила руками вокруг себя и поняла, что нахожусь в грузовике. Мои пальцы нащупали дверную ручку. Я рывком распахнула дверь и опустила ноги на грязную землю.

Я едва почувствовала теплый, липкий воздух на своем лице, когда мне пришлось нагнуться и извергнуть все, что было у меня в желудке. Я держала свои волосы, пока меня тошнило, мои глаза слезились. Когда потребность в рвоте прошла, я выпрямилась на дрожащих ногах. Мир закружился, голова стала ватной. Я закрыла глаза, чтобы не упасть. Прислонилась спиной к грузовику и сосредоточилась на своем дыхании. В ту минуту, когда это сделала, я вспомнила ее. Мое лицо исказилось в агонии. Но я приветствовала пришедшую боль. Это было мое наказание, плата за то, что я подвела ее...

— Где она? — спросила я Марту.

Моя кожа все еще была влажной после душа, и было уже поздно. На самом деле, слишком поздно, но я хорошо поработала, поэтому брат Джон разрешил мне разыскать ее. Я заработала тридцать минут непрерывного с ней общения.

Редкий подарок.

— Она в своей комнате, — сказала Марта, все еще одетая после ночного задания.

— Спасибо.

Я направилась по коридору.

— Она получила свое первое прикосновение сегодня вечером.

Споткнувшись, я остановилась и почувствовала, как глубокая трещина расколола мое сердце. Это было не воображение — я действительно почувствовала, как оно треснуло на куски. Настоящая физическая боль.

— Кто? — прошептала я, борясь с комом в горле.

Слезы все равно навернулись мне на глаза. Я знала, что этот день настанет. Знала, что это считалось благословением, но все же я не чувствовала радости в своем сердце, которая, как я знала, должна была быть. Все, о чем я могла думать, была маленькая Сапфира.

Ей было одиннадцать лет.

— Пророк Давид послал сюда с визитом нескольких человек. Один из них выбрал ее.

Марта подошла ближе и положила руку мне на плечо. Ее улыбка была яркой.

— Я вижу боль на твоем лице, но сегодня вечером она завоевала благосклонность пророка.

Я оцепенело кивнула, зная, что должна чувствовать. И все же не могла. Я понимала,

что дьявол, должно быть, проник в мою душу, чтобы заставить меня усомниться в нашем пророке и путях нашей веры, но я не могла радоваться.

— Я должна пойти к ней, — сказала я.

— Фиби, я люблю тебя. Но ты должна разорвать узы, за которые держишься. Это заставляет тебя чувствовать бремя, от которого ты должна быть свободна.

Я посмотрела на лицо Марты и увидела в нем только сочувствие.

— Я была в такой же ситуации, как ты. Я отпустила. Теперь и ты должна.

— Не могу, — тихо сказала я и положила руку на сердце. — Я никогда не могла подчиниться.

Я отвернулась от Марты и, тяжело ступая, направилась в комнату Сапфиры. Протянула руку к ее двери, собираясь постучать, но моя рука осталась висеть в воздухе. Дыхание участилось. Что ждало меня по ту сторону двери?

Я вошла в тускло освещенную комнату, в углу горела только одна свеча. Ее кровать была пуста.

— Сапфира?

Мое сердце билось где-то в горле.

Рядом с ее кроватью послышалось тихое сопение. Оцепенев, я позволила своим ногам вести меня, и нашла ее в углу комнаты, обхватившую руками колени. Ее длинные светлые волосы скрывали лицо, кончики завивались на полу.

— Саффи? — прошептала я, называя ее ласковым именем, и слез стало еще больше при виде ее, такой крошечной, на полу.

Саффи подняла голову. Даже в этом мягком сиянии ее темные глаза казались огромными и круглыми... и наполненными болью.

— Фиби? — сказала она слишком тихо.

Я подошла ближе. Ее красивое лицо скривилось, и рыдания вырвались из ее горла. Инстинктивно я подлетела к ней, призванная болью, и обняла. Ее миниатюрное тело упало в мои объятия, и ее слезы пропитали мое платье.

— Ш-ш-ш, — я попыталась успокоить ее, нежно укачивая.

Но знала, что это бесполезно. Я была на ее месте. Помнила тот день так, словно он произошел совсем недавно. Поэтому я просто обняла ее. Поцеловала в макушку, когда она вытерла все свои слезы. Я понюхала ее волосы, пытаюсь запомнить запах и крепче сжала ее, вспоминая, как сильно она выросла с тех пор, как в последний раз была в моих объятиях — слишком давно.

Я попыталась насладиться всем, что было связано с этим моментом.

— Ш-ш-ш, — снова успокоила я и почувствовала некоторое облегчение, когда рыдания Сапфиры стихли и ее дыхание успокоилось.

— Саффи.

Я убрала ее голову от своей груди и откинула волосы с лица. Ее фарфоровая кожа была покрыта красными пятнами, а глаза были опухшими и воспаленными. — Милая, — сказала я, глядя в ее пытливые глаза и чувствуя, как мое собственное зрение мерцает.

Я закрыла глаза, прогоняя слезы, и снова посмотрела на нее сверху вниз. Я выдавила из себя улыбку.

— Марта все мне рассказала.

Саффи придвинулась ближе ко мне, и я крепче прижала ее к себе. Не думала, что она заговорит, слишком много секунд тянулась тишина, пока она не сказала:

— Он... он причинил мне боль.

Эти слова. Эти просто сказанные слова, наполненные таким тяжелым признанием, были моей гибелью. Я почувствовала, как моя душа разрывается на части, когда я держала ее в своих объятиях, беспомощная сделать что-нибудь, чтобы помочь.

— Знаю.

Я поцеловала ее в макушку.

Саффи положила руку на низ живота.

— Мне... Мне это не понравилось, как должно было по словам брата Джона.

Я не думала, что смогу это вынести. Не думала, что когда-нибудь смогу сдвинуться с этого места. Я не могла ее отпустить. Я не собиралась больше быть вдали от нее.

Но я знала, что у меня нет выбора.

— Знаю, — повторила я.

Эти жалкие слова были на вкус как кислота на моем языке.

— Но... но все наладится. В следующий раз все будет не так плохо.

Саффира в панике уставилась на меня.

— Я не хочу, чтобы был следующий раз. Пожалуйста, сестра, я не могу... не думаю, что смогу...

Ее нижняя губа задрожала.

— Пожалуйста...

Сестра...

Это слово пронеслось у меня в голове.

— Я хочу жить с тобой.

Она встала на колени, ее маленькое красивое лицо оказалось перед моим. Она повзрослела с тех пор, как я была здесь в последний раз. Ее лицо теряло детские черты и превращалось в лицо молодой девушки. Я провела пальцем по ее щекам, улыбаясь сквозь слезы, когда увидела россыпь веснушек на ее носу. Несколько из них были у нее на щеках, одна побольше — возле глаза.

Это было прекрасно... она была прекрасна. Так идеальна в моих глазах.

— Пожалуйста, — снова взмолилась она. — Ты моя сестра. Мы — одна кровь, Фиби. Позволь мне жить с тобой. Я буду вести себя хорошо.

На этот раз я не смогла сдержать слез, и они потекли, горячие и соленые, по моим щекам.

— Я знаю, моя дорогая, — сказала я со всей силой, на которую была способна. — Но это не тот путь. Брат Джон и Пророк Давид никогда этого не допустят.

Я прислонила свой лоб к ее лбу и закрыла глаза.

— Если бы могла, я бы отвезла тебя к себе домой и оберегала от всего плохого.

Я улыбнулась, представляя себе этот рай в своей голове.

— Я бы заботилась о тебе и читала по ночам, пока ты не заснешь в моих объятиях.

— Что бы ты читала?

Она положила голову мне на плечо.

— Все, что ты пожелаешь, — сказала я, убирая волосы с ее лица.

Я снова поцеловала ее в макушку и почувствовала, как ее тело отяжелело от усталости.

— Я бы хотела этого, — сонно сказала она. — Я... скучаю по тебе, Фиби. Хочу, чтобы ты всегда была со мной. Но, когда я спрашиваю, мне говорят быть терпеливой.

Она покачала головой.

— Думаю, что у меня выходит не так хорошо с терпением.

Она вздохнула, принимая более удобное положение. Я сжала ее так крепко, как только могла, не причинив ей боли.

— Я...

Я зажмурила глаза, избавляя их от влаги.

— Я тоже скучаю по тебе, милая.

Я не могла вынести боли в своем сердце. Такая ужасная боль. Мне нужно было выпить. Мне нужно было забыть. Алкоголь или зелье помогли мне забыть.

Я открыла глаза и вытерла влагу, затуманившую мое зрение, собираясь найти какую-нибудь выпивку. Когда мое зрение улучшилось, я осмотрела открывшееся передо мной зрелище. Меня окружал лишь густой покров деревьев. Мои брови опустились в замешательстве, и я проглотила сухость в горле. Нервы накалились внутри меня, когда я попыталась вспомнить, как я здесь оказалась.

Это был не дом Лилы. Это был не Новый Сион...

Мейстер.

Ледяные струйки страха побежали по спине, и сердце бешено заколотилось.

Неужели он каким-то образом нашел меня?

Откуда-то сзади донесся слабый стук. Я замерла, мои мышцы напряглись. Я выровняла дыхание, собравшись с духом, чтобы повернуться. Я не была уверена, что смогу пошевелиться, но должна была это сделать. Если бы это был Мейстер, он бы не оставил меня надолго в покое.

Я повернулась и осторожно выглянула в окна грузовика, используя его кузов в качестве щита. В нескольких ярдах от него стоял небольшой деревянный домик, снаружи находился очаг и несколько садовых кресел. Входная дверь была открыта.

Изнутри послышался еще один грохочущий звук.

Страх разлился по венам, когда я попыталась заглянуть в окна. Я видела, как кто-то двигался внутри, но не могла ничего разглядеть, кроме размытых очертаний и отражения восходящего солнца от стекла. Я отчаянно пыталась вспомнить прошлую ночь, дни, предшествовавшие этому моменту. Но воспоминания были разрозненными, и их трудно было зафиксировать. Стук в голове делал почти невозможным здраво мыслить.

Я огляделась вокруг в поисках тропинки, выхода, как вдруг услышала, что кто-то приближается к входной двери. Я присела на корточки у грузовика, мое сердце бешено колотилось. Выглянула из-под полуприкрытых век и в полумраке заметила пару ног в ботинках, затем ноги в джинсах. Рука, держащая три полных мешка для мусора...

... а потом он вышел на свет.

АК.

Я прислонилась к грузовику. Он отнес мешки в грузовик и закинул их на заднее сиденье. Там уже было много мешков. Он вытер лоб предплечьем. Я не могла отвести от него глаз, от его крупного телосложения, множества татуировок, растрепанных темных волос.

АК вытащил сигарету из заднего кармана и поднес ко рту. Легкий ветерок донес запах сигаретного дыма. Он подошел к дверце со стороны водителя, открыл ее и сунул руку внутрь. Вытащил кожаный жилет, который был под моей головой, пока я спала. Это был его жилет,

тот самый, который показывал, что он был с Палачами. Он надел его поверх своей футболки и огляделся. У меня не было времени притвориться, что я не прячусь, прежде чем его взгляд встретился с моим.

Я оттолкнулась от грузовика и провела пальцами по волосам. Посмотрела вниз и впервые увидела, во что я была одета. Черные брюки из мягкой ткани, которые были мне великоваты, но держались на шнурке вокруг талии, и черная футболка с дьяволом спереди. На ногах у меня были сандалии.

Ботинки АК захрустели по гравию, когда он обошел капот грузовика и остановился передо мной.

Я опустила голову.

Мое лицо загорелось, когда я поняла, что стою рядом с рвотой.

— Как ты себя чувствуешь? — глубокий голос АК прорвался сквозь мое смущение.

Я подняла голову и увидела беспокойство в его глазах. Открыла рот, чтобы сказать ему заученную ложь, которая была моим обычным ответом на такие вопросы. Но что-то внутри меня не позволяло говорить такие вещи. По тому, как АК смотрел на меня, как его темные глаза проникали в мои, я знала, что он почувствует обман. Поэтому честно ответила:

— Ужасно.

Я почувствовала, как мой желудок сжался от того, какой слабой я стала.

— Не сомневаюсь, — сказал он. — Входи. Я уже закончил с уборкой. Не собирался приводить тебя сюда, пока снова не сделаю его пригодным для жизни.

Я смотрела АК в спину, когда он уходил. Он остановился у входной двери и обернулся.

— Солнце почти взошло, и с этим гребаным похмельем, которое скоро даст о себе знать, я бы на твоём месте не хотел слишком долго стоять на жаре.

Я подняла глаза к небу, к безоблачному утру и яркому солнцу, начинающему распространять свои лучи. Яркий свет резанул меня по глазам, как кинжал. Я направилась к маленькой хижине. Она выглядела иначе, чем дом АК — меньше и менее изысканно. И все же в ней все еще было какое-то очарование.

Скрестив руки на груди, я переступила порог дома. Стены были деревянными, как и пол. Он блестел и пах свежестью и лимонами. Справа была кухня с небольшим столом. Белые шкафы выглядели старыми и потрескавшимися, но они тоже были недавно вычищены.

Слева стоял выцветший диван, а перед ним стол. В помещении было еще три двери. Я прошла дальше, заметив больше. Стены были голыми, если не считать нескольких голов животных, которые были прикреплены к табличкам. Я подошла ближе к одной из стен. Несколько выцветших пятен испортили старую древесину. Квадратные и прямоугольные формы, где явно когда-то висели какие-то фотографии или картины. Но теперь они исчезли.

Я уловила какое-то движение справа от себя. АК выходил из одной из дверей. Он увидел меня, разглядывающую стену, и его лицо омрачилось чем-то, чего я не могла расшифровать. Он повернулся и пошел на кухню. Открыл холодильник и достал бутылку апельсинового сока. Он налил его в стакан.

— Садись за стол, — сказал он.

Все еще не зная, где мы находились и почему мы вообще были здесь — я сделала так, как он сказал. Когда села, то положила руку на живот, борясь с тошнотой. Мне было интересно, хранил ли АК какой-нибудь алкоголь у себя на кухне, спрятанный где-нибудь в шкафу.

Передо мной оказался стакан апельсинового сока. АК подошел к другому шкафу и

достал маленький пузырек.

— Выпей это с соком, — сказал АК, садясь на стул рядом со мной и кладя две синие таблетки на столешницу.

— Что это такое?

Я взяла стакан дрожащими руками.

— Помогут с головной болью, — ответил он. — Прими их.

Я затолкала таблетки в горло и запила соком, а затем поставила стакан, когда больше не могла глотать. Между нами повисла напряженная тишина. Несколько раз, когда я набиралась смелости взглянуть на АК, он наблюдал за мной. И выражение его лица было сердитым. Его кожа была покрыта красными царапинами на щеках, шее и груди.

Я ничего не помнила об этом, но у меня было смутное подозрение, что это я нанесла ему эти отметины.

— Твои царапины? — спросила я, полная ужаса. — Это была... это была я?

АК приподнял бровь.

— Ты не помнишь?

Смущенная подтверждением, я покачала головой. Я помолчала с минуту, потом спросила:

— Где мы? Почему мы здесь?

АК запустил пальцы в волосы. Я не могла оторвать взгляда от его глаз и красивого лица.

— Я расскажу тебе позже. Прямо сейчас тебе нужно поспать. В твоей крови все ещё есть алкоголь. И когда он выйдет, тебе не понравится это ощущение.

Мой пульс участился при мысли о том, что я больше не выпью. Мне понравилось пить. Это отвлекало от мыслей, которые всегда крутились в моей голове. Мне нравилось, как это заставляло меня чувствовать.

— Мне нужно выпить.

Мои глаза в поисках выпивки блуждали по кухне.

— Здесь ничего нет, и никто ничего не привезет. Сухо, как в гребаной пустыне.

Его голос был суров, тон вызывал на спор. Но я устала, и моя головная боль усиливалась. АК поднялся со своего места.

— Пойдем со мной.

Зная, что у меня нет другого выбора, я последовала за ним и вошла через одну из дверей в комнату. Там стояли две небольшие узкие кровати, между ними — маленький столик с лампой.

— Выбирай, какую хочешь. На каждой свежие простыни. По дороге заехал в магазин, пока ты спала. Так же закупились продуктами. Пока мы здесь не закончим, нам больше ничего не понадобится.

Я поняла, что означали его слова. Он должен был держать меня здесь, где не было ни алкоголя, ни зелья Мейстера. Только он, я и мысли, которые не хотела признавать.

Не думала, что смогу это сделать.

Чувствуя себя опустошенной, привлеченная соблазнам кровати, я подошла к самой дальней и нервно села на край. АК завис в дверном проеме.

— Я принесу тебе еды. Но пока поспи.

Он прислонился к дверному косяку, его мускулы играли на руках. Он был таким высоким, что занимал все пространство.

— В ближайшие пару дней тебе будет дерьмово. Ты была в недельном запое, и за это

должна заплатить свою цену.

Моя челюсть сжалась от внезапной вспышки гнева. Он не имел права не давать мне пить. Должно быть, он увидел гнев на моем лице, так как его выражение потемнело.

— Здесь нет никого, кроме нас, сучка. И я бы не стал пытаться, бл*дь, перечить мне. Никто не собирается терпеть твоё дерьмо, особенно я. Я справлялся с гораздо худшими ублюдками, чем ты. Мы за много миль до цивилизации, и сюда никто не приедет, только ты и я. — Он развел руками. — Добро пожаловать в ад.

С этими словами АК развернулся и закрыл за собой дверь. Я уставилась на пространство, которое он занимал, желая последовать за ним и протестовать. Но мой разум напомнил о том, что он уже сделал для меня, и я не двинулась с места. Он был жестким и опасным человеком, но, как ни странно, я не ощущала страха рядом с ним.

Привлеченная комфортом постели, я откинула аккуратно застеленное покрывало и забралась под него. Пружины заскрипели подо мной, и я закрыла глаза. Должно быть, я сильно устала, так как не помнила, как заснула.

И в кои-то веки я не видела снов.

И не думала о ней.

Когда я проснулась, меня стошнило в ведро, стоявшее рядом с кроватью. В комнате стало темно, поэтому я поняла, что наступила ночь. Я опустошила желудок от пищи и жидкостей, которыми АК кормил и поил меня в течение дня, мое тело не могло их удержать.

Я застонала, когда мне удалось откинуться назад, чтобы лечь на кровать. Я оставалась неподвижной, затаив дыхание, пока комната не вернулась в фокус. Я чувствовала себя опустошенной и больной, и каждая частичка моего тела болела. Мне хотелось пить, и когда я посмотрела на столик рядом с собой, там меня ждали полный стакан воды и две таблетки. АК давал их мне в течение всего дня. Они немного помогали, но недостаточно.

Ничего не будет достаточно.

Я сосредоточилась на том, чтобы двигать конечностями, когда приняла сидячее положение. Проглотила таблетки, осушила стакан и поняла, что мне нужно в ванную. Мне потребовалась целая минута, чтобы убедить себя пошевелиться. Когда вышла из комнаты и направилась по коридору, никаких признаков АК не было. Я воспользовалась ванной, затем посмотрела в зеркало, висящее над раковиной. Под моими глазами появились темные круги. Щеки были желтовато-серыми.

Я выглядела ужасно.

Мне пришлось отвернуться, когда внезапный прилив эмоций сжал мое сердце.

Кто была эта женщина?

Я больше не имела ни малейшего представления.

Медленно прошла на кухню, мое тело протестовало с каждым шагом. Я налила еще один стакан воды и, когда повернулась, увидела оранжевое сияние костра снаружи. Мне больше не хотелось спать, и я жаждала свежего воздуха примерно так же сильно, как и еще одной выпивки, поэтому вышла на улицу.

АК сидел в кресле рядом с костром. Пламя тянулось высоко, а луна была яркой, отбрасывая сияние вокруг АК, который, погруженный в свои мысли, смотрел на потрескивающее горящее дерево.

Я не знала, подойти к нему или оставить в покое. Постояла немного, размышляя, что мне делать. В конце концов, я подошла ближе.

Рядом с ним стояло второе кресло. Все еще сжимая в руке стакан с водой, я села, облегченно выдохнув, когда мое измученное тело обрело какое-то подобие комфорта.

Не встречаясь с ним взглядом, я сказала:

— Спасибо за таблетки и воду.

АК промолчал. Я посмотрела на него, чтобы убедиться в том, что он меня услышал, и обнаружила, что он наблюдает за мной. Его голова откинулась на спинку стула, а одна рука была на груди. Он молча кивнул.

Я изучала маленький деревянный дом в оранжевом свете и обнаружила, что за долгое время чувствую себя более умиротворенной. Здесь было тихо, и, как бы мне ни было трудно это признать, здесь не было Лилы. Я была свободна от видения ее шрама и, что еще хуже, от наблюдения за ними с Грейс. Видеть, как она гладит ее по волосам и целует в макушку, читает ей, когда та засыпает в безопасности, было душераздирающим для меня зрелищем.

Это немного избавило меня от боли, которую я могла успокоить только бутылкой алкоголя.

— Мне здесь нравится, — сказала я, пытаюсь отвлечься от своих мыслей. — Этот дом твой?

АК напрягся.

— Да, — хрипло ответил он.

Я повернулась к нему, сбитая с толку нотками печали в его голосе. АК отвернулся, глядя на деревья на противоположной стороне поляны.

Как я заметила, он делал это всякий раз, когда нервничал или не был уверен в том, что хочет затронуть какую-то тему. Он вытащил сигарету и закурил, сделав длинную, глубокую затяжку и выпуская дым в теплую ночь.

— АК, — в конце концов, осмелилась спросить я. — Почему... почему я здесь?

— Ты была не в себе. Тебе нужно было убраться подальше от клуба, чтобы ты могла завязать со всем этим дерьмом с выпивкой.

Я смущенно прикусила губу, напрягая свой теперь уже более бдительный мозг, чтобы вспомнить что-нибудь из прошлой недели. У меня были вспышки, прерывистые воспоминания. Но когда я посмотрела на поцарапанную кожу АК, почувствовала, как мое лицо осунулось. Образы меня и его на кухне всплыли в моей голове. Я была прижата к стене, а он... он...

— Мы трахались, — сказала я.

Это был не вопрос. Знала, что это была правда. Я поднесла руку к лицу АК. Он не двигался, но его темные глаза не отрывались от меня, пока я прослеживала следы, отпечатки точно соответствовали размеру моей руки.

— И я причинила тебе боль.

— Ты была не в себе, — напряженно повторил он.

Я думала, что он оттолкнет мою руку, развеет мое прикосновение, но он этого не сделал. Я посмотрела ему в глаза, а он в ответ посмотрел в мои.

— Почему? — спросила я, сбитая с толку. — Зачем ты привел меня сюда? Я... Я не твоя забота.

Опустила глаза, пытаюсь сдержать подступающие слезы. Недостаток алкоголя вызывал эмоции, которые я долго держала запертыми глубоко внутри себя.

— Я не имею значения ни для кого, кроме Лилы, полагаю.

Мой желудок упал.

— И, хотя я не помню, но могу предположить, что она не была в восторге от того, какой я была в последнее время.

— У меня есть свои причины, Рыжая, — сказал АК, используя то прозвище, которым он назвал меня, когда спас от Мейстера.

Я снова посмотрела на него, и что-то сжалось у меня в животе от того, как он смотрел на меня. Его темные глаза были мягкими и добрыми.

— Вопрос в том, — сказал он, наклоняясь ко мне еще ближе, — почему ты в первую очередь обратилась к алкоголю?

Мое сердце билось так быстро, что я слышала его ритм в ушах. Сделала большой глоток воды, чувствуя, как пламя обжигает мои щеки. Я, конечно, знала. Знала, почему решила выпить. Боль, с которой жила с тех пор, как мне исполнилось двенадцать лет. Боль, которую испытывала все время, не уменьшалась, а с каждым днем становилась только глубже.

Но я не могла сказать АК, что преследовало меня. Не могла вынести осуждения, которое получу за то, чему позволила случиться.

Я была неудачницей, и теперь платила за это.

Выпивка облегчала эту задачу.

Поэтому я обнажила перед ним еще одно сожаление.

— Я наблюдала. Видела, как они судили ее. Видела, как Иуда объявил ее еретичкой нашей веры. Я наблюдала, как она плакала и получала удары плетью, как толпа освистывала ее и называла шлюхой. Затем... затем ее глаза встретились с моими.

Я всхлипывала, задыхаясь, видя тот день так, словно все еще жила им.

— Ее глаза встретились с моими, и в них я увидела не страх, а смирение.

Я поняла, что слезы текли по моим щекам, только когда посмотрела на АК, и его образ оказался размытым. Я сморгнула их и покачала головой. АК наблюдал за мной. Смотрел на меня все теми же добрыми темными глазами.

— В тот день, когда ты отвез меня к ней...

Я закрыла глаза и вспомнила, как ее покрытое шрамом лицо озарилось светом, когда ее голубые глаза встретились с моими.

— Я не знала, что она причинила себе вред, АК. Понятия не имела, что она не могла выносить детей из-за своего тяжелого испытания.

Я крепко вцепилась в стакан в своих руках, безучастно отмечая, что вода качалась из стороны в сторону. Я вся дрожала.

АК явно это заметил.

— Ты не должна мне больше ничего рассказывать.

— Нет, — запротестовала я. — Я... должна.

Теперь, когда заговорила, я не могла остановиться. Мне нужно было сказать это вслух.

— Помню, как они забрали ее, когда она была ребенком, АК. Я помню, как плакала, когда моя сестра, моя лучшая подруга, ушла. Но я верила, что то, что они говорили о ней, было правдой. Что ее красота была дана дьяволом и что она была проклятием нашей веры. И верила в то, что пророк спасет ее. АК, я помню, как радовалась, что она будет изгнана. Я... Я была счастлива. Но в тот день, когда ее судили, и я увидела ее снова, более красивой, чем могла себе представить, я увидела в ее глазах, что Ребекка, которую я знала, ушла. Что что-то отняло у нее жизнь, свет, которым, как я знала, она когда-то обладала.

Я прочистила горло.

— Затем я последовала за ней на Холм Погибели и увидела, что люди моей веры сделали с ней.

Боль пронзила мое сердце.

— Я видела это, АК. Моя младшая сестра. Мой лучший друг. Когда я увидела ее снова у нее дома, обнаружив, что она вся в шрамах и не может забеременеть, я не смогла этого вынести.

Я сделала глубокий вдох.

— Я нашла бутылку Кая на крыльце, и это помогло мне забыть.

Более глубокие, темные мысли угрожали прорваться наружу, но я отогнала их прочь. Я не могла справиться с ними сейчас.

— Я не хотела ни о чем знать. Выпивка все это забрала.

— Ты тоже была жертвой этого гребаного культа, ты же знаешь?

Я удивленно повернула к нему голову. Что-то пробежало по его лицу, и движением, которое потрясло меня даже больше, чем его понимание, он поднял руку и смахнул слезы с моих щек. Его ладонь раскрылась, и я прижалась к ней.

— Я не была жертвой, — сказала я, когда мое сдавленное горло позволило. — Я была соучастником, видела, как пострадала моя сестра, и ничего не сделала. Я ничем не лучше тех, кто причинил ей боль.

Я говорила о Лиле, но у меня в голове было кое-что еще. Я была замешана в чем-то гораздо, гораздо худшем. В чем-то непростительном.

— Ты ошибаешься, Рыжая, — сказал он, и, хотя его слова нашли уголок в моем сердце, я никогда не смогу поверить, что они были правдой.

АК обнимал меня, пока я плакала. Я не понимала, почему он так поступал, но меня утешала его доброта. Ни один мужчина прежде не одаривал меня такой милостью. Я открыла свои опухшие веки. АК все еще наблюдал за мной, как ангел-хранитель.

Дьявол с ангельскими глазами.

— Я скажу тебе одну вещь, Рыжая. Ликер — хороший слуга, но чертовски жестокий хозяин. Продолжай идти тем же путем, каким шла, и тебе будет более чем хреново.

Он убрал руку с моего лица, и я мгновенно соскучилась по теплу. Откинувшись на спинку стула, он указал на дом.

— Ты здесь для того, чтобы убедиться, что спиртное снова станет твоей сучкой. А не наоборот.

Несмотря на слабость в моем теле и эмоции, рвущиеся из сердца, я поймала себя на том, что улыбаюсь его странному употреблению слов. Возможно, ему это тоже показалось забавным — я была убеждена, что в его красивом мрачном выражении лица, я уловила едва заметную улыбку.

Зевок сорвался с моего рта, и усталость обрушилась на меня с полной силой.

— Тебе нужно поспать, — сказал АК.

Я была полностью с ним согласна.

— Спи как можно больше в течение следующих двух дней. Если ты выспишься, то будешь чувствовать себя не так хреново.

— Ты раньше тоже имел с этим дело? — спросила я, и по едва заметному движению его головы поняла, что это была правда.

Выражение его лица говорило само за себя.

Я оставила его у костра. Войдя в дом, взглянула через кухонное окно на таинственного мужчину, который каким-то образом стал моим компасом во внешнем мире.

Его тело обмякло в кресле, а руки обхватили голову. На минуту мне показалось, что я увидела, как его плечи затряслись, как будто он плакал. Но я была уверена, что это просто игра света. АК был сильным мужчиной, как я полагала, с прекрасным сердцем. Я была уверена, что ничто не сможет заставить его сдаться. Мне хотелось бы иметь хоть каплю его силы.

Через несколько минут я была в своей постели и засыпала. Моя ноша почему-то стала немного легче. И за это можно было благодарить только одного человека — человека дьявола с ангельскими глазами.

Фиби

Я проснулась под уже знакомые звуки щебетания птиц и шелеста листвы на ветру. Едва открыв глаза, я приготовилась к недомоганию, к изнеможению, которое чувствовала каждый день с момента нашего приезда, но, ощутив лишь приглушенные оттенки этой боли, улыбнулась с облегчением.

Два дня я то и дело засыпала. Спала, ела, принимала душ, потом снова спала. За это время я очистила организм больше, чем когда-либо думала смогу это сделать, и постепенно мне становилось лучше. Легче дышать, легче ходить, легче говорить. Все казалось... легче. Тяжесть в груди было легче переносить.

Я приняла душ и оделась в свое любимое платье, которое АК прихватил для меня, оно было оливкового цвета. Проведя расческой по волосам, я вышла на улицу, где, знала, найду АК. С момента нашего приезда он проводил большую часть времени на улице. Казалось, что ему невыносимо находиться в этом доме. Иногда, когда я просыпалась посреди ночи, чтобы сходить в туалет, то видела его снаружи, бодрствующим в кресле у костра. Он не спал.

Сейчас он сидел за столом в стороне от дома. Рядом с ним стоял большой ржавый сундук, а на столешнице было разбросано несколько кусков черного металла и пластика. Его волосы были убраны с лица и завязаны в пучок. Не могу вспомнить, чтобы когда-либо раньше видела его лицо так четко. Он был полностью сосредоточен на деле и с мучительной тщательностью очищал куски, лежащие перед ним. Подойдя к тому месту, где он сидел, я увидела, как он перевел взгляд своих карих глаз на меня.

— Выглядишь лучше, — сказал он и продолжил чистить маленький кусок металла, который держал в руках.

— И чувствую себя лучше.

Я посмотрела на сундук. Он был до краев заполнен предметами, которые, как мне показалось, я узнала. На каждом лежал толстый слой пыли.

— Это оружие? — спросила я в замешательстве, удивляясь, почему у него его было так много.

АК перестал чистить, но не смотрел мне в глаза.

— Ага.

— Они выглядят старыми, — сказала я, желая, чтобы он заговорил, нуждаясь в какой-то форме разговора.

Он был таким тихим и подавленным с тех пор, как мы приехали сюда. Я не очень хорошо его знала, но чувствовала, что обычно он не был таким.

АК пожал плечами.

— Им лет пятнадцать-двадцать. Некоторые поновее, лет семи.

Выражение его лица было напряженным, как и мускулы. Он был одет в черную футболку и темные джинсы. Когда он возобновил чистку, я позволила своим глазам просканировать его кожу. У него было так много татуировок, и они могли похвастаться множеством различных изображений. Больше всего выделялось большое изображение пистолета, не слишком отличающегося от того, который он чистил.

— Ты любишь пистолеты?

Уголки губ АК приподнялись.

— Можно сказать и так.

— Почему ты считаешь это забавным?

АК положил последний кусок металла, который чистил, а затем с головокружительной скоростью начал соединять все части вместе. Его взгляд был сосредоточен на задаче, губы поджаты. Даже когда прядь волос выпала из его пучка, он не отвлекся. Казалось, за несколько секунд случайные металлические осколки, которые когда-то валялись на столе, превратились в пистолет. АК потянул что-то на верхней части устройства, и оно с щелчком встало на место. Он положил его на стол и откинулся на спинку стула, глубоко вздохнув.

— Это было... впечатляюще.

Не могла не улыбнуться. Никогда раньше не видела ничего подобного.

Внезапно смутившись, АК опустил глаза, но я заметила, как на его губах промелькнула улыбка.

— Знаешь, как он называется?

Я покачала головой.

— Вообще ничего не смыслю в оружии. Ученики пророка носили его с собой в общине, но женщины не прикасались к нему. Оно только для мужчин.

— Во-первых, — он поднял палец, — оружие не только для мужчин. А во-вторых, это автомат, и он называется — «АК-47».

АК-47. Ко мне пришло осознание.

— АК, — сказала я, чувствуя себя так, словно только что разгадала огромную тайну. — Тебя назвали в честь... автомата?

Я была в замешательстве.

Кто мог так поступить с ребенком?

— У меня есть имя, Фиби. АК просто стало моим прозвищем у Палачей. Потому что я хорошо обращаюсь с оружием. Старик Стикса видел, как я стрелял, и родилось мое дорожное имя.

— Поэтому у тебя так много оружия, потому что ты хорошо им владеешь?

Он кивнул, но сдержанно, как будто это была еще не вся история.

— Так как твое настоящее имя? — спросила я.

АК неловко заерзал на стуле.

— Ксавьер. Ксавьер Чарльз Дейерс.

— Ксавьер.

Я улыбнулась. Мне понравилось, как это прозвучало из моих уст.

— Мне нравится это имя, — еще раз повторила его про себя. — Я предпочитаю его имени автомата.

— Но я больше не тот человек, так что теперь зовусь АК. Подходит к тому, кто я сейчас. Ксавьер умер чертовски давно.

— И кто же ты теперь? — спросила я, сбитая с толку тем, какой мрачный оборот принял наш разговор.

— Палач. А не Ксавьер долбаный Дейерс.

АК наклонился, явно заканчивая разговор, и достал из сундука еще одно оружие. С той же скоростью, с какой он собрал предыдущее, он разобрал это на части. Я молча наблюдала, как он быстро чистит его и собирает обратно. Он положил его, и я увидела, что на одеяле по другую сторону его ног лежит куча блестящего оружия.

— Тебе нравится стрелять?

Мой вопрос остановил его движения.

— Да. — Он склонил голову набок. — А тебе?

Я рассмеялась. Ничего не могла с собой поделаться.

— Не знаю, — пробормотала я. — Никогда раньше даже не держала его в руках. И понятия не имею, с чего начать.

АК взял автомат из кучи рядом с собой и положил его передо мной. Я уставилась на большое оружие и поморщилась.

— Не знаю, как управлять такой штукой.

АК взял в руку еще один автомат.

— Тогда я тебе покажу.

Он поднялся на ноги, и вся неловкость, которую он испытывал несколько минут назад, казалось, исчезла. Он стал уверенным в себе с автоматом в руке, преобразился. АК поднял оружие, который хотел, чтобы я использовала.

— Пойдем со мной.

Я поднялась и последовала за его удаляющейся фигурой. АК прошел между деревьями и остановился на краю небольшого поля. Вдалеке стояли пять деревьев, к каждому стволу была прикреплена ярко раскрашенная деревянная табличка.

— Мишени, — сказал АК, словно прочитав мои мысли. — Ты целишься, стреляешь и пытаешься попасть в одну из них.

— Это невозможно.

— Вовсе нет, Рыжая. Тебе просто нужен хороший учитель.

Я обернулась с улыбкой на губах.

— Ты и есть тот самый хороший учитель? — подразнила я.

Его глаза вспыхнули от улыбки на моем лице и юмора в моем голосе.

— Чертовски хороший, — он подошел ближе и взял меня за руку.

Его ладонь и пальцы были шершавыми на моих.

«Он много работает руками», — подумала я.

Внезапный образ этих рук на моей груди врезался в мой разум. Последовали новые воспоминания — о его ладонях, обхвативших мою задницу, когда он входил в меня, пальцах, поглаживающих мой центр, прежде чем скользнуть внутрь и заставить меня стонать от удовольствия.

Мои щеки вспыхнули при воспоминании, и когда я подняла глаза, АК приблизился, пока не оказался всего в паре сантиметров от меня. Он положил палец мне под подбородок и приподнял лицо.

— Почему ты так покраснела, Рыжая? — Он провел пальцем по моей щеке. — Как будто все твои гребаные веснушки объединились в пятна.

— Ненавижу свои веснушки, — уклоняясь от правды, ответила я.

Это была жалкая попытка отвлечь его, поэтому я замолчала, в то время как он наклонился еще ближе, его горячее дыхание коснулось моего лица, и он сказал:

— А я чертовски их люблю.

Я сглотнула, чувствуя, как мои соски затвердели, а дыхание стало прерывистым.

— Ты их любишь?

— Мхм, — пробормотал он и подошел еще ближе.

Мне пришлось сдержать стон, готовый сорваться с губ, когда я почувствовала, как

выпуклость в его джинсах затвердела. У меня перехватило дыхание, а на губах АК появилась медленная усмешка. Он поместил автомат между нами и положил мою руку сверху.

Когда он отступил назад, у меня закружилась голова от жара. Положив руки мне на плечи, он повернул меня лицом к мишеням. Его губы приблизились к моему уху, пока он стоял за моей спиной.

Я вздрогнула.

— Сосредоточься, — сказал он тихим голосом.

Я закрыла глаза.

— Мне... Мне трудно сделать это, когда ты так близко.

Глубокий грубый смех АК рассек воздух. Он не ответил, но вместо этого поднял автомат выше, положил одну мою руку на рукоятку автомата, а другую — на кнопку.

— Спусковой крючок, — сказал он, водя кончиком пальца по гладкому металлу.

— Ствол.

Он провел пальцами по моей руке, лежащей на нижней стороне автомата, и убедился, что ствол у меня прямо под рукой.

— Держи его крепко, вот так.

АК провел рукой по моим волосам, направляя мою голову ладонью. Еще одно воспоминание мелькнуло у меня перед глазами. Я между его бедер, стоя на коленях перед его мужским достоинством. Я сглотнула, внезапно ощутив его вкус на языке.

— Ты снова покраснела, — подразнил он, его губы скользнули по мочке моего уха.

— Я... кое-что вспомнила, — призналась я, задыхаясь, и позволила своему разуму показать мне, что было дальше.

Я забралась к нему на колени и медленно скакала на нем верх-вниз, его руки блуждали по моим ягодицам и бедрам.

— Да, и что же? — зарычал АК.

— Ты и я, — сказала я. — Возле твоего дома.

Я повернула голову, пока мои губы не коснулись его губ. Мы дышали, разделяя один и тот же воздух, теплый, потом горячий.

— Ты обладал мной.

Моя грудь тяжело поднималась и опускалась. АК усмехнулся мне в рот и провел языком по моим губам. Я застонала от этого ощущения, моя грудь болела.

— Нет, сучка.

Жар затопил мою сердцевину, когда он произнес:

— Это ты, бл*дь, обладала мной.

АК провел носом по моей щеке, а затем осторожно повернул лицом к деревьям. Его рука направила мою голову вниз, пока мои глаза не посмотрели через линзу на верхней части автомата. Его торс прижался к моей спине. Я чувствовала его повсюду. Внутри меня, позади меня, мои чувства выходили из-под контроля.

— Сосредоточься, — снова приказал он.

Моя спина выпрямилась, когда попыталась сделать так, как он просил. Я моргнула, увидев мишени на деревьях вблизи через прицел. Сняв мою руку со спускового крючка, он поднес ее к маленькому черному переключателю сбоку автомата.

— Предохранитель.

Он потянул мою руку назад. Автомат щелкнул, и он направил меня обратно к спусковому крючку.

— Совмести прицел с яблочком — центральной точкой на мишени. Подожди, пока твоя рука не станет неподвижной, и сделай выстрел.

Я сделала, как он сказал, почувствовав, как его рука сжала мой палец на спусковом крючке и позволила спокойствию пройти сквозь меня.

— Когда будешь готова, спусти курок.

Сосчитав до трех, я нажала на спусковой крючок. Громкий хлопок пули, вылетевшей из ствола, заставил птиц вокруг нас взлететь в небо. Но я едва заметила это из-за внезапной боли в плече. Я отшатнулась, а АК обхватил меня своими сильными руками, чтобы я не упала.

— Добро пожаловать в «отдачу», — сказал он и сухо рассмеялся.

Я моргнула, чтобы зрение сфокусировалось, затем посмотрела прямо перед собой. Был виден след от пули на первом дереве, ближайшем к тому, где мы стояли. Смех вырвался из моего горла, когда увидела, что не попала в намеченную цель — скорее, оторвала кусок от ствола. Не могла прекратить смеяться, на глаза навернулись слезы. Стараясь обрести самообладание, я держала оружие поближе к себе, но это было бесполезно. Давно так не смеялась... Не уверена, что вообще когда-либо это делала.

— Фиби? — спросил АК, но я слышала легкость в его голосе.

Он ослабил хватку, и я повернулась к нему. Он держал руки на моей спине, как будто еще не был готов отпустить меня.

— Выстрел.

Я фыркнула, что только усилило мой смех.

— Я даже и близко не приблизилась к цели.

Я откинула голову назад, когда меня захлестнула очередная волна веселья. Мое горло и грудь болели от смеха. Когда мне наконец удалось успокоиться, я вытерла глаза и посмотрела на АК. Он смотрел на меня, поджав губы, оставаясь неподвижным. Как только я собралась спросить его, что случилось, он шагнул вперед и толкнул меня спиной к дереву позади нас. Меня оцарапала грубая кора. Он выхватил у меня автомат и бросил его на землю. Затем губы АК впились в мои, его язык проник в мой рот. Я застонала, ощутив его вкус на своем языке, такой знакомый и такой желанный.

Его руки скользнули по моим бокам, удерживая меня неподвижно. Я почувствовала его твердость на своем животе и услышала его низкий стон, вибрация от его груди рикошетом прошла через мою. Мой центр стал влажным, когда АК прижался ко мне. Затем он оторвался от меня, задыхаясь и напрягая мышцы.

— Тебе нужно...

У него перехватило дыхание.

— Тебе нужно больше смеяться, Рыжая. Тебе это чертовски идет.

Мои руки дрожали, пока держали его твердые бицепсы. АК отступил назад, потом еще, срывая резинку с волос. Его темные волосы упали вперед, когда он поднял с земли автомат.

— Еще раз, — приказал он и вернул мне оружие.

Я хотела возразить. Хотела бросить автомат и вернуть АК к себе, почувствовать его язык и вкус во рту. Но потом мне пришло в голову.

Он остановился.

Ни один мужчина в моей жизни не делал этого.

— Стреляй, — сказал АК, его голос все еще был хриплым от желания.

Я подняла автомат и заняла позицию, которую он показывал мне раньше. Он постучал

носком ботинка по моим лодыжкам.

— Шире. На этот раз тебя не отбросит так сильно.

Я сделала, как он сказал, направив автомат на цель, снова почувствовав АК рядом с собой. И когда я выпустила пулю, то улыбнулась тонким, интимным прикосновением, которые он использовал, чтобы направлять меня. На этот раз я приготовилась к отдаче, радуясь, что твердо стою на ногах. А затем взглянула на дерево. Там была дыра в основании мишени.

— Я попала!

Он улыбнулся, и это зрелище лишило меня воздуха. Он был так красив, что у меня защемило сердце.

— Ты попала ближе к центру, чем раньше, но так ты не выиграешь никаких призов. Давай снова.

Так и прошел наш день. По крайней мере, до тех пор, пока я не устала и нам не пришлось возвращаться в хижину. АК готовил на гриле, а я развалилась в кресле. Когда мы поели, у меня совершенно не осталось сил, остатки алкоголя в крови все еще крали у меня энергию. Я откинула голову на подушки кресла и погрузилась в сон.

Когда я проснулась, солнце уже садилось, небо было окрашено в розовые и оранжевые тона. Я огляделась вокруг в поисках АК. Он сидел на том же месте, что и почти каждый день, только на этот раз перед ним стояли две пары черных сапог. Обе выглядели изрядно поношенными и обе были измазаны грязью. Зная, что он не заметил моего взгляда, я уже собиралась спросить, кому принадлежат эти сапоги, как вдруг заметила выражение его лица. Это была... грусть. Нет, это было недостаточно сильное слово, чтобы описать то, что выражало его лицо. Это было воплощение боли, лицо, искаженное такой печалью, что и мне стало больно.

Я наблюдала из темного убежища кресла, как он дрожащими руками взял одну пару сапог. Они были самой поношенной парой из двух. Когда он прижал их к груди и закрыл глаза, его плечи затряслись, я почти вскочила со своего места и подбежала к нему. Чтобы утешить. Чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Но не думала, что это будет приветствоваться. Поэтому я оставила его в покое. Молча наблюдая, как он несколько минут прижимал сапоги к груди, а потом осторожно положил их себе на колени. Он потянулся за тряпкой, и я увидела следы слез на его щеках.

У меня на глазах выступили собственные слезы. Он был таким грозным мужчиной, таким большим и сильным, что вид его плачущего был больше, чем я могла вынести. АК молча принялся чистить сапоги. Я прикрыла глаза, чтобы он поверил, что я сплю. Он методично чистил обе пары, пока они не заблестели. Когда он закончил, то так долго смотрел на них, что я забеспокоилась, что мне придется изображать сон здесь всю ночь.

Но потом АК поднялся на ноги. Он взглянул на меня, и я быстро зажмурила глаза. Я услышала, как он шагнул ко мне, почувствовала, как он остановился рядом со мной и присел на корточки. Я выровняла дыхание, пытаюсь притвориться спящей. Он нежно провел рукой по моим волосам. Его теплое дыхание обдувало мою кожу. Затем, окончательно шокировав меня, он нежно поцеловал меня в щеку. Такой целомудренный, любящий жест. Сладость этого акта вызвала во мне бурю эмоций.

Эмоций, с которыми я не была знакома. Эмоций, которые я не понимала.

АК вернулся к столу. А я приоткрыла глаза, увидев, как он взял обе пары сапог в руки и медленно подошел к входной двери. Он наклонился и поставил одну пару на коврик на полу.

Затем, более осторожно, почти благоговейно, положил вторую на противоположную сторону коврика. Он стоял и смотрел на сапоги. Они выглядели так идеально расположенными у двери, как будто оба жильца счастливо жили в этом доме. АК толкнул дверь и закрылся внутри. Подождав несколько минут, прежде чем двинуться с места, я посмотрела туда, где он сидел, и увидела, что все оружие теперь начищено, как и сундук. Я подошла к двери.

Присев на корточки, я устала на две пары сапог. Позволила своим пальцам скользнуть по полированной коже. Они были такими чистыми, что я почти видела свое отражение в лучах заходящего солнца. Сапоги были идентичны во всех отношениях, за исключением того, что одна пара была больше другой.

Я догадалась, что обе они не могли принадлежать АК. Мои брови сошлись на переносице, когда я задалась вопросом, кому могла принадлежать другая пара. Услышав звук закрывающейся двери, я вошла внутрь. Дверь комнаты АК была закрыта. Я села за стол на случай, если он снова появится. Хотела убедиться, что с ним все в порядке.

Но он не вышел. Поэтому я легла спать, не в силах выкинуть из головы вид того, как он плачет, обнимая сапоги.

Я знала, какую боль он испытывал. И знала, как это может лишить какой-либо радости.

Выйдя утром из спальни, я увидела АК в джинсах, ботинках и без футболки, ожидающего меня за столом.

— Доброе утро, — сказала я осторожно, проверяя, так ли он подавлен, как и вчера.

— Доброе утро, Рыжая, — ответил он, и я почувствовала, как тяжесть спала с моих плеч, когда он назвал меня этим прозвищем.

Он пододвинул ко мне тарелку с едой и кофе.

— Ешь.

Я села перед ним и сделала, как он сказал. Когда закончила, он подошел ко мне и протянул руку. Несмотря на мое замешательство, я позволила ему поднять меня на ноги.

АК потащил меня в свою комнату и подвел к шкафу. Он замер, прежде чем протянуть руку, чтобы открыть его, а хватка на моей руке усилилась. Заглянув внутрь, я увидела вешалки с одеждой.

Женской одеждой.

— Примерно твоего размера, — хрипло сказал АК.

Он наклонился и поднял пару коричневых ботинок.

— Примерь. Я хочу тебе кое-что показать, и ты не сможешь добраться до туда в этих сандалиях. — Его плечи напряглись. — Мне чертовски надоело сидеть в стенах этой хижины.

Я забрала ботинки и сунула в них ноги.

— Подходят, — сказала я, улыбаясь.

Он снова полез в шкаф и вытащил оттуда шорты и футболку. Удивительно, но спереди был изображен не дьявол, а американский флаг и орел. Текст под ним гласил: «Semper Fi» (Всегда верен). Я не знала, что это означает, язык был странный.

— Надень и это тоже.

Взяв у него вещи, я вернулась в свою комнату. Одежда сидела довольно нормально. Я была явно выше женщины, которой они принадлежали, но выглядело прилично. Затем я

вышла на кухню. АК ждал с парой бутылок воды в руках.

— Думаю, выглядит вполне неплохо.

— Хорошо, — он поднялся на ноги, все еще без футболки, но волосы уже были собраны в пучок.

Я решила, что мне это очень нравится. Таким образом я могла намного лучше видеть его глаза.

Я указала на свою одежду.

— Они... они принадлежали твоей бывшей любовнице?

Была удивлена сильной вспышкой ревности, которая захлестнула меня. Мое тело было напряжено, пока я ждала ответа. Знала, что мне должно быть все равно... но мне не было.

Но АК повернулся ко мне спиной и вышел из дома.

— Ничего подобного, — тихо сказал он себе под нос, но я услышала.

АК повернулся ко мне, освещенный ранним солнцем, и кивнул в сторону деревьев.

— Давай же. Тебе это понравится.

Взволнованная его обещанием, я последовала за ним во двор и взяла его за руку. АК замер и посмотрел на наши пальцы, казалось, удивленный этим жестом. Я была удивлена не меньше, что сделала это, но почувствовала внезапную потребность держаться за него. Я видела, что в нем жила какая-то тяжелая печаль, печаль, которую как ощущала, должна унять. АК глубоко вздохнул и повернул нас к деревьям. Я оглянулась через плечо. Сапоги все еще стояли у двери. Его печаль каким-то образом была связана с ними, я была уверена в этом. Просто не знала почему.

Похоже, не только у меня были секреты.

— АК, — прошептала я, пораженная открывшимся передо мной зрелищем. — Это прекрасно.

Мы стояли на вершине высокой скалы и смотрели на водопад, стекающий в маленькое ярко-голубое озеро. В этом святилище не было никого, кроме нас. Пели птицы, солнечные лучи отражались от бирюзовой поверхности воды.

— АК, — сказала я, затаив дыхание. — Никогда раньше не видела водопада в реальной жизни. Видела в книгах на картинках, читала о них. Но это...

Недоверчиво покачала головой.

— Я едва могу поверить в эту невероятную красоту, открывшуюся передо мной.

— Да, — сказал он. — Это чертовски невероятно.

АК сел на край скалы и отпил воды из бутылки. Мы проделали долгий путь пешком. Прогулка была утомительной для моих все еще ноющих мышц. АК, однако, казалось, даже не вспотел. Его физическая форма была впечатляющей.

Оторвавшись от этого зрелища, я села рядом с ним и приподняла пряди волос, пытаюсь ощутить хоть немного воздуха на разгоряченной шее, но волосы прилипли к вспотевшей коже. АК ухмыльнулся, глядя, как я веду проигранную битву за то, чтобы убрать ярко-рыжие пряди. Он молча снял резинку с волос и протянул мне. Его темные волосы упали на щеки, но я успела заметить его улыбку. Я собрала свои длинные волосы в пучок, похожий на тот, что он часто носил.

— Никогда в жизни не видела ничего более волшебного.

Словно в трансе я смотрела, как водопад с журчанием пузырится в бирюзовом озере.

— Что это, АК? Дом, походы, стрельба, водопад?

Я покачала головой.

— Это все равно, что оказаться в другом мире. В мире, который, как я верила, существовал только в моих снах.

— Это, черт возьми, и есть другой мир, — сказал он и рассмеялся грубым смехом. — По крайней мере, это далеко от тех мест, откуда мы приехали.

Он допил свою бутылку воды, а я сделала глоток из своей.

— Это охотничий домик. Я все детство провел здесь. Раньше практиковался в стрельбе, каждый день ходил в походы и просто на какое-то время уезжал от мира.

Я улыбнулась, пытаюсь представить юного АК здесь.

— Похоже, у тебя было совсем другое детство, нежели у меня, — сказала я с нервным смешком.

АК посмотрел прямо на меня, и я увидела, как веселье исчезло с его лица.

— Но не такая уж непохожая взрослая жизнь.

Он отвел взгляд.

Я уже собиралась подтолкнуть его, спросить, что он имеет в виду, когда заметила татуировку на его руке. Я посмотрела на футболку, которую носила, и поняла, что это было то же самое изображение. Протянув руку, я провела пальцами по американскому флагу на его руке.

— Эти эмблемы, — сказала я и указала на футболку и его тату. — Они одинаковые.

Мышцы АК напряглись.

— Что это значит?

— Дерьмо, больше не имеющее для меня никакого значения, — резко сказал он, поднялся на ноги, и начал спускаться по склону скалы.

Тропинка была очень крутой и скользкой. АК оглянулся через плечо.

— Пошли. Все не так уж и плохо. Я помогу тебе.

Я без колебаний взяла его за руку и последовала за ним. Пока мы шли по тропинке, я поняла, что доверяю ему.

Доверяю мужчине.

Никогда не сомневалась, что он будет защищать меня. Ни на секунду.

Мы подошли к краю водоема. АК наклонился и наполнил бутылку водой и протянул руку за моей. Я передала ему свою бутылку и внимательно осмотрелась. В такой близости грохот воды был громким, и был так же прекрасен, как и с вершины скалы.

— Держи.

АК протянул мне бутылку. Слишком занятая наблюдением за водопадом, я не заметила, что крышка бутылки не на месте. Поэтому, когда АК дернул рукой и выплеснул содержимое бутылки мне в лицо, я громко закричала от шока и подпрыгнула, когда холодная вода окатила мое лицо и тело. Я стояла неподвижно, пока не взглянула на АК... Он смеялся. Не просто улыбался, а смеялся от души, и этот глубокий звук вызывал легкость в моей груди.

— АК! — вскрикнула я и потеряла равновесие.

Мои ноги соскользнули в воду, и я упала назад, с глухим стуком ударившись задницей об землю. Когда я подняла руки, они были покрыты грязью. АК за моей спиной засмеялся еще громче. Вся моя нижняя половина тела промокла от воды. И я была вся в грязи.

Пока я споласкивала руки, ко мне подошел АК.

— Я подшутил над тобой, Фиби, но не ожидал, что ты, черт возьми, упадешь.

Я сердито посмотрела на него, когда он подошел ближе, все еще смеясь и нисколько не извиняясь. Я подождала, пока он протянет мне руку, зачерпнула в ладони как можно больше воды и выплеснула ему в лицо.

— Сучка! — крикнул АК, отступая назад, вода стекала с его длинных волос.

Но в его тоне не было злобы. Его темные глаза, которые были такими тусклыми и печальными со вчерашней ночи, когда он чистил сапоги, теперь были полны света. А потом он сделал шаг в моем направлении. Я рванула вбок, пока не погрузилась в воду, надеясь избежать любого возмездия. Но его руки обхватили меня сзади и подняли в воздух.

— Нет! — крикнула я, смеясь, когда он подбросил меня.

Я с плеском приземлилась в озеро и попыталась встать, убирая с лица капли воды.

— Я не умею плавать! — закричала я и, к счастью, нашла опору.

Я обвела взглядом поверхность воды, но нигде не увидела АК. А потом он вынырнул прямо передо мной, и мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Руки АК обвились вокруг моей талии. Он улыбнулся, и я шлепнула его по руке.

— Это научит тебя не пытаться шутить со мной, Рыжая.

Я протестующе покачала головой.

— Меня? — я рассмеялась от его игривого выражения лица. — Ты первый плеснул в меня водой!

Он покачал головой и перестал смеяться.

— Ты смотрелась... горячо. Подумал, тебя нужно остудить.

Я снова рассмеялась над его самодовольной физиономией, а затем медленно, секунда за секундой, улыбка сползла с моих губ. Мои руки на его руках начали гладить его влажную кожу. Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули, когда взгляд АК потерял свою игривость. Он повел нас дальше на глубину, так далеко, что мои ноги больше не чувствовали дна. У меня перехватило дыхание, паника охватила меня, я крепче сжала его руки, и у меня не было выбора, кроме как обхватить ногами его талию.

— Не достаю до дна, — объяснила я. — Мы слишком далеко от берега.

— В этом и был смысл, Рыжая.

Он опускал руки, пока они не обхватили мою задницу. Я почувствовала, как он затвердел, и как моя собственная сердцевина наполнилась внезапным жаром.

— АК, — прошептала я, когда он медленно придвинулся ко мне бедрами.

Одна его рука нырнула за пояс моих шорт. Его пальцы были медленными, когда путешествовали на юг, нежными, когда сомкнулись между моими ногами и начали поглаживать вперед и назад вдоль складок.

Я ахнула и закрыла глаза, когда он провел кончиком пальца по клитору. Дыхание АК участилось, я почувствовала его твердость и ничего не хотела больше, чем прикоснуться к нему. Убрав одну руку с его шеи, я скользнула вниз по его мускулистому торсу, по глубоким впадинам и выступам, пока не наткнулась на пуговицу на его джинсах. Я расстегнула ее и ширинку, вытащила его на всю длину и почувствовала, как он тут же толкнулся мне в руку.

— Бл*дь, Рыжая, — прошипел он, в то время как его руки стали двигаться сильнее и быстрее в моей сердцевине.

Я гладила его вверх и вниз, а он крепко держал меня в своих объятиях, не давая упасть.

Я боролась с желанием закрыть глаза. Мне хотелось смотреть на АК. Хотелось видеть его, без зелья или алкоголя в организме. Смотреть на этого мужчину, который привел меня в

эту хижину, чтобы помочь, потому, что он этого хотел. Многие мужчины и раньше хотели меня, но не по какой-то другой причине, кроме секса. Я не была полностью уверена, но когда темные глаза АК смотрели на меня, когда он протягивал мне руку и целовал в щеку, когда думал, что я сплю, не думаю, что это было только ради его удовольствия.

Я не была уверена, но... но надеялась и молилась, что я ему действительно нравлюсь. Я. Не мое тело. Просто... я. Не понимала, как это может быть правдой, но отчаянно хотела, чтобы так оно и было.

АК наклонил голову вперед и накрыл мои губы своими. Он держал руку на моем клиторе, скользя вперед и назад, а затем внутри меня в медленном, ритмичном движении. Его язык искал вход в мой рот, и наши рты начали двигаться в том же ритме, что и наши руки.

Когда АК поцеловал меня, весь мир исчез. Вся боль и демоны, затуманившие мой мозг, провалились в блаженную пустоту, запертые, когда его вкус поглотил меня, преследуя тьму. Я застонала ему в рот, он поймал мои крики и проглотил их. Я почувствовала предательское покалывание у основания позвоночника и прижалась к АК крепче, встречая его взгляд, пока он работал пальцами внутри меня все быстрее, один, два, затем три пальца, и вот он попал в место внутри меня, которое я хорошо знала, которое научилась стимулировать, в то, которое, когда АК надавил на него, разбило меня на осколки, а мое тело стало не более чем свет. Долгий крик, вырвавшийся из моего горла, разнесся по ветру, эхом отразившись от водопада.

Дыхание АК стало прерывистым. Затем он замер и, не сводя с меня глаз, кончил в мою руку, его бедра дернулись, а его освобождение смыло водой. Его черные зрачки почти уничтожили коричневую радужку, а щеки залил румянец.

Наши глаза не отрывались друг от друга, погруженные в какое-то безмолвное, но пронзительное блаженство. АК снова поцеловал меня, на этот раз только губами, мягкими, чувственными губами. Они ласкали мои, как будто я была особенной для его сердца.

Как будто я была достойна такой привязанности.

Мои глаза наполнились слезами. Его рука переместилась с моей сердцевинки и погладила вверх и вниз по моей спине, успокаивая мои мысли. Его губы боготворили меня. Я никогда не думала, что когда-нибудь пойму значение поцелуя. Как это может на мгновение остановить твое сердце или как такое невинное прикосновение может заставить тебя почувствовать себя таким невероятно желанным.

Я убрала руку с его длины и быстро застегнула его джинсы. АК притянул меня ближе.

— Ты мне чертовски нравишься, Рыжая, — хрипло сказал он.

При этих словах мои глаза закрылись, и я покачала головой.

— Почему? Как тебе может нравиться такой человек, как я?

АК запечатлел по одному поцелую на каждом из моих закрытых веках. Когда я открыла их, он сказал:

— Потому что ты меня понимаешь.

Его слова были едва громче шепота. Прежде чем я успела попросить его объяснить, что он имел в виду, на его губах появилась медленная ухмылка. Он поцеловал меня в щеку.

— Ты загорела, — сказал он. — Нам лучше уйти, пока ты совсем не сгорела.

Я посмотрела на него и не увидела ничего, кроме бронзовой, идеальной кожи. У него было несколько шрамов, разбросанных по всему телу, некоторые большие, некоторые маленькие, но я не обращала на них никакого внимания. У всех нас были шрамы, как снаружи, так и внутри. АК еще раз быстро поцеловал меня в губы и начал выходить из воды,

но я положила руки ему на лицо. Его кожа была теплой под моими ладонями, то ли от солнца, то ли от его освобождения.

— Рыжая?

Его брови нахмурились.

— Спасибо, — сказала я, когда смогла найти нужные слова.

Я слабо улыбнулась ему.

— Спасибо, что привез меня сюда. За то, что забрал меня у Мейстера... за все...

«За то, что обращаешься со мной так, будто я не просто шлюха», — хотела добавить я, но сдержалась.

Плечи АК поникли, и он выдохнул, как будто очень долго сдерживал дыхание.

— Понятия не имею, зачем ты все это для меня сделал, но... спасибо.

АК промолчал, но несколько секунд смотрел мне в глаза.

— Нам лучше уйти. Солнце не будет твоим другом, если мы останемся здесь надолго.

Держа меня в своих объятиях, АК отвел нас обратно к берегу озера. Он помог мне встать на неровную землю и вылезти из воды. Я была благодарна прохладной воде на моей коже, когда яркое солнце сразу же ударило мне в лицо.

АК поднял с земли бутылки с водой и протянул руку. Я вздохнула и вложила свою руку в его. Дорога обратно в хижину была тихой, но все же более комфортной, чем я чувствовала себя на протяжении многих... лет. Его привязанность каким-то образом стала бальзамом для постоянного огня сожаления, который никогда не угасал в моем сердце. И эта временная передышка, этот короткий миг, чтобы иметь возможность дышать, были благодаря человеку, который привел меня домой.

Тому, к которому вдруг тянулось мое сердце.

Я вздремнула и приняла душ, в кои-то веки, не думая ни о чем, кроме АК. Я посмотрела в зеркало: моя кожа была зацелована солнцем, на лице было больше веснушек, чем я когда-либо видела. Улыбка появилась на моих губах, когда я вспомнила, как АК говорил мне, что ему нравятся мои веснушки. Мое лицо — небо, полное звезд.

Мои рыжие волосы.

Рыжая.

Наступила ночь, и АК готовил на гриле. Я надела свободное черное платье, которое достала из шкафа в комнате АК. Материал свисал с моих плеч, обнажая кожу, за что я была благодарна. Лицо и руки у меня слегка обгорели от сегодняшнего солнца.

АК повернул голову, когда услышал, что я вышла на улицу. На столе стояли различные блюда, а позади него на гриле жарилось мясо. Он откинулся на спинку кресла и уставился на звезды в черном небе. Улыбаясь, я прошла мимо АК, чтобы сесть рядом, но он взял меня за руку и усадил к себе на колени. Я вскрикнула от шока, когда приземлилась на его бедра.

— С этого момента ты будешь сидеть здесь.

Он потянул меня вниз, пока моя голова не легла на его обнаженную грудь, а мое тело не прижалось к его. Его рука тут же оказалась в моих волосах, поглаживая длинные пряди, как будто это каким-то образом успокаивало его. Его кожа была теплой, он тоже слегка обгорел на солнце. Но он пах божественно и ощущался еще лучше.

Я удовлетворенно вздохнула. АК встал, чтобы принести нам еды. Мы ели бок о бок,

почти не разговаривая, просто довольствуясь тем, что были рядом друг с другом. Когда мы закончили, АК закурил сигарету. Я свернулась калачиком у него на груди. Уверена, что если никогда больше не покину это место, то все будет в порядке.

— Здесь так красиво, — пробормотала я и попыталась сосчитать каждую звезду, но это было невозможно, их было так много. — По-моему, я никогда по-настоящему не смотрела на ночное небо. Уверена, что никогда не смотрела так на звезды до того момента, как ты не сравнил мои веснушки с ними у тебя дома. Но теперь ловлю себя на том, что задаюсь вопросом, как они выглядят вблизи, так ли они красивы, как кажутся отсюда.

Я покачала головой, пораженная тем фактом, что нахожусь здесь, занимаясь чем-то столь праздным, как созерцание звезд. Я провела рукой по торсу АК.

— И вот я здесь. С тобой, в этом непостижимо счастливом месте.

— Рыжая, — хрипло сказал АК и притянул меня ближе к себе.

— Это правда.

Я вспомнила дни в коммуне. Ни один мужчина никогда не лежал со мной вот так, им нужен был только секс. Они никогда не гладили меня по волосам. Не играли и не шутили со мной у водопада. Привязанности не было места в Ордене. Любовь разделялась через акт секса. И как у Священной Сестры, она никогда не была нежной или чистой.

И все же был АК, держащий меня в своих руках только по той причине, что ему этого хотелось..

— Когда я с тобой, — тихо сказала я, чувствуя, как мое сердце бьется слишком быстро от того, в чем собиралась признаться. — Мне легко не думать о своей прежней жизни. Я...

Мои щеки запылали от смущения и внезапной боли.

— Я никогда не была с мужчиной, который видел во мне не только ту, с кем можно получить освобождение.

Мой желудок сжался от этой печальной правды.

— Это все, для чего я когда-либо была предназначена, АК. Чтобы доставлять удовольствие ради дела нашего Господа.

Я убрала голову от его руки и положила ему на грудь. Он смотрел на небо. Сигарета горела у него в руке, а челюсть была сжата. Должно быть, он почувствовал, что я смотрю на него, потому что его глаза опустились, чтобы встретиться с моими.

— Это правда.

Перекинув через него ногу, я приподняла платье. Лоб АК наморщился от замешательства. Я поднимала платье все выше и выше, пока не обнажилась внутренняя часть бедра.

— От Матфея глава 4 стих 19, — сказала я. — И говорит он им: «Следуйте за мной, и я сделаю вас ловцами людей».

Я развернула ногу и провела пальцем по татуировке, которую пророк велел носить всем своим Священным Сестрам.

АК застыл, уставившись на татуированное писание, ведущее к моей сердцевине. Место, которое, по словам пророка Давида, люди желали больше всего.

— Что, черт возьми, это значит? — сердито спросил он.

Натянув платье, я положила руку ему на плечо и велела лечь обратно. Он неохотно повиновался, и я снова положила голову ему на грудь, а рукой обняла за талию.

— Пророк Давид заявил, что некоторые женщины в Ордене предназначены для особого служения. Бог открыл ему способ как привлечь больше членов Церкви. Он утверждал, что

это Писание, особенно слова «ловцы людей», имеет большее значение, чем мы думали. Он утверждал, что Бог открыл ему, что женщины из коммуны, отобранные им и его учениками, станут такими ловцами мужчин. Мужчины были целью, призом для пророка, а мы Священные Сестры — приманкой.

АК напрягся подо мной, но теперь, когда я начала сбрасывать этот груз с души, то не могла остановиться. Мне хотелось произнести эти слова, слова, которые я никогда раньше не произносила.

— Они пришли за мной, когда мне было десять лет.

Я закрыла глаза, вспоминая тот день в мельчайших подробностях. Брат Джон забирает меня учиться.

— Ко мне и раньше прикасались мужчины. К детям в общинах пророка свободно прикасался любой, кто желал этого. Не было такого возраста, который считался бы слишком ранним. На самом деле пророк Давид призывал наших родителей или опекунов прикоснуться к нам первыми, чтобы показать, на что похожа Божья любовь, чтобы мы не встревожились, когда другие мужчины и женщины также придут за нами. Когда брат Джон пришел за мной, когда мне было десять, чтобы сказать, что меня избрали Священной Сестрой, первое, что я ощутила — вкус взрослых мужчин на своем языке, и вспомнила то, как они пробовали меня. Меня трогали во всех отношениях, кроме полноценного секса.

Я поморщилась, все еще вспоминая следующую неделю.

— Хотя меньше чем через неделю меня познакомили и с этим актом.

Мои бедра сжались, когда я вспомнила, как брат Джон положил меня на кровать, а его обнаженное тело нависло надо мной. Я вздрогнула, вспомнив его дыхание на моем лице и его руки, скользящие по моему голому бедру. И я вспомнила его длину, когда он пронзил мою невинность. Слезы, кровь, боль и стыд...

— Фиби.

АК повернулся ко мне лицом. Я не замечала слез на моих щеках, пока он не вытер их. Его рука обхватила мое лицо, а большой палец погладил влажную кожу.

— Несколько дней после этого я старалась прятаться по углам комнаты. Но каждый день брат Джон приходил за мной и снова брал мое тело. Он брал меня до тех пор, пока мне не удалось заглушить боль. Пока его прикосновения и знаки внимания не стали для меня нормой.

Я сглотнула и посмотрела в лицо АК. Оно было наполнено громом, зубы стиснуты. Я провела пальцами по его руке, которая лежала на моем лице и прижала ее к груди, удерживая возле сердца.

— А потом начались тренировки. Старшие Священные Сестры каждый день приходили в наши комнаты. Когда мы начинали, нас было около двадцати человек. Все примерно одинакового возраста и все получили первый сексуальный контакт от брата Джона. Последовали новые уроки. Урок за уроком о том, как держать мужчину на расстоянии вытянутой руки, как ласкать его, пока он не попросит большего. Как взять мужчину в рот и соблазнить движениями своего тела, как заставить его упасть в наши объятия и отдать себя Господу через наши тела. Мы ловили мужчин, и они всегда заглатывали наживку.

— Они учили тебя трахаться?

— Да, — ответила я и возненавидела себя за то, что это была суровая правда. — Сначала в коммуне. Пророк Давид часто приглашал мужчин, которые были важны для нашего дела, в свои многочисленные коммуны, как внутри страны, так и за ее пределами. Я

никогда не знала, для чего они нужны — для бизнеса, как нам сказали, — но с десяти лет меня призывали соблазнять их. Многим нравились молодые девушки, особенно когда мы могли обслуживать их в постели с мастерством женщины вдвое старше нас. И я делала все это с удовольствием... В конце концов, я так сильно поверила в то, что делаю, что обрадовалась, когда меня выбрал приезжий мужчина. Еще больше обрадовалась, когда мне исполнилось четырнадцать лет и меня отправили в мир. Только лучшие Священные Сестры были отправлены за ворота. Те, кто преуспел в том, чтобы угодить мужчинам.

По выражению лица АК я поняла, что он не может говорить. Поэтому продолжила.

— Раньше я никогда не выезжала за пределы коммуны. Там было так много зрелищ и звуков, что мне было страшно. Но братья, которые отвозили нас в города, были и нашими охранниками. Они всегда следили за нами.

Я фыркнула, вспомнив сотни баров, которые посещала в детстве, а потом и во взрослом возрасте.

— Мужчины всегда заглаживали наживку. Увидев нас, они тут же пускали слюни. Мы одевались соблазнительно и отводили их в автобус, который отвозил нас в город. Мы доставляли им такое удовольствие, какого они никогда не испытывали, а потом убеждали их вернуться с нами в коммуну. И они почти всегда шли за нами. Особенно когда узнавали, что их там ждет. Больше свободной любви. Больше женщин... маленьких девочек.

— Ублюдочные педофилы, — прорычал АК. — Я рад, что пустил пулю в голову этому гребаному мудаку. И уничтожил десятки других сектантов.

Я замерла и моргнула, глядя на АК, позволяя его словам осесть в голове.

— Ты?..

Наверняка я ошиблась.

— Ты убил пророка Давида? Ты был человеком дьявола, который лишил его жизни?

— Да. — Он притянул меня ближе к себе. — Я, бл*дь, видел, как этот педофил рухнул на землю, когда моя пуля попала ему прямо между глаз.

Мое дыхание участилось от его признания. В коммуне я оплакивала смерть пророка так, словно мое сердце было разорвано на части, но теперь, после всего, что произошло, знание того, что именно он убил пророка, только заставило меня хотеть АК еще больше.

Я подняла его руку и поцеловала пальцы.

— Спасибо, — прошептала я.

Он никогда не поймет уровня моей благодарности. И все же с этим просветлением пришла моя самая большая боль.

Мои сожаления озарились.

АК прижал меня к себе, и слезы покатались по моим щекам. Он запечатлел поцелуй на моем лбу. С ним я чувствовала себя в безопасности.

— Их были сотни, — призналась я и почувствовала, как меня захлестнула глубокая волна стыда.

АК был неподвижен, словно статуя.

— Я обслуживала так много мужчин, что даже не знаю точного числа. Иногда по собственному желанию, а иногда и силой.

Я втянула в себя воздух.

— Но если это было силой, то только потому, что терпела неудачу как Священная Сестра.

— Что? Что, черт возьми, это значит?

— Если соблазнение не было выполнено должным образом, или мой шепот Божьих писаний не был достаточно убедительным, иногда мужчины были недобрыми и лишали нас воли. Они брали нашу плоть за нашу неудачу.

— Они насильвовали тебя? — прорычал он.

— Иногда такое случалось, — сказала я, вспоминая, как в первый раз мужчина приставил к моему горлу нож и избил, а после вошел в меня... в каждое мое отверстие.

Я вспомнила Мейстера и то, что он был одним из этих мужчин.

— Мейстер не любил, когда его соблазняли, он любил брать. Ему доставляло удовольствие извлекать боль из моего тела. Но чем меньше я протестовала и чем больше позволяла ему делать со мной, тем больше росло его собственническое отношение ко мне. Я видела, как он день за днем становился зависимым от меня, и мне было страшно. Но Иуда приказал мне быть рядом с Мейстером столько, сколько он пожелает.

Я закрыла глаза. Остальная часть этой истории была размыта, как теперь я знала, из-за наркотиков.

— Он никогда не оставлял меня. — Мои пальцы погладили лицо АК. — Пока ты не пришел и не забрал меня из его подчинения.

— Ты никогда к нему не вернешься, — твердо сказал он, и я почувствовала, как мое сердце разрывается от этого обещания.

Новые слезы хлынули по моим щекам. Я не могла поверить, что этот мужчина сражается за меня.

— Не знаю... Не знаю, как жить в этом мире, АК... Я не умею быть никем иным, кроме как... шлюхой. — Я невесело рассмеялась. — Люди во внешнем мире говорили о нас. «Божьи шлюхи» — так они нас называли. Пророк Давид и Иуда называли нас «Шлюхами Давида». Мейстер хотел, чтобы я перестала ею быть. Я должна была стать только его.

Я крепко зажмурилась и почувствовала, как соль моих слез обжигает губы.

— В этом мире шлюх не почитают, а наказывают. Какой мужчина захочет, чтобы такая женщина была любовью всей его жизни? Женщина, которая брала мужчин всеми возможными способами? Кто трахал так много мужчин, что не может вспомнить ни одного лица среди толпы?

Я покачала головой, давась словами.

— Кому нужна женщина, которая потеряла невинность в десять лет, а до этого ее часто трогали?

А потом я почувствовала, как оно поднимается во мне. Мое самое тайное признание, моя глубочайшая боль. Я попыталась сдержаться. Я так долго пыталась удержать внутри себя мое самое большое сожаление. Но больше не могла. АК был безопасной гаванью. И я наконец-то могла избавиться от этой вины.

Я должна была наконец выпустить мою самую глубокую боль на свободу.

— Какой мужчина захочет женщину, которая была беременна в двенадцать лет?

Когда слова слетели с моих губ, я почувствовала, как АК напрягся, сидя подо мной. Его дыхание остановилось, и рука перестала гладить меня по спине.

— Фиби... — наконец тихо произнес он.

Я покачала головой, пытаюсь не дать шлюзам того времени открыться в моем сознании, но я не могла сопротивляться. Поэтому позволила своей истории — своим грехам, своей неудаче — выплеснуться наружу...

Я посмотрела в зеркало и провела рукой по животу. Он стал таким большим, что брат Джон отстранил меня от Священного Сестринского долга и приказал отдохнуть. Моя спина болела, и с этого самого утра волны ослепительной боли сжимали мой живот, заставляя кричать. Марта сказала мне, что это нормально. Ей было поручено остаться со мной. Она тоже была беременна, но родила несколько недель назад. С тех пор она только и делала, что плакала. Ее наказали за эти слезы, высекли плетьюми, рассекая ее плоть, но она не могла перестать плакать.

Потому что они забрали ее мальчика. И не позволяют ей увидеть его.

Моя спина заныла, когда еще один мучительный всплеск боли пронзил меня. Я вскрикнула, чувствуя тупое давление в нижней части позвоночника. Я споткнулась, а Марта вбежала в дверь как раз вовремя, чтобы поймать меня.

— Пойдем, Фиби.

Она подвела меня к кровати. Я схватилась за живот, зажмурив глаза, когда давление стало невыносимым, и все мое тело было переполнено потребностью тужиться.

— Кажется, начинается, — сказала я, когда дверь моей спальни открылась и вошла сестра Лия.

— Ребенок скоро родится, — сказала Марта.

Я легла на кровать. Сестра Лия раздвинула мои ноги, и я почувствовала ее руку внутри себя.

— Ты должна тужиться, — приказала она.

Марта сжала мою руку.

— Ты справишься, Фиби, — сказала она, и слезы потекли по ее лицу.

Я знала, что она думает о своем мальчике. Знала, что ей было очень больно.

Собрав все свои силы, я начала тужиться, чувствуя, что мое тело вот-вот разорвется надвое. Я дышала так глубоко, как только могла, несмотря на агонию и усталость, терзавшие мое тело. Не знаю, сколько прошло времени, когда до моих ушей донесся громкий крик. Марта наклонилась, чтобы рассмотреть ребенка, лежавшего на руках сестры Лии.

— Это девочка, Фиби, — сказала она и крепче сжала мою руку.

— Девочка? — переспросила я, задыхаясь и ощущая, как что-то внутри меня изменилось...

Почувствовала, как что-то неизвестное пустило корни, чувство, которое я никогда раньше не испытывала... блаженный покой. Такой покой и любовь, что у меня перехватило дыхание.

Сестра Лия положила ребенка мне на грудь. Я моргнула, ошеломленная интенсивностью момента, затем, в конце концов, посмотрела вниз. На меня уставились два темно-серых глаза. Сбоку от левого глаза виднелась большая темная веснушка. Я уставилась на эту веснушку, загипнотизированная такой красотой.

Она пришла в этот мир благодаря мне.

Она... она была моей...

Слезы заливали мое лицо, пока я держала ее в своих дрожащих руках.

— Сапфира.

Я услышала, как Марта шмыгнула носом.

— Я назову ее Сапфирой.

— Прекрасно, сестра.

Марта поцеловала меня в макушку. Ей было четырнадцать, она была на два года

старше меня, но я знала, что в этот момент она понимала меня лучше, чем кто-либо другой.

— Сапфира, — сказала сестра Лия и склонилась надо мной.

Паника наполнила мои легкие, когда я увидела ее протянутые руки.

— Нет! — громко сказала я.

Сапфира подскочила в моих объятиях и заплакала.

— Отдай ее мне, дитя мое. Ты же знаешь, что она — Ребенок Давида. Ты знаешь, что она не останется с тобой. У тебя есть более великая цель, которой ты должна служить.

Ребенок Давида. Младенцы, рожденные Священными Сестрами. Младенцы, которые «принадлежат» пророку Давиду, а не их матерям. Воспитываются не родителями, а общинами опекунов.

Рыдание вырвалось из моего горла. Я попыталась отвернуться, встать с кровати.

Сапфира была моей. Она была моим ребенком!

— Нет, пожалуйста...

Я взглянула в ее карие глаза.

— Она моя. Пожалуйста, не забирайте ее у меня. Я буду заботиться о ней и справлюсь с обоими обязанностями.

— Фиби! — огрызнулась сестра Лия. — Делай так, как я говорю, или сюда приведут брата Джона. С тех пор как ты обнаружила, что беременна, ты знала, что она не будет тебе принадлежать.

— Нет!

Я сползла с кровати, прижала Сапфиру к груди, пытаясь спрятаться в углу комнаты. Сестра Лия ушла, и я увидела, что Марта смотрит на нас и плачет, сидя на краю кровати, совершенно потерянная.

Они сделали это и с Мартой. Забрали у нее мальчика, когда она хотела оставить его себе.

Я посмотрела на Сапфиру и покачала головой. Мое лицо было залито слезами, когда я прижала ее к груди.

— Ты моя.

Я улыбнулась сквозь слезы, когда Сапфира перестала плакать и посмотрела на меня. Я поцеловала ее голову, чувствуя под губами теплую кожу.

— Я люблю тебя, — сказала я, мой голос застрял в горле. — Я люблю тебя, Сапфира.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел брат Джон в сопровождении сестры Лии. Мне хотелось бежать, бежать вместе с дочерью, но я была в ловушке. Идти было некуда.

Брат Джон неодобрительно посмотрел на меня.

— Фиби, отдай ребенка сестре Лии. Прекрати эту глупость.

— Она моя, — с вызовом сказала я себе под нос.

Должно быть, он услышал меня, потому что покачал головой.

— Она — Ребенок Давида. Она принадлежит вере. Ты — Священная Сестра. И у тебя другой путь, чем быть матерью. Гораздо более достойное дело.

Он подходил все ближе и ближе, пока не положил руки на Сапфиру.

— Нет!

Я снова заплакала, когда он забрал ее из моих рук.

— Пожалуйста... Я люблю ее!

Моя грудь разрывалась от рыданий, а тело сотрясилось, когда брат Джон отдал мою

малышку сестре Лици, и она вынесла ее из комнаты.

Я закричала.

Кричала и кричала, пока в горле не пересохло. Не помню, что произошло дальше, все было как в тумане, но, когда я подняла голову, брата Джона уже не было в комнате. Остались только мы с Мартой. Мои глаза опухли от слез, а все тело болело от родов. Но ничто не было сильнее пустоты, которую я чувствовала в своих объятиях. Пустое место, где должна была быть Сапфира.

Боль накатывала волнами, снова и снова.

— Сапфира, — прошептала я. — Сапфира...

Ее имя звучало на моих губах как жестокая молитва.

Рука легла мне на спину, поглаживая вверх и вниз.

— Марта. — Я упала к ней на колени. — Что же мне теперь делать?

Я почувствовала, как слезы Марты коснулись моей щеки — это была общая боль. Она погладила меня по волосам.

— Брат Джон сказал, что мы можем заслужить право иногда видеться с ними. Нам запрещено говорить им, кто мы такие, но мы можем утверждать, что мы их сестры. По крайней мере, мы сможем их навещать.

Ее голос звучал так же отчаянно, как и мой.

Я быстро заморгала, пытаясь прогнать влагу из глаз.

— Они позволят нам это? — спросила я, проблеск надежды зародился в моем разбитом сердце.

— Да, — ответила Марта. — И я собираюсь этим воспользоваться, — фыркнула она. — Если мы наберем больше людей, чем положено по квоте, наша награда — время, проведенное с ними. И я должна увидеть его, Фиби. Я не могу... не могу...

— Дышать, — закончила я за нее, когда она не смогла выразить то, что было в ее разбитом сердце.

— Да, — сказала она после нескольких секунд молчания.

Прижав руку к груди, я мысленно представила Сапфиру.

Мое сердце так и не зажило после того дня, непоправимо разбитое. Но я верила в нашего пророка. В конце концов, я поверила, что он сделает все, что будет лучше для его народа — включая меня.

Я просто должна была повиноваться и верить...

Грудь АК была мокрой, пока я боролась за дыхание из-за воспоминаний о том дне. Его рука крепко вцепилась в мои волосы, и я держалась за него так, словно могла развалиться на части, если бы не он.

— Черт, Фиби, — сказал он. — У меня нет слов что бы описать это гребаное дерьмо.

Он притянул меня еще ближе к своему телу.

— Ты когда-нибудь видела ее снова?

Я кивнула, вспоминая те драгоценные дни.

— Мне потребовалось два года, чтобы увидеть ее снова. Они сказали, что мне нужно время, чтобы освободить свое сердце от нее. Конечно, это не сработало. Я знала, что моя связь с ней никогда не исчезнет. В тот день, когда я встретила ее снова, она играла на улице с другими детьми.

Я улыбнулась сквозь слезы.

— У нее были самые светлые волосы, как у Лилы, но глаза Сапфиры были такими темными, как полночь... Не знаю, кто был ее отцом, он мог быть любым из нескольких мужчин, которым я служила, но у него должно быть были карие глаза. А сбоку от ее левого глаза была большая веснушка, воспоминание, которое помогло мне пережить два года.

Я подняла глаза и увидела, что АК наблюдает за мной.

— Я села рядом с ней на траву. Я так нервничала. Нервничала при встрече с собственной плотью и кровью. Меня трясло так сильно, что мне потребовалась целая вечность, чтобы спросить, можно ли мне поиграть с ней. Сначала она тоже нервничала. Оказалось, что она очень застенчивая девочка. Красивая, но очень застенчивая. Потребовалось еще два визита, чтобы она заговорила со мной. Чтобы она улыбнулась.

Моя нижняя губа задрожала.

— И ее улыбка осветила мою жизнь, АК. До этого дня не было солнца.

Я зажмурилась на секунду, и АК притянул меня к своей груди.

— Что было дальше? — спросил он, изучая мое лицо, понизив голос.

— Ей было шесть, когда я сказала, что я ее сестра. Ее кровь. Ее сестра, АК...

Я покачала головой.

— Моя душа умерла в тот день. Умерла, когда я не смогла сказать ей, что она моя, что я ее мать и что ее любят больше, чем могла себе представить. Она была частью моей души. Тот самый воздух, которым я дышала.

— И ты заслужила эти визиты? — натянуто сказал АК.

Его хватка стала крепче.

— Я трахала мужчин, АК. Трахалась с таким количеством мужчин, чтобы попасть на эти визиты. И делала это настолько хорошо, что получила награды от пророка за свой рекрутский послужной список — медали. И они наградили меня столь желанной должностью — главной Священной Сестрой. Я учила других, руководила нашими миссиями. Я была призвана соблазнять и производить впечатление на самых важных гостей пророка Давида, а затем и Иуды.

Моя грудь сжалась, и рыдание вырвалось из горла.

— Но ее тоже сделали Священной Сестрой, АК. Мою малышку, мою маленькую девочку, они сделали ее Священной Сестрой. Они превратили мою дочь в шлюху.

У меня заныло в груди.

— Я знала, что это было вполне вероятно. Дети, девочки Давида, часто попадали в тот же круг, что и их матери. Пророк считал их достойными быть едиными, потому что это уже было у них в крови. Но все равно было больно, когда я узнала, что она тренируется.

— Бл*дь.

АК прижался поцелуем к моей голове. Я отпрянула назад, отказываясь от его ласкового прикосновения. Его брови опустились.

— Нет, — сказала я. — Ты не понимаешь.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я приложила палец к его губам, чтобы он замолчал.

— Я верила во все это, АК. Верила, что моя жертва, как бы тяжело она ни была перенесена, была необходима, потому что так считал пророк. Даже когда Сапфира стала Священной Сестрой, я верила, что таков Божий путь. Несмотря на боль, которую это причинило, на трудности для нас обеих, я никогда не усомнилась в пророке. Я искренне верила, что он знает, как лучше.

Я поперхнулась этими жалкими словами.

— Я была глупа, наивна и подвела ее во всех отношениях из-за своей слепой веры. Я подвела и Лилу, побуждая ее поверить и вернуться к вере до того, как она была наказана. Только когда мы все пришли в Новый Сион после вознесения пророка Каина и все начало меняться, пелена, застилавшая мои глаза, отступила, и мне открылась истина о нашей так называемой миссии. Все это было ложью... все, что мы делали, было связано с огромным эго одного мужчины... и все эти люди погибли из-за этого...

АК положил руки мне на щеки и приподнял голову.

— Сапфира... тоже себя убила?..

— Ее там не было, — сказала я, наблюдая, как он расслабляется.

Я вспомнила Иуду.

— Единственной хорошей вещью, которую сделал Иуда, когда я была его супругой, стало то, что он отослал ее из Нового Сиона. Я умоляла его прекратить ее миссию Священной Сестры. Сказала, что если бы он любил меня так, как утверждает, то сделал бы для меня только одно. Спас ее.

Я выдохнула, чувствуя проблеск комфорта.

— Он сделал, как я просила, и отослал ее прочь, отослал от жизни сексуального рабства. В то время ей было тринадцать лет. Сейчас ей четырнадцать. Иуда сообщил мне, что есть небольшая коммуна, куда отселяют пожилых людей или инвалидов. Иуда послал ее туда работать. Это было далеко от Техаса.

Мои глаза опустились.

— Мне даже не удалось попрощаться с ней, но я утешилась тем, что она была далеко от Нового Сиона, где все вокруг нас рушилось.

Я проглотила комок в горле.

— Но моя дочь все еще где-то там, в мире, без меня.

Я глубоко вздохнула.

— С тех пор, как ты спас меня от Мейстера, с тех пор, как ты заставил меня встретиться лицом к лицу со своими демонами, я терзаюсь чувством вины и сожаления. Я должна была бороться за нее сильнее. Мне следовало раньше понять, что Орден — это настоящий ад. Но, по крайней мере, я уверена, что она все еще жива. Другим повезло меньше. Они смотрели, как их дети умирают рядом с ними. Я не слышала от Иуды приказа убивать стариков или немощных, поэтому молюсь, чтобы она была в безопасности.

Я положила руку на сердце.

— Я должна верить, что с ней все в порядке, что она дышит, иначе я перестану существовать.

Когда я исповедалась в последнем из своих грехов, меня охватило пьянящее оцепенение. АК внимательно смотрел на меня, и я чуть не заплакала, когда не увидела в его взгляде ни осуждения, ни порицания. Его рука дрожала, когда он переплел свои пальцы с моими.

Этот маленький жест утешения позволил мне вздохнуть. Это позволило напряжению в моей груди расслабиться и найти какой-то кусочек покоя в этом беспорядке.

— Ты не виновата, Рыжая, — сказал он низким, глубоким, но самое главное искренним голосом. — Ты была гребаным ребенком. Ты была ребенком, у которого появился ребенок, и эти ублюдки отняли ее у тебя, внушив тебе какую-то херню. Они промыли тебе мозги. Обо всем, что происходит в твоей жизни. И тебе не о чем сожалеть.

— Я в это не верю, — устало сказала я.

Опустошение и истощение накатили на меня. Я онемела.

АК сел и притянул меня к себе на колени. Его руки обхватили мое лицо, и он убедился, что я смотрю прямо ему в глаза.

— Тогда я, черт возьми, поверю в это вместо тебя.

— Спасибо, — прошептала я, благодарная больше, чем он мог себе представить.

Я посмотрела в его доброе, красивое лицо и поняла, что должна ему все объяснить. Все было расплывчато, но я знала, как вела себя после того, как он спас меня, под воздействием выпивки. Я сделала глубокий вдох.

— Я ничто, если не шлюха, АК. Не знаю, как быть кем-то другим. Не знаю, как жить со всеми своими демонами. Моя неудача с Сапфирой, Лилой и всеми жизнями мужчин, которых я соблазнила, была потрачена впустую, когда Иуда приказал им выпить его яд. Я привела этих людей в коммуны, к нашей вере, и они погибли под командованием Иуды.

Я изо всех сил вцепилась в АК.

— И я не знаю, как жить в мире, где всякий раз, закрывая глаза, вижу свою дочь на руках. Не зная, где она сейчас и думает ли вообще обо мне.

Я медленно вздохнула.

— Зелье Мейстера забирало все это — заботы и тревоги. Бутылка, которую я нашла на крыльце Кая, сделала то же самое, когда ты прогнал зелье из моих вен. Это была подходящая замена. Это заставило меня на какое-то время забыть о Сапфире. И смотря на Лилу с Грейс, я радуюсь, что они есть друг у друга, но меня убивает то, что я не стала такой матерью. Настоящей, доброй матерью для своей дочери. Вот почему я не хотела, чтобы меня возвращали в реальную жизнь.

Я покачала головой.

— Настоящая жизнь слишком тяжела. И я не знаю, как с этим справиться.

Я вцепилась в АК, как будто он был единственной связью, удерживающей меня от срыва. И я тихонько заплакала, теряя последнюю способность сдерживать свою печаль, когда его большие руки обняли меня и прижали как можно ближе. Он целовал мои волосы и раскачивал вперед-назад, держа в своих руках.

— Ты не виновата, — повторил он, и его доброта подействовала на меня, как бальзам. — Они заставили тебя это сделать. Эти ублюдки взяли тебя гребаным ребенком и изнасиловали. Заставили тебя служить и забрали твою девочку. Ты не можешь винить себя. Тебя, бл*дь, использовали.

АК больше ничего не сказал, пока я освобождала свое сердце от многолетней печали. Он просто прижимал меня к себе, пока мои слезы не высохли, а тело не обмякло от усталости.

Мои глаза боролись за то, чтобы закрыться, а я проиграла битву за то, чтобы держать их открытыми. Помню, как АК поднял меня на руки и уложил в теплую постель. Но, когда проснулась, я была одна, и все мое тело дрожало. Моя кожа вспотела от кошмаров. Я видела лицо дочери, чувствовала ее в своих объятиях, слишком живо представила себе Лилу в том лесу, ее окровавленное тело.

Все это было слишком.

Я откинула одеяло и вышла из комнаты. В хижине было тихо и спокойно, но я нуждалась в нем. Так сильно нуждалась в нем.

На цыпочках прокралась в спальню АК. В этой комнате тоже стояли две небольшие кровати. Высокая фигура АК лежала под одеялом на одной из них. Как будто он был маяком

для моего разбитого сердца, я последовала за своими ногами, пока не подошла к его кровати. Деревянный пол скрипнул у меня под ногами. Его тело резко выпрямилось, и он зажмурился от лунного света.

— Фиби?

Я молча подняла одеяло, под которым он лежал, и забралась внутрь. Его сигаретный аромат успокоил мои нервы, пока я лежала на подушке рядом с ним. Глядя ему в глаза, я прижалась к его теплому телу, мы вдвоем едва умещались на крошечном матрасе. Положив голову на плечо АК, я закрыла глаза.

Он обнял меня, и я услышала его дыхание у своего уха. В комфорте его безопасных объятий я позволила сну затянуть меня. И впервые в жизни я лежала в постели с мужчиной и просто спала.

Мое тело защищено в его объятиях...

... и, возможно, моя душа тоже.

АК

— В тот раз у тебя почти получилось, — подразнил я.

Фиби разочарованно выдохнула. Ближайшее к нам дерево снова было прострелено. Черт, у сучки начало получаться, но стрелять было нелегко. Уж я-то знал.

Сегодня ей было лучше. Она проспала почти сутки после всего того дерьма, которое наговорила мне. У сучки был ребенок, дочь. И что еще хуже, эти засранцы забрали ее, и теперь она хрен знает где. Неудивительно, что Фиби стала теряться в выпивке.

Мои мысли вернулись к Зейну, моему племяннику, и я боролся с гребаным стыдом, который наполнил меня. Рыжая потеряла ребенка, и я тоже потерял... все...

Фиби наклонилась ко мне и спрятала лицо у меня на груди, вырывая меня из мыслей. Она подняла голову и сказала:

— Я не могу попасть в центральную мишень.

Она указала на самое дальнее дерево.

— Кто вообще сможет в него попасть?

Она покачала головой.

Я взглянул на дерево, о котором она говорила, и пожал плечами.

— Я.

У нее отвисла челюсть.

— Ты можешь попасть в него? — Она скептически посмотрела на меня. — Я понимаю, что ты, должно быть, хороший стрелок, но уверена, что даже ты не сможешь туда попасть.

Я ухмыльнулся ее недоверию. Сучка и понятия не имела. Взяв у нее из рук оружие, я шагнул вперед и занял позицию. Я чувствовал на себе ее взгляд. Но заблокировал это. Мир вокруг меня исчез, пока я стоял совершенно неподвижно, сфокусировав взгляд на мишени. Я заблокировал все, кроме цели.

Мое зрение стало острым. Я передвинул палец на спусковом крючке, затем с привычной легкостью послал пулю через воздух прямо в центр мишени. Я опустил оружие, чувствуя тот же прилив адреналина, что и всегда. Повернувшись, я посмотрел на Фиби. Она глядела на меня широко раскрытыми глазами и слегка приоткрытым ртом.

Она выглядела чертовски великолепно. Сучка была сногшибательная, вся в веснушках и с голубыми глазами.

— АК.

Она шагнула вперед, не сводя глаз с цели.

— Как... Как? — Она боролась, чтобы закончить свои слова. — Как тебе это удалось?

Она посмотрела на оружие в моих руках и подозрительно покачала головой.

— Ты чего-то недоговариваешь.

Мой желудок сжался, и я отвернулся.

— Нет, просто в детстве учился здесь стрелять, вот и все. Я был неплох. А с Палачами стал еще лучше.

Я забрал оружие и направился к хижине. Фиби последовала за мной, когда я убрал оружие в сундук, и вошел в дом. Ее рука скользнула в мою, призывая меня остановиться. Ее голубые глаза изучали мое лицо.

— Почему ты так хорошо стреляешь? — спросила она, на этот раз более твердо.

Я ни хрена не сказал в ответ.

Она указала на шкаф в другом конце комнаты.

— Почему этот шкаф заперт?

Я знал, о чем она говорит, но даже не думал, что сучка заметила это.

— Почему мы здесь, в этой хижине, АК?

Я попытался проглотить раздражение, подступившее к горлу. Я видел эту сучку во время ее запоя, слушал, как она рассказывала мне о своем ребенке, и вот теперь она пытается узнать о моем дерьме?

— Чьи сапоги у двери?

Ее слова врезались мне в грудь. Я чувствовал, как мои стены снова поднимаются, выталкивая Фиби за их пределы. Она прорвалась, хотя это было невероятно, но теперь она копала слишком глубоко. Возможно, она и хотела выставить все свое дерьмо на всеобщее обозрение, но это не означало, что пришло время и мне сделать то же самое.

— Я видела тебя. — Она крепче сжала мою руку. — Видела, как ты чистил сапоги. Видела, как прижимал их к груди.

Она подошла ближе. Я хотел отодвинуться к чертовой матери, но ноги не слушались.

— Я видела, как ты плакал.

— Хватит, — предупредил я.

Моя щека дернулась от гнева.

— АК, пожалуйста... поговори со мной, — попросила она, и ее глаза наполнились слезами. — Я... Я доверилась тебе. Пожалуйста, доверься и ты мне. Я вижу, какое бремя ты несешь.

Оскалившись, вынужденный слететь с гребаного обрыва, я притянул ее ближе и выплюнул:

— Не пытайся проделать со мной свое гребаное дерьмо соблазнительницы, Рыжая. Ты ни хрена не готова к тому, что я положу к твоим ногам. Ты думаешь, что твоя история плоха, тогда ты ничего не видела в этой жизни.

Я приблизил ее лицо как можно ближе к своему.

— Так что завязывай с этим дерьмом и отвали к чертовой матери.

Я отпустил ее руки и схватил ключи от грузовика со стойки. Я выскочил за дверь, услышав, как она зовет меня по имени. Но не остановился, не мог остановиться. Я резко включил двигатель и выехал. Ехал и ехал, пока не добрался до магазина. Я набрал кучу дерьмовой еды, в которой не нуждался, потом достал с верхней полки бутылку «Джемисона». Открутил крышку, и жидкость потекла мне в горло еще до того, как я вышел из магазина. Я сидел в своем грузовике, чувствуя жжение, необходимое, чтобы уйти с обрыва. А потом рассмеялся гребаной иронии. Я забрал у Фиби выпивку, но вот он я, как гребаная киска, топил воспоминания, которые участились в десять раз с тех пор, как Фиби рассказала мне свою историю.

Эта гребаная хижина. Эти чертовы сапоги. Оружие, одежда в шкафу... этот гребаный запертый шкаф.

Мой сотовый завибрировал в кармане, теперь, когда я был далеко от хижины, у меня была связь.

Таннер.

— Да?

— Наконец-то. Хотел сообщить тебе, что люди Мейстера знают, что это были мы. Подтверждено взломом их электронной почты. Они еще ни хрена не сделали, но хотел держать тебя в курсе событий. У Стикса и Кая все под контролем, но они хотят, чтобы ты был в курсе, когда решишь вернуться. Тебе нужно следить за обстановкой.

Я выдохнул, чувствуя, как «Джемисон» заглушает темные мысли в моей голове.

— Ладно, — сказал я. — Таннер?

— Мм?

— Ты хорошо выслеживаешь людей? Поиск пропавших людей и все подобное дерьмо?

— Вроде того. А что?

— Нужно, чтобы ты нашел кое-какую молодую сучку из культа. Сейчас ей должно быть четырнадцать, ее зовут Сапфира. Фамилии нет. То же дерьмо, что приключилось с Мэй и Фиби.

Фиби думала, что ее дочь находится в безопасности в другой стране. Но я знал таких ублюдков, как Иуда, а этот мудака никогда ничего не делал просто так. Я сомневался, что она была там, где он сказал. Я должен был проверить.

— Она ведь уже мертва, не так ли? — уклончиво спросил он. — Если она из культа?

— Ее отправили в какой-то дом престарелых или типа того. Может быть, за границу? Куда пророк отправлял своих стариков умирать подальше от коммуны. По крайней мере, так он сказал. Не уверен, что это правда.

— Хорошо, — сказал Таннер. — Предоставь это мне. Я постараюсь что-нибудь раскопать.

— Спасибо, брат.

Я повесил трубку и откинул голову на подголовник, глубоко вздохнув и сделав еще глоток виски. В голове возникло выражение лица Фиби, когда я кричал ей в лицо, ее гребаные потерянные глаза и слезы, когда я вылетел за дверь, злясь на то, что она принесла все прошлое дерьмо к моей двери.

— Бл*дь!

Я завел двигатель. К тому времени, как добрался до хижины, я был абсолютно пьян, и моя голова чувствовалась на целую тонну легче. И самое главное, эти гребаные мысли отошли на задний план. Белый шум в моей голове, а не гребаные барабаны трэш-метала.

Схватив пакеты с едой, в которой мы даже не нуждались, я ворвался в дверь и застыл на месте. Фиби сидела на полу рядом с закрытым шкафом. Хотя нет. Теперь с уже открытым шкафом, чье содержимое было разбросано вокруг нее.

Она даже не вздрогнула, когда увидела, что я стою в дверях и смотрю на нее. Она медленно подняла фотографию, которую я не видел уже много лет. Ту, что раньше занимала почетное место в этой хижине, копия той, что висела в доме Тины и Девина, прямо над камином.

— Это ты в молодости.

Фиби повернула фотографию так, чтобы у меня не было другого выбора, кроме как посмотреть на нее. Видеть каждое из улыбающихся лиц было многократным ударом прямо в сердце. Когда Фиби указала на мужчину, одетого в синюю форму морской пехоты, с выбритой головой и огромной гребаной улыбкой, я, бл*дь, перестал дышать.

— АК, это ты, не так ли?

— Я же говорил тебе не лезть в этот шкаф! — грозно ответил я.

Мои руки, державшие пакеты с едой, дрожали. Меня затрясло, когда раскаленный гнев

пронзил меня насквозь. «Джемисон» испарился из моих вен, и я не мог оторвать глаз от этой гребаной фотографии.

— Сапоги, — сказала Фиби, не обращая внимания на то, что я стоял там, кипящий и сломленный.

Она провела пальцем по сапогам на фотографии, потом по сапогам человека, стоявшего рядом со мной. Того, на которого я больше всего не мог смотреть.

— А это вторая пара.

Когда ее дыхание сбилось, губы растянулись в грустной улыбке, а ее палец провел по лицу Зейна, его милому улыбающемуся лицу, я потерял контроль.

Я швырнул пакеты через всю комнату и услышал, как они ударились о стену. Содержимое рассыпалось по полу. Мои руки сжались в кулаки, пока я пытался сдержать раскаленную ярость, которая текла по моим венам.

Фиби, в кои-то веки безошибочно распознавшая грозящую ей опасность, вскочила на ноги и попятилась к двери комнаты. Ее загорелая кожа побледнела, когда я посмотрел на нее.

— Мне очень жаль, — сказала она, пытаясь найти ручку.

Слезы наполнили ее глаза, когда она проскользнула за дверь, как будто знала, какую боль эти гребаные снимки вызвали во мне.

— Мне очень жаль, АК, — сказала она из-за запертой двери.

Мои ноги словно приросли к земле, когда я увидел груды рамок и альбомов, которые уже много лет не видели дневного света. «Джемисон» валялся в дальнем конце кухни, целый и невредимый. Я взял бутылку и отбросил крышку в сторону, выпивая виски, как воду. Расхаживая по комнате, я пытался думать о чем-то другом, чтобы остановить мысли, которые пришли, когда я снова увидел эти лица.

Лица людей, которые значили для меня больше всего в жизни. Людей, которые были для меня всем... моим домом.

Не осознавая, что споткнулся — последствия выпивки — я попятился, и что-то хрустнуло под моим ботинком. Я замер и посмотрел вниз. Фотография, которую держала Фиби, стекло треснуло под моей ногой. Обнаружив, что она испорчена, я отступил назад и автоматически поднял ее с пола. Мой взгляд упал на фотографию, и из моего горла вырвался болезненный стон.

Моя рука снова задрожала, но теперь уже не от гнева.

Я отступал и отступал, пока не уперся спиной в стену. Мои ноги подкосились, когда я уставился на фото, уставился на нас всех, улыбающихся, счастливых, Зейна в моих руках. Я моргнул, когда мое зрение затуманилось, а затем слеза за слезой закапали на разбитую раму.

Крики «Ура!» эхом отдавались у меня в голове. Солнце, песок и кровь. Позволив рыданиям вырваться из моего горла, я прижал фотографию к груди. Когда снова посмотрел на ее, мой взгляд упал на сапоги. Эти гребаные сапоги. Стандартные сапоги военного образца.

Его сапоги.

Мои сапоги.

Бок о бок, как мы всегда планировали.

Я закрыл глаза, не желая возвращаться туда. Но я ничего не мог с собой поделать. Я слишком долго отталкивал эти воспоминания в сторону, и это дерьмо не могло остаться вдали...

Налетели F-15E (американский двухместный истребитель-бомбардировщик, созданный на базе учебно-боевого истребителя F-15D), взорвали здания и нацелились на повстанцев. Боунс и я затаились, ожидая сигнала, чтобы уничтожить любого из оставшихся врагов. Двое. Их было двое, и я, не раздумывая, послал пули прямо им в головы.

Девин.

Мне нужно было добраться до Девина.

Сорвавшись с места, я побежал к зданию, где в последний раз видел его. Тела, как морских пехотинцев, так и повстанцев, были разбросаны по земле.

— Девин! — крикнул я, переворачивая тело за телом, ища своего брата.

Чья-то рука опустилась мне на плечо, пытаюсь остановить.

Боунс.

Я оттолкнул его и возобновил поиски.

— Его здесь нет, — сказал я, когда дважды прочесал всю территорию.

Я резко повернул голову, сухой воздух прилипал к моей коже.

— Его здесь нет, черт возьми!

Мое сердце бешено колотилось, пока я продолжал искать.

Где же он? Где был мой гребаный брат?

— Ксав, — донесся до меня голос Боунса.

*Я услышал в нем беспокойство. Каждый шаг к тому месту, где он стоял, был целой милей. Дым рассеялся, и я увидел, что мой наводчик держит что-то в руке. Фотографию. И я, черт возьми, знал эту фотографию. Я, бл*дь, снял эту фотографию. Зейн. Зейн в объятиях Девина.*

Мои руки не переставали дрожать, когда я взял ее у Боунса и уставился вниз.

— Где он, черт возьми? — спросил я сквозь пересохшее горло.

Боунс сказал, что ни хрена не знает. По радио поступила команда перегруппироваться.

Боунс отвел меня к остальным, и мы слушали сержанта Льюиса. Повстанцы взяли в плен шестерых человек, включая лейтенанта Дейерса. Все время, пока Льюис — лучший друг Девина — говорил, я смотрел на улыбающееся лицо племянника и смеющегося брата.

И я почувствовал это. Что-то в моем сердце подсказывало, что с этого дня все изменится. Я просто чувствовал это...

Мои ноги онемели, руки все еще сжимали фотографию. Я повернул свою пульсирующую голову в сторону и стал рыться в снимках, пока не увидел край того, который искал. Я вытащил фото из-под альбома. Края были порваны и опалены. Но улыбающееся лицо Зейна все еще приветствовало меня. Смеющаяся улыбка Девина все еще оставалась гордой. Я поднес его к носу и закрыл глаза. Все еще пахло этой гребаной пустыней. Вот тогда все изменилось. Я все еще слышал РПГ, крики врагов и морских пехотинцев... звук моей винтовки, стреляющей выстрел за выстрелом, Боунса, говорившего мне, что это были прямые попадания.

— Дев...

*Я почувствовал, как мой желудок скрутило. Уронил голову и зарыдал. Я, бл*дь, рыдал и рыдал, слезы стекали на щеки и грудь. Я плакал, держа в руках две гребаные фотографии.*

Я не слышал, как Фиби вышла из своей комнаты, но, когда почувствовал, что ее руки обнимают меня, то не смог оттолкнуть ее, черт возьми. Забравшись в ее объятия, как киска, я

позволил всем годам сдерживаемых эмоций вылиться из меня рекой. И я просто, бл*дь, обнял ее в ответ.

Фиби укачивала меня на руках.

— Мне очень жаль, — сказала она надтреснутым голосом. — Мне так жаль, что посмотрела...

Ее слова заставили меня сломаться еще сильнее. Но я держал фотографии в руках, как будто они были моим спасательным кругом. Моя единственная связь с семьей, которую я любил, ради которой я сделал бы все что угодно.

Я не знал, как долго мы так сидели, Фиби держала меня, вытирая мои щеки, пока я, бл*дь, разваливался на части. Ее пальцы откинули мои влажные волосы с лица, и она отодвинула «Джемисон» в сторону, даже не взглянув на него.

— Пойдем.

Она подняла мою голову со своих колен. Я почувствовал тяжесть. Каждая часть меня чувствовалась чертовски тяжелой.

— Я лягу с тобой.

Она поднялась. Я прижал фотографии к груди, заставляя ноги двигаться. Фиби провела меня в комнату, где я спал. Та, что хранила слишком много воспоминаний, чтобы я когда-нибудь мог хорошо в ней спать. Я сбросил ботинки и сел на край кровати.

Я не мог оторваться от фотографий.

— Ложись.

Фиби легла первой. Она протянула руки, и, нуждаясь в том, чтобы кто-то хоть раз взял на себя инициативу, я лег рядом с ней, положив голову ей на грудь. — Ш-ш-ш, — успокаивала Фиби, проводя руками по моим волосам. — Спи.

Используя ее голос, чтобы успокоиться, я закрыл глаза.

Я устал, так чертовски устал.

— Спи. Я буду здесь, когда ты проснешься. Буду охранять тебя, — я услышал ее слова, но меня уже затягивала тьма.

Когда я почувствовал гнилостный запах крови и мочи, я понял, что это был сон, который я никогда больше не хотел видеть...

— *Четыре недели.*

Мое колено подпрыгивало вверх и вниз в кузове бронированного грузовика.

— *Он у них уже четыре недели.*

— *С ним все будет хорошо, Ксав, — сказал Боунс. — Он сильный. Он будет одним из двух.*

Я кивнул, желая в это поверить, но не уверенный, что смогу. Разведка вернулась в лагерь. Попытки — говорилось в отчете. Четверо убитых: двое обезглавлены, один повешен и один убит выстрелом в голову.

Двое выживших.

В живых осталось только двое морских пехотинцев... Но их пытали.

Они сильно пострадали.

И мы собирались их спасти.

Я взял автомат, когда грузовик подъехал к укромному месту. Мы построились и заняли свои позиции. Мы с Боунсом нашли самую высокую точку — старую заброшенную башню.

— *У тебя уже есть визуализация? — спросил сержант Льюис в наушниках.*

— Да, сэр.

Боунс затих, а я приготовился стрелять.

— Три, — сказал Боунс, и я уловил нотки возбуждения в его голосе.

Он дал мне координаты, и я послал свои пули в полет.

— Прямое попадание, — сказал Боунс и указал мне на другую позицию. — Прямое попадание, — повторил он.

Затем весь ад вырвался на свободу, когда сухопутные войска двинулись вперед. Стреляли пушки, крики и вопли эхом разносились по пустынному городу. Но я слушал только команды Боунса, стреляя и нанося удары, сохраняя сосредоточенность, как и положено хорошему снайперу.

— Чисто! — сказал сержант Льюис по рации.

Не обращая внимания на приказ оставаться на месте, я выбежал из башни и бросился в здание, где держали пленников. Я проигнорировал голос Боунса позади меня, говорящий мне остановиться. Я не мог. Там мог быть мой гребаный брат.

Сослуживцы пытались остановить меня, когда я вошел в здание и пошел на звук медиков, отдающих приказы. Пол был усеян мертвыми телами, и я слышал крики выживших повстанцев в другой комнате. Мое сердце билось в унисон с бегущими ногами, пока я не добрался до задней комнаты. Я вздрогнул от запаха, который встретил меня. Моча, дерьмо и кровь.

Собравшись с духом, я вошел в комнату и посмотрел налево. С двумя мужчинами работали медики. У обоих не было ничего, кроме кожи и костей, покрытых кровью; они были избиты до полусмерти.

Но я должен был знать. Мне нужно было знать, жив ли еще мой брат.

Я протиснулся мимо мужчин на моем пути и замер, когда увидел знакомую пару глаз, смотрящих на меня. Темные, как у меня. Но это было все, что я узнал. Его лицо было черно-синим. Следы от ножей и огнестрельных ран портили его обнаженную кожу. У него не хватало нескольких зубов и двух пальцев.

Отрезанных начисто.

— Дев.

Я опустился на пол. Когда его глаза встретились с моими, из его груди вырвался болезненный звук. Я рванул вперед и схватился за руку, которая не была ранена.

— Я здесь, Дев. Я здесь, бл*дь.

Я сжал руку Дева и, черт возьми, сломался, когда он попытался сжать ее в ответ.

— Я никуда не уйду.

Я сунул руку в карман и вытащил фотографию его и Зейна.

— Боунс нашел ее, Дев, — сказал я и увидел, как его глаз, который не был заплывшим, наполнился слезами.

— Я сохранил ее для тебя.

— Сынок, — раздался грубый голос позади меня.

— Сержант.

Я посмотрел на Льюиса. Его лицо тоже было чертовски опустошенным.

— Нам нужно доставить его в больницу по воздуху. Это срочно.

— Хорошо.

Я наклонился и поцеловал Дева в макушку.

— Я скоро буду рядом, Дев, хорошо? Держись.

Отпустив его слабую руку, я положил туда фотографию. Пальцы Дева сцепились в нее так крепко, как только могли. Когда медики подняли его, я сказал:

— Не дайте ему потерять эту фотографию. Заставьте его взглянуть на нее, если дела пойдут плохо.

Мой голос был едва слышен.

Медик заверил меня, что сделает, как я просил.

— Выйди, сынок.

Льюис жестом велел мне выйти из комнаты. Я сделал, как он сказал, выходя, как проклятый призрак, по коридорам на улицу.

Все, о чем я мог думать, это о состоянии, в котором находился Дев. Его отсутствующие пальцы, выбитые зубы, следы от ножей, пулевые ранения и его чертовы слезящиеся глаза, когда он увидел меня... когда он увидел фотографию своего сына.

Эти чертовы ублюдки. Какого хрена они с ним сделали? Ранили его, заморили голодом, заставили лежать в собственном дерьме.

Гребаные мудаки!

Я остановился как вкопанный, когда услышал шум слева от себя. Из-за ближайшей двери доносились приглушенные крики повстанцев. Я слушал и чувствовал, как закипает моя кровь.

Они причинили боль моему брату. Они тронули Дева.

Я посмотрел на закрытую дверь, и мои ноги двинулись вперед без раздумий. Я сунул руку в карман и нащупал нож. Я даже не оглянулся, когда вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Трое мужчин посмотрели на меня. Трое связанных мужчин, сидящих у стены.

Из-за своих кляпов они начали изрыгать на меня какое-то невнятное дерьмо, но я не мог понять ни слова. И даже если бы я это сделал, мне было бы наплевать. Я просто видел их трупы в своей голове. Видел, как их кровь растекается под ними на полу.

Я крепче сжал нож в руке. Мои ноги двинулись вперед, а красный туман застилал мои глаза, когда я подошел к первому мужчине. Он зашаркал по полу, пытаясь вырваться. Но он был моим, и ему некуда было деться.

Я поднял нож и перерезал ему бедро, убедившись, что попал в бедренную артерию. Я полоснул его лезвием по животу и улыбнулся, когда его внутренности вывалились из раны. Я наносил удары снова и снова. Кровь уже забрызгала мое лицо, когда я перешел к следующему мужчине, перерезая ему горло и слыша, как он издает булькающий звук собственной кровью. Потом третий. Я кромсал их тела, причиняя им большие боли, чем было возможно за то короткое время, которое у меня было, и делал это с гребаной улыбкой на лице.

— Ксавьер! — Я смутно узнал голос Боунса, но не остановился.

Теперь меня ничто не остановит.

— Дейерс! — прогремел более громкий голос.

Затем кто-то схватил меня, отрывая от добычи. Я боролся с тем, кто тащил меня назад, пока не оказался прикованным к бетонному полу, мой нож вырвали из пальцев. Я посмотрел в сторону и улыбнулся шире, когда увидел трупы, прислонившиеся к стене. Трупы, которые уже почти не напоминали людей. Ублюдки, которые заплатили за то, что забрали моего брата.

— Уведите его! — приказал Льюис с ноткой паники в голосе, и меня вынесли наружу.

Кровь от моих убийств покрывала мои руки. Меня бросили в маленькую лачугу. Дверь за

мною захлопнулась. Сидя в тишине, я смотрел на кровь на своих руках и не чувствовал ничего, кроме гордости. Но вскоре мои крепкие руки начали дрожать. Прошло совсем немного времени, прежде чем мысли о Девине и его состоянии достигли цели, совсем немного времени, прежде чем слезы стали густыми и быстрыми, адреналин исчез, и реальность обрушилась на меня.

Дверь открылась, и вошел Льюис. Сержант Льюис — ближайший друг Девина и мой начальник. Он начал расхаживать по комнате, теряя самообладание. Он продолжал смотреть на меня, а затем покачал головой и сказал:

— Дерьмо.

Я оцепенело наблюдал за ним. Они могут посадить меня под замок. Мне было все равно. Эти ублюдки были мертвы. Это было все, что меня сейчас волновало.

— Вот как все произошло.

Льюис замер. Его лицо было красным, а глаза метались из стороны в сторону, как будто он что-то обдумывал.

— Все эти ублюдки были убиты во время налета. Выживших нет.

Я моргнул, бесчувственный и безразличный, когда он присел передо мной.

— О чем, черт возьми, ты думал, Ксав?

— Они сделали ему больно, — прорычал я. — Они должны были умереть.

— Твой брат — лучший гребаный пехотинец, которого я знаю, и, более того, он играет по правилам, у него есть честь. Он никогда бы не выкинул такой номер, если бы вы поменялись ролями. Ты знаешь, что с тобой может случиться, если об этом узнают?

— Мне все равно. Они пытали его. Они заслуживали смерти. Плевать на то, что со мной теперь будет.

Льюис раздраженно провел рукой по лицу.

— Приведи себя в порядок. Я должен разобраться во всем этом дерьме. Мы все должны разобраться в своих историях. Забудь, что это когда-либо происходило. Ясно?

Я поднялся на ноги, не говоря ни слова. Льюис схватил меня за руку и развернул лицом к себе.

— Дев спасал мою задницу больше раз, чем ты можешь себе представить. Это единственная причина, по которой я сейчас иду против всех этических и моральных норм, Ксав. Я в долгу перед Девом, и после того, что случилось, я чертовски уверен, что не отдам тебя под трибунал.

Я рванул через дверь и увидел, что здание, в котором держали моего брата, горит, языки пламени высоко вздымаются, а дым клубится в воздухе.

— Ублюдки подожгли его, когда мы прибыли, но нам удалось вытащить наших людей, — сказал сержант Льюис.

Я знал, что это было прикрытие, которое использовали, чтобы скрыть мои преступления.

Но когда я смывал кровь своих жертв в ближайшем ручье, я не мог не чувствовать гордость за эти смерти. Эти ублюдки заслуживали смерти. И если бы у меня было больше времени, я знал, что сделал бы с ними вещи гораздо хуже...

Я проснулся и резко выпрямился. Посмотрел на край кровати. Вот они. Выстроились в ряд, чтобы снова навестить меня. Гребаные повстанцы, истекающие кровью, с вывалившимися внутренностями и перерезанными глотками. Они смотрели на меня

черными пустотами вместо глаз.

— Уходите, — приказал я и вскарабкался к изголовью кровати.

Но они не двигались. Они просто смотрели. Всегда просто смотрели.

А потом я увидел других мертвецов, подошедших сзади, разрывая мое сердце надвое.

Тех, о ком я заботился.

— Нет, — взмолился я, протягивая руки. — Пожалуйста. Пожалуйста, не приходите ко мне больше...

Мой голос затих, когда они заняли свое обычное место рядом с повстанцами.

Все они смотрели на меня мертвыми глазами, их кожа была серой и тонкой.

— Пожалуйста.

Я почувствовал, как последние остатки моей решимости рухнули. Мои щеки стали влажными, когда я столкнулся со всеми этими ужасами, которые не покидали меня годами. Мое чувство вины вернулось к жизни.

— Оставьте меня в покое! — закричал я. — Пожалуйста... просто оставьте меня в покое, — прохрипел я, не имея сил и пытаясь дышать.

Дверь в спальню распахнулась, и вбежала Фиби.

— АК?

Она в панике оглядела комнату.

— Убери их отсюда. — Я указал на край кровати. — Заставь их уйти. Пожалуйста...

— Кого? — тихо спросила она.

— Их. — Я указал на каждое изуродованное лицо..

— АК, — прошептала она и осторожно забралась в постель.

— Где ты была? — спросил я, когда ее рука коснулась моего лица.

— Я ходила за водой. Только что вышла из комнаты. Но сейчас я здесь. Успокойся...

Я посмотрел в ее голубые глаза и признался:

— Я убил их.

Фиби напряглась.

— Кого?

— Их, — сказал я и указал на край кровати. — Они причинили боль моему брату. Они чуть не убили его, поэтому я убил их. Убил их так, как они того заслуживали. Но теперь они не уходят. Они никогда не уходят. И они тоже...

Я указал дрожащей рукой на двух людей, которые преследовали меня больше всего.

— АК, я ничего не понимаю.

Она придвинулась ближе ко мне, взяла за руку и крепко сжала. Я посмотрел на ее тонкие пальцы в своих.

— У него было посттравматическое расстройство, — сказал я едва слышно. — Они отправили его в больницу в те месяцы, когда я еще отбывал остаток своей службы. Я не мог с ним увидеться — его привезли обратно в Техас. Я не знал, насколько все плохо, пока не вернулся домой. А вернувшись, я обнаружил, что мой брат в полном дерьме... за гранью полного краха.

Фиби поцеловала мою руку, и я посмотрел ей в лицо.

— Я не знал, что делать. Он пил, но хуже того... Подсел на героин. Я вернулся домой и обнаружил, что мой брат был наркоманом уже несколько гребаных месяцев, и никто мне ни хрена не сказал. Мысленно он все еще жил в Ираке. Все еще в той гребаной комнате, теряя рассудок. Проживая пытку день за днем. Для него это никогда не кончалось.

— Я все равно не понимаю, — сказала Фиби.

— Мой брат.

Я почувствовал боль от простого произнесения этого слова.

— Я убил своего брата, Фиби. Сапоги... у двери, оружие в сундуке. Это его хижина, в которую он привозил меня ребенком. Он мертв, и это моя вина.

Я бросил взгляд на него, стоящего в ногах у моей кровати, с его запястий и горла капала кровь, его тело было слишком худым и слабым. Он протянул мне руку, чтобы я взял ее, но сколько бы раз я ни пытался это сделать, моя рука просто провалилась сквозь воздух. Я не мог до него дотянуться.

— Это я во всем виноват, — повторил я. — Я облажался. Потерял все, потому что облажался.

Руки Фиби сжались в моих.

— Расскажи мне. Расскажи, что случилось. Тебе это нужно, АК. Я здесь. И не дам тебе упасть. Не позволю им причинить тебе вред.

Я посмотрел ей в глаза и, не имея больше сил бороться, рассказал ей все. Впервые в жизни кому-то рассказал обо всем — вступление в морскую пехоту, похищение, пытки.

Что я сделал.

А потом...

Она махала мне рукой, пока я проходил через аэропорт. Я передвинул сумку повыше на плечо и улыбнулся, увидев, как маленький человечек оторвался от ног Тины. Зейн пробился сквозь толпу и бросился в мои объятия.

— Зейн! — Я крепко прижал его к груди. — Я скучал по тебе, приятель!

Зейн сжал меня в ответ.

— Я тоже по тебе скучал, — сказал он.

Я откинул голову, чтобы посмотреть на него.

— Черт! Насколько ты вырос?

Он пожал плечами.

— Довольно на много.

Парень не шутил. Не могу поверить, как сильно он изменился за девять месяцев.

— Привет, незнакомец.

Я обернулся и увидел Тину. Я улыбнулся своей невестке, но быстро спрятал улыбку, когда по-настоящему посмотрел на нее. Она была совсем худой. Ее лицо было осунувшимся, и, черт возьми, она выглядела уставшей.

— Привет. — Я оглядел аэропорт в поисках брата. — Где Девин?

Тина отвернулась. Когда она оглянулась, ее глаза были полны слез. У меня упало сердце.

— Папа в больнице, — сказал Зейн, и я замер.

— Что? — спросил я Тину.

Она взяла меня за руку.

— Поехали домой. Там я тебе все объясню.

Я последовал за ней через аэропорт. Мы молчали в машине, позволяя Зейну рассказать о последних девяти месяцах и о том, что я пропустил. Но все, что я мог услышать, было: «Папа в больнице».

Когда мы вернулись домой, Тина отправила Зейна в его комнату. Я сел за кухонный стол, а Тина приготовила кофе. Она прислонилась к стойке, и только когда я увидел, что ее

спина дрожит, я понял, что она плачет.

Я вскочил со своего места, все еще одетый в униформу, и развернул ее лицом к себе. Я возвышался над ней, ее крошечное тельце прижималось к моей груди. И она, черт возьми, разбивала мне сердце. Она рыдала и рыдала, пока не смогла дышать достаточно, чтобы сказать:

— Человек, который вернулся, это не мой муж. И не твой брат.

Я зажмурился, вспоминая его в дальней комнате здания повстанцев.

— Что случилось?

— Он вернулся домой, но каждый вечер сидел у нашей двери с винтовкой в руке. Он сказал, что они вернутся за ним. Говорил, что убьет их до того, как они доберутся до нас.

— Черт, — сказал я и услышал, как мой собственный голос дрогнул.

— Мне пришлось отвезти Зейна к сестре. У меня не было выбора. Из-за Дева най мальчик боялся возвращаться домой, поэтому я отправила его к Клэр. Я пыталась, Ксав. Пыталась помочь ему, но это было уже слишком.

— Значит, его заперли? — спросил я сквозь стиснутые зубы.

— Клэр и Том обследовали его. Его положили в больницу. С тех пор он там.

— В какую больницу?

Когда Тина сказала мне, я вскочил на свой «Харлей» и помчался по дороге от дома к больнице. Персонал благодарил меня за службу, пока я бежал по коридорам, все еще одетый в униформу. Меня не хотели пропускать, но, когда я сказал медсестрам, что только что вернулся из Ирака, они впустили меня.

Запах хлорки ударил мне в нос, когда я толкнул дверь палаты. Все вокруг было белым и холодным. Девин лежал на ближайшей кровати. Мое сердце разбилось, когда я увидел его безжизненные глаза, просто уставившиеся в потолок.

— Дев?

Я медленно подошел к нему.

Он повернул голову. Его волосы все еще были коротко подстрижены, но это все, что осталось от моего прежнего брата. Он стал вдвое меньше, чем когда был здоров. Его кожу покрывали шрамы, но хуже всего было то, что жизнь исчезла из его глаз.

Как и сказала Тина, он был здесь телом, но не разумом. Моя рука дрожала, когда я взял его за пальцы. Девин даже не вздрогнул. Он просто продолжал смотреть, как будто вообще меня не видел.

Я почувствовал, что мои губы дрожат, а зрение затуманилось от слез.

— Дев, это я — Ксав. Я только сегодня вернулся с задания.

Дев вздохнул, но ничего не сказал. Я уставился на пластиковый резервуар, висевший на стойке, гадая, что за дерьмо они вкачивают ему в вены. Потом я увидел внутреннюю сторону его рук и отметины, которые там были. Метка за меткой показывали, куда он вводил себе наркотик.

— Дев, твою мать.

Я плюхнулся на кровать, проводя пальцем по его руке.

Я добрался до них, Дев, — тихо сказал я. — Убил их. Они мертвы. Я чертовски уверен в этом.

Я посмотрел на своего брата, моего гребаного героя, но его глаза были такими же безжизненными, как и с тех пор, как я вошел в палату. Поэтому я сидел молча, пока не вошла медсестра и не сказала, что мое время вышло. Я поцеловал Дева в макушку и встал.

Как только собрался выйти, другой пациент издал какой-то звук. Я оглянулся и увидел парня, примерно моего возраста, может быть, моложе. Он был привязан к кровати за руки и ноги, как и Дев. Я обнаружил, что подхожу ближе, читая его карточку с именем.

Джосайя Кейд.

Его глаза были широко распахнуты и настолько черны, что казались ненастоящими. Ему тоже капали какой-то препарат, умиривший его. Но он все еще боролся с ремнями, пока я стоял рядом с ним.

— Какого черта тебя сюда занесло? — спросил я, и парень перестал дергаться.

Когда он успокоился, я увидел, что у него на руках были порезы. Чертова тонна порезов. Но его глаза были прикованы ко мне. Как будто он пытался что-то сказать своим черным взглядом.

И я не мог этого вынести.

Ничего из этого дерьма.

Развернувшись на пятках, я покинул больницу и направился к ближайшему бару. Байкерскому бару.

Неделю спустя я стал новым кандидатом на вступление в клуб Палачей Аида. А потом все стало ещё хуже...

— Тебе не обязательно продолжать.

Фиби поцеловала меня в лоб.

— Стало еще хуже, — сказал я и позволил Фиби крепче обнять меня. — Я облажался, и вот тогда все пошло совершенно не так, как надо.

— АК.

— Нет! Я... Я хочу рассказать тебе.

Я посмотрел в голубые глаза Фиби и понял, что время пришло. Я больше не мог держать это в себе...

— У нас есть твоя хижина, да? — спросил Вик, когда мы пробрались на территорию и оказались под окном.

— Тина уехала на побережье с сестрой и Зейном. Ее не будет всю неделю. Она никогда не узнает, что он там.

Вик кивнул и протянул руки, чтобы я забрался на них.

— Тогда давай быстрее, засранец. Давай вытащим твоего брата.

Я влез в окно палаты брата и услышал, как Викинг следует за мной.

— Черт, так это он? — спросил Вик, когда я подошел к кровати, на которой лежал Дев.

Глаза Дева были такими же, как и каждый гребаный раз, когда я приходил к нему. Месяцы и месяцы в этом аду, и не было достигнуто ни малейшего прогресса.

Я вытащил капельницу из руки Дева и откинул одеяло с его тела. Я наклонился и подхватил его на руки. Он ни хрена не весил.

— Пошли.

Я подошел к окну.

Уже собираясь уходить, я услышал шум, исходящий от Джосайи, лежащего на кровати напротив. Когда я оглянулся, он смотрел на нас потерянными черными глазами. За все месяцы, что я навещал Дева, я не видел, чтобы к нему пришел хоть один человек.

Ублюдок был совсем один.

— Вик, — сказал я, повинуясь импульсу. — Возьми Дева.

— Что?

— Сделай это, — приказал я.

Вик взял Дева и вылез в окно, а я пересек комнату и освободил Джосайю от пут. Я вылез в окно, оставив его открытым, чтобы парень мог убежать. Мы побежали через территорию к спрятанному грузовику. Под покровом темноты мы довели его до хижины и разместили в комнате. Он был без сознания, слишком одурманенный наркотиками, чтобы общаться. Я сел рядом с ним, держа его за руку. Но чем дольше я смотрел на Дева, тем больше думал о пареньке Джосае, которого мы оставили позади.

— Думаешь, он нормально выбрался? — спросил я Вика, сидевшего рядом со мной.

— Кто?

— Джосайя. Парень, которого я развязал.

Вик пожал плечами.

— Понятия не имею. — Он указал на Дева. — Так какого хрена нам теперь делать?

— Мы должны очистить его от препаратов.

Мы наблюдали за ним всю ночь, но он почти не двигался. Затем, когда ночь превратилась в новый день, я позвонил проспекту и сказал ему, чтобы он пришел присмотреть за Девом, пока меня не будет.

Когда появился проспект, я вошел в гостиную и увидел Вика, сидящего за кухонным столом. Он поднял бровь и покачал головой.

— Мы собираемся найти этого гребаного Джосайю, не так ли?

— Надо его проверить. Если он такой же, как Дев, хрен знает, в каком состоянии он будет один. Я не могу с чистой совестью просто бросить его, черт возьми. Что-то в его черных глазах подсказало мне, что этот ублюдок взывает о помощи, но не имеет ни малейшего шанса попросить ее... Его гребаные покрытые шрамами руки, то, как он просто смотрит в никуда. Не думаю, что у него есть кто-то, кому на него не насрать. И я, например, не могу отпустить это дерьмо.

Вскоре мы нашли его в переулке рядом с больницей, он вспарывал себе руки клинком. Молодой ублюдок уставился на нас, когда мы приблизились, губы растянулись над его зубами, когда он зарычал. Я поднял руки, наблюдая, как его расфокусированные глаза пытаются — но безуспешно — задержаться на мне.

— Меня зовут АК. Я здесь, чтобы помочь. Надо убраться к чертовой матери отсюда. Они найдут тебя, если ты не пойдешь с нами, и ты больше не выйдешь.

Потребовалось чертовски много времени, чтобы заставить его пошевелиться — парня явно нельзя было трогать, если судить по его волнению, когда я пытался. Но когда остатки наркотиков в его организме затянули его во тьму, вырубив к чертовой матери, мы взяли его и отвезли в хижину.

Вик отнес Джосайю в комнату для гостей, положил его на кровать. А я вернулся к Деву и сел рядом с ним, молясь, чтобы, когда он придет в себя, он стал братом, которого я знал.

И мы снова стали бы Ксавом и Девом...

— Но он не пришел в себя? — спросила Фиби.

Я покачал головой.

— Стало еще хуже. Джосайя — Флейм, пришел в себя. Он был трахнутый на голову, но

с ним можно было говорить. И я не знаю, была ли это благодарность или что-то еще, но он слушал меня. Вик отвел его к Палачам, и он стал проспектом. Но Дев...

Я замолчал и посмотрел на него у подножья кровати. Моя грудь сжалась.

— Он не мог перестать жить фантазиями. Он разговаривал со мной, ел. Но я находил его снаружи посреди ночи, ожидающим возвращения ублюдков, которые его пытали.

— АК. — Фибби положила руку мне на лоб. — Ты весь горящий.

Я взял ее запястье и поднес его ко рту. Я поцеловал ее ладонь и воспользовался биением пульса, чтобы успокоить свое сердце.

— АК? — спросила она. — Ты меня беспокоишь.

— Меня вызвали к Палачам. Началась война с Диаблос, и през, старик Стикса, нуждался во мне. Он послал проспекта присмотреть за моим братом. У меня не было выбора, кроме как уйти. Я был снайпером Палачей. Я был АК. Мне нужно было уйти.

— Что случилось? — Я уловил дрожь страха в ее голосе.

— Он освободился. — Я закрыл глаза. — И сбежал...

— *Что-нибудь слышно от Берда? — спросил Вик, говоря о проспекте, который наблюдал за моим братом.*

— *Нет. — Я крепче сжал руль. — Он пропустил сегодняшний созвон.*

Флейм поерзал на заднем сиденье, сжимая в руках ножи. Теперь он никогда не отходил от меня. Меня или Вика. Чувак был полностью трахнут на голову, но теперь он тоже был моим братом. Трахнутый или нет.

Я въехал на подъездную дорожку и увидел, что грузовик исчез. Лед наполнил мои вены, и странное чувство поползло по спине.

— *Где грузовик Берда?*

Я выпрыгнул из машины. Вик и Флейм шли прямо за мной. Я поднял руку, медленно приближаясь к открытой входной двери.

И увидел кровь.

— *Бл*дь, — выплюнул Вик.*

Изрубленное тело Берда безжизненно лежало на полу. Я наклонился и пощупал кровь — она была еще теплой. Мое сердце пустилось вскачь.

— *Он мертв всего пару часов, не больше.*

Я поднялся на ноги.

— *Твою мать! — закричал я, схватившись руками за голову. — Дев!*

Я подлетел к грузовику и выехал с подъездной дорожки так быстро, как только мог. По пути я нарушил все ограничения скорости. Пытался дозвониться Тине на мобильный. Никакого гребаного ответа.

— *Дев, не делай глупостей, — сказал я разреженному воздуху.*

Час спустя я свернул на подъездную дорожку и увидел там грузовик... Грузовик Берда. Кровь отхлынула от моего лица, когда заметил, что задняя дверь открыта. Не было слышно ни звука. На многие мили вокруг не было соседей. Сейчас был только я и то, что ожидало меня в этом доме.

Мой желудок скрутило, когда я увидел внедорожник Тины на подъездной дорожке, автомобильное кресло Зейна на заднем сиденье.

— *Нет, — прошептал я и толкнул дверь.*

Мои ноги едва слушались, когда я пробирался через маленький фермерский дом,

обыскивая каждый угол. Я замер в дверях кухни. След крови, свежей крови, тянулся по полу.

Мои ноги дрожали, но я заставил их идти дальше, войти в комнату. Звук вырвался из моего горла, когда я увидел Тину на полу. Безжизненное тело Тины, с порезами на шее и запястьях, с колотыми ранами в сердце. Желчь подступила к горлу, когда ее мертвые глаза уставились на меня, а на лице застыло выражение шока.

Тина... гребаная Тина. Моя сестра... моя вторая мать.

Нет...

Паника взяла верх... Зейн.

Я промчался по дому, обыскивая каждый угол. Осталась их спальня. Дверь была закрыта. Мое сердце колотилось так сильно, что это был единственный звук, который я слышал, когда повернул ручку и медленно открыл дверь.

Я снова увидел кровь. Кровь рядом с кроватью. Я обошел вокруг, готовясь к тому, что могу найти. До моих ушей донесся булькающий звук, как будто кто-то захлебывался кровью. Я ринулся к кровати. Дев привалился к краю. Кровь лилась из порезов на запястье и горле. Я рухнул вниз и обнял его.

— Дев! Нет!

Кровь продолжала течь, и я, черт возьми, не мог ее остановить.

— Дев! — крикнул я, рыдания терзали мою грудь. — Что ты наделал?

— В безопасности, — выдавил он из себя. — В безопасности...

Я крепко зажмурился.

— Нет!

Я укачивал его на руках.

— Не оставляй меня, — взмолился я, когда его глаза начали стекленеть. — Дев! Не смей, мать твою, бросать меня!

Но он умирал, все еще находясь в моих объятиях. Его кровь была повсюду — на моих руках, на полу.

— Дев? Где Зейн? — спросил я, когда его тело начало расслабляться.

Я прижал его к себе и считал секунды, пока он не замер.

Тридцать две секунды.

Слезы текли по моим щекам и смешивались с кровью на руках.

— Дев, — прошептал я, раскачивая его вперед-назад.

Моя грудь была в тисках, мое сердце вырвано из нее. Я не мог дышать. Не мог дышать, черт возьми!

— Бл*дь, — раздался голос от двери.

Я повернул голову, не отпуская брата. Вик и Флейм стояли и смотрели на кровь.

— Брат, — сказал Вик приглушенным голосом, на этот раз убудок был серьезен.

— Он убил ее. Он покончил с собой. Он думал, что все еще там. Что они снова придут за ним...

Еще больше слез хлынуло из глаз.

— Думаю, ему казалось, что он спасает ее, спасает себя. Он не хотел этого... он не убийца...

Я посмотрел в его темные глаза.

— Он мой чертов брат...

... Он мой гребаный герой...

— Нет, — прошептала Фиби, укачивая меня на руках. — АК, нет... — повторила она, и я понял, что она тоже плачет.

Она вытерла мои слезы, поцеловала лоб и прижала к своей груди.

— Зейн? — спросила она. — Где был Зейн?

— У его тети Клэр. Она взяла его с собой на вторую половину дня.

Я моргнул и посмотрел в голубые глаза Фиби.

— Если бы он был там... Дев убил бы и его, Фиби. Он бы так и сделал. Своего собственного сына.

— И где он сейчас?

Она посмотрела на фотографию его юного лица, которую я все еще держал в руке.

— Я не знаю.

— Почему?

— Клэр запретила мне видеться с ним. Он... он даже не пошел на похороны своего отца. Клэр и Том похоронили Тину отдельно, назвав моего брата убийцей. Я хоронил Дева в одиночестве, только Вик и Флейм рядом со мной. Ему даже не оказали военных почестей.

— Я перевернулся на спину и попытался дышать.

— Этот мальчишка был всей моей гребаной жизнью, а я не видел его много лет.

Я посмотрел на фотографию, на которой мы все были изображены, и даже больше не узнавал этих людей. Я не узнавал себя.

— Сейчас ему должно быть пятнадцать.

Я провел рукой по лицу Зейна.

— А я его ни хрена про него не знаю. И никогда не узнаю.

— АК. — Фиби положила голову мне на плечо. — У меня нет слов. Не знаю, чем тебе помочь.

— Ты помогаешь тем, что ты здесь, — сказал я. — Ты помогаешь, потому что понимаешь. Ни один другой человек никогда не понимал меня так, как ты. Ты понимаешь меня, а я — тебя.

Тишина затягивалась, пока я смотрел в потолок, полностью опустошенный.

— АК? — наконец спросил сонный голос Фиби.

— Да?

— Они все еще там?

Я напрягся и посмотрел на край кровати. Знал, что она имела в виду. Мои кошмары. Я приготовился увидеть изуродованные лица... но выдохнул.

— Нет, — хрипло ответил я, видя только темноту ночи. — Они ушли, — сказал я, и внезапная легкость подкралась к моему тяжелому сердцу. — Они ушли.

— Ммхм, — пробормотала она и потерлась щекой о мою грудь. — Это потому, что ты ни в чем не виноват.

Я посмотрел на рыжие волосы Фиби и впитал ее слова.

Ты ни в чем не виноват...

Я не помнил, как заснул, но в ту ночь я спал. Больше двух гребаных часов.

И мне вообще ничего не снилось.

АК

— Привет, — сказала Фиби, когда я открыл глаза.

Она все еще лежала рядом со мной в том же положении, как мы заснули прошлой ночью. Мои глаза болели, и уверен, веки были распухшими. В горле пересохло, и я был совершенно измотан.

— Привет.

Посмотрев вниз, я увидел, что ее рука все еще в моей. Я вздрогнул, когда посмотрел прямо на луч света, пробивающийся сквозь щель между занавеской и окном.

— Уже утро?

Я провел рукой по обнаженной груди. Должно быть, ночью я снял футболку.

— Уже полдень. — Она улыбнулась. — Мы проспали всю ночь и все утро.

Улыбка сошла с ее губ, она подняла руку и провела ею по моему лицу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, — сказал я.

Фиби смотрела на меня, явно ожидая, что я скажу больше. Я вытянул шею и подумал о прошлой ночи. Обо всем, что рассказал. Я ждал привычной тяжести в груди. Стыда и чувства вины. И они были там. Я был уверен, что это ощущение никогда не исчезнет. Но сегодня его стало меньше.

— Но лучше, — сказал я искренне. — Немного лучше.

Ее взгляд смягчился.

— Хорошо. — Она снова поцеловала мне руку. — Я размышляла, пока ты спал.

— Да?

Она кивнула.

— Думаю... думаю, мы должны были найти друг друга, АК. Я считаю, мы должны были встретиться и вместе покинуть ад.

Я не ответил. У меня не было слов.

— Думаю, что никакое решение не бывает быстрым, и никакое лекарство волшебным образом не избавит нас от боли. Но я считаю, что мы должны пройти через эту боль, которую испытываем, чтобы двигаться дальше. И я верю, что какой бы Бог или великая сила ни существовали над нами, они сводят нас, чтобы мы могли исцеляться вместе. Исцелять другого так, как не смог бы ни один другой человек.

Ее глаза опустились, и гребаный румянец покрыл ее веснушчатые щеки.

— По крайней мере, именно это я и обдумывала. — Она рассмеялась. — Но это может быть просто глупость.

— Нет.

Я взял ее за подбородок, поднял лицо, ожидая, пока эти застенчивые глаза снова остановятся на мне.

— Думаю, ты права, Рыжая. Думаю, что ты можешь быть чертовски права.

Сияющая улыбка озарила ее лицо.

— Что?

— Рыжая, — сказала она со вздохом. — Мне нравится, когда ты меня так называешь.

— Да?

Она кивнула.

— Да.

Я двигался все ближе и ближе, пока мой нос не коснулся ее носа, а губы не зависли над ее губами.

— Знаешь, что мне нравится?

Она покачала головой.

— Твои губы на моих.

Она сглотнула и положила руку мне на грудь. Как только ее рука коснулась моей кожи, мой член зашевелился в джинсах.

— Правда? — тихо спросила она.

Я провел зубами по нижней губе.

— Мхм...

Я наклонился и коснулся губами ее губ, пока не услышал ее стон. Я провел рукой по ее обнаженной руке к тонкой бретельке ночной рубашки. Она вздрогнула от моего прикосновения, и я улыбнулся мурашкам, покрывающим ее тело.

— АК, — пробормотала она и закрыла глаза.

— Рыжая?

— Поцелуй меня, — попросила она.

Я запустил руку ей в волосы, и, черт возьми, поцеловал ее.

Мои губы горели, последствия этих гребаных слез. Мои губы — и ее губы — распухли, но я не отстранился, и она тоже. Мой язык проник в ее рот, и она застонала.

Я не торопился. Быть с ней вот так — совсем другое дело. Ни одна сучка никогда не знала меня таким. Никто никогда не знал всего о моих демонах — даже Вик и Флейм не знали, насколько ужасными были эти кошмары.

Но Рыжая знала. И я знал о ее боли. Знал о жестоком обращении. О ребенке. Та же вина и стыд, что текли по моим венам, текли и по ее.

Когда я оторвался от губ Фиби, она задержала дыхание. Но я не остановился, а провел губами по ее шее, откидывая рыжие волосы назад на подушку. Мы вдвоем занимали каждый сантиметр этой узкой кровати, но мне это нравилось. Она была здесь, подо мной, рядом со мной, и куда бы она или я ни двигались, другой был рядом.

Я переместился на нее сверху, двигая ее под своим телом. Мои руки согнулись по обе стороны от ее головы, когда я посмотрел на нее сверху вниз. Ее голубые глаза были широко раскрыты, зрачки расширены.

— Чертовски красивая.

Я убрал оставшиеся пряди волос с ее лица.

— АК, — сказала она, и в ее приглушенном голосе послышалось удивление.

Ее щеки покраснелись, но я все еще мог видеть веснушки под розовым румянцем. И тут меня осенило. Ее развратили, вероятно, трахнули таким количеством способов, какое большинству сучек не довелось увидеть за всю жизнь. Но когда дело дошло до медленного, означающего нечто большее, чем соблазнение и оргазм, акта, она была чертовски растеряна.

С таким же успехом она могла быть девственницей. Бл*дь, как и я. Никогда еще я не брал сучку вот так — лицом к лицу, глаза в глаза. Никогда не брал сучку, когда между нами была честность, ничего недосказанного.

И никогда не брал сучку, которая мне нравилась.

Бл*дь... Мне нравилась Фиби.

— Ты... ты тоже прекрасен.

Она застенчиво улыбнулась и нервно положила руку мне на лицо. Она сказала, что ее дочь была красивой и застенчивой. Интересно, если бы ей не промывали мозги и не дрессировали до тех пор, пока она не стала влажной мечтой любого мужчины, была бы она тоже застенчивой. Бл*дь, да, красоты у нее было с избытком, но сейчас она была и чертовски нервной.

Наклонившись, желая почувствовать ее рот на своем, я поцеловал ее, быстро оторвавшись, чтобы губами коснуться ее шеи. Руки Фиби запутались в моих волосах, пока я продвигался дальше на юг — по ее ключице и вниз, пока вырез ее ночной рубашки не встал у меня на пути. Оглянувшись на нее и убедившись, что она этого хочет, я взял подол и медленно поднял его, обнажая ее ноги, киску, живот и, в конце концов, грудь. Когда она не запротестовала, я поднял его над ее головой и сбросил одежду на пол.

Я сел на корточки и посмотрел на нее, лежащую на узкой кровати. Ее кожа была такой белой, но совершенной. Мои руки опустились на ее икры, затем скользнули вверх по бедрам, по животу, пока не достигли груди. Медленно и нежно я провел пальцами по ее плоти, пока не добрался до сосков. Она быстро выдохнула, когда подушечки моих больших пальцев пробежались по ним. Я встретился с ней взглядом. Ее распухшие губы были приоткрыты. Спина выгибалась, когда я касался ее, исследовал ее тело. Но лучше всего было то, что ее обеспокоенные глаза, успокоились, когда остановились на мне.

— Ты в порядке, Рыжая?

Легкая улыбка тронула ее губы, и она кивнула.

— Хорошо.

Я опустил голову и обвел кончиком языка ее сосок. Фиби застонала и поерзала на кровати. Я обхватил ладонью ее грудь, затем всосал полный бутон в рот. Мой член врезался в ширинку джинсов. На вкус она была чертовски идеальна. Поэтому я взял больше. Я сосал и лизал, пока она не начала дергать меня за волосы, молча умоляя о большем.

Оторвавшись от ее сисек, плоть которых теперь была влажной и красной, я провел языком дорожку до ее живота. Мои руки остались на ее бедрах, удерживая ее на месте.

— АК, — бормотала она снова и снова.

Я остановился у нее между ног.

— Пожалуйста, — взмолилась она, когда ее ноги раздвинулись шире, и она обнажила свою киску для моих глаз.

— Я собираюсь вылизать тебя, Рыжая, — сказал я низким и грубым голосом.

Она закрыла глаза, и из ее горла вырвался стон.

— Ты этого хочешь?

— Да, — прошептала она. — Пожалуйста...

Не нуждаясь в большем разрешении, я сдвинулся вниз по кровати, пока моя грудь не прижалась к матрасу, а ноги не свесились с края. Я уперся локтями в кровать и, раздвинув губы ее киски большими пальцами, наклонился вперед и лизнул длинную полоску от ее дырочки до клитора. Бедра Фиби дернулись, и мне пришлось прижать их, чтобы удержать ее на месте. Ее стоны были долгими и такими же сладкими, как и ее киска, когда я делал это снова и снова. Я втянул ее клитор в рот, чувствуя, как он набухает.

— АК, — пробормотала она. — Я не могу этого вынести... это чувствуется... это чувствуется...

Я остановился и поднял голову. Ее отчаянные глаза встретились с моими, щеки пылали.
— Прекрасно, — сказала она.

Ее рука потянулась вниз и провела по моей щеке.

— Так... так идеально.

Я видел, как слезы выступили у нее на глазах. Увидел, что она смотрит на меня так, как ни одна сучка никогда не смотрела на меня раньше. Поэтому я снова лизнул ее, всасывал клитор медленно, осторожно, слыша, как она начинает задыхаться. Ее руки потянули меня за волосы, когда я почувствовал, как она сжалась вокруг моего языка. Затем она замерла, и громкий крик вырвался из ее груди и заполнил комнату. Но я не остановился. Я пристрастился к ее вкусу, как только он наполнил мой рот. Я лакал ее киску, пока ее рука не оттолкнула меня.

Я встал и стянул джинсы, наблюдая, как Фиби лежит на кровати, задыхаясь. Ее длинные волосы разметались по подушке, дикие и необузданные.

Откинув джинсы в сторону, я погладил свой твердый член. Фиби лежала неподвижно и просто смотрела, как я медленно перелезаю через нее, нежно проводя рукой по ее обнаженной коже. Я двигался до тех пор, пока мои руки не оказались по обе стороны от ее головы. Я молча смотрел ей в лицо. Просто хотел посмотреть на нее вот такую. Никакого гребаного дерьма соблазнительницы. Никаких разговоров о членах, трахе и желании взять меня. Только она, застенчивая и разгоряченная от того, что попала под мой язык.

Руки Фиби обвилились вокруг моей шеи, и она притянула меня ближе, как будто эта сучка не могла меня отпустить. А я и не хотел. Мне было хорошо там, где я, черт возьми, был.

Используя колени, чтобы раздвинуть ее ноги, я скользнул бедрами вниз, пока мой член не прошелся по ее мокрой киске. Я застонал, упиваясь ее стонами в мой рот.

— Хочу тебя, Рыжая, — сказал я грубым голосом.

— Я... тоже хочу тебя, — сказала она.

Откинув голову назад, чтобы видеть ее глаза, я сказал:

— Хочу взять эту киску, эту гребаную израненную душу и это сердце. Ты согласна?

Губы Фиби задрожали, глаза наполнились слезами. Мое гребаное горло сжалось от этого зрелища.

— Да, — сказала она со смешком сквозь слезы. — Я хочу этого.

Она подняла голову и поцеловала меня в губы.

— Возьми меня, — сказала она мне в рот.

Застонав, я толкнулся вперед, мой член скользил внутри нее, сантиметр за сантиметром, пока я не достиг цели.

— Твою мать! — зашипел я, когда ее киска обвилась вокруг меня.

Фиби откинула голову на подушку, и ее пальцы сжали мой затылок. Я уткнулся лицом в ее шею, вдыхая ее сладкий аромат, двигая бедрами.

Мои мышцы спины и рук напряглись, пока я раскачивался в ней назад и вперед. Медленно и неторопливо. Наше дыхание было затрудненным. Руки Фиби упали с моей шеи, и с ее губ сорвался хриплый стон. Я поднял голову. Мне нужно было увидеть ее лицо. Мне нужно было, чтобы она знала, кто ее трахает. Мне нужно было следить за ее глазами.

Я сглотнул, когда сделал это. И, бл*дь, чуть не сломался, когда увидел глаза, полные слез, медленные капли, падающие по ее щекам, в то время как я продолжал нежно двигаться, наполняя ее снова и снова, спокойно, мягко трахаясь.

— АК, — беззвучно произнесла она.

Ее ресницы были влажными, а губы дрожали.

Я почувствовал, как стенки ее киски сжимают мой член, и задвигал бедрами быстрее. Но я не сводил с нее глаз, а она не сводила с меня. Мое дыхание сбилось, когда я увидел, как вспышка красного пробежала по ее шее и груди. Ее бедра покачивались напротив моих, и, черт возьми, это было невероятно. Она запустила пальцы в мои волосы, затем скользнула ими вниз и нежно обхватила мои щеки. Ее губы приоткрылись. Я почувствовал, как ее киска сжалась, когда она кончила с долгим, мягким стоном. Ощущение ее оргазма, вид ее лица и эти чертовы руки на моих щеках заставили меня последовать за ней. Мои руки сжались в кулаки, когда я кончил, толкаясь в нее. Я замер, застонав, но не сводя с нее глаз. Она погладила меня по щекам, а я расслабил руки и перевел дыхание.

Поцеловав ее, я ощутил соленый вкус ее слез во рту, на языке. Но я целовал ее и целовал, пока у меня не осталось другого выбора, кроме как вырваться и перевести дух. Я прижался лбом к Фиби и закрыл глаза. Понятия не имею, как назвать то, что мы только что сделали, но это был не просто трах.

Словно прочитав мои мысли, Фиби прошептала:

— Мы занимались любовью.

Я отпрянул назад. Ее глаза были широко раскрыты.

— Так оно и было, не так ли? Мы занимались любовью?

Я сглотнул, не зная, что на это ответить. *Любовь?..*

— Я слышала об этом, но никогда не верила, что это может быть правдой.

Она улыбнулась, ее нижняя губа задрожала. Больше всего на свете мне хотелось обнять эту сучку и сказать ей, что все будет хорошо.

— Никогда раньше такого не было, по крайней мере, у меня. Это было совсем по-другому. С тобой я совсем другая. Я... — Она на мгновение задумалась. — Я обрела покой.

Она нахмурила брови.

— В этом есть смысл? Что ты приносишь мне покой?

— Да, — сказал я и, наблюдая за ее лицом, понял, что она сделала то же самое со мной. — Ты тоже даешь мне покой.

Судя по ее широкой улыбке, можно было подумать, что я только что сказал ей, что являюсь ответом на все ее молитвы. Проклятье, я уже начал задаваться вопросом, станет ли она ответом на мои.

Фиби проследила линии моих татуировок, а затем, черт возьми, взорвала меня, когда сказала:

— Что, если это просто тьма перед солнцем?

— Что?

— Что, если мы заперты во тьме, АК? Мы оба заперты в темноте нашего прошлого. Вместе. И, может быть, нам нужно выдержать какое-то время во тьме.

Я сглотнул, не сводя с нее глаз.

— Но однажды наступит рассвет. Тьма уйдет, и в комнату хлынет солнечный свет. Восход солнца, АК. Только представь.

Она улыбнулась и чуть не разбила мне сердце.

— Мы можем встретить рассвет... вместе.

— Да, — сказал я, не в силах выкинуть из головы слово «рассвет».

Я хотел этого. Хотел увидеть гребаный рассвет. Хотел, чтобы это было с Рыжей.

— АК? — Она убрала мои волосы за ухо. — Мы можем остаться здесь подольше?

— Да, — сказал я, зная, что у нас есть еще одна неделя, которую мы можем провести здесь.

— Хорошо.

Поэтому я снова занялся с ней любовью, прежде чем мы заснули.

И ни один кошмар не тревожил меня.

Я проснулся в одиночестве, моргая в темноте вечера. Все еще чувствуя себя разбитым от вчерашней ночи, от того, что поделился с кем-то своим испорченным прошлым, я вышел из спальни. Фотографии исчезли, шкаф был закрыт, но не на замок. Разбросанная еда была убрана. Но посмотрев на стену, у меня перехватило дыхание.

Две фотографии.

На стене висели две фотографии, удерживаемые маленькими гвоздями.

Зейн и Девин на одной и Тина, Дев, Зейн и я на другой. Я не слышал, как она подошла ко мне, но ее рука обняла меня сзади, и она прижалась поцелуем к моей обнаженной спине.

— Они заслуживают того, чтобы на них смотрели, — тихо сказала она и подошла к стойке.

Она взяла что-то в руки и вернулась ко мне. Я попытался разглядеть, что это было, но она встала на цыпочки и натянула какой-то шнурок мне через голову. Что бы это ни было, но пахло оно чистящим средством. И когда я почувствовал знакомое ощущение металла на своей коже, я понял.

Жетоны Девина.

Мое сердце билось слишком быстро, и я не осмеливался посмотреть вниз.

— На них было имя твоего брата. Они выпали из шкафа, когда я складывала все на место. — Она сделала паузу. — Не думаю, что это произошло случайно. Я думаю, это значит, что ты должен носить их с гордостью.

Я не мог говорить, но почти развалился на части, когда она сказала:

— Ты должен начать прощать себя, иначе как же ты будешь жить дальше?

— А ты?

Она слабо улыбнулась.

— Я тоже постараюсь. Я прокручиваю в голове воспоминания о каждом разе, когда видела ее. Их недостаточно. Мне следовало бы иметь больше, но я начинаю понимать, что это у меня украли. И...

Она глубоко вздохнула.

— И это не моя вина.

— Я чертовски горжусь тобой.

Она опустила глаза.

— Спасибо.

Глядя на меня сквозь длинные ресницы, она сказала:

— Я тоже горжусь тобой.

И, твою мать, я не ожидал удара, который нанес этот комплимент.

Фиби подошла к фотографии Зейна и Девина.

— Он похож на тебя и твоего брата, — улыбнулась она. — Больше даже на тебя.

— Да, — грубо ответил я, все еще не привыкший говорить о них. — Так говорили Дев и

Тина. Мини-я.

— Интересно, как он сейчас выглядит, — задумчиво произнесла она и вернулась на кухню.

Я вышел на улицу и развел огонь в кострище. Сев в кресло, я поднял голову к небу. Глядя на звезды с жетонами Девина на шее, я задавался вопросами, какой была жизнь Зейна.

Интересно, любил ли он Клэр и Тома, как родителей? И много ли он помнит о своих маме и папе?.. А помнит ли он меня? Интересно, любит ли он байки, как всегда любили мы с его отцом?

Мой желудок сжался... Я подумал, ненавидит ли он Дева за то, что тот сделал? Я задавался вопросом, ненавидит ли он меня?

— АК?

На улицу вышла Фиби, неся что-то в руках. Ее лицо было ярким и возбужденным, когда она положила предмет на землю.

— Что это такое?

Я наклонился и увидел старый виниловый проигрыватель Дева.

— Он проигрывает музыку, — сказал я, вспомнив, как Стикс и Кай говорили, что сучки из культа ни хрена не смыслят в технологиях.

— Проигрывает музыку? — спросила она, и ее лицо озарилось, как огни на Рождество.

Я не мог не ухмыльнуться. Ее рука пробежала по проигрывателю, и она вздохнула.

— Когда мы отправлялись на вербовку, у нас всегда была одна цель. Соблазнить. Но у меня был секрет.

Моя бровь вопросительно поднялась.

— Я любила танцевать. — Она пожала плечами. — Братья, в конце концов, позволили мне это делать, так как, по их словам, это заставляло мужчин хотеть меня еще сильнее. Но я делала это не для них. Когда играла музыка, я теряла в ней все свои тревоги. Я теряла... себя. — Она рассмеялась и покачала головой. — Глупая женщина.

Я поднялся с кресла и вернулся в хижину, нашел удлинитель и подключил его к проигрывателю. Фиби с любопытством наблюдала, как я включил его, и он с треском ожил. Я передвинул иглу и не смог удержаться от смеха, когда из динамиков донеслась знакомая песня.

Фиби ахнула, когда музыка заполнила воздух вокруг нас.

— Что это?

Я сел обратно в кресло, потирая затылок.

— Боуи. «Герои».

Я сделал паузу.

— Любимая песня Дева. Он часто включал ее на повторе.

И я сделал тоже самое.

Фиби закрыла глаза и закачалась в такт. Белое платье с открытыми плечами развивалось вокруг ее ног. Ее длинные рыжие волосы струились свободными волнами, касаясь веснушчатой кожи, когда она двигалась.

Она улыбнулась. Полностью потерявшись в своем собственном мире, она подняла руки в воздух, и ее тело закачалось в такт. Ее бедра двигались в ритм песне... и я, бл*дь, не мог отвести взгляд.

Я откинулся на спинку, наблюдая, как она позволяла словам Боуи диктовать свои движения. И я увидел это, понял, почему она затягивала в свои сети одного мужчину за

другим. Улыбка на ее губах была шире, когда она танцевала, ее бледная кожа казалась ярко-белой в свете костра. А потом она открыла глаза. Она открыла свои чертовски идеальные голубые глаза, и они посмотрели прямо на меня.

Она взялась за подол своего платья до колен и, покачивая материю в руках, подошла ко мне. Сучка танцевала для меня, и я знал, что это была она — настоящая. Никаких трюков, просто она чувствующая ритм и делающая то, что, черт возьми, хотела.

Самая горячая вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни.

Песня закончилась, а потом снова ожила. Она рассмеялась, когда поняла, что это повтор, полностью отдаваясь тому, что любила. Не думая ни о своей дочери, ни о лице Лилы. О Мейстере или том чертовом аду, откуда она пришла.

Ее взгляд остановился на моем, и она затанцевала в моем направлении. Она подняла ногу и оседлала мои колени. Ее руки обвились вокруг моей шеи, и она откинула голову назад, обнажив свою длинную бледную шею. Ее плечи держали ритм, а бедра прижимались ко мне. Я мгновенно затвердел.

Мог сказать, что она чувствовала это, потому что, когда опустила глаза, ее взгляд был тяжелым. Наклонившись, я вытащил свой член из джинсов и приподнял ее бедра. Я приставил головку к ее входу и опустил Фиби обратно вниз. Ее стоны потонули в музыке. Но она продолжала двигаться в такт, мои руки двигались по всему ее телу. Я смотрел, как она танцует, как берет меня.

Она танцевала и танцевала, пока не кончила, увлекая меня за собой. Ее голова упала мне на плечо, и она рассмеялась. Я откинул голову назад, переводя дыхание.

— Мне нравится эта песня, — выдохнула Фиби.

Я кивнул и ухмыльнулся.

— Я всегда любил ее. Но теперь она нравится мне еще больше.

Она засмеялась.

— Мне нравится текст. Слова о том, чтобы быть героями.

— Да?

— Да.

Она улыбнулась и положила голову мне на плечо. Ее голова кивала в такт, пока Боуи еще семь раз пел о героях.

— Фиби?

Она подняла голову. Ее глаза были уставшими, но такими чертовски живыми.

— Ты переедешь ко мне, когда мы вернемся. Ты не вернешься к Ли. Ты принадлежишь мне.

Рыжие брови поднялись от удивления, но затем гребаная улыбка появилась на ее губах.

— Я принадлежу тебе, — сказала она и легла, обняв меня за талию.

Занятие любовью — так она называла наш трах. Я подумал об этом, прокручивая слова в голове.

И, бл*дь, сучка была права.

Она поймала меня на крючок, я заглотил наживку, но, в отличие от других несчастных ублюдков, она никогда не покинет меня... потому что я тоже ее поймал.

Навсегда.

Фиби

Через неделю...

— Сапфира?

Мои ноги бежали по твердой земле, подгоняемые бешено бьющимся сердцем. Мужчина втащил ее в большое здание. У меня перехватило дыхание, когда я последовала за ними внутрь.

Я задохнулась от запаха. Потом увидела, как мужчина дотронулся до нее, прижал к кровати и вколол зелье ей в руку. Сапфира склонила голову набок, и ее карие глаза безжизненно уставились на меня. Ее большие карие глаза с заметной веснушкой сбоку.

— Сапфира!

Я подбежала к ней и взяла за руку. Все, что я чувствовала, — это кости и холод. Я прижала ее руку к своей щеке, пытаюсь вывести ее из оцепенения, но ее глаза продолжали смотреть в никуда.

— Сапфира? — воскликнула я, чувствуя, как разрывается мое сердце, когда увидела ее в таком состоянии.

Ее ноги были в синяках, лицо залито кровью. Моя прекрасная малышка страдала от боли. Она тоже попала в этот ад.

Она повернула голову, и я замерла.

— Спаси меня, — сказала она прерывающимся, печальным, лишенным жизни голосом. — Спаси меня, мама... вспомни...

— Что вспомнить, — спросила я, сжимая ее руку, но она снова склонила голову набок и закрыла глаза.

Я наклонилась вперед и потрясла ее слишком худые плечи.

— Сапфира! Что вспомнить?

Но больше я не слышала ничего, ничего, кроме эха ее прошептанных слов...

Спаси меня, мама... вспомни...

Мои глаза распахнулись, но тело было парализовано.

— Фиби? — Панический голос АК достиг моих ушей.

Я сосредоточилась на дыхании, но все, что могла слышать, было остаточным эхом голоса Сапфиры, который умолял меня помочь ей. Вспомнить.

— Что вспомнить? — прохрипела я в замешательстве, мое пересохшее горло перехватывало слова.

Лицо АК приблизилось к моему, его брови опустились.

— Фиби, тебе приснился кошмар.

Я моргнула, чтобы сфокусировать взгляд на его лице, и сосредоточилась на его словах.

Кошмар. Это был кошмар? Но это было так реально.

Мое сердце отреагировало так, как будто моя дочь разговаривала со мной в реальной жизни. Иногда мои сны казались воспоминаниями. Иногда мои воспоминания напоминали сны. Невозможно было понять, что реально, а что нет.

Я подняла руку и уставилась на ладонь. Сжала ее в кулак. Потому что чувствовала маленькую истощенную руку Сапфиры в своей. Чувствовала холодную, сухую кожу, как будто ее рука все еще сжималась в моей.

— Фиби? — снова сказал АК и прижался губами к моим.

Мои глаза закрылись в тот момент, когда я почувствовала его успокаивающее тепло. Поцелуй был нежным, умоляющим, и, в конце концов, мое тело расслабилось, и я обвила руками его шею.

Это был кошмар. Это был всего лишь кошмар.

АК провел пальцем по моему лицу.

— Ты в порядке?

Я глубоко вздохнула и кивнула.

— Мне... — Я сглотнула. — Мне снилась Сапфира. Она попала в беду.

Мои глаза заблестели, когда я вспомнила ее умоляющие слова.

— Она назвала меня мамой, — прошептала я, мое горло перехватило от волнения.

Обеспокоенное выражение лица АК смягчилось.

— Мы найдем ее, — сказал он.

Я посмотрела на него в замешательстве. Он пожал плечами.

— Кое-кто уже этим занимается.

— Ты ищешь ее? — спросила я, с трудом веря, что он говорит правду.

— Да.

Он отвел взгляд, потом сказал:

— Мы найдем ее. Где бы она ни была, мы вернем ее тебе.

Я посмотрела на этого мужчину с самыми добрыми глазами, какие только были на свете, вскочила и обняла его.

— Спасибо.

Я обняла его так крепко, как только могла. Отстранившись, оглядела комнату. На мгновение растерявшись, не зная, где мы находимся, но потом вспомнила, что вчера вечером мы выехали домой из хижины.

Словно прочитав мои мысли, АК сказал:

— Я перенес тебя и уложил в постель. — Он помолчал. — Это была напряженная пара недель.

Я улыбнулась, вспомнив то блаженное время, которое мы провели в охотничьем домике. Водопад, музыка, огонь... занятия любовью. И тут до меня дошло, что мы вернулись.

— Я должна навестить Лилу, — сказала я.

АК кивнул.

— Она знает, что ты вернулась. Она хотела навестить тебя сегодня утром, но я велел ей подождать, пока ты не будешь готова.

— Я готова, — сказала я, вставая с кровати. — Я расскажу ей, почему пила. Расскажу обо всем. Она заслуживает того, чтобы знать.

Я поцеловала АК в щеку и направилась в душ. Умывшись и одевшись, я прошла на кухню.

АК сидел за столом рядом с Ашером. Я вздрогнула, вспомнив, что он тоже живет здесь.

— Фиби, ты помнишь Эша? — спросил АК, и парень коротко кивнул мне.

— Да. Привет, Эш.

— Фиби, — сказал Ашер и снова повернулся к АК. — Ты должен это увидеть, АК. Я покажу тебе. Флейм не мог поверить своим гребаным глазам!

Я хотела сесть рядом с АК, но он взял меня за руку и усадил к себе на колени. Эш едва моргнул при этом движении. Я неловко сидела на коленях АК, пока он объяснял:

— Малыш Эш учится стрелять. Пока нас не было, он поразил самую дальнюю мишень. Как та, что у охотничьего домика.

Мои глаза расширились, вспомнив, как АК попал в ту цель, что было невероятным.

— Впечатляет, — сказала я.

Ашер пожал плечами.

— У меня был хороший учитель.

Я почувствовала, как АК слегка напрягся подо мной. Знала почему. Знала, что, хотя он явно обожал Эша, он думал о Зейне. Ашер и Зейн не так уж различались по возрасту.

Племянник, которого он никогда не увидит.

АК посмотрел на меня.

— Эш может отвезти тебя к Ли, а потом я пойду с ним на стрельбище.

Я прильнула к АК, действие становилось все более естественным.

— Я пойду пешком. Сегодня прекрасный день, и я с удовольствием прогуляюсь по лесу. Люблю гулять.

— Ты уверена? — спросил он.

Я поцеловала его в лоб.

— Уверена.

Я поднялась с его колен и надела сандалии. Ашер ушел в свою комнату, и АК тут же притянул меня к своей груди. У меня перехватило дыхание от соприкосновения моей груди с его, и я рассмеялась. Его руки обхватили мое лицо.

— Если тебе будет трудно, скажи Ли, чтобы она позвонила мне на сотовый, и я приеду за тобой. Если тебе что-то не понравится или тебе захочется выпить, позвони мне. Я заберу тебя.

Я положила руки на его запястья.

— Так и сделаю. Обещаю. Но со мной все будет в порядке. Этот разговор давно назрел.

Я придвинулась ближе, и губы АК накрыли мои. Я застонала, как всегда, когда его язык проникал в мой рот. Когда он отстранился, у меня перехватило дыхание.

— Иди, — хрипло сказал он. — Прежде чем я затащу тебя обратно в спальню и не выпущу оттуда до конца дня.

Я рассмеялась, когда он поправил джинсы, и услышала, как позади нас открылась дверь, и резко обернулась. Ашер стоял в дверях, его лицо было пунцово-красным.

— Скоро увидимся, — сказала я.

— Сегодня мы готовим еду вне дома, — сказал АК. — Большинство братьев соберется.

Я улыбнулась и направилась к двери. Как только оказалась на свежем воздухе, то глубоко вдохнула. Я услышала, как Ашер смеется над АК внутри дома, и мое сердце сбилось с ритма от грусти. АК так хорошо с ним ладил. Это было несчастьем, что его разлучили с Зейном.

Я ступила на лесную тропинку и глубоко вдохнула, приветствуя свежий воздух, который наполнил мои легкие и успокоил встревоженное сердце. Сон о Сапфире не выходил у меня из головы. Я скрыла от АК свое волнение, как сильно это потрясло меня. После всего, через что ему пришлось пройти, я знала, что ему не нужно лишнее беспокойство. Но я не могла

выбросить ее из головы. Мысль о ней на той кровати, с зельем в руке. Ее холодная рука... и она назвала меня «мама».

Мама.

— Сапфира, — сказал я ветру, пытаюсь понять, что означает этот сон.

Даже когда я подошла к дому Лилы, то не могла отделаться от слов дочери, от ее зова о помощи...

Звук пронзительного смеха заставил мои ноги остановиться. Грейс выбежала из дома, Лиля следовала за ней по пятам. Лиля рассмеялась, когда малышка закричала и попыталась вырваться. Но сестре удалось поймать девочку и поднять ее в воздух. Я вышла из-за деревьев и увидела, что Лиля заметила меня.

— Фиби!

Грейс выпрыгнула из рук сестры и побежала ко мне. Ее руки обвилились вокруг моих ног. Я смеялась над тем, какая она возбужденная. Когда я посмотрела вниз, то увидела ее нахмуренные брови.

— Где ты была?

Наклонившись, я объяснила:

— Мне пришлось ненадолго уехать. Но теперь я вернулась.

— Ты больше не будешь жить с нами?

Я покачала головой.

— Нет. — Я подняла глаза и увидела, что Лиля наблюдает за нами. — Теперь я живу с АК.

— Рядом с тетей Мэдди? — спросила она.

— Да.

— АК твой муж?

Я улыбнулась, не зная, что ответить.

— В некотором роде, — наконец сказала я.

Когда я снова посмотрел на Лилу, то увидела удивление на ее лице.

— Грейс? — позвала Лиля. — Иди почитай немного. Мне нужно поговорить с тетей Фиби наедине.

Тетя Фиби. Мне понравились эти слова.

Грейс сделала, как ее просили, оставив нас с Лилой наедине. Сестра подошла ближе и взяла меня за руку.

— Тебе... тебе лучше?

Внезапная грусть пронзила мое сердце из-за того, через что я заставила ее пройти.

— Да.

Плечи Лилы расслабились.

— И ты теперь с АК?

— Да, — повторила я.

Она изучала мое лицо. Я видела, что меня ждут новые вопросы, но мне нужно было рассказать ей отсылаем прошлом, прежде чем потеряю мужество.

— Лиля, — сказала я. — Мне нужно тебе кое-что объяснить.

Я невесело рассмеялась, зная, что боль, которую испытывала, вот-вот вернется.

— Обо мне и о том, почему я сделала то, что сделала... почему заглушала свои печали. О вещах, которые произошли в моей жизни, и о которых ты не знаешь. Хочу, чтобы ты все поняла.

— Хорошо, — тихо сказала Лила.

Я услышала в ее голосе едва уловимую нотку нервозности.

— Пойдем.

Она подвела меня к креслам, которые стояли на лужайке.

Ее рука не покидала моей, тихая поддержка. И, глубоко вздохнув, я рассказала ей все.

— Фиби... — грустно сказала Лила, когда я закончила.

По ее лицу текли слезы.

— Где она? Твоя Сапфира?

— Не знаю. — Я опустила голову. — Но она мне часто снится. Я вижу ее мысленным взором каждый день. Она всегда со мной, но в то же время так далеко.

Я нахмурилась.

— Прошлой ночью мне приснилось, что она умоляет меня о помощи. Ей было больно и страшно, и она нуждалась во мне. Во сне...

Я отвернулась, чтобы избежать взгляда Лилы. А сестра сжала мою руку.

— Она назвала меня мамой. — Я рассмеялась сквозь слезы. — Наконец-то, Лила. Она сказала «мама».

— Фиби... — сочувственно прошептала Лила.

— Но она даже не знает. Она считает меня своей сестрой. — Я помолчала. — Но я не могу выбросить этот сон из головы. Сны исчезают, становятся забытым воспоминанием. Этот становится сильнее с каждой минутой.

— Красотка всегда говорит, что нужно прислушиваться к своим снам, потому что где-то внутри есть послание. То, к которому мы должны прислушаться. Расшифруй его.

— Красотка? — спросила я.

— Старуха одного из братьев, Тэнка. Ты с ней познакомишься. Она милая женщина.

Я кивнула, рассеянно слушая ее объяснения. Но мой разум был слишком занят тем, что эта Красотка говорила о снах. Что сны — это послание о чем-то.

Я подумала о Сапфире, умоляющей меня о помощи, о зелье, ее руке в моей, мольбе вспомнить... пытаюсь найти более глубокий смысл.

— Мама? — с порога послышался осторожный голос Грейс. — Я прочла четыре книги. Теперь я могу пообщаться с тетей Фиби?

Я рассмеялась, увидев, как упорна была Грейс. Даже в Новом Сионе она была настойчивее других девочек. Напористая и красивая, но ее характер был приглушен обстоятельствами, в которых мы оказались. Если бы Каин не вытащил ее, она была бы признана проклятой и, таким образом, обучена — сексуально — старейшиной... Невинный ребенок, которому всего восемь лет. Каждый день я благодарила Бога за то, что спрятала ее достаточно хорошо. Что она не оказалась в объятиях Мейстера. Он всегда внимательно наблюдал за ней. Как будто жаждал ее. Как будто он...

У меня по спине побежали мурашки. Это заставило меня кое-что вспомнить... что-то важное...

Лила вздохнула и посмотрела на меня, ожидая ответа на вопрос Грейс.

— Конечно! — крикнула я достаточно громко, чтобы Грейс услышала, когда какая-то информация, всплывшая на поверхность моего разума, снова ускользнула.

Грейс спрыгнула с веранды и подбежала к нам. Она взяла меня за руку и подняла со стула.

— Ты знаешь, что такое прятки, тетя Фиби?

— Да, — сказала я со снисходительной улыбкой.

— Мы должны пойти в лес!

— Не слишком далеко, только там, где я могу тебя видеть, — вмешалась Лила.

— Сначала я спрячусь. — Грейс развернула меня. — Сосчитай до шестидесяти, потом найди меня.

Я услышала, как она убегает, и начала считать.

— Знаю, ты чувствуешь себя виноватой в том, что случилось со мной на Холме Погибели, — сказала Лила, прерывая мои подсчеты. — Но ты должна знать, что ты сделала для меня, приведя Грейс в мою жизнь. Я знаю, что ты обременена чувством вины. Но ты дала нам с Каем дитя. Больше ничего не имеет значения... ты сделала нас семьей.

Лила подошла и встала передо мной. Я смотрела на ее шрам и пыталась не возражать. Ее рука прижалась к моей щеке.

— Если бы у тебя была такая возможность, ты стала бы прекрасной матерью. Ты всегда любила меня и заботилась обо мне в детстве. И Грейс обожает тебя, говорит о том, как ты заботилась о ней в Новом Сионе, когда никто другой этого не делал.

Я прикусила губу, чтобы скрыть дрожь.

— А когда мы снова найдем Сапфиру, потому что Палачи найдут ее, у тебя будет шанс сказать ей, кто ты такая и что ты любишь ее. И она будет самой счастливой девушкой в мире, потому что у нее будешь ты.

— Лила, — тихо произнесла я.

Она улыбнулась.

— А я стану тетей. Не могу дождаться.

Позади меня послышался шелест листьев, и я рассмеялась, зная, что это Грейс бежит через лес.

— Кто не спрятался, я не виновата! — крикнула я и, отвернувшись от Лилы, побежала в лес.

Странно, но с каждым шагом мне становилось все легче. И все же что-то темное оставалось в чертогах моего разума. Что-то недостижимое, что я просто не могла расшифровать.

Я возвращалась домой, когда запах дымящегося барбекю донесся из леса. Я услышала смех и почувствовала, как мой желудок нервно сжался. Это были остальные Палачи. Мужчины, которые видели меня той ночью в баре, соблазняющую, вышедшую на охоту. АК рассказал мне о моих действиях той ночью. И как бы он ни говорил мне, что я не должна смущаться своим поведением, я ничего не могла с собой поделать.

Я остановилась за домом АК и прислонилась к ближайшему дереву.

Ты можешь это сделать.

Я сделала несколько глубоких вдохов, и только собралась выйти из леса на поляну, как увидела Кая и АК, идущих в мою сторону. Я улыбнулась, собираясь показать свое присутствие, но выражение лица Кая остановило меня.

— Они кружат уже около двух дней. Они только и делают, что разъезжают по комплексу в белом фургоне. Каждый день в одно и то же гребаное время: одиннадцать утра, как по часам. Какие-то тощие бритоголовые ублюдки. Но они, без сомнения, из Клана. Или

Братства — я никогда не смогу отличить этих придурков друг от друга.

— Мейстер? — грубо спросил АК, и мое сердце словно перестало биться.

— Не он лично, а его люди, как нам кажется. — Кай рассмеялся. — Думают, что могут нас запугать. Засранцы.

Моя рука задрожала, когда я подумала о Мейстере. Я закрыла глаза. В моей голове всплыли образы того, как он обращался со мной в Новом Сионе. О том, как впивался в мою плоть, жестко брал меня... ничего похожего на то, что у нас было с АК... Я должна искоренить то, что было, из своего разума. Заменить это новыми воспоминаниями...

Я споткнулась, когда ко мне вернулся образ, который я не помнила до этого момента. Какой-то стул, жесткий и неудобный. Огромная фигура Мейстера нависла надо мной, когда он вводил иглу за иглой в мою плоть. И я боролась. Боролась, чтобы удержать воспоминание, которое поклялась не забывать. Я боролась и боролась, но оно исчезло. Больше ничего не было.

— Какой у нас план? — спросил АК, прорвавшись сквозь мои мысли.

— Мы наблюдаем за ними. Похоже, они не собираются нападать, скорее просто следят за нами по какой-то причине. Они все равно ни черта не видят с дороги. Таннер следит за их системами на предмет любых тревожных сигналов. Но, если они попытаются сделать что-нибудь, что угодно, мы убьем их всех, — сказал Кай и ударил АК по руке. — Просто хотел, чтобы ты знал. Они будут искать Фиби. Он знает, что она здесь. Теперь она твоя старуха, тебе нужно было это знать.

— Спасибо, — сказал АК.

Кай широко улыбнулся ему.

— Черт возьми, ты повязан, брат! — Он засмеялся еще громче. — И с сестрой Ли. Это как-то роднит нас? Теперь мы с тобой семья, брат?

— Я чертовски надеюсь, что нет, — сказал АК в ответ, и я не могла не почувствовать тепло в своем сердце, когда он рассмеялся.

Кай ударил его по руке, и они вместе вернулись на поляну.

Я оставалась в лесу еще несколько минут, просто пытаюсь успокоиться.

Мейстер знал, где я?

Тогда он подвергнет всех этих людей опасности. Они не знали его так, как я. У меня свело живот... Лила, Грейс...

Он никогда не остановится, пока не поймает меня. Я знала его. Знала, как далеко простиралась его одержимость мной. Его люди будут кружить не просто для устрашения. У Мейстера всегда была более великая цель.

Громкий взрыв смеха донесся до меня ветром. Ноги сами вывели меня на поляну. Викинг, лучший друг АК, вскочил на ноги и повернулся прямо ко мне.

— Вот она! Рыжая киска, которая захомотала моего лучшего друга!

Я побледнела, когда все мужчины и женщины уставились на меня. Одни смотрели настороженно, другие — с добрыми улыбками. Я не знала, что делать, куда идти и что думать, пока...

— Рыжая. Иди сюда.

Голос АК прорвался сквозь музыку. Я посмотрела в его сторону и увидела, что он сидит в кресле рядом с Флеймом и Мэдди. Другой темноволосый мужчина, на чьих коленях сидела красивая девушка с черными волосами, находился по другую сторону от него.

Девушка была беременна.

АК посадил меня на колени — движение, к которому я все больше привыкала. Его губы приблизились к моему уху.

— Ты в порядке?

Я повернулась к нему и поцеловала в щетинистую щеку.

— В порядке, — солгала я, не желая, чтобы он волновался.

Переживал о том, что теперь я знаю о людях Мейстера. Волновался о кошмаре, который никак не выходил у меня из головы, или о том, что я начинаю вспоминать кое-что о городе, из которого меня спасли.

Я просто хотела, чтобы АК был счастлив. Я видела отблески этого в хижине. И не хотела, чтобы моя ноша тащила его обратно во тьму.

Звук голоса Викинга снова привлек всеобщее внимание.

— А потом, в другой раз, АК и Флейм ворвались в притон, из которого мы украли...

Люди смеялись, пока Викинг рассказывал историю за историей. И мне нравилось, что они были об АК. Мне нравилось слушать о глупостях, которые он совершал со своим другом, когда груз прошлого не отягощал его разум.

Мой взгляд переместился на черноволосую девушку, сидевшую рядом со мной. Ее звали Мэй. Я смотрела, как она гладит живот, разговаривая с Мэдди. Рука ее мужа тоже легла на живот, и я почувствовала, как в моем животе образовалась та же яма, что и всякий раз, когда я видела мать со своим ребенком. Только на этот раз все было гораздо хуже.

Спаси меня, мама... вспомни...

Красотка всегда говорит, что нужно прислушиваться к своим снам, потому что где-то внутри них есть послание...

Спаси меня, мама... вспомни...

Я замерла, кровь застыла в жилах.

Зелье... кровать... ее избитое лицо...

Мейстер говорящий мне, что я забуду, что он заставит меня забыть все это...

Нет. Это не могло быть правдой. Она за границей, в безопасности. Я знаю, что ее забрали из Нового Сиона. Иуда обещал мне... Иуда...

Иуда, который так много лгал...

— Ты в порядке? — спросил АК и повернул мое лицо к себе.

Я выдавила улыбку.

— Просто устала.

Я вскрикнула, когда АК подхватил меня под ноги и поднял на руки. На глазах у всех он повел меня в свой дом. Я оглянулась и увидела, что все внимательно наблюдают за нами. Мое лицо горело от смущения.

— Ты так отчаянно хочешь потрахаться? — крикнул Викинг, когда мы уже подошли к двери.

АК показал ему средний палец и зашел в дом. Он положил меня на кровать, снял с меня одежду и сбросил свою. Он забрался под одеяло и притянул меня к себе.

Я не хотела, чтобы он видел, как я паникую. АК был проницателен. Он видел во мне то, что никто никогда не видел. Мне нужно было отвлечь его внимание.

— Тебе ведь нравится Викинг, не так ли? — спросила я.

Он закатил глаза в притворном раздражении.

— Не могу избавиться от этого ублюдка, — ответил он. — В тот вечер, когда я увидел Дева в больнице, я пошел в бар. Мне так чертовски хотелось выпить. Это был байкерский бар, куда Дев иногда водил меня, когда мы оба были в отпуске. Я сидел там, когда этот придурок подошел и сел рядом со мной. Он увидел форму пехотинца. Ублюдок просто улыбнулся и спросил: «Сколько мудаков ты убил?» Просто взял и спросил меня о таком.

АК рассмеялся, и мне понравилось слышать этот гортанный звук.

— Я сказал ему отвалить на хрен, а он только рассмеялся мне в лицо. Через пять минут он влез в драку с какими-то придурками. А мне не терпелось подраться после того, как я увидел Дева в таком состоянии, так что решил прикрыть его спину. Мы вырубили четырех мудаков за считанные минуты. Он пожал мне руку, угостил выпивкой и спросил, не хочу ли я кататься на байках и ежедневно вырубать еще больше ублюдков. Я сказал «да». Он привез меня сюда, познакомил со стариком Стикса, и на следующий день я был новым кандидатом в «Палачи Аида». Ублюдок никогда не оставлял меня в покое после того дня. Ты уже знаешь, как мы вытащили Флейма из психушки, а остальное уже история. Родилось Психотрио. Эти двое просто прилипли ко мне с самого начала. Я отправился на последнее задание, на которое уже записался, а затем навсегда покинул морскую пехоту. С тех пор я в этом клубе.

— Ты любишь их как родных, — сказала я. — Викинга, Флейма, а теперь еще и Ашера.

АК вздохнул и потерял веселость.

— Да. Я люблю здесь всех своих братьев, но эти двое — мои лучшие друзья. Я бы пропал без них, когда все это дерьмо пошло ко дну. Они не дали мне спуститься по спирали туда, откуда я не смог бы вернуться.

Он опустил глаза.

— Я бы хотел сделать то же самое для тебя.

У меня екнуло сердце.

— Ты хороший человек, Ксавьер Дейерс.

Я положила руку ему на щеку.

АК удивленно посмотрел на меня, и, зная, что он самый особенный человек, которого я когда-либо встречала, я заговорила от всего сердца.

— Я... Я люблю тебя, — прошептала я и увидела, как его глаза расширились. — И я не жду, что ты ответишь мне тем же. Просто... Просто хотела, чтобы ты знал, мое сердце теперь в твоих руках. У тебя есть честь, гордость и самая добрая душа на свете.

Я постаралась, чтобы мой голос не сорвался. В надежде кое-что скрыть... прощание.

— Проклятье, Рыжая.

Он перевернул меня на спину, его глаза изучали мое лицо.

— Я тоже тебя люблю.

Мое сердце забилося сильнее, чем я думала вообще возможно. И АК поцеловал меня. Он целовал меня, а потом с нежностью и обожанием занялся со мной любовью, медленно и страстно.

Затем, все еще обнимая АК, я уснула. И когда во сне я снова увидела Сапфиру, умоляющую меня о помощи, я взяла ее холодную, покрытую синяками руку и пообещала:

— Я скоро буду рядом.

Я остановилась на краю дома Лилы. Я должна была увидеть ее и Грейс еще раз. Грейс играла в куклы на лужайке. Улыбка появилась на моих губах, когда я увидела, что Кай сидит напротив нее и тоже играет в куклы.

— Какого хрена я этим занимаюсь? — сказал он Лиле, которая радостно наблюдала за ними.

— Потому что ты ее папа, и она хотела поиграть с тобой.

— Хочешь научиться разбирать байк, Грейс? Вместо этого испачкать руки маслом или другим дерьмом? Это будет весело.

— Нет. — Она сунула ему куклу. — Мы играем в куклы. А Джейми-Рей нужно сходить в салон, чтобы привести волосы в порядок.

— К черту эту жизнь!

Кай застонал и взял куклу из ее рук. Лила рассмеялась, глядя на мужа, и мое сердце сжалось от того, как прекрасно они выглядели. Она нашла его — настоящее счастье.

— О-о-о, — пропела Грейс. — Может, поиграем в прятки?

— Опять? — раздраженно сказала Лила. — У тебя зависимость от этой игры.

— Она моя любимая!

— Хорошо. — Кай поднялся на ноги. — Что угодно, только не в эту кукольную чушь.

Я попятилась, когда увидела, что Грейс направляется к лесу, чтобы спрятаться. Я бросилась к тропинке, ни разу не оглянувшись. Знала, что время пришло, если информация Кая была верна. Я продолжала бежать, пока не прорвалась сквозь деревья и не оказалась на краю дороги. Ни машин, ни грузовиков еще не было. Было тихо, поэтому я остановилась и стала ждать.

Я боролась с нервозностью. Знала, что меня ждет. Но должна была это сделать. АК и все эти люди будут в безопасности, и я знала, что моя дочь там. Сны были слишком реальны, чтобы быть ненастоящими. Она была у него. Я знала это.

Прошлой ночью я почувствовала, как что-то встало на место, пока АК спал, прижимая меня к себе. Истина, которую я знала, была реальной.

Она была у него.

Из-за поворота послышался шум мотора, и я глубоко вздохнула. Подъехал белый фургон — тот самый, о котором Кай говорил прошлым вечером. Я собралась с духом. Это единственный шанс добраться до Сапфиры. Кай сказал, что они приезжают раз в день. Но АК слишком легко читает меня. Если я останусь, он поймет, что что-то не так. Если я расскажу ему то, что помню, он никогда не позволит мне этого сделать. Но я не стану рисковать ни его жизнью, ни жизнями его братьев.

Я сжала руки в кулаки, пытаюсь унять дрожь.

Фургон резко остановился. Из него вышел незнакомый мужчина, улыбнулся и покачал головой. Я не знала его, но было очевидно, что он знает меня. Он быстро с подозрением оглядел лес.

— Это не может быть так чертовски просто.

Я попыталась сделать шаг назад. Внезапно на меня нацелился пистолет, и из фургона вышли еще двое мужчин с оружием.

— Садись, — приказал первый, а другой открыл заднюю дверь фургона.

Ужас сковал мои ноги, и я осталась прикованной к месту. Ближайший ко мне мужчина наклонился вперед и схватил меня за талию. Я сдержала инстинктивное желание позвать на

помощь. Мужчина потащил меня к фургону. Мы были всего в шаге от задней двери, когда я услышала то, от чего мое тело содрогнулось в ужасе, а кровь отхлынула от лица.

— Я нашла тебя, тетя Фиби!

Я повернула голову и увидела, как Грейс прорвалась сквозь деревья и, спотыкаясь, остановилась на краю дороги. Ее голубые глаза расширились, когда она увидела меня в руках мужчины.

— Беги! — закричала я, ужас захватил контроль над моим телом. — Беги, Грейс! БЕГИ!

Чья-то рука закрыла мне рот, останавливая мой отчаянный приказ. Грейс повернулась с бледным лицом и побежала обратно в лес. Она не успела пробежать и пары метров, как второй мужчина схватил ее за волосы и зажал рот рукой.

Она боролась.

Маленькая Грейс отбивалась, брыкалась и билась, но мужчина был слишком велик и силен. Я попыталась вырваться, царапала руки, удерживающие меня. Затем мне в лицо ударили прикладом пистолета, отчего перед глазами все поплыло, а голова закружилась. Меня швырнули на заднее сиденье фургона, и я с глухим стуком ударилась щекой о твердый пол.

— Тетя Фиби!

Я подняла голову, не обращая внимания на огни, пляшущие перед глазами, и увидела, как Грейс бросили рядом со мной. Я подползала к ней и обняла.

— Грейс, — сказала я, и слезы потекли по моим щекам.

— К-кто эти люди? Я думала, мы играем в прятки.

— Все будет хорошо, — произнесла я, не зная, что еще сказать.

— Позвоните Мейстеру. Скажи ему, что мы поймали ее, — сказал один из мужчин.

После чего они захлопнули двери и погрузили нас в темноту, за исключением маленького огонька над нами. Я услышала, как открылись и закрылись передние двери и завелся двигатель.

— Тетя Фиби? — спросила Грейс тихим и испуганным голосом.

— Иди сюда, милая.

Я притянула ее ещё ближе.

— У тебя кровь, — сказала она, и я услышала, как дрожит ее голос.

Я улыбнулась.

— Со мной все в порядке.

— Куда... куда мы едем?

Я крепче обняла Грейс, сдерживая слезы.

— Все будет хорошо, — тихо сказала я, зная, что это ложь. — Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, клянусь.

А потом фургон уехал.

АК

— АК! Ты здесь?

Кто-то постучал в дверь моего дома. Я встал из-за стола и открыл ее. Таннер стоял, покачиваясь на ногах.

— Она здесь? — спросил он, входя в дом.

— Фиби?

— Да.

— Нет, она уехала к Лиле. А что?

Таннер вытащил из кармана листок бумаги и затряс им в воздухе.

Малыш Эш вышел из спальни, наблюдая за происходящим.

— В этом культе нет такого понятия, как гребаный дом престарелых.

Моя челюсть сжалась, когда Таннер сел за кухонный стол. Я сел напротив и стал ждать продолжения.

— Но я нашел Сапфиру. Четырнадцать лет. Блондинка, карие глаза, сорок килограмм, рост метр пятьдесят пять.

Я нахмурился, удивляясь, откуда он так много знает о ней.

— Где она? — спросил я.

Он швырнул листок бумаги на стол и подтолкнул ко мне. Там была распечатка электронной таблицы с информацией о доставке товара в Мексику и личных счетах.

— Мастер не просто продает этих сучек в качестве проституток в городе-призраке. Этот мудака продает их за границу. Он использует их, как шлюх, а потом отправляет в Мексику, чтобы продать хрен-знает-кому-хрен-знает-за-сколько!

Таннер указал на строку в таблице.

— Сапфира. Культовая сучка. Продана «Пророком Каином» — Иудой — Мастеру несколько месяцев назад. И он зарабатывает гребаный монетный двор, продавая этих шлюх какому-то мудаку в Мексике. Сапфиру скоро тоже отправят.

Я почувствовал, как гнев пронесся сквозь меня, словно шторм.

— Полагаю, Мастер купил Сапфиру примерно в то время, когда Иуда сказал Фиби, что отправил ее в дом престарелых, да?

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Потом взял себя в руки и стукнул кулаком по столу.

— Она все это время была с ней в городе-призраке? Она была там с Фиби, и ни одна из них, черт возьми, не знала об этом? Накачаные наркотиками. Одурманенные.

А потом шторм превратился в гребаный ураган.

— И я был там! Я мог вытащить ее от туда!

Я отодвинул стул и вскочил с места.

— Твою мать!

Я взревел и запустил руки в волосы.

— Надо сказать Каю и Стиксу. Мне нужно вернуться, мне нужно...

Дверь в дом распахнулась, отрезав мне путь.

— Грейс здесь?

Кай чертовски тяжело дышал, его лицо покраснело, дыхание участилось.

— Нет.

Мои брови поползли вниз.

— Фиби с Лилой.

Кай покачал головой.

— Нет, это не так. Я провел с Ли все утро. Фиби к нам не приходила.

Когда его слова поразили меня, я почувствовал, как мое дыхание отдается в ушах.

— Она сказала, что собирается к Лиле.

Кай уставился на меня.

— У нас ведь есть камеры на этой гребаной дороге, верно?

Кай понял к чему я клонил.

— Черт! Грейс исчезла, играя в прятки в лесу.

Я не стал больше думать, просто выскочил из дома и запрыгнул на байк. Я слышал, как мои братья сделали то же самое позади меня, пока я мчался к клубу. Я спрыгнул с байка и вбежал в дверь.

Хаш и Ковбой сидели в баре. Через несколько секунд они были на ногах.

— Что случилось? — спросил Хаш.

Я услышал, как за мной вбежали Кай, Таннер и Эш.

— Камеры! — крикнул Кай и побежал в маленькую боковую комнату, где были компьютеры, подключенные к камерам слежения.

Смайлер подошел к мониторам.

— Что ты хочешь увидеть? И когда?

— Дорогу по периметру. Часа два назад, — ответил я, вспомнив, когда ушла Фиби.

Я посмотрел на настенные часы и почувствовал, как кровь застывает у меня в жилах.

— Около одиннадцати утра.

Кай замер и посмотрел на меня.

— Как раз тогда, когда эти ублюдки проезжают мимо.

Смайлер прокрутил запись, пока не нашел то, что нужно, и мы увидели Фиби зернистым черно-белым изображением. Она вышла из леса и остановилась у обочины... Она, бл*дь, ждала этих ублюдков.

Какого хрена?

Вздувшиеся вены чуть не лопнули у меня на шее, когда я увидел, как один из ублюдков схватил Фиби и потащил ее в фургон. Затем из леса выбежала Грейс. Я наблюдал за лицом Фиби, когда она, очевидно, слышала ее. Я увидел, как она открыла рот и что-то закричала. Проклятье, она говорила Грейс бежать. Я прочел это по ее губам. Но придурок, державший ее, зажал ей рот рукой, а потом ударил пистолетом по голове. Она подалась вперед, борясь за сознание. Еще один член Клана схватил Грейс еще до того, как она добралась до опушки леса, и швырнул их обеих на заднее сиденье фургона.

И затем они уехали.

Наступило тяжелое молчание.

— Позови Презу, — наконец Кай приказал Малышу Эшу ледяным тоном. — Позови бл*дь, всех.

Его голос был слишком спокойным, а для Кая это означало, что он вот-вот взорвется.

Таннер вбежал в комнату, где стояли компьютеры. Я не мог пошевелиться. Я был в ярости. Кипящий, гребаный, растущий убийственный гнев. Я просто уставился на Фиби.

стоящую на краю дороги, а потом вырубленную к чертовой матери.

Сучка сдалась сама.

Она собиралась вернуться.

— Почему... ПОЧЕМУ?

Я потерял контроль над своим гневом, схватил стул и швырнул его через всю комнату.

Руки обхватили меня сзади, и внезапно Флейм оказался у моего лица.

— Успокойся, мать твою.

— Мы вернем ее, — прошептал Вик мне на ухо.

Брат за братом вбегали в бар.

Затем в комнату ворвалась Лила, слезы текли по ее лицу. Она подбежала к Каю.

— Мы вернем ее. Клянусь, — сказал Кай своей старухе.

Я наблюдал за Лилой. А потом напрягся всем телом, готовясь к тому, что кто-нибудь осмелится и, черт возьми, возложит вину к ногам Фиби.

Лила посмотрела на меня, и я был готов бороться за невиновность своей сучки.

— Вчера она мне кое-что рассказала. С тех пор как пропала Грейс, я ни о чем другом не могла думать.

Голос Лилы был хриплым от волнения. Она покачала головой.

— Она рассказала мне все о своем прошлом. И еще она сказала, что ей снятся сны. В частности, один, где Сапфира просит ее о помощи. Сон, в котором Сапфиру одурманивал и удерживал мужчина... совсем как Фиби в городе-призраке.

Я вспомнил ее кошмар. Вспомнил, как она держала руку в воздухе, когда еще спала, выкрикивая имя Сапфиры, сжимая чью-то призрачную руку в своей.

— Она вспомнила.

Я почувствовал, как волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Она, бл*дь, вспомнила, что ее дочь у Мейстера.

Лила недоверчиво опустила голову.

— Это правда? Сапфира у него?

Я кивнул.

— Мы только что узнали.

— Она никогда не простит себе, что Грейс последовала за ней и попала в плен к этим людям.

И, черт возьми, Лила была права. Если все пойдет насмарку... если мы их не вернем...

— Мы вернем их, — сказал Вик, ясно видя, о чем я думаю.

— Церковь! — приказал Кай.

Мы ввалились в церковь и заняли свои обычные места. Стикс ворвался в комнату с грозвым лицом — гребаный немой Палач предстал во всей мощи.

С закрытием двери в церкви закипела чертова работа.

Четыре часа. Четыре часа ожидания, пока Таннер что-нибудь найдет. Четыре часа, доведения себя до безумия, задаваясь вопросом, почему Рыжая не сказала мне о своих подозрениях о том, что Сапфира у Мейстера.

Почему, черт возьми, она мне ни хрена не сказала? Я бы помог.

В комнату ворвались Хаш и Ковбой, стянув с лиц банданы.

— Ничего, — ответил Хаш.

Ковбой кивнул.

— Ушли. Все было зачищено. На земле свежие следы шин, значит, они исчезли совсем недавно. Около трех больших фургонов. И пара грузовиков.

Я опустился на стул. Кай расхаживал по комнате.

— Куда, черт возьми, они могли деться?

Я вспомнил о листе бумаги, который лежал на моем кухонном столе.

— В Мексику.

Стикс и Кай посмотрели прямо на меня.

— В таблице, в которой было написано имя Сапфиры, в листе заказов или еще какой-то херне, пунктом назначения была Мексика.

Дверь открылась, и вошли Тэнк и Таннер, Булл следовал за ними.

— Высадка завтра, через границу. Какое-то уединенное фермерское поселение в тридцати километрах от Ла-Круса. — Таннер прочел записи на своей руке. — Покупатель встречается их там, где они высаживают товар. Придурок по имени Гарсия.

Он поднял глаза.

— Вот и вся информация, которую записал Мейстер.

Как только имя Гарсии слетело с губ Таннера, Стикс и Кай замерли на месте. Температура в комнате упала градусов на двадцать.

— Что не так?

Я задался вопросом, наблюдая, как президент и вице-президент смотрят друг на друга. Молчаливое общение.

— Что не так? — спросил я громче.

Голубые глаза Кая стали почти черными, зрачки расширились. Его кожа покрылась красными пятнами, а руки были сжаты в кулаки.

— Это территория Диаблос, — сказал Тэнк.

Если мы вступим на их территорию, это будет объявлением войны.

Мы все посмотрели на Стикса, который поднял руки. Он посмотрел на Смайлера и показал:

«Свяжись с Чавесом, презом Диаблоса. Скажи ему, что мы хотим пересечь границу незамеченными, и для этого нам нужно встретиться в нейтральном месте».

Он вытянул шею.

«Мы встретимся с ними сегодня вечером. Мы должны быть там, когда придут фургоны. Удивить этих ублюдков».

Он посмотрел на меня.

«Знаю, что это твоя сучка, но нам нужно, чтобы вы со Смайлером разработали совместный план. Таннер?»

Стикс посмотрел на Белого Принца.

«У тебя есть для нас какие-нибудь сведения об этой ферме?»

Таннер кивнул.

— Старые, но это уже кое-что.

«Передай их АК. Он должен увидеть, чтобы составить план».

— Этот договор с Диаблос останется в силе, когда мы все окажемся на их территории? — спросил Ковбой у Стикса.

— Полагаю, мы, бл*дь, это увидим, — ответил за Стикса Кай.

«Выдвигаемся, — подал знак Стикс, — на байках и фургонах».

— Райдера тоже возьмем, — сказал я и почувствовал на себе взгляды всех присутствующих.

Я поднял голову.

— Ты еще не видел, что этот придурок Мейстер делает с этими сучками. А мы видели.

Я указал на Флейма, Вика, Хапа, Ковбоя и поерзал на стуле.

— Хрен знает, в каком состоянии мы их вернем. Отсюда до Ла-Круса около трех с половиной часов. Если что-то пойдет не так или он причинил боль Фиби или Грейс, Райдер будет нужен. И если Сапфира там, то эту девчонку уже несколько месяцев безостановочно насилюют и накачивают наркотиками.

Я покачал головой.

— Я не собираюсь рисковать. Он едет. Он единственный медик, который знает, как вести себя в дороге, когда происходит подобное дерьмо. Нравится нам это или нет, но он сражался вместе с нами в последней войне, и сейчас мы нуждаемся в нем больше, чем кто-либо хочет признать.

— Я позову его, — сказал Смайлер и вышел из комнаты.

«Мы отправляемся через час, — показал Стикс. — Соберите все оружие, какое сможете найти».

Молоток стукнул по столу, и мы все ринулись собирать все необходимое. Я увидел, что Лила ждет меня в баре, но выскочил через заднюю дверь и сел на байк. Через несколько минут я был в своем доме и собирал оружие. Я вытащил из сундука свою любимую снайперскую винтовку и убедился, что у меня чертова тонна патронов. Малыш Эш ворвался в дверь с серьезным лицом и направился к тому же сундуку. Он взял автомат, с которым тренировался, и зарядил его.

Я положил руку ему на плечо.

— Какого хрена ты делаешь?

Эш замер.

— Я еду с вами.

— Черта с два! — рывкнул я.

Парень расправил плечи.

— Я веду фургон вместе со Слэшем. Райдер на заднем сиденье со всеми медицинскими принадлежностями. Стикс приказал.

Я стоял прямо перед ним, наблюдая, как его решительный взгляд встретился с моим, не дрогнув.

— Ты понимаешь, что мы можем попасть в гребаную зону боевых действий, парень? Ты понимаешь, что некоторые из нас могут не вернуться? Этот ублюдок Мейстер не шутка.

Я поднял оружие.

— Мы будем убивать. Очень много убивать.

Эш вызывающе вздернул подбородок.

— Я готов, — уверенно сказал он. — Я умею стрелять и готов к войне, если она начнется.

Я наблюдал за этим шестнадцатилетним парнем. Наблюдал, как он превращается из парня в гребаного мужчину прямо у меня на глазах. Если бы я не был так полон гнева и ненависти к Мейстеру, я бы чертовски гордился им. Я схватил его за жилет и дернул вперед.

— Не делай глупостей. Держись меня или Флейма.

— Ладно, — сказал он и глубоко вздохнул.

Я собрал свои ножи, свой «Глок» и больше патронов, чем мне когда-либо понадобится, и бросил все это в сумку. Когда я встал, Малыш Эш смотрел на автомат в своей руке.

Черт, он выглядел таким юнцом.

Я подошел к нему, ожидая, пока он заметит меня.

— Возможно, тебе придется убивать людей. Ты приходишь, ты сражаешься. Это кодекс Палачей.

Его щеки побледнели, но он ответил:

— Знаю.

Я хотел сказать больше. Но правда была в том, что невозможно подготовиться к тому, что тебе придется совершить первое убийство. Ты делаешь это, и меняешься навсегда, а потом продолжаешь жить своей жизнью и убиваешь еще.

Если это случилось, то случилось.

Я загрузил фургон припасами и вскочил на байк. Флейм и Вик с ревом подъехали ко мне. Они дернули подбородками, когда Малыш Эш и Слэш сели в фургон и уехали.

Двадцать минут спустя Палачи, как единое целое, выехали из лагеря. И с каждым километром я позволял своей ненависти к Мейстеру накапливаться — топливо для этой гребаной миссии.

«Или резни», — подумал я про себя.

Потому что, если этот придурок приблизился к Фиби, я буду убивать его такими способами, которые не сравнятся с тем, как я убивал любого из тех ублюдков, пытавших моего брата. Я заставлю его заплатить, вырежу его плоть и вспорю кишки.

И когда я посмотрел по сторонам, на Флейма и Викинга, которые ехали по обе стороны от меня, я понял, что они тоже это сделают.

Мейстер падет, а я верну свою сучку.

Другого выбора не было.

Фиби

Не знаю, сколько времени мы пробыли в фургоне, но мне показалось, что прошли часы. Грейс плакала у меня на руках, пока не заснула в полном изнеможении. Но я все равно ее не отпускала. Я крепко прижимала ее к груди, думая о том, что ждет нас впереди.

Страх. Во мне не было ничего, кроме чистого страха.

Фургон остановился, и я напряглась, услышав снаружи голоса. Они были тихими, но глубокими и определенно мужскими. Я вздрогнула, когда услышала звук шагов, направляющихся к дверям фургона. Грейс проснулась и подняла голову с растерянным выражением на красивом лице, когда двери распахнулись.

Мужчины, которые забрали нас, зашли внутрь и вырвали Грейс из моих рук. Она вскрикнула и потянулась ко мне. Я выскочила из фургона, пытаясь добраться до нее, но чья-то рука схватила меня за волосы и дернула назад.

— Нет! — кричала я, пытаюсь освободиться. — Грейс!

Я разрыдалась, когда мужчины завели ее в какое-то здание и скрылись из виду.

Оглянувшись вокруг, я не узнала того места, где мы находились. Воздух был таким же горячим и липким, как на территории Палачей, небо — таким же ясным. Вокруг нас расстилались зеленые поля. Резервуар с водой стоял между несколькими зданиями, но больше на многие мили вокруг не было ничего.

— Он хочет видеть ее во втором корпусе, — сказал один из мужчин.

Его рука все еще была у меня в волосах, и меня потащили по грязной тропинке. Я пыталась увидеть вокруг себя Грейс, но ее не было. Хуже того, я больше не слышала ее криков.

Только тишина.

Почему она молчала?

Мы остановились у какого-то здания. Мужчина, державший меня, открыл дверь и втолкнул внутрь. Я тяжело приземлилась на каменный пол, но вскочила на ноги как раз в тот момент, когда дверь за мной закрылась. Я колотила кулаками по дереву, крича, чтобы меня выпустили. Но после нескольких минут попыток и криков... Я разразилась рыданиями и сползла по двери.

Что я наделала?

Я оглядела комнату. Там не было ничего, кроме старого стола и стула в центре. Потом я вспомнила о приказе этого человека.

Он хочет видеть ее во втором корпусе...

Он... Мейстер.

На четвереньках я отползла в угол, прижалась к стене и подумала о Грейс.

Что они с ней делают?

Мейстер. Он возжелал ее ещё в Новом Сионе. И я только что преподнесла ее ему на блюдечке с голубой каемочкой.

Я прогнала рвоту, подступившую к горлу.

Лиля... она никогда не простит мне этого.

Что ты наделала, Фиби?

Звук поворачивающейся дверной ручки заставил меня замереть. Мое сердце билось в бешеном ритме. Я не сводила глаз с двери... а потом потеряла все силы, когда вошел Мейстер. Он был таким же большим, каким я его помнила. Он посмотрел на меня через комнату, его голубые глаза встретились с моими, и волна воспоминаний нахлынула на меня. Я вспомнила, как была прикована к кровати... Вспомнила, как меня держали голой, давали одежду только тогда, когда он утверждал, что я ее заслужила.

У меня в горле застрял крик, когда я вспомнила, что находилась в каком-то баре. На коленях у Мейстера, верхом на Мейстере в комнате, полной людей... а потом я обернулась... обернулась и...

... АК?

Добрые глаза.

Дерево...

... Мой АК.

Подошвы черных сапог Мейстера шагнули ко мне по твердому полу. Меня затрясло, когда он остановился передо мной. Каждый мой вздох эхом отдавался в ушах. Я почувствовала, как пульс на шее, висках и запястьях забился в неровном ритме.

Он наклонился. Я закрыла глаза, но все еще чувствовала на себе его взгляд. Чувствовала кинжалы, которые бросали его глаза, и напряжение, которое он держал в своем огромном теле. Я вздрогнула, когда палец коснулся моего лица. Мои ноздри раздувались, пока я отчаянно пыталась контролировать свое дыхание. Мне хотелось сбросить его руку, хотелось наброситься на него и сделать ему больно.

Но страх удерживал меня.

— Где ты была, моя маленькая шлюха? — спросил его глубокий, грубый голос.

Я замерла, слезы текли по моим щекам. Короткий смешок сорвался с его губ.

— Но я же уже знаю, не так ли, Liebchen?

Его рука оторвалась от моей щеки и зарылась в волосы. Внезапно моя голова откинулась назад, и я почувствовала его дыхание на своем лице.

— Открой свои гребаные глаза, шлюха, — потребовал он.

Я машинально выполнила его приказ, и наши взгляды встретились.

Мой желудок упал. Мейстер кипел. Кожа на его лице покраснела, мышцы напряглись. Он оскалил зубы, на шее вздулись вены. Он снова дернул меня за волосы, и я вскрикнула.

— Ты была с одним из них, не так ли, шлюха? Трахая его, трахая его член, как культовая кончающая шлюха, которой ты и являешься.

Мейстер протянул руку и хлопнул меня между ног. Я закричала, не в силах сдержать свою реакцию, когда он впился пальцами в мои складки, разрывая плоть.

Грубая небритая щека Мейстера терлась о мою, обжигая кожу.

— После всего, что я тебе дал. После того, как спас тебя от смерти вместе со всеми остальными ублюдками из этого культа, вот как ты мне отплатила?

Дрожа от страха, я сумела открыть рот и спросить:

— Что ты с ней сделал?

Мейстер откинул голову и улыбнулся.

— Ты имеешь в виду маленькую восьмилетнюю киску, которую ты привела мне в подарок? Ту, которую я хотел иметь с той минуты, как увидел?

Его злобная улыбка заставила мою кожу покрыться мурашками.

— Ничего. Она в безопасности. Такая хорошенькая девочка, нетронутая и девственная,

принесет мне гребаное состояние.

Он притянул меня ближе за волосы.

— Этот подарок... почти компенсирует твое непослушание. Ты хорошая маленькая шлюшка, Фиби. Привела мне самую качественную приманку для моих покупателей. Мне следовало бы взять тебя в штат. Мы бы заработали целое состояние, применяя твои навыки.

Я закрыла глаза, игнорируя его насмешки, радуясь, что Грейс пока цела и невредима.

— Открой свои гребаные глаза! — прорычал Мейстер.

Он вскочил на ноги, потянув меня за собой. Мой скальп горел огнем, я пыталась вырваться из его хватки, боль простреливала мой позвоночник. Он отшвырнул меня к стене, и из моих легких выбило воздух от удара. Огромное тело Мейстера прижалось к моему. Он задрал мое платье и, разорвав трусики, засунул пальцы внутрь. Я закричала.

— Что случилось?

Его губы пробежали по моей щеке, темный контраст с его руками, царапающими и пронзающими мою сердцевину.

— Разве он не брал тебя вот так? Снайпер? Ксавьер?

Я застыла, мои глаза в шоке встретились с его.

— Ксавьер Чарльз Дейерс. Плано, штат Техас. Разведчик-снайпер, морская пехота. Оружейный пристав Палачей Аида.

Он улыбнулся шире, затем облизал мои губы.

— Я знаю о нем все. Знаю, что его брат убил свою жену. И, что у него есть племянник, который все еще жив и живет со своими тетей и дядей. Симпатичный парень. Я пошел в его школу и убедился, что это действительно он. Его зовут Зейн. Он сохранил фамилию Дейерс, даже несмотря на то, что дорогой папочка слетел с катушек и зарезал его мать на кухонном полу.

Он вздохнул.

— Я должен быть уверен, что нацеливаюсь на нужных людей, Фиби. Это военное дерьмо не игра.

Мои глаза расширились от ужаса. Мейстер выглядел оскорбленным.

— Что? Ты думала, я просто позволю им уйти, забрав мою девочку?

Он пожал плечами и вытащил из меня пальцы, оставив кончики у входа.

— Жаль, что ты так скоро вернулась. Это было неожиданно.

Я посмотрела ему в глаза. *Что он имеет в виду?*

— Я только что купил три бочки цезия и был в середине процесса создания бомбы, очень мощного дерьма. Я собирался смотреть, как этот комплекс Палачей сгорит дотла, с улыбкой на лице, со всеми этими ублюдками внутри.

Он покачал головой в притворном разочаровании.

— Со всеми их шлюхами и детьми. Эти ублюдки этого заслуживают. Я кое-что раскопал на этот МК. Раньше это была сплошь белая команда, у них было правило «никаких нигеров». Все было правильно. Но теперь рядом с ними скачет черно-белая дворняжка. Палачи Аида — еще одно гребаное разочарование белой расы.

— Ты сошел с ума, — прошептала я, радуясь, что он не довел свой план до конца.

Лида... Грейс... АК... вся их семья. Дети.

Мейстер замер, потом повернул голову в мою сторону.

— Сошел с ума? Нет. Я участвую в гребаной войне, в войне, которую собираюсь выиграть.

Он снова вонзил свои пальцы в меня, так грубо, что я знала, что он пустил кровь.

— И ты должна была стать моей женщиной. Той, кто будет рядом со мной, когда Братство и Клан объединятся и вернут то, что принадлежит нам по праву.

Он наклонился, пока его рот не оказался у моего уха.

— Поэтому мне пришлось найти замену. В конце концов, мне нужна была шлюха. Я гребаный Мейстер. Мне нужна была хорошая маленькая арийская принцесса.... Meine Liebchen.

Мейстер оторвал руки от меня, и я привалилась к стене. Он направился к двери и приказал что-то одному из своих людей. Мейстер снова закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Он смотрел на меня, а я не сводила глаз с него.

Я просто смотрела на него, гадая и боясь, что будет дальше.

Дверь открылась, и кого-то швырнули внутрь. Я оттолкнулась от стены, когда увидела фигуру на полу. Это была...

— Марта? — спросила я почти неслышно, шок украл мой голос.

Марта застонала от боли. Но она обернулась на мой голос, и я увидела ее лицо. Она была вся в синяках и порезах. Ее волосы были спутаны и заляпаны грязью. Но, когда она увидела меня, я поняла, что она больше не находится под влиянием зелья, потому что ее глаза действительно видели меня. Они узнали меня.

— Марта.

Я шагнула вперед, но она отпрянула назад и, вскинув руки, покачала головой. По ее щекам текли слезы.

— Прости. — Она снова покачала головой, ее лицо исказилось. — У меня не было выбора.

Она бросила испуганный взгляд на Мейстера, который все еще наблюдал за ней. Его руки были сложены на груди, а в голубых глазах светилось самодовольство.

— Простить за что? — спросила я, страх наполнял мои вены, капля за каплей.

— Видишь ли, Liebchen, я не мог понять, почему ты напала на Дейла в тот день, несколько недель назад. Почему, когда я приказал тебе оставаться у нашей лачуги, ты послушалась меня. Ты никогда раньше не осмеливалась это делать. Ты всегда была такой хорошей маленькой шлюхой. Всегда послушной. Потом я вспомнил, что ты пыталась добраться до кого-то. До шлюхи, которую ты знала. Которую хотела спасти.

Он указал на Марту.

— И не только ты. Она тоже знала, я видел это по ее глазам.

Он помолчал.

— Но там была только одна молоденькая шлюшка. Моя самая большая добыча, мой самый используемый кусок киски. И я понял, что за этим кроется нечто большее.

Я сглотнула и повернула голову к Марте, которая плакала, сидя на полу.

— Я оторвал их от коктейля, который держал под моим контролем, и решил получить от них кое-какие ответы. Другая, молодая, золотая киска, ни разу не расколосась. Гребаная волевая шлюха. Но эта.

Мейстер подошел к Марте и поднял ее за руку.

— Эта визжала, как гребаная свинья. Она рассказала мне, почему ты так сильно хочешь освободить ту девчонку.

Я затаила дыхание, когда Марта покачала головой. Ее глаза были так пристыжены, так полны вины.

— Нет, — прошептала я, мои ноги начали терять силу.

— Дочь, — сказал Мейстер и улыбнулся. Широкой жестокой улыбкой. — Чертова дочь, которую ты родила в двенадцать лет.

Он склонил голову набок.

— Похоже, ты всегда была шлюхой, Фиби. Трахать мужиков в детстве? Неудивительно, что ты так хорошо ласкала мой член. К тому времени, как я добрался до тебя, ты довела это дерьмо до совершенства.

— Мне очень жаль, сестра, — сказала Марта, и мое сердце сжалось.

Ее кожа была черно-синей, Марта была слишком худой и такой сломленной. Не более чем живой труп.

Я открыла рот, чтобы сказать ей, что прощать не за что, когда Мейстер внезапно свернул ей шею, громкий треск ломающейся кости эхом отразился от каменных стен. Безжизненное тело Марты рухнуло на пол.

Я закричала, увидев мертвые глаза своей подруги, смотрящие на меня, ее сломанную шею. Я кричала и кричала, пока Мейстер не подошел к двери и не открыл ее. Вошел охранник, таща за собой еще одну девушку. А затем все, казалось, остановилось — мои мысли, мое сердце, дыхание в легких — когда передо мной оказалась Сапфира.

— Нет! — крикнула я, и Сапфира подняла голову.

Ее карие глаза наполнились слезами, она закрыла рот руками.

— Фиби? — спросила она сквозь разбитые и распухшие губы.

Я видела, как ее лицо исказилось от печали, и она попыталась подбежать ко мне.

Мейстер притянул ее к себе, и я сорвалась. Я бросилась на Мейстера. Мне нужно было увести его от моей девочки. Но, прежде чем успела это сделать, удар пришелся мне в живот, и мои колени ударились об пол. Охранник схватил меня за руки, удерживая на месте.

— Сапфира! — крикнула я, наблюдая, как ее глаза расширились от страха.

— Фиби! — крикнула она в ответ.

Мейстер провел рукой по ее лицу. Ошеломленная, она склонила голову набок, и Мейстер взял ее за щеки, заставляя посмотреть мне в лицо.

— Нет! — закричала я, задыхаясь от гнева при виде своей дочери в объятиях этого чудовища.

Я знала, что Мейстер видел это по выражению моего лица. Он холодно улыбнулся. Его рука опустилась к ее груди и сжала плоть. Сапфира плакала, но он не испытывал к ней сочувствия. Я попыталась пошевелиться, добраться до нее, но невероятная сила охранника сковала меня.

Сапфира посмотрела вниз и увидела мертвое тело Марты. Она пыталась освободиться, страх овладел ею, ее крики были громкими и пронзительными. Мейстер не отпускал ее.

— Я же говорил, что мне нужна была замена, когда ты ушла, — повторил Мейстер, и я побледнела.

Он погладил Сапфиру по щеке.

— Когда узнал, кто она такая, то сразу понял, что это должна быть она.

Его рука пробежала вниз по ее телу, пока не достигла сердцевины. Я застонала от боли, когда он коснулся ее между ног. Ее карие глаза остановились на моих — умоляя, взывая о помощи.

— И ее киска более тугая. Такая чертовски тесная.

Он пожал плечами и застонал, словно это доставляло ему удовольствие.

— Я предполагаю, что это связано с ее возрастом. Четырнадцать. — Он покачал головой. — Так чертовски приятно владеть ею. Лизать. Пробовать. Идеальная подростковая киска.

Я всхлипнула, не в силах вынести то, как он отзывался о моей дочери. Не сводя с меня глаз, он сказал:

— И ей чертовски это нравится... смотри.

Мейстер положил руку Сапфире на затылок и подтолкнул ее вперед. Ее ноги спотыкались. Он наклонил ее над столом в центре комнаты и поднял испачканное платье.

Я потеряла контроль. Каждая клеточка моего существа вспыхнула при мысли о том, как он будет насиловать Сапфиру на этом столе. И когда она подняла на меня глаза, беспомощные, но смирившиеся со своей судьбой, я не могла сделать ничего другого.

Я начала пинать и царапать охранника, державшего меня, безумная и совершенно дикая. — Бл*дь! — закричал он, когда я ударила его между ног.

Он отпустил меня, и я рванула вперед. Бросилась на Мейстера и со всей силы толкнула его в грудь. Он лишь слегка отшатнулся. Но этого было достаточно, чтобы Сапфира освободилась и отступила. А я замахнулась. Сжав кулаки, я набросилась на его лицо. Я била и била, пока терпение Мейстера не лопнуло, и он не ударил меня в ответ. Я упала и ударилась спиной о стол. Но он продолжал наступать, его лицо пылало, его удары поражали каждую цель — мое лицо, живот, грудь.

— Фиби! — я услышала, как Сапфира зовет, плачет позади меня.

Но я могла думать только о том, что теперь она в безопасности.

Я спасла ее.

Мейстер притянул меня ближе. Его голубые глаза горели.

— Ты так сильно хочешь трахнуться, шлюха? — спросил он сквозь стиснутые зубы и плюнул мне в лицо.

Я не ответила, но вместо этого позволила ему развернуть меня и ударить грудью об стол. Воздух покинул мои легкие, когда я подняла глаза и увидела охранника, который держал мою дочь. Она плакала, но не отрывала от меня глаз, когда Мейстер задрал мое платье и вошел в меня. Несмотря на боль от его пальцев, так грубо овладевших мной ранее, и мое пульсирующее от ударов лицо, я сохраняла спокойное выражение лица. Я слабо улыбнулась, пытаясь сказать ей, что все в порядке. Улыбалась Сапфире, не сводя с нее глаз. Если бы она посмотрела мне в глаза, то не увидела бы, как Мейстер грубо врезается в меня. Она не заметила бы, что мне хочется кричать от боли.

Он брал и брал, но все, о чем я могла думать, было то, что это была я, а не Сапфира. Я не смогла бы на это смотреть... это убило бы меня.

Мейстер взревел у меня за спиной, пока я не почувствовала, как дернулись его бедра, и как его семя изверглось внутри меня. Я вздохнула от облегчения, зная, что все кончено.

Он склонился надо мной и, приблизив губы к моему уху, сказал:

— Завтра вы обе исчезнете из моей жизни и отправитесь в ад. А потом я пойду за всеми, кого ты любишь. Твоей сестрой и тем придурком из Палачей, с которым ты трахалась. Каждый из них сдохнет. Медленно. И они умрут, зная, что в этом виновата ты.

Мейстер подал охраннику знак отпустить Сапфиру. Она стояла на месте, не зная, что делать.

Я услышала, как Мейстер с охранником направились к выходу, и дверь за ними закрылась. Когда я оглянулась, чтобы убедиться в том, что они исчезли, мои ноги

подкосились, и я упала на пол. Пыталась подняться, но не смогла.

— Фиби! — Мягкий голос Сапфиры прозвучал для меня как приветствие небес.

— Фиби, — повторила она.

Слезы залили ее лицо, когда она посмотрела на меня. Я проследила за ее взглядом и увидела, что у меня между ног течет кровь, окрашивая верхнюю часть бедер.

— Все в порядке, — сказала я и чуть не сломалась, когда она подошла ко мне и опустилась на колени рядом.

Я упивалась ее прекрасными чертами лица. И дала волю слезам, когда увидела веснушку, которую всегда любила, в уголке ее левого глаза.

— Ты ранена.

Она неуверенно протянула руку, не зная, где может коснуться меня, не сделав больно. Но мне так хотелось почувствовать прикосновение ее руки, что я протянула руку и взяла ее, поднеся к лицу.

— Почему? — спросила она и заплакала сильнее, ее стены рухнули. — Зачем ты это сделала? Он... он причинил тебе такую боль.

— Я не могла позволить ему сделать больно тебе.

Я попыталась пошевелить ногами. Сапфира взяла меня под руки и помогла прислониться к ближайшей стене. Она была такой исхудавшей, такой слабой, но все же помогла мне... моя дочь.

Она села рядом. Я взяла ее за руку, и перед глазами вспыхнуло воспоминание — ее крохотная ручка в центре моей ладони четырнадцать лет назад. А потом ее рука в моей, когда мы бегали по полям во время одного из моих визитов, когда ей было семь. И ее дрожащая рука в моей, когда она впервые получила прикосновение мужчины.

Моя дочь... моя прекрасная дочь.

— Ты моя, — сказала я, не в силах больше сдерживать слова. — Ты мое чудо, моя маленькая девочка.

Мой голос был резким, прерывистым, и я чувствовала, как Сапфира замерла рядом со мной.

Когда я посмотрела на ее растерянное лицо, то улыбнулась, даже несмотря на разрывающую боль. Потому что она была здесь, рядом со мной. Она была здесь, когда я думала, что потеряла ее. Теперь, когда ее рука снова была в моей, боли больше не было.

Ее глаза были широко раскрыты, пока она слушала, как я признаюсь в своей самой большой тайне. Наблюдая за ней, я испытывала к ней такую любовь, что это было неопишимо.

— Ты моя, — повторила я, не сводя с нее взгляда. — Моя.

Я поцеловала тыльную сторону ее руки и постаралась не сломаться при виде ее израненного и покрытого синяками лица.

— Я не понимаю, — сказала она.

Ее рука дрожала в моей. Я крепче прижалась к ней.

— Я родила тебя, когда мне было двенадцать.

Сапфира ахнула. Я почувствовала, как у нее на запястье забился пульс, и увидела, как заблестели ее глаза. Она моргнула, пытаясь принять все то, что я сказала. Я прочистила горло, слезы текли по моим щекам.

— Они забрали тебя у меня. Они отняли тебя против моей воли и не давали с тобой видеться.

Я наклонилась и поцеловала ее в лоб.

— Но я боролась за то, чтобы увидеть тебя. Я сделала все, что могла, чтобы сделать это.

— Ты... — прошептала она. — Ты моя сестра. Ты сказала мне, что моя сестра...

— У меня не было выбора. Они не позволили мне сказать правду. Не хотели, чтобы мы слишком привязывались друг к другу. — Я невесело рассмеялась. — Это не сработало. С той минуты, как ты родилась, ты была всей моей душой.

Нижняя губа Сапфиры задрожала, когда она посмотрела на меня. Она всматривалась в мое лицо, как будто видела впервые.

— Я тоже хотела быть с тобой, — тихо сказала она и придвинулась ко мне. — Я все время звала тебя, но они говорили, что ты не придешь ко мне, если я не сделаю так, как они прикажут. Я... Я хотела быть с тобой. Со своей сестрой.

— Ты хотела? — недоверчиво спросила я.

Она слегка улыбнулась.

— Мои любимые моменты были тогда, когда ты приходила. Я считала дни между ними, гадая, где ты.

Она опустила глаза, затем, нервно посмотрев на меня, сказала:

— Я... Я всегда хотела иметь мать.

Ее слова разбила мне сердце. Мои глаза закрылись.

— Фиби? — настойчиво спросила она, и я улыбнулась.

Улыбнулась сквозь боль и слезы.

— Я тоже всегда хотела быть с тобой.

Я открыла глаза и увидела, что Сапфира смотрит на меня с любовью. Потом она посмотрела на тело Марты на полу, и печаль быстро овладела ею. Она сломалась. Моя дочь сломалась, и впервые в жизни я была рядом, чтобы утешить ее... Была здесь ради нее...

Обняв свою дочь, я прижала ее к груди. Она приняла мое утешение, и мое сердце воспарило. Я раскачивала ее вперед-назад, целуя в макушку. Я держала ее в своих объятиях в этом аду, представляя, что нахожусь у реки в раю, умиротворенная и счастливая.

Сапфира плакала. И я плакала вместе с ней, обнимая ее.

— Ш-ш-ш, — успокаивала, слыша ее прерывистое дыхание.

Она разваливалась на части в моих объятиях несколько минут, пока ее дыхание не успокоилось, и она медленно не пришла в себя. Воспользовавшись молчанием, я сказала:

— Я не знала, что ты здесь.

Сапфира напряглась.

— Пророк, или тот, кого мы все считали пророком, сказал мне, что спас тебя. Я думала, ты в безопасности.

— Меня отдали Мейстеру, — сказала она, и я почувствовала, как укореняется чувство вины. — Я... Я не помню многого из этого до тех пор, пока... до тех пор, пока несколько недель назад он не привел меня сюда.

Она икнула.

— Он хотел меня... он использовал меня, как свою. Он сказал, что хочет видеть меня своей белой принцессой.

Ее слова вызвали укол боли в животе. Сапфира подняла голову.

— Не могу в это поверить.

Покраснев, с робким взглядом, она провела пальцем по моему лбу, по щеке и губам.

— Моя мама, — сказала она, и это пронзило мое сердце. — Ты моя мама...

Она рассмеялась, потом ее лоб наморщился, и она заплакала.

— И ты спасла меня от него, — сказала она. — Ты заняла мое место. И он... он...

— Всегда, — пообещала я и положила ее голову себе на плечо.

— Почему жизнь такая? — тихо спросила она.

Она посмотрела на меня, и я встретилась с ней взглядом.

— Такая... болезненная. Такая печальная.

Неконтролируемая грусть закралась внутри меня от той жизни, которую она вела. От того, что она лишь выживала.

— Это не так, — сказала я и увидела, как на ее лице расцвело удивление. — Там, снаружи, можно найти счастье.

— Правда? — спросила она.

— Я его ощущала... В течение короткого, драгоценного времени я жила этим.

Ее брови поднялись.

— И на что это похоже?

— Это прекрасное чувство, если только впустить свет. Если ты будешь встречать восход солнца.

Я улыбнулась про себя.

— Снаружи есть один мужчина, который заставил меня поверить в то, что я считала навсегда утраченным.

— Во что?

— В любовь, — ответила я и взглянула на дочь. — Любовь к тебе, любовь к сестре, кстати, у тебя есть тетя. Лила. И у тебя есть кузина Грейс, которую ты полюбишь.

— Правда? — с удивлением спросила она.

Я кивнула.

— А еще есть АК. Мужчина, который показал мне, что на самом деле значит добро. Показал любовь без всяких условий. Мужчина, которого я оставила, так как больше не могла причинять ему боль. Он тоже слишком много страдал в этой жизни. — И тут мое сердце упало. — Но Грейс у Мейстера. Она здесь... где-то здесь.

Сапфира закрыла глаза.

— Что... что с нами будет? Что станет со всеми нами?

Я крепче прижала ее к себе, а она снова положила голову мне на плечо.

— Не знаю, — честно ответила я. — Но я буду сражаться за нас. За тебя и Грейс. Я буду сражаться...

Я поцеловала ее, провела рукой по ее светлым волосам.

— Я буду бороться за свою дочь.

Дыхание Сапфиры выровнялось, и, даже не видя ее лица, я поняла, что она улыбнулась.

— Дочь, — прошептала она и обняла меня за талию. — Мама... Мне нравится, как это звучит.

Когда она заснула у меня на руках, я поняла, что желания и надежды могут сбыться. Я успокаивала ее, когда это было важнее всего. И хотя не знала, что задумал Мейстер, я никогда больше не подведу ее. В этот темный момент я дорожила каждой секундой проведенной вместе. Это безмолвное время с дочерью на руках.

В детстве ее сердце билось рядом с моим. И оно снова билось в моих теплых объятиях, делая меня цельной.

После всех этих лет борьбы я вернула себе свою дочь.

Спящую, утешенную моим прикосновением.
И я умру, чтобы защитить ее.

— Куда мы едем? — я сжала руку Сапфиры.

Охранник молча выволок нас из комнаты, в которой мы находились, вытолкнул на яркий утренний свет и повел к ожидающему фургону.

Рядом стояли ещё три больших автомобиля. Мейстер находился у одного из них и ждал. Он смотрел, как дверь открылась и нас втолкнули внутрь.

— Тетя Фиби! — крикнул знакомый голос, когда я ударилась о пол фургона.

Сапфира подошла ко мне, и я притянула ее к себе. Испуганная Грейс сидела, забившись в угол фургона.

— Грейс, — сказала я с облегчением, и она бросилась в мои объятия.

— Тетя Фиби... Мне страшно, — воскликнула она и спрятала голову в сгибе моей руки.

Я покачала головой, слезы брызнули из глаз, когда я попыталась придумать, что делать. Но у меня не было ответов. Нежные пальцы стерли капли с моих щек. Я обернулась и увидела, что Сапфира слабо улыбается мне.

Боль, которую никогда в жизни не испытывала, пронзила меня, когда я поняла, что все это — боль и страдания, грубое обращение со стороны мужчин — не было чем-то новым для Сапфиры. Это было все, что она когда-либо знала.

Грейс подняла голову и посмотрела на Сапфиру. Я крепче обняла племянницу.

— Грейс, это Сапфира.

Я глубоко вздохнула и продолжила:

— Моя дочь.

Я слышала, как у Сапфиры перехватило дыхание, и поняла, что она почувствовала странность этих слов так же, как и я. Но они казались правильными, и когда нервно встретила взглядом с Сапфирой, то увидела, что в них поселилось чувство покоя.

— Твоя дочь?

Грейс недоверчиво фыркнула.

— Да.

Сапфира провела рукой по голове Грейс малышки.

— Приятно познакомиться, Грейс, — застенчиво сказала она.

— Мне тоже, — ответила Грейс.

У нас было мало времени, чтобы насладиться моментом. Двери захлопнулись, и мы погрузились в темноту. Поэтому мы сели рядом, крепко сжимая наши руки.

И пока мы ехали в неизвестном направлении, я молилась, чтобы каким-то образом мне удалось вытащить нас отсюда.

Мы заслужили свой шанс на счастье.

АК

Уединенная ферма, Ла-Крус, Мексика

Я лежал на животе на крыше в ожидании, пока солнце поднималось над горизонтом. Оно светило мне в спину, принося воспоминания об Ираке. Я дышал ровно, осматривая заброшенный фермерский дом. Мы были здесь уже два часа, окруженные покровом темноты.

Я проверил остальные позиции: Хаш и Ковбой на севере, Тэнк, Таннер и Булл на юге. Флейм и Викинг были на западе, а рядом со мной были Стикс, Смайлер и Кай. Малыш Эш и Слэш находились в полуразрушенном амбаре, который мы использовали в качестве укрытия для фургона и байков. Райдеру дали пистолет и велели охранять фургон. Ублюдок мог пригодиться в драке.

Встреча с Диаблос прошла на удивление гладко.

— Нам нужен проход в Мексику, — сказал Кай Чавесу, презу Диаблос.

Как и наш през, он унаследовал титул, когда Стикс убил его отца в мексиканской войне, сразу после того, как отец Чавеса всадил пулю в череп отцу Стикса. Между двумя сыновьями, — обоим по двадцать, одинакового телосложения и свирепости, — не было никакой любви.

Но после слов Чавеса: «Ты нам должен, и когда придет время, я этим воспользуюсь», сделка была заключена, и мы пересекли границу, без вопросов, без обнаружения картелем, пограничным патрулем или, еще лучше, Мейстером и этим Гарсией.

— Внимание, — сказал Кай рядом со мной, когда вдалеке послышался шум на грунтовой дороге.

Я присвистнул, давая понять братьям, что сейчас начнется дерьмо. А потом сфокусировал через прицел свой взгляд и наблюдал, как к нам приближается одинокий «Эскалейд».

Я усилил хватку на оружие и приготовился нанести удар. В фермерском доме воцарилась тишина, когда «Эскалейд» остановился. Он был пуленепробиваемым, бронированным. Дорогое дерьмо. Ублюдки явно каждый день ожидали неприятностей. И у них были деньги. Много денег.

Я глубоко вздохнул, наблюдая, как открылась дверь. Мускулистый мексиканец вылез со стороны водителя с винтовкой в руке. Он осмотрел местность, но, очевидно, побывав здесь много раз, не ожидал никаких неприятностей.

Именно на это мы, черт возьми, и рассчитывали.

Он открыл заднюю дверь, и от туда вылез ещё один ублюдок. Он был высоким и подтянутым, с черными как смоль волосами.

Это был Босс.

Гарсия.

Я услышал рычание Кая. Стикс положил руку ему на плечо. Лицо Кая было таким свирепым, какого я никогда не видел за все годы нашего знакомства. Стикс не слишком отличался, но этот ублюдок знал, когда нужно проявить терпение, а когда убить.

Они знали этого мудака. Очевидно. И судя по их реакции, этот ублюдок не был легким

мясом. Но времени выяснить больше не было.

С задних сидений вылезли еще трое. Больше мускулистых ублюдков. Но на этом все. Их было пятеро.

Покупатели.

Торговцы людьми.

Проходили минуты, пока они говорили и смеялись. Как будто то, что они собирались обменять мою гребаную женщину, было пустяком для их ублюдских жизней. Я так хотел нажать на курок. Хотел проделать дыру в черепе каждого из них, но Фиби все еще не было видно. Никаких признаков...

Звук приближающихся машин донесся с грунтовой дороги. Я молча повернулся и через оптический прицел увидел четыре фургона: три больших и один маленький.

Мое сердце заколотилось, но я сохранил хладнокровие. Я почувствовал напряжение, исходящее от Кая рядом со мной. Я проверил, готовы ли братья. Они стояли наготове.

Через две минуты фургоны остановились, и Мейстер выпрыгнул из кабины того, что был меньше. Водители трех остальных фургонов остались на своих местах. Автомобиль поменьше привлек мое внимание.

Если культовые сучки были в этих фургонах, то что, черт возьми, было в меньшем?

Мейстер и Гарсия пожали друг другу руки, и мне захотелось рассмеяться. Король Арийского братства ведет дела с мексиканцем.

Лицемерный мудака.

Они разговаривали, а мы ждали. Затем из задней части фургона раздался громкий крик. Волосы у меня на затылке встали дыбом, когда я узнал этот гребаный голос.

Фиби.

И она не останавливалась. Ее руки так громко били по дверям, что спина Мейстера напряглась от досады, и он направился к задней двери. Он распахнул ее, и через оптический прицел я увидел три фигуры: Фиби, какую-то блондинку и... Грейс.

Я ударил Кая по руке, указывая на фургон. Затем Мейстер вытащил Фиби. Не успели ее ноги коснуться земли, как он вlepил ей пощечину. Ее голова откинулась назад, и когда я посмотрел поближе, то увидел, что она была вся избита... Но когда я увидел кровь на ее платье в районе бедер, моя кровь просто вскипела.

Он дотронулся до нее... этот ублюдок дотронулся до нее.

Я дышал через нос, заставляя себя успокоиться. Мейстер начал вытаскивать двух других девчонок. Первой появилась блондинка, и я все понял. Просто, бл*дь, знал, кем она была. Фиби, набросилась на одного из людей Мейстера, крича и пытаясь добраться до нее.

Сапфира.

Он швырнул Сапфиру на землю, и ее худое тело рухнуло в грязь. Она осталась лежать, слишком напуганная, чтобы встать. Мейстер вытащил Грейс, но этот ублюдок не был груб с ней. Вместо этого он взял ее за руку и подвел к Гарсии. Тот улыбнулся и присел на корточки. Его рука откинула волосы Грейс с ее лица, и я услышал, как Кай потерял последний контроль — низкое рычание кипящего гнева, за которым последовало:

— Этот мудака, бл*дь, умрет.

Это было все гребаное предупреждение, которое я получил, прежде чем весь ад вырвался наружу.

Кай выстрелил прямо в Гарсию. Но как только пуля вылетела из его ствола, охранник Гарсии двинулся вперед, чтобы прикрыть босса. У мускулистого ублюдка оторвало голову, и

он упал на землю, а вокруг воцарился хаос.

— Бл*дь! — прошипел Кай.

Оружие стреляло со всех сторон. Кай и Стикс бросились вниз по лестнице, врываясь в драку. Я прицелился и выстрелил в другого мексиканского охранника. Он упал, когда я попал в цель.

Гарсия запрыгнул на заднее сиденье «Эскалейда» и захлопнул дверь. Пули звенели об металл, не попадая внутрь. Грейс закричала, закрывая уши от грохота.

Кай бросился к дочери, но в этот момент Мейстер схватил ее и прижал к груди. Он вынул пистолет и приставил его к голове Грейс. Кай встал как вкопанный.

С колотящимся сердцем я прицелился в голову Мейстера.

Спокойно.

Дыши.

Сосредоточься.

Но, прежде чем я успел нажать на курок, позади него раздался выстрел. Пуля пробила ему череп, мозг и кости разлетелись по воздуху. Я дернулся, когда огромное тело Мейстера упало вперед, мертвое, с вечно открытыми голубыми глазами, приземлившись на Грейс. Кай отшвырнул его за несколько секунд, подхватил дочь и побежал обратно к амбару. Я повернул голову, чтобы посмотреть, кто стрелял в этого придурка. Фиби стояла с винтовкой в руке, ее руки чертовски дрожали, а щеки побледнели.

Она, черт возьми, убила его.

Прямое попадание.

Сапфира все еще лежала на земле, закрыв голову руками. К Фиби подбежали еще двое мужчин. Я снял одного, потом другого, не подпуская к ней. Я как раз готовился снова нажать на курок — один из водителей выскочил из фургона, — когда позади меня раздался выстрел. Через несколько секунд я перекатился на спину, готовый ринуться в драку, когда тело клановца рухнуло на крышу рядом со мной. Я поднял голову, чтобы посмотреть, кто убрал этого ублюдка.

Это был Малыш Эш.

Его автомат был на прицеле, ноздри раздувались, когда он смотрел на мертвого бритоголового.

— Эш, — сказал я.

Его черные глаза расширились от шока, но он сумел взглянуть на меня.

— Я видел, как он поднимался по лестнице. Мне пришлось последовать за ним.

— Эш...

Но тут послышался визг шин с дороги. Я перевернулся и увидел, как все три фургона выехали на грунтовую дорогу, оставив своих людей, которые все еще сражались с моими братьями. Флейм кромсал какого-то мудака своими ножами; Викинг стрелял в любого ублюдка, который двигался.

И тут я увидел его. Увидел, как какой-то клановец поднялся с земли, истекая кровью из огнестрельной раны в плече. Фиби растерянно озиралась по сторонам, с окровавленными руками и бледным лицом, пытаясь найти Сапфиру.

Она пропала.

Куда, черт возьми, она делась?

Затем я увидел, как в замедленной съемке, как этот ублюдок направил пистолет на Фиби. Я схватил винтовку, полный решимости покончить с этим уродом. И выстрелил,

послав пулю ему в сердце. Но он успел выстрелить еще до того, как упал на землю.

Я беспомощно наблюдал. Наблюдал, как Сапфира выбежала из-за фургона и оттолкнула Фиби в сторону. И я наблюдал, как пуля прошла прямо через ее живот. Ее карие глаза были широко раскрыты, когда она упала на землю.

Я побежал. Побежал в ту же минуту, как Фиби подняла голову и увидела Сапфиру, лежащую на земле. Я был там в считанные секунды, убивая последних ублюдков, которые вставали у меня на пути. Я следовал за звуком отчаянных криков Фиби и подбежал туда, где она сидела, крича и плача с Сапфирой на руках. Кровь растеклась по белому платью девушки, чертова ярко-красная кровь текла из ее живота.

— Нет! — закричала Фиби, когда стрельба прекратилась.

Фургоны исчезли, «Эскалейд» тоже. Гарсия сбежал.

— Райдер! — крикнул я и упал рядом с Фиби.

Она была в полном беспорядке, избитая, в синяках и явно изнасилованная, но ее голубые глаза были дикими, чертовски безумными, когда она встретилась со мной взглядом.

— Сапфира! — закричала она громче, почти не в силах дышать.

Мне казалось, что раньше я уже видел боль. Думал, что видел этот гребаный ужас потери. Но в этот момент я понял, что ни хрена не видел. Фиби, моя чертова Рыжая, умирала вместе со своей дочерью. Гребаное сердце было разбито и истекало кровью.

К нам подъехал Райдер. Наш фургон появился секундой позже, Слэш за рулем. Грейс стояла в передней части салона, положив маленькие ручки на стекло, и пыталась разглядеть Фиби и Сапфиру.

— Нужно отнести ее в фургон, — сказал Райдер.

Я поднял Сапфиру на руки.

Фиби потянулась вперед, пытаюсь забрать ее у меня, с каждой секундой теряя свою дочь.

— Залезай в фургон, Рыжая, — приказал я, стараясь действовать быстро.

Фиби, спотыкаясь, поднялась на ноги. Я положил Сапфиру на пол, а Райдер принялся за работу. Он разрезал ее платье, и я наблюдал, как он провел рукой по своему лицу, осматривая рану.

Дело было плохо. Чертовски плохо.

Я понял это по его реакции.

— Сделаю, что смогу, — сказал он и принялся за работу.

Я посадил Фиби рядом с Сапфирой. Она упала на колени, держа дочь за руку и раскачиваясь взад-вперед.

Рыжая, бл*дь, съезжала с катушек.

Я обернулся и увидел, что мои братья садятся на байки. Потом я заметил Мальша Эша, который стоял в одиночестве и смотрел на свои гребаные руки. Я подбежал к нему.

— Мальш Эш, — сказал я, и он поднял глаза.

Парнишка даже не заметил суматохи, слишком занятый, черт возьми, тем, что впервые убил человека.

— Ты в порядке?

Он просто кивнул.

— Мне нужно, чтобы ты отвез мой байк обратно в Остин.

Эш снова кивнул.

— Мальш Эш? — за его спиной появился Флейм.

Парень посмотрел на старшего брата и сглотнул.

— Мы сделаем это, — сказал Флейм, обращаясь ко мне, а затем чертовски неловко положил руку на плечо брата и сжал его.

Я видел, как гребаные слезы навернулись на глаза Эша от того, что Флейм прикасался к нему.

*Флейм, бл*дь, прикасался к нему.*

Я отдал ключи Флейму, повернулся и побежал к фургону, захлопнул дверцы и сел рядом с Фиби. Я притянул свою сучку к себе, пока Райдер латал Сапфиру.

Когда мы выехали, Фиби посмотрела на меня, ее безжизненная дочь лежала на полу перед ней, и мне, бл*дь, не понравилось то, что я увидел в ее глазах. Фиби была мертва. Ее глаза были чертовски мертвыми. Слезы прекратились, она онемела, но крепко держала дочь за руку.

А я держался за нее.

Я просто держался, черт возьми.

Фиби

— Нет, — закричал голос рядом со мной.

Я моргнула и услышала два выстрела. Обернувшись, я увидела Сапфиру, выскочившую передо мной. Я была в замешательстве. Не поняла, что произошло... пока она не упала... Я опустила рядом с ней, а потом увидела это. Увидела кровь, льющуюся из ее живота. Увидела, как ее карие глаза смотрят на меня, молча умоляя спасти ее.

— Сапфира.

Ее глаза начали закрываться. Паника охватила меня, а кровь не останавливалась. Я притянула ее к себе, пытаясь привести в чувства.

— Сапфира! — закричала я, понимая, что она не очнется.

Я поднесла руки к ее лицу. Ей становилось холодно... она замерзала...

АК вынес меня из фургона. Пока остальные несли Сапфиру, я не отпускала ее руку. Не могла. Она нуждалась во мне.

— Я ее мать, — сказала я, когда мы вошли в клуб.

Моя рука выпала из ее, когда АК отдернул ее.

— Я ее мать, — тупо повторила я.

— Отпусти ее, Рыжая. Райдер должен вытащить чертову пулю из ее живота.

Каин и несколько мужчин отнесли ее в комнату. Я позволила АК отвести меня туда же и подождать в дверях. Но, когда я увидела, как ее рука упала на край кровати, как жизнь вытекла из ее вен, когда увидела, как ее лицо побледнело, и, что Каин все пытается спасти мою девочку, но безуспешно, я знала, что уже слишком поздно.

Ее больше нет. Я чувствовала это внутри себя. Моя дочь... умерла. Я не спасла ее. Когда пришло время, я потерпела неудачу... Я пыталась, но, как всегда, не смогла ее спасти... когда это было важнее всего...

Я потерпела неудачу...

Я теряла ее, когда только получила обратно. Когда она только что назвала меня «мама».

Когда у нас был шанс на лучшую жизнь.

Мои ноги попятились.

— АК, мне нужна твоя помощь, — сказал Каин, стоя рядом с Сапфирой.

АК пронесся мимо меня. А я продолжала пятиться. Я увидела, как АК берет пакет и втыкает иглу ей в руку. Зелье. Они давали ей зелье. Она никогда не вернется. Им нужно было зелье, чтобы избавить ее от боли.

Она никогда не вернется ко мне. Чтобы быть в моих объятиях. Чтобы быть в моем сердце.

Я подошла к двери, желая побыть в одиночестве, подальше от крови, боли и очевидности моей неудачи, и толкнула ее. Пошатываясь, я вошла в комнату, и оперлась на столешницу. Я не знала, куда идти. Не знала, что делать. Мне нужно было, чтобы боль в моем сердце пропала. Нужно было, чтобы образ Сапфиры, истекающей кровью у меня на руках, исчез навсегда.

Вдруг я что-то опрокинула со стола. Я посмотрела вниз. Пузырек с таблетками.

Таблетки.

Я знала, что таблетки снимают боль. Я прогнала влагу из глаз и огляделась. На противоположной столешнице стояла бутылка алкоголя.

Это тоже снимало боль.

Взяв пузырек и пытаясь что-то разглядеть сквозь слезы, я сняла крышку и схватила пригоршню таблеток. Я проглотила одну, сделала глоток, а затем повторила действие. Я делала это снова и снова, пока боль не начала исчезать. Пока мои глаза не закрылись, и я не проснулась в знакомом лесу.

Вытерев слезы, я наслаждалась красотой ярко-зеленых деревьев. Трава была мягкой под моими босыми ногами. Мои руки были чисты от синяков и... от боли.

— Мама?

Я закрыла глаза от идеальности звучания мягкого голоса. *Мама.*

— Мама, ты здесь.

В ее голосе не было ни боли, ни страха. В нем слышалось только... счастье.

Открыв глаза, я посмотрела на реку. Сапфира сидела на траве. Она была одета в белое, ее длинные светлые волосы мягкими волнами падали на спину. И она улыбалась.

— Сапфира, — сказала я и подбежала к ней.

Я опустилась рядом и обняла ее. Это было так идеально, как и всегда должно было быть.

— Теперь ты спокойна?

Я поцеловала ее в лоб.

— Теперь, когда ты здесь, да, — сказала она и положила голову мне на колени.

Она вздохнула, а я посмотрела на блестящую воду реки.

— Мы можем остаться здесь, мама?

Она посмотрела на меня своими прекрасными карими глазами. Я наклонилась и поцеловала веснушку в уголке ее глаза, которую любила всем сердцем.

— Мы можем остаться, — сказала я, зная, что здесь мы будем счастливы.

— Хорошо, — ответила она и погрузилась в сон.

А я улыбнулась. Потому что все было замечательно.

Наконец-то.

АК

— Думаешь, она справится с этим? — тихо спросил я Райдера, чтобы Фиби не услышала.

Он бросил пулю в жестянку и поднял глаза. Надо отдать должное бывшему пророку, этот ублюдок взял себя в руки и справился с этим дерьмом без жалоб. Оказалось, что в процессе он завалил и нескольких клановцев. Во время перестрелки мы не заметили, как подъехал еще один фургон. Райдер завалил двух мудаков, хотя все же одному удалось скрыться.

Тому самому, которого Эш убил прежде, чем тот успел убить меня.

Он кивнул.

— Я достаточно быстро остановил кровотечение. Ей нужно больше крови, жду ее группу, но с ней все должно быть в порядке. Пуля попала слева в живот — жизненно важные органы не задеты. К счастью. Она должна поправиться.

Облегчение пробежало по моим венам. Я покачнулся на ногах, когда он начал зашивать ее рану.

— Спасибо, — пробормотал я.

Райдер удивленно вскинул голову. Я неохотно встретился с ним взглядом, и он кивнул.

— После того, что Фиби сделала для меня, для Беллы, и после того, как узнал, что Иуда сделал все... это...

Он посмотрел на Сапфиру и стиснул зубы. Ему рассказали всю историю про торговлю людьми его братом. Ублюдок тяжело это воспринял. Большая часть дерьма творилась уже несколько месяцев, и все это за его спиной, пока он еще был пророком.

Я действительно почувствовал что-то типа сочувствия к этому засранцу.

— Я в долгу перед ней.

Я повернулся, чтобы посмотреть на Фиби. Но ее не оказалось там, где я ее оставил.

— Фиби?

Подошел к двери и высунул голову в коридор.

— Фиби? — попробовал я еще раз, а затем побежал к бару, гадая, где она, черт возьми, была.

За стойкой сидел Вик.

— Ты не видел Фиби? — спросил я.

— Ее здесь не было.

Я снова выбежал в коридор и начал проверять клубные комнаты. Большинство братьев спали или разъехались по домам. Я выскочил из дверей на вечерний воздух. Хаш и Ковбой сидели во дворе, пили и курили.

— С тобой все в порядке, брат?

— Фиби? — я снова повторил ее имя, начиная по-настоящему паниковать.

— Не выходила, — ответил Хаш. — Мы были здесь с тех пор, как вернулись.

Я начал думать. Пытался представить, куда, черт возьми, она могла пойти. Я метнулся обратно в клуб и просто начал проверять двери, одну за другой — склад, оружейная, гробаные ванные комнаты. Затем я подошел к двери за баром, которая вела в комнату

отдыха. Я протиснулся внутрь и замер на месте. На стойке стоял опрокинутый пузырек «Тайленола». Осталась всего пара таблеток. Мой пульс участился. А потом мое гребаное сердце упало, когда я увидел пару ног, торчащих из-за угла. Бледных, грязных, всех в засохшей крови.

— Фиби! Нет, — сказал я и упал перед ней на колени. — Фиби.

Я поднял ее безжизненное тело на руки. Ее голова откинулась назад, и укол боли пронзил мой живот.

— Нет!

Я посмотрел налево. Рядом с ней лежала пустая бутылка «Джека». Притянув ее ближе к своей груди, я посмотрел ей в лицо. Она все еще была вся в крови, все еще чертовски изранена и в синяках, и я не мог этого вынести. Только не снова. Только не еще один гребаный раз.

— Фиби! — крикнул я и услышал, как кто-то вошел за моей спиной.

Я повернулся, наплевав на слезы, бегущие по моему лицу, пока держал ее безжизненное тело в своих руках.

— У нее, бл*дь, почти нет пульса, — сказал я Вику.

— Что с ней? — он опустился на колени рядом со мной.

— Таблетки и «Джек».

— Переверни ее, — сказал он.

Слишком много прошлых воспоминаний обрушились на мою голову. Дев, Тина... а теперь еще и Фиби. Я не мог, не мог...

— Я не могу потерять и ее тоже.

Голубые глаза Вика встретились с моими.

— Ты не потеряешь ее, брат. Клянусь. Просто переверни ее.

Вик вlepил мне пощечину.

— Ты нужен ей, Ксав. Ты же знаешь, что нужно делать. Ты же знаешь это дерьмо. Нужно вызвать рвоту.

Он взял мои щеки в свои руки.

— Она все еще жива, черт возьми. Она не Дев. Ее можно спасти.

Она не Дев.

Его слова что-то изменили во мне, и я взял себя в руки. Перевернув Фиби на живот, я засунул пальцы ей в рот и подождал, пока не нащупал стенки горла. Я не побежал за гребаным ведром, и мне пришлось заставить себя не смотреть на кровь между ее бедер, иначе я, черт возьми, развалился бы на части.

Затем из горла Фиби вырвался стон, этот гребаный тихий звук слышался как проклятый рай.

— Давай же, — поторопил я и опустил пальцы еще ниже.

Из ее рта вырвался сдавленный звук, а потом ее вырвало. Я продолжил удерживать пальцы, пока коктейль из «Тайленола» и «Джека» не разлился по всему полу.

— Позови Райдера, — сказал я Вику.

Я наклонился и увидел ее закатившиеся глаза.

— Ты не умрешь на моих руках, Рыжая, — сказал я.

Глаза Фиби приоткрылись.

— Я тебя не отпущу, — пообещал я, как только Райдер вошел в комнату.

— Передозировка, — сказал я. — Думаю, она приняла все, что смогла найти.

— Отнеси ее в одну из комнат, — сказал Райдер, не теряя ни секунды.

— В мою, — сказал Вик.

Я поднял ее на руки, наблюдая, как она борется за сознание. Войдя в комнату, я положил ее на кровать Вика. Райдер вошел через несколько секунд. Он воткнул иглу в ее руку и подсоединил к капельнице.

— Возможно, нам придется промыть ей желудок, — сказал Райдер.

Он проверил пульс на ее запястье, потом на руке.

— Ее пульс усиливается.

Он посмотрел на меня.

— В желудке что-нибудь осталось?

— Ничего.

Я убрал грязные волосы с ее лица, стараясь не сломаться снова.

— Ей нужна ванна.

Я закрыл глаза и сглотнул чертов комок в горле. Потом посмотрел вниз, между ее ног. Платье все еще прикрывало ее, но кровь была на месте.

— Он, бл*дь, изнасиловал ее.

Мой голос сорвался. Я проигрывал битву со своими гребаными слезами.

— Посмотри, в каком она, бл*дь, состоянии. — Я посмотрел на Вика. — Сколько может выдержать один человек, черт возьми?

Моя рука зависла над ее распухшими губами и израненным лицом. Она была так чертовски красива. И она, бл*дь, не могла умереть на моих руках.

— Мы не можем отвезти ее в больницу в таком виде. Ни ее, ни Сапфиру. Копы будут у нас на хвосте через несколько секунд, — сказал Вик Райдеру. — Ты должен вылечить их здесь. Если тебе что-нибудь понадобится, мы с Флеймом достанем это.

— Хорошо, — ответил Райдер.

Я держал Фиби, пока он проверял ее показатели. Долгий вздох сорвался с его губ.

— Она приходит в норму. Кровяное давление снова поднимается, а пульс становится ровным. — Он встал с кровати. — Пусть остаётся здесь на ночь, чтобы я мог проверить ее, пока буду присматривать за Сапфирой.

— Ладно.

Я посмотрел на свою сучку. Черт, она только что вернула свою дочь, но решила покончить с собой... и тут меня осенило.

— Она думала, что потеряла ее, — сказал я, наблюдая за спящей Фиби, чтобы убедиться в том, что она еще дышит. — Она думала, что Сапфира умерла. Погибла, спасая... свою мать, когда все, что она когда-либо хотела сделать, — это спасти ее.

Никто не проронил ни слова. Но на самом деле я разговаривал сам с собой и не ждал ответа. Я поцеловал Фиби в лоб, чувствуя, как тепло наполняет ее кожу под моими губами.

— Проснись, черт возьми, Рыжая... Ты мне нужна.

Я закрыл глаза и притянул ее ближе. Не знаю, когда ушел Вик, но в следующий раз, когда поднял глаза, в комнате никого не было. Я лег рядом с Фиби, взял ее руку в свою и смотрел, как она дышит. И я не спал всю ночь, следя за ее дыханием.

Если она дышит, значит вернется ко мне.

Поэтому я, бл*дь, просто смотрел, как она продолжает дышать.

Братья наблюдали за мной из бара, пока я выносил ее на улицу. Флейм и Вик ждали у грузовика. С ними оказался и Малыш Эш.

— Ты в порядке, парень?

Я наблюдал, как он собрал все свое дерьмо и кивнул. Но он не был в порядке. Я знал это. Вспомнил свое первое убийство. Дев дал мне виски и сказал, что с этого дня мне станет легче.

Так оно и было.

Я сидел на заднем сиденье с Фиби, пока Вик вез нас домой. Как только вошел в свой дом, я отвел ее прямо в душ, включил воду и снял с нее одежду. Ее глаза открылись в поисках меня.

— Я собираюсь смыть с тебя это дерьмо, Рыжая.

Я опустил ее на пол и тоже сбросил с себя одежду. Затем подвел под воду и начал смывать с нее всю грязь и засохшую кровь. Она застонала в моих руках, когда вода коснулась синяков, и мне пришлось сжать челюсти, когда я оказался между ее ног.

Вик заплатил одной женщине, которая была врачом, чтобы она осмотрела ее и Сапфиру. Она сказала, что этот ублюдок Мейстер поранил кистку Фиби. Но не было ничего критичного, просто какое-то время ей будет больно.

Сапфиру тоже насильовали, снова и снова в течение нескольких месяцев, но мы это уже и так знали. Она взяла у них анализы и проверила на все гребаные болезни на свете.

Все тесты были отрицательными.

*Спасибо, бл*дь.*

Поэтому я просто продолжал мыть ее, пока она снова не стала моей Фиби. Ярко-рыжие волосы и кожа, как гребаный снег. И эти веснушки. Эти чертовы веснушки. Я вытер ее и отнес в спальню. В нашу спальню, потому что на этот раз она никуда не денется.

Ни единого гребаного шанса.

Я забрался в постель рядом с ней и затаил дыхание, когда она повернулась ко мне и улыбнулась так широко, как только могла своими потрескавшимися губами.

— Ты тоже здесь? — прошептала она. — Две мои великие любви со мной, счастливые и умиротворенные.

Она закрыла глаза и вздохнула.

— Я и мечтать не могла, что мне так повезет.

Мои брови опустились, задаваясь вопросом, что, черт возьми, она имела в виду.

— Я познакомлю тебя с ней, АК. Ты полюбишь ее. — Она слегка рассмеялась. — И она полюбит тебя. Потому что тебя так легко любить...

Она снова погрузилась в сон, и я положил голову на подушку рядом с ней. Я закрыл глаза, держа ее руку в своей, чтобы она не могла снова убежать. И начал ждать. Ждать, когда она вернется ко мне.

Чтобы мы могли начать все сначала.

Флейм

Я вышел из дома Вика и направился к своему. Открыв дверь, я увидел Малыша Эша, который сидел на диване и смотрел на незажженный камин.

Он даже не поднял глаз, когда я закрыл дверь. Лицо его было бледным, руки сложены на коленях. Мэдди что-то делала на кухне. Я прошел мимо Эша, но он по-прежнему не поднимал глаз. Когда я добрался до кухни, Мэдди обернулась. У нее было странное выражение лица.

Обеспокоенное.

Она протянула руки. Я взял их в свои и притянул ее к своей груди. Руки Мэдди обвилились вокруг моей талии. Вдохнув ее запах, я закрыл глаза.

— Фиби?

— С АК, — ответил я. — Но она еще не проснулась.

— А Сапфира?

— Жива.

Мэдди отступила на шаг и приложила руку ко лбу.

— Какой бардак. Все в полном беспорядке... Хотя бы с Грейс ничего страшного не случилось, и сейчас ей уже лучше. Она потрясена и напугана, но с ней Лила и Кай.

Глаза Мэдди заблестели.

— Она так молода, пережить такое. И Сапфира.

Моя сучка сделала глубокий вдох.

— Я... Я понимаю, какой была ее жизнь. Быть принужденной к такому рабству.

— Мэдди, — прорычал я, не в силах остановить чертово жжение в венах при этой мысли.

Но ее взгляд упал на Малыша Эша, сидящего на диване.

— Он тоже молод.

Она снова посмотрела на меня.

— Не знаю, что случилось. Он не сказал мне.

— Сегодня он убил человека. Спас жизнь АК.

Губы Мэдди приоткрылись от удивления. Она побледнела и снова посмотрела на Эша.

— Неудивительно, что он так растерян.

Она вытерла слезу и снова посмотрела на меня.

— Ты должен поговорить с ним.

Я почувствовал, как лед наполнил мои вены.

— Не знаю, что, черт возьми, сказать.

Мэдди подошла ближе, пока не оказалась рядом со мной. Ее рука легла мне на грудь.

— Флейм, ты был там. Ты проживал подобное. А это значит, что ты уже был в таком же положении.

Она помолчала.

— Что с тобой случилось? Как ты с этим справился?

— АК, — сказал я, вспоминая свое первое убийство.

Это был один из Диаблос. На нас напали. Я ударил этого ублюдка ножом прямо в

сердце, ударил и смотрел, как он умирает.

— АК усадил меня за стол, дал виски и сказал, что в будущем я уже не буду чувствовать себя так плохо из-за того, что забираю жизнь. Что потом станет легче.

— И это сработало?

— Ну, так плохо мне уже не было, — сказал я и увидел, как Мэдди замерла, а затем кивнула. — Мне это даже приносило покой. Это заставляло пламя в моей крови гореть не так ярко.

Мэдди притянула мою голову к своей. Она поцеловала меня в губы, а потом взяла меня за руку.

— Но Ашер не такой, как ты, Флейм. Я вижу, что в своем сердце он тяжело переживает этот момент. Думаю, он в шоке. Он все время смотрит на свои руки.

Мэдди поцеловала мои пальцы. По моей коже побежали мурашки.

— Ты нужен ему, Флейм. Ему нужен брат.

Мое сердце забилось слишком быстро.

— Не знаю, что сказать. Я ни черта не смыслю в таком дерьме. Давай просто подождем, пока Фиби не станет лучше и АК не вернется. Он поговорит с ним.

— Он не хочет, чтобы это был АК, — сказала Мэдди и положила руку мне на сердце. — Он хочет общаться с тобой. Он всегда хочет быть рядом с тобой.

Мэдди улыбнулась, но это не была счастливая улыбка. Больше печальная. Мне не нравилось, что она грустит.

— Ашер пришел прямо сюда, Флейм. Примерно час назад, когда ты еще был в клубе. Сюда, Флейм. Не к Викингу. Он не тосковал по АК. Он пришел к нам домой. К тебе. К своему брату.

По щеке Мэдди скатилась слеза.

— Он пришел туда, где чувствует себя в безопасности. Благодаря тебе он ощущает безопасность.

Я вытер слезу с ее щеки и почувствовал, как мой желудок сжался.

— Я положил руку ему на плечо.

Мэдди ахнула.

— Когда?

— После того, как он убил человека. Он вел себя странно. Я положил руку ему на плечо и ехал рядом с ним всю дорогу домой.

Нижняя губа Мэдди задрожала.

— Ты защищал его. Присматривал за ним.

— Я сделал это? — я нахмурился. — Я позаботился о том, чтобы он вернулся домой. Убедился, что он ровно едет на байке АК. У него сильно тряслись руки.

Мэдди улыбнулась и заплакала. И теперь это была счастливая улыбка.

— Ты нужен ему, Флейм.

Мэдди снова обняла меня, и я поцеловал ее в макушку.

— Видишь? — спросила она. — Это объятие?

Я в замешательстве прижал ее к себе.

— Да.

— Ашеру оно тоже может понадобиться.

Я, бл*дь, застыл, каждый мускул моего тела напрягся.

— Я не смогу.

— Сможешь, — сказала она и подняла взгляд.

Я посмотрел в ее зеленые глаза.

— Как и я, он любит тебя. И ты любишь его. Он безопасен для тебя. Возможно, ему нужно знать, что прямо сейчас его любят. Объятия утешат его.

— Мэдди...

Она отстранилась и подошла к шкафу, достала два стакана и бутылку виски. Налила в них ликер — точно так же, как АК сделал это для меня много лет назад, и подала их мне.

— Ты помнишь, что сказал тебе АК?

Я кивнул. Помнил каждое слово.

— Тогда отнеси один из них Ашеру и скажи ему то же самое. Это поможет ему. Обещаю.

Я взял у Мэдди стаканы.

— Буду ждать тебя в нашей спальне.

— Мэдди... — повторил я, не уверенный, что смогу это сделать.

— Я люблю тебя.

И она ушла, оставив меня наедине с моим братом.

Жидкость в стаканах заплескалась из стороны в сторону. Я нахмурился, заметив, что мои руки дрожат.

Ты помнишь, что сказал тебе АК?

Я обдумал слова Мэдди и подошел к брату.

Он не поднимал головы, пока я не сел на диван рядом с ним. Сжав челюсти, я протянул руку в сторону Эша.

— Вот, — сказал я, протягивая стакан виски.

Эш целую вечность ни хрена не делал, но потом взял стакан из моих рук. Его пальцы коснулись моих. Они были холодны, как лед, и дрожали.

Я слышал его дыхание. Оно было странным, прерывистым и низким. Я посмотрел на него и увидел, что он опустил голову. Он держал виски в руках и не пил.

— Пей, — сказал я.

Малыш Эш поднял голову. Его щеки были чертовски бледны, а в гребаных глазах стояли слезы. Мои внутренности скрутило. Даже не знаю почему. Я снова указал на виски.

— Пей.

Он этого не сделал. Просто сидел и смотрел на меня со слезами на глазах.

Так и знал, что у меня ничего не получится. Сказал же Мэдди, что не могу этого сделать.

Ты помнишь, что сказал тебе АК?

Я закрыл глаза и вспомнил тот день. Вспомнил, что он сделал. Мне просто нужно сказать Малышу Эшу то, что сказал мне АК.

АК начал с того, что положил руку мне на плечо. Открыв глаза, я посмотрел на свою руку и сжал пальцы в кулак.

Я могу сделать это. Могу дотронуться до него.

Мне придется.

Протянув руку, борясь с желанием отдернуть ее, я положил ее на плечо Эша. Это было чертовски странно. Мне хотелось отстраниться, но я представил зеленые глаза Мэдди. Представил себе ее улыбку. Малыш Эш сглотнул и встретился со мной взглядом. Мне захотелось отвернуться, но я поборол это желание и повторил — слово в слово — то, что

сказал мне АК.

— Давай же, Малыш Эш. Тебе нужно выпить.

Он приоткрыл рот и краем глаза посмотрел на мою руку, лежащую у него на плече. Я думал, что он не собирается сделать это дерьмо, но потом он поднес виски ко рту и сделал глоток.

— Вот и все.

Я выпил залпом свой стакан. Спиртное обожгло мне горло. Но от этого мне стало лучше.

Эш сделал тоже самое.

— Станет легче, — сказал я, повторяя ему слова АК, точно так же, как он говорил их мне. — С этого момента это станет твоей второй натурой и не будет беспокоить тебя так сильно. Обещаю.

Малыш Эш моргнул, потом снова и заговорил:

— Я продолжаю представлять себе его мертвое лицо, когда он смотрел на меня, лежа на земле.

Я стиснул зубы.

— У него были карие глаза. Я все время вижу его гребаные карие глаза, Флейм.

— Он был подонком и заслужил смерть. И ты спас АК.

Странная боль пронзила мою грудь при мысли о том, что АК мог быть убит. Мне это не понравилось. Мне это чертовски не понравилось.

Эш вытянул руки перед собой.

— Мне все время кажется, что вижу кровь на своих руках. Я продолжаю их мыть, но все равно вижу кровь.

Мне нечего было на это сказать. АК больше ничего не сказал мне той ночью много лет назад. Потом Малыш Эш снова посмотрел на меня, его лицо осунулось. Черт, он плакал. Я крепче сжал руку на его плече, но он только сильнее разрыдался.

Меня охватила паника. Я посмотрел на дверь нашей спальни, но она была закрыта. Мне нужно было позвать Мэдди. Она знает, что делать. Но тут голова Эша упала вперед. Мне не нравилось, как он выглядел. У меня защемило сердце.

Слова Мэдди звучали у меня в голове.

Как и я, он любит тебя. И ты любишь его. Он безопасен для тебя. Возможно, ему нужно знать, что прямо сейчас его любят. Объятия утешат его...

Я уставился на свою руку на его плече. Все во мне говорило убрать ее. Но когда увидел, что его плечи трясутся, я не смог. Глубоко вздохнув, я притянул его к себе, обнял его за плечи и прижал к груди. Я зажмурился и задышал через ноздри, пытаюсь, бл*дь, успокоиться.

Малыш Эш перестал издавать звуки рыданий. Я открыл глаза, думая, что он мне что-нибудь скажет. Что он посмотрит на меня и заставит оттолкнуть. Но он этого не сделал. Вместо этого он схватился за мой жилет и снова заплакал.

Я уставился на него, стараясь держать себя в руках.

Он прикасается ко мне. Он прикасается ко мне. Он хороший. Он твой гребаный брат.

Малыш Эш оставался в таком положении десять минут. Я мысленно считал минуты и секунды. В конце концов он отпустил мой жилет и поднял голову. Его лицо было красным и покрытым пятнами. Он отвел глаза, когда я посмотрел на него.

— Теперь ты в порядке?

— Да, — прохрипел он и откашлялся. — Спасибо, Флейм.

Я кивнул. Что-то чертовски странное взорвалось у меня в груди. От этого мне стало тепло. Не знаю, что это было.

— Извини за то, что был гребаной киской, — сказал он.

— Ты не киска, — сказал я. — Ты убил одного ублюдка. Ты Палач. И ты снова убьешь. АК говорил мне, что большинство людей сходят от этого с ума. Но ты не такой, просто немного не в себе. И дело сделано. Больше такого не повторится.

— Хорошо.

Наступило молчание. Я не знал, что еще сказать, но Эш заговорил первым:

— Извини, что пришел сюда. Сам не понял как это произошло, в одну минуту я на байке, а в другую — у твоей двери.

Его лицо было ярко-красным.

— Я скоро уйду. К Слэшу или Вику. У АК полный дом.

Мне не понравилось, что он собирается жить у Слэша или Вика.

— Тебе нравится в этом доме? — спросил я.

Эш поднял голову; я заметил это боковым зрением.

— Да, — тихо сказал он. — Мне нравится быть с тобой и Мэддс.

— Можешь остаться здесь на ночь.

Я поднялся с дивана. Больше не мог выносить всю эту болтовню.

— Правда?

Я кивнул.

— Мэддс ничего не меняла в дальней комнате. Она твоя.

— Спасибо, Флейм, — сказал он.

Я был почти у двери спальни, когда оглянулся. Он продолжал сидеть на диване. Я взглянул на дальнюю комнату, где он должен был остаться на ночь. Подумал о том, что он будет там каждый день. И мне... понравилось.

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул и спросил:

— Хочешь здесь жить?

Эш ни черта не сказал в ответ. Я открыл глаза, собираясь просто оставить его в покое, но он уже стоял на ногах, глядя на меня.

— Ты серьезно? — спросил он. — Ты хочешь, чтобы я переехал к вам?

— У тебя есть комната в этом доме. Ты должен ей пользоваться.

— Да.

Он улыбнулся. Моя челюсть сжалась.

— Не говори пока АК. Подожди, пока все это дерьмо с Фиби не уляжется. Он может плохо воспринять твой уход.

— Ладно, — сказал Малыш Эш.

Я кивнул и повернул дверную ручку спальни. Мне сейчас же нужно было уйти. Моя голова была слишком переполнена.

— Флейм? — крикнул Эш, заставляя меня остановиться.

Я не оглянулся.

— Спасибо. — Он говорил чертовски тихо. — За все. Мне... — Я услышал, как он глубоко вздохнул. — Думаю, мне понравится здесь жить.

Я снова кивнул. У меня не было слов.

Я толкнул дверь и захлопнул ее. Мэдди стояла у кровати и ждала. Она тоже плакала, черт возьми.

— Что? — Я рванул вперед. — Почему ты плачешь?

— Я люблю тебя, Флейм, — сказала она, беря меня за руки.

Я нахмурился.

— Не понимаю. Почему ты плачешь?

— Я слышала, ваш разговор. — Она улыбнулась. — И слышала, как ты попросил его жить с нами.

— Ты же говорила мне, что я должен подумать об этом. Я подумал и попросил его переехать. Он сказал «да».

Мэдди обняла меня за талию.

— Я так горжусь тобой, Флейм, — прошептала она, и я почувствовал, как у меня снова сдавило грудь. — Как только я начинаю думать, что не смогу любить тебя еще сильнее, ты идешь и доказываешь, что я ошибаюсь.

— Я тоже тебя люблю, — сказал я и поцеловал ее в макушку.

Потом я замер. Каждая гребаная частичка меня замерла. Мои глаза были прикованы к кровати. Мэдди рисовала. Отпустив ее, я подошел ближе и взял блокнот. Лед наполнил меня, и я посмотрел на Мэдди, ожидая ответа.

Она пожала плечами.

— Нет, это не так. И знаю, что может пройти некоторое время, прежде чем мы будем к этому готовы.

Она подошла ко мне, и я снова уставился на рисунок. Я не знал, что, черт возьми, происходит со мной, мне было одновременно и жарко и холодно. Бл*дь, я запутался.

— Просто мне было интересно, сможем ли мы когда-нибудь это сделать.

Мэдди положила голову мне на бицепс. Ее рука пробежалась по рисунку. Она нарисовала меня. И себя, с ребенком на руках.

— Не уверена, сможем ли мы когда-нибудь это сделать. Но то, что я только что услышала, заставило меня поверить, что, возможно, однажды, мы... могли бы.

— Мэдди.

Я посмотрел на ее голову, лежащую у меня на руке, сглотнул и попытался представить ее такой, какой была сейчас Мэй, с растущим животом. И я не чувствовал, как разгорается пламя. На самом деле, мне было спокойно.

Мэдди подняла голову. Она улыбнулась. Я поцеловал ее в губы и сказал:

— Может быть... однажды.

А потом снова поцеловал ее.

Все еще держа рисунок в руке.

Фиби

Мои глаза распахнулись от ощущения чьей-то руки на моем лбу.

— Фиби? — раздался знакомый голос.

— Ммм? — пробормотала я, не желая покидать лес.

И все же он начал исчезать. Моя душа жаждала этого прикосновения, жаждала сердца человека, которому принадлежала.

— Фиби, — повторил он, и я открыла глаза.

Когда показалась комната, я улыбнулась.

— АК, — сказала я и почувствовала, как мое сердце наполнилось светом.

— Да, — сказал он хрипло. — Мне нужно, чтобы ты проснулась. Ты спишь уже два дня.

Когда его слова прорвались сквозь мое блаженство, я почувствовала, как тьма начала поглощать свет. Мысли заметались, показывая мне вещи, которые я не желала знать... Мейстер умирает от моих рук, Грейс кричит... а потом... потом тело Сапфиры в моих объятиях, ее обмякшая рука в моей.

— Сапфира! — воскликнула я, слишком сильное чувство от ее утраты было невыносимо.

Я обхватила рукой живот и попыталась найти хоть какое-то облегчение, когда меня охватила печаль. Я почувствовала, как чьи-то руки подхватили меня и прижали к твердой груди. АК. Я узнала его запах.

— Я не могу этого вынести, — прошептала я и дала волю слезам.

— Рыжая.

Он взял меня за подбородок, заставляя поднять голову.

— Посмотри на меня.

Я сделала, как он сказал, и его красивое лицо появилось в поле зрения.

— Она жива.

Я замерла. Перестала дышать, когда его слова дошли до меня.

— Она выжила. Сапфира, выжила.

Шок лишил меня дара речи.

— Что? — в конце концов удалось вымолвить мне.

— Она жива. Черт, Рыжая, она проснулась. И она спрашивает о тебе... она спрашивает с своей матери.

Моя грудь сжалась, когда я услышала его слова.

— Она умерла у меня на руках. Она родилась у меня на руках, и я была рядом, когда она умирала. Мой ребенок... моя девочка... Я видела, как она пришла в этот мир и ушла из него.

— Она не умерла, Рыжая.

Он повернул голову в сторону соседней комнаты.

— Она там, и она только что проснулась. Она хочет к тебе. Она боится и хочет к маме.

Голос АК был хриплым и грубым. Его глаза сияли, когда он смотрел на меня, и по его лицу я поняла, что он не лжет.

— Она здесь... — сказала я.

АК кивнул, и на меня обрушилось опустошение.

— Я думала, она умерла. Думала, что не спасла ее. Думала, она умерла, пытаясь спасти меня. И я не могла... не могла вынести этого бремени... что она умерла из-за меня, потому что это я должна была умереть за нее.

Слезы наполнили мои глаза, и я задохнулась от горя. Руки АК обхватили мое лицо и приподняли голову.

— Потому что она любит тебя, Рыжая. Она никогда не знала тебя как свою мать, но когда дело дошло до этого, она приняла эту чертову пулю за тебя, потому что ты любила ее, даже когда тебя удерживали от того, чтобы сказать ей об этом. Она знала. Она, бл*дь, знала.

Я упала ему на грудь и сломалась. Вцепившись в его футболку, я покачала головой.

— Мне очень жаль. Мне так жаль... что я сделала, после всего того, что случилось с твоим братом...

Я слышала, как АК боролся со своей печалью.

— Только не делай так больше, черт возьми. — Он обнял меня. Я посмотрела в его добрые глаза. — Мне вроде как нравится, когда ты рядом.

Он попытался улыбнуться и поцеловал меня в губы. Мне было больно, и я вздрогнула, но он был нежен и краток.

— А теперь иди в соседнюю комнату и повидайся со своей дочерью. На этот раз все на твоих условиях, Рыжая. Ты нужна ей.

— Я ей нужна, — сказала я.

Нервы трепетали внутри меня. Взяв АК за руку, встала с кровати. Я была одета в длинную ночную рубашку Беллы. Мое тело болело, но я должна была добраться до Сапфиры. Когда мы подошли к ее закрытой двери, у меня задрожали руки. Я повернулась к АК.

— А если я не смогу этого сделать?

Он с любопытством посмотрел на меня.

— Что, если у меня плохо получится... быть матерью?

— Невозможно.

Он заправил мне волосы за ухо.

— Ты была, черт возьми, создана для этого момента, Рыжая. Все прошлое дерьмо привело тебя прямо к этому моменту.

Он идеален.

Я медленно повернула ручку и открыла дверь. Я не могла сдержать эмоций, которые нахлынули на меня, когда я увидела Сапфиру, чистую и бодрую, лежащую в центре аккуратно застеленной кровати. Ее карие глаза были большими и испуганными, но, когда они увидели, как я нервно вошла в комнату, они наполнились чем-то совершенно другим. Страх исчез, и на их месте появилась... любовь. Любовь и счастье... и мое сердце взлетело на неизвестную высоту.

— Сапфира, — прошептала я срывающимся голосом, когда рыдания, которые пыталась сдержать, вырвались наружу.

Я быстро подошла к ее кровати и села на край. Опасаясь, как бы не задеть ее раны, я посмотрела на дочь. Никогда еще не чувствовала себя такой счастливой.

Ее пальцы дернулись, как будто жаждали моего прикосновения, как будто нуждались во мне. Я мягко переплела наши пальцы. Мы обе вздохнули. Встретившись с ее взглядом, я сказала:

— Я думала, что потеряла тебя.

Сапфира улыбнулась и покачала головой. Затем ее рука крепче сжала мою.

— Я тоже думала, что потеряла тебя.

Ее голос был таким же сладким, как и в моем сне.

— Ты спасла меня, — сказала я, чувствуя, как мое сердце разрывается от воспоминаний.

— Мне пришлось.

Она попыталась пододвинуться ближе. Я пересела к ней и положила руку на ее мягкую щеку. Она была похожа на ангела. *Мой ангел.*

— Не могу представить себе мир без тебя.

Наши взгляды встретились, и ее кожа расцвела смущенным румянцем.

— Не можешь? — прошептала я и почувствовала, как каждое ее слово прочно закрепилось в моем сердце.

— Нет.

Одинокая слеза скатилась по ее гладкой щеке.

— Ты... ты моя мама.

Я смотрела, как она пытается улыбнуться сквозь слезы. Радостный смех вырвался из моего горла, и я поцеловала ее в макушку.

— Да, — ответила я и не смогла сдержать улыбки.

Я вздохнула и отодвинулась. Сапфира посмотрела на дверь. Проследив за ее взглядом, я увидела, что там стоит АК. Я улыбнулась, когда его темные глаза встретились с моими.

— Это АК.

Он наклонил голову в знак приветствия. Повернувшись обратно к своей... дочери, я сказала:

— Он моя любовь. Часть моего сердца.

— Тот, о котором ты мне рассказывала? — робко спросила она, прячась от его внимания.

— Да.

— Я познакомилась со своей тетей Лилой. — Она улыбнулась. — Она мне понравилась. Она вымыла меня, когда я проснулась.

Я закрыла глаза, охваченная волной радости, которую почувствовала, когда подумала о своей любимой сестре, ухаживающей за моей драгоценной дочерью.

Я услышала, как АК отошел от двери, и Сапфира проводила его взглядом.

— Мы теперь будем жить той жизнью, о которой ты говорила?

— Да. — Я сжала ее руку. — Мы будем жить так, как всегда должны были жить.

Она нервно опустила глаза.

— Я... Я стану твоей дочерью? — она замолчала. — Настоящей дочерью?

— Если ты этого хочешь, — сказала я, молясь всеми фибрами души, чтобы она сказала «да».

Она снова посмотрела на меня сквозь длинные ресницы.

— М-могу ли я называть тебя... мама?

Последнее слово было произнесено шепотом. Но это была благодать. Благословение, чистое и простое. Мягко произнесенное прощение за все мои ошибки.

Новое начало.

— Да, — сказала я и нежно обняла ее. — Да.

Потом мое сердце расцвело, когда она прошептала:

— Мама.

Я закрыла глаза и наслаждалась этим звуком. Четырнадцать лет. Я ждала четырнадцать

лет, чтобы услышать это из ее уст.

— Мама? А как насчет остальных? Другие сестры, которые были схвачены?

Мое сердце разбилось.

— Они исчезли, дорогая. Никаких следов... И, боюсь, никакой надежды. Здешние люди пытались их найти, но их местонахождение, к сожалению, неизвестно.

Сапфира молчала, услышав эту новость. Я не была уверена, что она сможет больше выносить грусть. Моя дочь была сыта по горло своей молодой жизнью.

— Мама? — тихо спросила Сапфира несколько мгновений спустя. — Ты можешь побыть со мной, пока я не усну?

— Конечно, — сказала я, чуть не лопаюсь от радости.

Я легла рядом с ней на кровать и обняла ее за плечи. Она легла в мои объятия и счастливо вздохнула.

— Ты расскажешь мне об этом мире? — спросила она с усталостью в голосе.

— Это не похоже ни на что из того, что мы когда-либо знали, дорогая.

Я закрыла глаза и подумала об АК. Подумала о его доброте, смехе и его чистом сердце. Я вспомнила, как Лиля смеялась, когда бегала с Грейс по лужайке. И я рассказала ей обо всем. Обо всем хорошем, что у нас было отнято в нашей жизни, и я знала, что теперь моя девочка тоже увидит это.

Вскоре услышала ее ровное сонное дыхание. Я посмотрела на нее, спящую у меня на руках, и меня осенило. Наконец-то я это сделала. Я была с дочерью, рассказывая ей сказку, пока она засыпала.

И мне больше никогда не придется ее покидать.

Она была в безопасности. И я навсегда изменилась, и все из-за одного человека.

Я наклонилась и поцеловала ее в макушку.

— Я никогда тебя не подведу. Это моя торжественная клятва.

Оставив ее отдыхать, я вышла из комнаты и пошла на запах сигаретного дыма АК. Он сидел за кухонным столом, погруженный в свои мысли. На нем была белая футболка, кожаный жилет и темные джинсы. Его длинные волосы лежали на плечах.

Все время я могла думать только о том, что он мой.

Должно быть, он услышал мои шаги, потому что повернул ко мне голову. Я подошла к нему и положила руки ему на щеки. Я увидела смятение в его глазах и сказала:

— Ты спас нас...

Мой голос сорвался, но я продолжила:

— Ты сделал невозможное и возвратил мне мою дочь. Ты дал мне шанс стать матерью.

АК сглотнул и глубоко выдохнул.

— И ты вернул биение моего сердца. — Я расцеловала его в обе щеки. — Я люблю тебя, Ксавьер Дейерс. Люблю тебя больше, чем могла себе представить. Ты — моя милость. Ты — мое искупление.

— Рыжая, — грубо сказал он.

Я села к нему на колени и вздохнула, когда его руки обвили меня вокруг талии.

Я посмотрела в его прекрасные глаза.

— Ты дал мне этот дар, этот момент, когда мой ад закончился. И теперь он нужен тебе. Спаси себя так же, как ты изо всех сил пытаешься спасти всех остальных.

Он отвел взгляд, но я вернула его к себе.

— Я буду здесь, с тобой. Как и твоя семья. — Я указала на окно. — Викинг, Флейм и

Ашер. И Сапфира тоже. Мы все будем здесь ради тебя.

Он наблюдал за мной. Смотрел на меня так долго, что я поняла: он погрузился в свои мысли. Затем он поцеловал меня, нежно, благоговейно, прежде чем поставить на ноги.

— Мне нужно позвонить, — сказал он и вышел на улицу.

Я слышала, как он сказал:

— Тан? Мне нужна твоя помощь, чтобы кое-кого найти.

И я улыбнулась, сидя за деревянным кухонным столом и оглядывая дом. Я слышала, как за окном поют птицы. Слышала Флейма и Викинга, подошедших поговорить со своим лучшим другом. Это была жизнь, которую я никогда не думала, что получу.

АК и Сапфира, навсегда рядом со мной.

Я была дома.

АК

Две недели спустя...

Я остановил байк по адресу, который дал мне Таннер. Гребанный Остин. Дом был в Остине.

Все это время он был рядом со мной.

Руки Фиби крепче обняли меня за талию, а ее губы приблизились к моему уху.

— Ты в порядке?

Я закрыл глаза, и все, что мог видеть, были Дев и Тина. Теперь, когда кошмары прекратились, я видел их только в своей голове. Ничто не могло остановить эти воспоминания, но мне было... лучше.

— Да, — сказал я и понял, что мы оба знали, что я был гребанным лжецом.

Фиби убрала руки с моей талии и слезла с байка. Она встала на тротуаре, одетая в кожу, ее длинные рыжие волосы были заплетены в косу.

Чертово совершенство.

Она протянула руку.

— Мы приехали сюда, АК, обратного пути нет. Пойдем.

Я слез с байка, сжимая кулаки, потому что мои руки дрожали. И сколько бы я ни делал глубоких вдохов, не мог успокоиться. Понимал, что не смогу этого сделать. Потому что знал, как все это дерьмо может пойти не так. У меня не было иллюзий. Я ожидал, что дверь захлопнется у меня перед носом и копы примчатся по мою задницу. Насколько я знал, они были в курсе, что я вытащил Дева из психушки много лет назад. Без сомнения, Клэр и Том поведали им о моей роли в этом деле.

Я сжал руку Фиби, пока мы шли по дорожке к массивному белому дому. Часть меня расслабилась при виде такого дорогого места. Зейн вырос здесь. У него было больше денег, чем могли дать ему Дев или Тина. Не то чтобы деньги что-то означали. Но, по крайней мере, он не был в дерьме.

Когда мы подошли к двери, Фиби наклонилась ко мне. Я посмотрел на ее веснушчатое лицо, и она ободряюще улыбнулась.

— Вероятно, все пройдет не так гладко, — предупредил я.

— Знаю, — ответила она и кивнула в сторону двери.

Я поднял руку и три раза постучал. Осмотрев себя, подумал, узнает ли меня Клэр? На мне были выцветшие джинсы, черная футболка и другая стрижка. У меня были длинные волосы. В последний раз, когда она видела меня, они были еще коротким. И хрен знает, как я постарел.

Дверь открылась. Фиби сжала мою руку, когда я медленно посмотрел на постаревшее, но знакомое лицо Клэр. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, кто я. Затем я увидел, как ее глаза расширились.

— Ксавьер? — прошептала она, поднося руку ко рту.

Ее взгляд скользил по мне, изучая, как я выгляжу.

— Клэр.

— Не могу поверить.

Она покачала головой и убрала руку ото рта. Я приготовился к ее гневу, приготовился к тому, что она скажет мне убираться к чертовой матери. Но вместо этого она вздохнула.

— Мы тебя так долго искали.

Я замер и почувствовал, как Фиби сделала глубокий вдох.

Клэр указала на стол с креслами, стоявшими на крыльце.

— Давайте присядем. Может чаю?

Я все еще не мог говорить, поэтому был благодарен, когда Фиби улыбнулась и сказала:

— Да. Спасибо.

Клэр вернулась в дом, а мы сели.

— Все хорошо, — сказала Фиби и поднесла мою руку к губам.

Она поцеловала тыльную сторону ладони.

— Думал, она захлопнет дверь у нас перед носом.

Я посмотрел на живописную пригородную улицу.

— Она обвинила меня, Рыжая. Она, бл*дь, сказала мне в лицо, что это я во всем виноват.

— Но это не так! — горячо возразила Фиби.

Я улыбнулся тому, как она защищала меня. Не был уверен, что когда-нибудь прощу себя за то, что сделал, но я чертовски ценил то, что она не перестанет пытаться, пока я этого не сделаю.

Клэр вернулась на улицу и поставила чай. Она протянула нам по кружке и нервно села в кресло напротив меня, проводя руками по своему платью в цветочек.

— Тома перевели из Плано, когда Зейну было двенадцать.

Я замер, когда она упомянула имя племянника.

— Мы слышали, что ты тоже переехал в Остин, и с той минуты, как приехали, — хотя и до этого тоже, — искали тебя.

— Почему? — хрипло спросил я.

Плечи Клэр поникли.

— Потому что он скучал по тебе, Ксавьер. Он так сильно скучал по тебе.

Я не ожидал, что чертов комок встанет у меня в горле, так же как то, что Зейн будет скучать по мне... после всего.

— Ему было тяжело, понимаешь? Потерять Тину и Дева. Его родители умерли таким жестоким образом. Но чего я никогда себе не прощу, так это того, что он потерял и тебя.

Клэр расправила плечи и смахнула слезу.

— Мне было так больно от того, что Дев сделал с Тиной. Я была так зла, так ослеплена яростью, что считала, будто поступаю правильно, изгоняя тебя из его жизни.

Она посмотрела на меня виноватым взглядом.

— Я винула тебя.

Ее слова были долбаным ударом в мою грудь.

— Винула тебя и думала, что ты тоже причинишь боль Зейну.

Я крепче сжал кружку и сказал:

— Это была моя вина.

Я посмотрел на лед, тающий в моем чае.

— Я облажался, и все дерьмо, которое случилось с Девом и Тиной — черт, и с Зейном тоже, — было из-за меня.

— АК, — тихо сказала Фиби и схватила меня за руку.

Но я не мог смотреть на свою сучку. Если бы это сделал, то знал, что сломаюсь.

— У твоего брата был посттравматический синдром, Ксавьер, — сказала Клэр, и я поднял голову. — Мне пришлось много консультироваться. Потребовались годы, чтобы смириться с ее смертью.

Клэр подавила всхлип.

— Она была моей младшей сестрой. И он убил ее. Дев, мальчик, которого она любила ещё со школы... Я не могла этого понять. Не могла поверить.

Она вздохнула.

— Но на протяжении нескольких лет я общалась со многими психологами, и со временем все поняла. — Она шмыгнула носом. — То, что пережил Дев в Ираке...

Я напрягся.

— И та помощь, которую он получил, когда вернулся, была недостаточной... его оставили одного отбиваться от тьмы... Я могу понять, как это произошло. Он так и не вернулся по-настоящему. Он жил в том травмирующем моменте до самой смерти.

Она сглотнула.

— Мне все еще больно. И не проходит и дня, чтобы я не думала о Тине, особенно если Зейн делает что-то так же, как делала она. Какой-то жест, выражение лица, произношение определенного слова. — Ее лицо исказилось. — Это очень тяжело.

— Знаю, — сказал я и почувствовал, как мои собственные гребаные слезы подступают к глазам.

— Но я ошибалась. Этот парень плохо справился с потерей родителей.

Клэр отвела взгляд, чтобы взять себя в руки. Когда она снова посмотрела на меня, то сказала:

— Но именно ты был его лучшим другом. Он боготворил тебя больше всех на свете и знал, что ты где-то там. Он не понимал, почему ты не приходишь к нему. Я сказала ему, что это моя вина. Рассказала, что прогнала тебя, потому что была зла. И он ненавидел меня за это. Какое-то время ему было очень тяжело.

Она моргнула, ее макияж немного потек.

— Но он хороший парень, Ксавьер. Добрый мальчик. Умный.

Она заплакала сильнее, и я протянул руку, накрыв ее ладонь своей. Она дрожала.

— Они бы так гордились им.

Она грустно рассмеялась.

— Он похож на тебя. И Дева. Настоящий Дейерс.

Я опустил голову, когда она сказала мне это. Она сжала мои пальцы. Я все еще не мог поднять глаз.

— Он умолял нас разыскать тебя. Он так сильно хотел найти тебя, его дядю Ксава. Мы делали все, что могли, обращались к друзьям в полиции и правительстве, но ты как будто исчез.

— Так и есть, — сказал я, когда смог снова взглянуть на нее.

Мои щеки были чертовски мокрыми, когда она говорила о Зейне. Мой гребаный племянник хотел видеть меня. Нуждался во мне, а меня, бл*дь, не было рядом с ним.

После всего, через что он прошел, меня с ним не было.

— В конце концов нам пришлось сдаться.

Клэр покачала головой.

— Но каждый раз, когда мы куда-нибудь выходим, он ищет тебя. Мы полагали, что ты в Остине, поэтому он никогда не прекращал поиски.

Брови Клэр опустились.

— И вот ты здесь, у нашей двери.

— Пришло время найти его, — сказал я и почувствовал, как рука Фиби коснулась моей.

— Он скоро будет дома. — Клэр посмотрела на часы. — Занятия в школе должны уже закончиться. Он будет здесь с минуты на минуту.

Нервы, которые плясали во мне, были так чертовски сильны, что мне приходилось бороться, чтобы дышать. Потом я почувствовал, как Фиби замерла рядом со мной.

Я не поднял глаз. Но по ее реакции я понял, что он рядом.

— Он очень похож на тебя, — сказала она хриплым от волнения голосом.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы я поднял голову. Я услышал, как открылись ворота, прежде чем увидел его. Он смотрел на мой байк, его голова была повернута в его сторону, пока он шел по дорожке. Потом он обернулся и посмотрел на крыльцо. Карие глаза, длинные каштановые волосы. Джинсы, белая футболка и черные ботинки.

*Бл*дь.*

Ему потребовалась секунда, чтобы увидеть меня. Но когда я встал и посмотрел ему прямо в глаза, то заметил, что его короткое замешательство прояснилось. И я, бл*дь, увидел, как признание попало в цель. Он был высоким, как и я, и для пятнадцатилетнего подростка довольно крепким. Но что больше всего меня поразило, это его гребаные глаза. Потому что на меня смотрел Дев, мой брат смотрел на меня глазами своего сына.

Его рюкзак упал на землю, и он застыл на месте.

— Дядя Ксав? — сказал он, и это пронзило меня насквозь.

Его детский голос, который я помнил, стал низким. Теперь он говорил совсем как Дев.

— Привет, парень.

Я шагнул вперед, но остановился, когда увидел, что его глаза закрылись, а голова опустилась. Я запаниковал, боясь того, что он все-таки не хочет, чтобы я был здесь. Но когда из его рта вырвался низкий всхлип, и он бросился вперед по ступенькам, чтобы обнять меня, я, черт возьми, сломался.

Парень плакал. Он держал меня так крепко, что я, бл*дь, тоже заплакал. Я сильнее прижал его к своей груди и не был уверен, что когда-нибудь смогу отпустить. В последний раз, когда он был в моих объятиях, он был маленьким и худым. Теперь он был кем угодно, только не таким, но все равно чувствовался также.

— Я скучал по тебе, — сказал он, и я зажмурился.

— Я тоже скучал по тебе, — хрипло ответил я.

Зейн откинул голову и посмотрел мне в лицо.

— Я тебя не виню, — сказал он.

Мне пришлось отвернуться от его взгляда.

— Знаю, что он болел после войны. Но я не виню тебя за то, что ты сделал. Ты пытался ему помочь.

— Черт, пацан.

Я вытер глаза рукой.

Зейн отступил, и я увидел, что он смотрит на мой жилет. Его слезящиеся глаза расширились.

— Ты из Палачей? — его глаза загорелись.

— Да, — ответил я, недоумевая, откуда он вообще знает, кто мы такие.

По его реакции можно было подумать, что я только что сказал парню, что я Иисус, бл*дь, Христос.

— Я все время вижу, как они разъезжают по центру города.

Он сосредоточился на моем жилете.

— АК, — прочитал он. — Это твоё дорожное имя?

Я кивнул с ухмылкой на губах.

— Ты любишь байки?

Зейн засунул руки в карманы и кивнул. Он оглянулся через плечо на мой мотоцикл.

— Это твой?

— Да.

— Тетя Клэр? — спросил Зейн. — Могу я показать дяде Ксаву гараж?

— Конечно, — улыбнулась она.

Я поймал взгляд Фиби, она просто светилась от счастья. Я протянул руку и притянул её к себе.

— Зейн, Фиби. Фиби, Зейн. Она — моя старуха, — сказал я племяннику.

Фиби пожала ему руку.

— Очень приятно познакомиться, Зейн, — сказала она. — Я так много о тебе слышала.

— Обо мне? — спросил он в шоке.

— Да. — Она улыбнулась. — И я видела много твоих фотографий.

Я увидел, что парень снова разваливается на части, и положил руку ему на плечо.

— Пошли в гараж?

Зейн глубоко вздохнул и повел меня к гаражу. Он открыл его и включил свет. Я замер, даже не успев пройти через дверной проем. Не двинулся ни на шаг, когда узнал мотоцикл, стоявший по центру.

— Это?..

— Папин? Да, — сказал Зейн.

То, что он называл Дева «папа» ударило меня в грудь. Он двинулся рядом со старым «Харлеем Дэвидсоном Лоу Райдером», покрытым ржавчиной. Зейн присел рядом и осторожно провел рукой по сиденью.

— Папа особо не заботился о нем, когда вернулся из Ирака. После их... смерти тетя Клэр отправила его на хранение вместе с остальными вещами. Она ни на что не могла смотреть, но потом я увидел его. — Зейн встал. — Она позволила мне привезти его домой и починить.

— Ты работаешь над байком? — спросил я, внезапно почувствовав присутствие Дева рядом с собой.

Его сын тоже любил байки. Это всегда был наш план. Служить стране, пить пиво и просто кататься на байках, когда возвращаемся домой. Я всегда представлял, как однажды Зейн сделает то же самое.

Я не слишком ошибся.

— Я люблю мотоциклы, — сказал он застенчиво. — Ещё конечно не слишком хорошо разбираюсь в них. Учусь в основном по видео на YouTube и тому подобном дерьме, но у меня получается хорошо... Мне кажется.

— YouTube? — Я покачал головой.

Зейн рассмеялся над моей испуганной реакцией.

Я шагнул в гараж и провел рукой по байку, вспоминая, как Дев ехал рядом со мной, чертовски свободный.

В кои-то веки хорошее воспоминание.

— Хочешь учиться у настоящих механиков? Байкеров, которые знают, что делают?

У Зейна отвисла челюсть.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Мои братья кое-что знают об этом дерьме.

Я подмигнул ему, и он расхохотался.

— Да, — быстро ответил он. — В лагере Палачей?

— Конечно.

— Но я еще не умею на нем ездить. Тетя Клэр говорит, что мне нельзя учиться, пока не стукнет шестнадцать.

— К черту это дерьмо. Я научу тебя, — сказал я, и Зейн сглотнул.

— Правда? — прохрипел он.

— Да.

Он уставился на меня, а я на него.

— Ты похож на отца, — сказал я, и мое гребаное сердце треснуло.

Зейн склонил голову.

— Я скучаю по нему. Так чертовски скучаю по ним обоим, — сказал он срывающимся голосом.

Я положил руку ему на затылок и притянул к груди.

— Я тоже чертовски скучаю по нему. По обоим.

Зейн немного помолчал, потом тихо сказал:

— И я скучал по тебе, дядя Ксав... так чертовски сильно.

— Тебе больше никогда не придется скучать по мне, — сказал я и боролся сильнее, чем когда-либо прежде, чтобы не развалиться на части.

— Ты это серьезно? — он схватил меня за футболку, как будто боялся, что я исчезну.

— Клянусь тебе.

— Хорошо, — тихо сказал он.

Мы оставались так целую вечность. И, в конце концов, я смог дышать. Впервые за много лет... Я мог дышать.

— Хочешь как-нибудь приехать на пикник? Остаться на несколько дней? В комплексе, а потом в моем доме?

Зейн отступил назад и вытер глаза футболкой.

— С Палачами?

— Ага.

Я рассмеялся, увидев волнение на его лице.

— Познакомлю тебя с моими дорожными братьями и лучшими друзьями. И Малышом Эшем тоже.

— Малышом Эшем?

— Он тебе понравится, пацан. Примерно твоего возраста. Любит байки.

— Круто, — сказал Зейн и улыбнулся.

— Да... круто.

Фиби

Когда мы вернулись домой, уже стемнело. Мы с АК провели вечер с его племянником. Он наверстывал упущенное — рассказывал про школу, события в жизни и многое другое. Я не понимала большей части того, о чем они говорили, но мне было все равно. Это было достаточным благословением, чтобы увидеть его воссоединение с племянником.

Он был... счастлив.

— Сафф останется сегодня с Ли? — спросил АК, закрывая дверь.

— Да, — ответила я и повернулась, чтобы встать у груди АК.

Я провела руками по его жилету, просовывая под него руки и сбрасывая с плеч. Его дыхание изменилось, ноздри раздулись от моего прикосновения.

— Что ты делаешь, Рыжая? — спросил он низким голосом.

Я протянула руки к подолу его футболки и подняла ее открывая подтянутый, мускулистый живот. Его татуировки ярко выделялись на оливковой коже. Я стянула футболку через голову и бросила на пол.

Наклонившись вперед, я осыпала поцелуями его грудь, двигаясь, чтобы лизнуть сосок. АК зашипел и запустил пальцы в мои волосы.

— Рыжая... ты еще не готова.

Я посмотрела ему в глаза.

— Вчера мы с Лилой ходили к врачу. Мне, как говорится, дали полную свободу действий.

Он посмотрел мне в глаза, потом коснулся рукой моей щеки.

— Даже если и так, не уверен, что ты готова там. — Он постучал пальцем по моей голове.

Я закрыла глаза, позволяя тому факту, как сильно он заботился обо мне, укорениться.

Я прижалась лбом к его лбу и заговорила от чистого сердца:

— Ты мне нужен... Не хочу, чтобы прикосновение Мейстера было последним на моем теле. Есть только одно мужское прикосновение, которое я когда-либо снова захочу — данное свободно и с любовью.

Я встретила его темный взгляд.

— Твое.

— Рыжая, — пробормотал АК.

Я отвела его в спальню и закрыла за нами дверь. Расстегнув его джинсы, я стянула их с ног. Я отступила назад, пока АК стоял передо мной, восхитительно обнаженный.

Я стянула с себя куртку, майку и лифчик, затем спустила вниз кожаные штаны. Я не отрывала взгляда от АК, пока снимала трусики.

— Красавица, — сказал АК хриплым голосом, когда я протянула руку.

Он взял ее без колебаний, и я подвела нас к кровати.

Мы легли. Я посмотрела ему в глаза и прижалась губами к его губам, позволила им поклоняться друг другу и позволила своему сердцу идеально совпасть с его.

Я двинулась по его груди, застонав, когда его грубые руки опустились мне на спину. Его мягкий язык проник в мой рот, и я почувствовала его вкус. Я чувствовала его руки на своей коже, чувствовала, как его жар сливается с моим. Я все это чувствовала. Позволила себе почувствовать все это, не отгораживаясь ни на секунду.

Оторвавшись от его рта, я поцеловала его шею, грудь, торс и двинулась вниз к мускулистой букве V, которая вела к его мужскому достоинству. АК застонал, переставляя ноги в предвкушении. Взяв его за руку, я посмотрела в его глаза и увидела, что они остекленели и ошеломлены, когда он смотрел прямо на меня.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Его глаза вспыхнули, когда я взяла его член в рот, медленно и нежно.

— Да, Рыжая, — прошипел он и самым мягким прикосновением провел руками по моим волосам.

Я застонала, когда его вкус взорвался на моем языке. Мои глаза закрылись, и я наслаждалась ощущением его рядом со мной.

— Иди сюда, — сказал АК.

Я поползла по его телу, сбитая с толку.

— Я тоже хочу попробовать тебя на вкус.

Он направил мои бедра к себе, пока мои ноги не оказались на его лице, а мой живот не прижался к его. Я откинула голову назад, когда его рот оказался у меня между ног. Его язык исследовал меня, а я погладила его длину рукой. Желая снова ощутить его вкус, я наклонилась и взяла его обратно в рот. Я лизала его и сосала до тех пор, пока не смогла больше выносить его язык у себя внутри. Моя щека прижалась к его бедру, а он удерживал меня на месте и лизал, пока я не распалась на миллион кусочков, медленно приходя в себя.

АК поднял меня и положил на простыни. Он не произнес ни слова, положив руки по обе стороны моей головы и двигаясь между моих ног. Я провела руками по его волосам, фиксируя его темный взгляд, когда он вошел в меня. Он был нежен, как перышко, когда наполнял меня, осторожно, красиво... так, что я не чувствовала боли.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — ответила я.

Я проводила ладонями по его рукам, пока он раскачивался вперед-назад. Его теплое дыхание призрачно касалось моего лица, тепло его тела защищало меня, и слезы навернулись на глаза при виде благоговейного выражения его лица. Если бы я не слышала этих слов из его уст, то поняла бы, что он любит меня, по тому, как он смотрел мне в глаза. По легкости и мягкости его движений, по тому, как он прижимал меня к себе. Как будто я была драгоценна. Как будто я каким-то образом сделала его целостным.

Он кончил, и я вслед за ним.

— Я люблю тебя.

Мне нужно было, чтобы он услышал это столько раз, сколько мне хотелось сказать.

— Я тоже тебя люблю, Рыжая.

Я улыбнулась и высказала то, что было у меня на душе.

— До этого я не знала, что дом — это биение сердца. Или двух, в моем случае. Биение идеально совпадающее с моим собственным. Твое и Сапфиры, очищающая колыбельная для моих грехов.

— Рыжая...

— Покаяние — это форма печали, АК. Благодать — это форма радости. Мы проливали слезы за каждый посеянный нами грех. Теперь нам пора улыбнуться. Улыбнуться и следовать за светом. Принять дарованную нам благодать. Вместе.

— Да, — сказал АК, и я поняла, что не смогу любить его больше, чем в тот момент.

И мы занялись любовью. Спустя минуты он снова взял меня, вычеркнув любого

мужчину из моего прошлого. Исцеляя шрамы и заключая его сердце в мое.

Когда наше дыхание стало затрудненным, и мы последовали за ослепительными огнями нашего удовольствия, я позволила слезам вырваться наружу. Целебные слезы радости, смывающие весь стыд и вину, оставшиеся в наших сердцах. И когда АК положил голову мне на плечо, я крепко прижала его к себе, поклявшись никогда его не отпускать.

— Я бесконечно благодарна тебе за день, когда ты привязал меня к тому дереву.

АК поднял голову и улыбнулся милой, смущенной улыбкой.

— Это был первый акт благодати, который мне когда-либо был дан. И когда я смотрела в твои глаза, я видела себя. Мое отражение смотрело на меня... моя израненная душа.

— Да, — прохрипел он.

Я знала, что он говорит мне, что тоже это чувствовал.

— Человек дьявола с ангельскими глазами.

Я вздохнула.

— Проклятые души, которые вместе обрели благодать.

— Рыжая, — прошептал он и прижал меня к сердцу.

Я закрыла глаза и улыбнулась. Потому что на этот раз было много вещей, от которых можно было чувствовать себя счастливой.

Наконец-то.

АК

Две недели спустя...

Кай и Стикс неловко сидели на своих местах, пока мы ждали, когда они заговорят. Всех созвали на собрание в церковь.

— Это был не первый раз, когда мы столкнулись с Гарсией в Мексике.

Кай заерзал на стуле, и Стикс кивнул ему, чтобы тот продолжил.

— Вы все не были в курсе, что у меня есть сестра, пока я не женился на Ли. Элисия, или Сия, как мы ее называем. — Он пожал плечами. — Она не была воспитана в этой жизни, поэтому мы никогда не говорили о ней.

Он помолчал.

— Но, когда ей было семнадцать, нам со Стиксом пришлось вытаскивать ее из некоторых неприятностей... Неприятностей вызванных Гарсией.

— Какого рода неприятностей? — спросил Хаш.

Брат был напряжен. Черт, как и все мы.

Кай сжал челюсти, и я видел, что он был в одной секунде от потери самообладания.

— Она увлеклась им. Потом он забрал ее. Вы все видели, чем он занимается. Ублюдок, торгующий людьми. Мы со Стиксом вытащили ее, пока не стало слишком поздно.

«С тех пор он ее ищет, — добавил Стикс. — Сиа все это время пряталась. Вот почему она нечасто бывает здесь. Мы не можем рисковать».

— Он хочет ее вернуть, — сказал Кай, и надо отдать брату должное, он сохранил хладнокровие.

«Диаблос были на связи. Гарсия снова что-то вынюхивает после нашей маленькой поездки в Мексику. Пытается получить информацию о нас. — Стикс сделал паузу, затем встретился с каждым из нас взглядом. — Он снова ее ищет».

— Что это значит? — спросил Ковбой.

Кай прищурился, глядя на двух наших братьев-каджунов. Ублюдку не нравилось, что они задают вопросы касательно его сестры.

— Это значит, что этот мудака еще не покончил с моей сестрой. — Кай наклонился вперед, его глаза горели. — А если он вернется за ней в Остин, я отрежу этому придурку член и заставлю съесть его целиком.

— Наглядно, брат. — Вик пошевелил бровями. — Мне нравится.

«Она под нашей защитой. Мы наблюдаем за ситуацией и смотрим, как она разыграется. Но вам всем нужно было знать, что нас может ожидать». — показал Стикс.

— Мы когда-нибудь получим полную историю о том, что произошло много лет назад? — спросил я, и Кай откинулся на спинку стула.

— В конце концов. Но не сегодня, бл*дь.

— Мы должны знать, — сказал Хаш. — Я хочу знать, через что она прошла.

Подозрительный взгляд Кая снова обратился на Хаша и Ковбоя. Оба брата даже не вздрогнули.

— Я сказал, что сейчас вы ни хрена не узнаете.

«Есть еще новости?» — спросил Стикс, останавливая Кая от кастрации каджунов за их интерес к его сестре.

Никто ни хрена не сказал, поэтому я поднял руку.

— Я еду в свой охотничий домик в эти выходные на пикник. Добро пожаловать. Берите с собой палатки и прочее дерьмо, если хотите остаться.

Я услышал только молчание. Никогда не упоминал о хижине с тех пор, как умер Дев. Я расправил плечи, игнорируя это.

— Приедет мой племянник. Зейн. Хочу познакомить его с вами. Он...

Я прочистил горло.

— Он хороший парень. Обожает байки. Похож на меня. Ему пятнадцать.

— Будущий гребаный Палач! — воскликнул Вик.

Я улыбнулся, задаваясь вопросом, что, черт возьми, Клэр сказала бы об этом.

— Тогда мы будем там, — сказал Кай. — Грейс принадлежит вам почти так же, как и нам.

Я рассмеялся. Она и Сапфира были буквально приклеены друг к другу.

— Сафф тоже никого из вас не встречала. Попытаюсь сделать так, чтобы и она появилась. Она такая чертовски застенчивая. Еще не осмелилась ни с кем познакомиться.

«Мы все будем». — Стикс кивнул, и я увидел, как все мои братья тоже кивнули.

Я чертовски любил этот клуб. Ублюдок собирался жениться через пару недель, возможно, у него не было времени, но он делал это для меня.

Не имело значения, когда тебе нужен был клуб, он всегда был рядом.

— Еще кое-что, — сказал я, когда Стикс поднял молоток. — Райдера я тоже пригласил.

Тишина была мертвецкой.

— Ублюдок поступил неправильно. Понимаю. Но он спас мою сучку и ее дочь. Не было бы ни той, ни другой, если бы он не вмешался. Он убил клановцев в перестрелке, и, черт возьми, он нравится Фиби и Белле.

Я встретил жесткий взгляд Стикса.

— Я понимаю, что он не брат, но я голосую за то, чтобы ему разрешили вернуться к посещению пикников и прочего дерьма. Он хороший док, избавляет нас от необходимости ехать в больницу и вызывать подозрения копов, и он может драться. Не нужно снова воспринимать его как брата, мне на это наплевать. Но я за то, чтобы он вернулся. Подумал, что вы все должны знать.

Стикс раздраженно скривил губы.

— Согласен, — сказал Смайлер.

Это никого не удивило.

— Ах, черт. Я тоже, — пожал плечами Вик.

— И я, — добавил Флейм.

Я спрятал улыбку. Гребаное Психотрио никогда не переставало прикрывать мою спину.

— Мы тоже, — сказал Хап, указывая на себя и Ковбоя.

Ковбой повернул ко мне голову, поднял свою «Стетсон» и подмигнул.

Стикс стукнул молотком по столу. С церковью было покончено. В ближайшее время никакого решения принято не будет.

Мне было все равно.

Я сказал свое слово.

Охотничий домик

Через несколько дней...

— Они все будут пялиться на меня? — спросила Сапфира у Фиби.

Фиби сделала паузу, расчесывая волосы дочери. Они находились во второй спальне, стены которой теперь были белыми, а кровать — новой, только для Сафф. Вик и Флейм помогли мне переделать комнату. Новые обои, новая мебель. Все новое.

Мы должны были начать все сначала.

— Они жаждут познакомиться с тобой.

Фиби обняла дочь за плечи. Я увидел, как глаза Сапфиры опустились от этого жеста, а на губах появилась гребаная улыбка. Эти двое убивали меня каждый день.

— Никто на тебя не будет пялиться. И Лила, Мэй, Мэдди, Белла и Грейс тоже будут там. Мы все одного происхождения. Они тебе нравятся, ты чувствуешь себя с ними в безопасности. И мы все будем там с тобой.

— Хорошо, — сказала Сапфира.

Фиби отступила назад и повернула дочь лицом к себе.

— Ты такая красивая, — сказала Фиби со слезами на глазах.

Сапфира была одета в длинное фиолетовое платье, а Фиби — в белое платье с открытыми плечами, которое я чертовски любил. Обе сучки были сногсшибательны.

Обе мои, чтобы защищать и заботиться.

— Спасибо, мама, — сказала Сапфира.

Я воспринял это как сигнал, чтобы уйти. Но не раньше, чем увидел ослепительную улыбку, появившуюся на губах Фиби.

Ей никогда не надоедало это слово: мама.

Я вошел в гостиную и остановился как вкопанный. Зейн смотрел на фотографии, висящие над камином. Я подошел к нему. Он не двигался. Не думаю, что он смог бы говорить, даже если бы захотел.

— Он брал эту чертову фотографию с собой каждый раз, когда ездил на задание, — сказал я и услышал медленное дыхание Зейна.

Я боролся со стеснением в груди.

— Он смотрел на нее часами. Скучал по тебе.

— Я помню тот день, — сказал Зейн.

— Помнишь?

— Помню момент, когда был сделан снимок.

Я уставился на фотографию, как и Зейн. Сунул руку в карман и вытащил то, что хотел ему показать. Когда я посмотрел на Зейна, он уже наблюдал за мной. И он видел, что у меня в руках.

— Не уверен, что они тебе нужны.

Я почувствовал в руках холодный металл.

— Все, что произошло — хреново. И не уверен, что ты захочешь что-нибудь, принадлежащее ему, тем более это. Просто подумал, ведь он был твоим отцом...

— Я хочу, — быстро сказал Зейн.

Я кивнул и бросил жетоны ему в руку. Этот парень заставил меня задохнуться. Его глаза

наполнились слезами, когда он пробежался пальцами по имени и номеру Дева.

— Я... Я горжусь им, понимаешь? — Он проигнорировал слезу, скатившуюся по его лицу. — Горжусь тем, что он сделал для нашей страны.

Я кивнул, потому что не мог говорить.

— Горжусь вами обоими. — Он поднял на меня глаза. — Я понимаю, что это плохо кончилось. Но... но Клэр сказала мне, как мама гордилась вами, тобой и папой. И я помню, как она говорила, что то, что вы делаете, очень важно. Что вы оба храбрые.

— Он бы тоже гордился тобой, знаешь? — спросил я.

Зейн улыбнулся.

— Ты так думаешь?

— Я знаю это. Ты был его жизнью.

Он опустил голову, и я обнял его за плечи.

— И теперь у тебя есть я. Я не твой отец, но я твой дядя, и всегда рядом, когда ты будешь нуждаться во мне.

— Знаю, — сказал Зейн, и я вывел его на улицу.

К нам сразу подошел Малыш Эш.

— Зейн, ты стреляешь? — спросил он.

Эти два пацана нашли общий язык с той минуты, как Зейн появился в комплексе два дня назад. Я знал, что так и будет. Хорошие ребята, эта чертова парочка.

— Нет, тетя мне не разрешала. Хотя я всегда хотел, — сказал Зейн.

Эш посмотрел на меня.

— АК покажет тебе, как нужно стрелять, правда?

Зейн с надеждой посмотрел на меня.

— Конечно.

— Сейчас? — спросил Эш. — Ты должен показать Зейну мишень, в которую ты можешь попасть на деревьях.

Эш повернулся к Зейну.

— Твой дядя умеет чертовски хорошо стрелять. Никогда не видел ничего подобного.

— Можешь? — спросил Зейн, и я увидел гребаную гордость в его глазах. — Показать, я имею в виду. Знаю, что ты хорош. Снайпер и все такое.

— Конечно, — сказал я. — Малыш Эш?

Он поднял голову.

— Поговорим минутку?

Его брови опустились в замешательстве.

— Зейн, не оставишь нас ненадолго?

Как раз в этот момент мимо прошел Вик.

— Зейн! Ты можешь помочь мне решить, какие сиськи лучше у этих порнозвезд.

Он обнял Зейна за шею и повел прочь.

Я отошел в сторону и взял со столика бутылку «Джека». Когда мы с Эшем остались одни, я сказал:

— За последние несколько недель у меня не было времени поговорить с тобой.

Я достал из кармана два стакана, налил «Джека» и протянул один Малышу Эшу.

— Но я скажу тебе то, что сказал мне мой брат, когда я совершил свое первое убийство.

Он поднял брови.

— Станет легче, — сказал я, услышав в голове чертов голос Дева. — С этого момента

это станет второй натурой и не будет беспокоить тебя так сильно. Обещаю.

— Знаю.

Мальш Эш опустил глаза.

— Знаешь?

Он пожал плечами.

— В тот вечер со мной поговорил Флейм.

Он указал на виски.

— Брат тоже налил мне виски. — Он ухмыльнулся. — Сказал мне, что ты сделал то же самое для него, когда он впервые убил человека.

— Так и было.

— Иногда он напоминает мне тебя. Думаю... думаю, что в некотором смысле он копирует тебя.

Я был потрясен, стоял как вкопанный.

— Ты много для него значишь.

— Для меня он тоже много значит, — сказал я. — Как и ты, маленький засранец.

Мальш Эш рассмеялся.

— Кстати говоря, я разрабатываю кое-какой план, чтобы расширить свой дом. Тогда ты сможешь вернуться.

Он жил у Флейма с тех пор, как переехала Сапфира. Эш замолчал, потом отвел взгляд.

— Что?

— АК... Флейм попросил меня переехать к нему и Мэдди.

Мои брови удивленно взлетели вверх.

— Когда?

— Пару недель назад.

— И?

На его губах появилась улыбка.

— Я согласился.

Я моргнул, не уверенный, что могу в это поверить.

— Тебе там нравится?

— Да, — сказал он со вздохом. — Нравится. С тех пор как я там живу... наши отношения с братом изменились. Все стало по-другому... Лучше, чем я мог себе представить. — Он пожал плечами. — Мне нравится.

— Черт, парень, — сказал я.

— АК? — спросил он. — Я... Я просто хочу сказать спасибо. За все, что ты сделал с тех пор... ну, знаешь, как я пришел сюда...

Он покачнулся на ногах.

— Ты тоже мой брат. Как Флейм. И я... просто хотел, чтобы ты знал, как я благодарен.

Клянусь, эти чертовы подростки доведут меня до гребаного сердечного приступа. Превращая меня в плачущую долбаную киску.

— Иди сюда, придурок.

Я притянул его к груди и поцеловал в макушку.

— Если тебе что-нибудь понадобится от меня, знай я всегда рядом. Добро пожаловать в любое время. Не получается с Флеймом, ты снова со мной. Хорошо?

— Да, — сказал он и отступил назад.

— Ей все равно нужно быть с мамой, — сказал Эш. — Сапфире.

Я кивнул, зная, что это правда. Маленькая сучка была пресыщена миром, чертова отшельница.

— Мы когда-нибудь увидим ее? — спросил Малыш Эш. — Мы все хотим посмотреть, как она выглядит. Поговорить с ней. У меня даже не было возможности увидеть ее во время перестрелки, и с тех пор она прячется.

— Может быть, сегодня. Девчонка очень застенчива, парень.

Он кивнул. Я протянул свой стакан.

— Ну, парень. Выпьем за то, что ты спас мою задницу и переехал к Флейму.

Он рассмеялся, и мы выпили свой виски.

— Нам лучше пойти и спасти Зейна от Вика, — сказал Эш.

Я последовал за ним к костру. Некоторые братья пошли к водопаду. Стикс и Кай занимались грилем. Они все здесь хорошо смотрелись.

Деву бы это понравилось.

— Ты присмотришь за ним, хорошо? — спросил я, увидев, как глаза Зейна расширились от слов Вика.

— Да. Он мне нравится. — Эш поставил стакан на стол. — Он во многом похож на тебя.

Я оглянулся на Вика и Зейна, которые сидели с Хашем и Ковбоем. Зейн смеялся.

— Он также был бы хорошим проспектом, — сказал Эш, уходя.

Я встретился с его черными глазами. Он ухмылялся.

— Просто к слову.

Малыш Эш подошел к Зейну, и они вдвоем направились к мишеням. Я последовал за ними.

Еще один пацан, которого нужно научить стрелять.

Два часа спустя, когда наступил поздний вечер и мы разожгли огонь, я сел в кресло у костра. Зейн, Малыш Эш и Слэш сидели рядом, пили пиво и смеялись. Я наблюдал за ними, за новым гребаным трио.

Черт, чувствую себя старым.

Кто-то сел в кресло справа от меня, пока я оглядывался в поисках Фиби и Сапфиры. Сафф пока не хотела выходить. Не уверен, что когда-нибудь вообще захочет.

Я знал, кто сидит рядом со мной, даже не глядя.

— Твоя старуха появится в ближайшее время?

Вик протянул мне свежую бутылку «Бада».

— Надеюсь, — сказал я.

— Сейчас ей лучше? — спросил он серьезно.

— Да. Ей уже лучше. Теперь я понимаю, что она не была пристрастна ни к наркотикам, ни к алкоголю. Она пристрастилась забывать дерьмо в своей жизни. Забывать о том, что у нее есть дочь, с которой ей было запрещено общаться.

Я подумал о последних двух неделях, о ее улыбке, о чертовски добром сердце. Она лежала на мне и говорила, что любит мою жалкую задницу. Моя грудь наполнилась теплом.

— Она хорошая.

— Она ведь рыжая. — Вик ухмыльнулся. — Что? — спросил он, когда я поднял брови. — Мы, рыжие, чертовски уникальный вид. Несгибаемые гвозди. Мы все гребаные гвозди. Сделанные из чистой стали викингов.

Я рассмеялся и услышал, как Флейм сделал то же самое.

— И ты точно к нам не равнодушен. Нуждаешься то во мне, то в Фиби. Черт, брат, если

ты так сильно хотел веснушек, я бы давно дал тебе посмотреть на мою анаконду.

— Я уже видел миллион раз... и не по своей воле.

Я покачал головой.

— И каждый гребаный раз ты был впечатлен.

— АК.

Флейм кивнул в сторону двери хижины. Мое сердце бешено заколотилось, чуть не вырвавшись из груди, когда я увидел, что Фиби держит Сапфиру за руку и медленно выводит ее на улицу. Сафф нервно оглядывала двор, выглядя так, словно готова была сбежать в любую секунду. Я видел, как все мои братья посмотрели в ее сторону, кивнули ей, прежде чем вернуться к тому, что они делали.

Фиби подвела ее к другим культовым сучкам по другую сторону костра.

Вик ткнул меня локтем в бок.

— Смотри, — сказал он и указал на Малыша Эша.

Тот застыл, стакан с пивом завис в воздухе, пока он смотрел, как Сафф прошла мимо него и села рядом с Лилой и Грейс.

Я застонал и покачал головой, когда Зейн и Слэш попытались привлечь его внимание. Но его огромные гребаные черные глаза не покидали Сафф. Она тоже ясно увидела это, когда подняла глаза, и одарила его маленьким, но ошеломляющим призраком улыбки, а затем снова опустила голову. Эш выглядел так, словно хотел подойти и поговорить с ней, но он просто сидел, не сводя с нее глаз.

— Малыш Эш только что получил огромный стояк на Сафф, — крикнул Вик. Затем вскочил со своего места. — Надо подшутить над ним из-за этого дерьма. Это будет бесценно!

Вик бросился к Эшу, который все еще смотрел на Сафф, как будто его глаза были приклеены к ней.

— Малыш Эш! Нам с тобой нужно поговорить кое о чем, ублюдок!

К черту мою жизнь.

Вик сел рядом с Эшем, и я увидел, как парень смущенно закрыл лицо руками, когда Вик обнял его за шею и начал подкалывать.

Я повернулся к Флейму. Он тоже наблюдал за своим младшим братом, в его глазах не было никаких эмоций.

— Он переезжает к тебе?

Флейм напрягся. Он перевел взгляд на Мэдди, которая сидела рядом с Мэй и гладила ее живот.

— Да.

— Ты его сам попросил?

Он кивнул и сделал глоток пива.

— Мэдди решила, что пора.

— А ты?

— Я согласился.

— Все будет хорошо, если он будет жить с тобой?

Флейм опустил голову, и я понял, что он сомневается.

— Не знаю. Я не могу... не могу говорить с ним так, как ты. Не знаю, что делать, если он расстроится и все такое прочее. Скорее всего, я облажаюсь.

— Не-а. Все будет хорошо, — сказал я, и Флейм поднял голову.

— Да?

— Да.

Руки Флейма сжались на бутылке.

— Он сказал мне, что ты разговаривал с ним после Мексики.

Флейм кивнул.

— Ты правильно поступил.

— Я сделал тоже, что и ты когда-то, помогая мне. Просто скопировал тебя.

— Знаю. Так что просто продолжай заниматься подобным дерьмом.

Несколько секунд Флейм молчал, пока не сказал:

— Спасибо.

Я посмотрел на брата. Он никогда ни за что не благодарил. Он сжал челюсти.

— Спасибо, что присмотрел за ним... когда я не мог. Когда моя голова...

— Всегда.

Явно испытывая слишком много эмоций, Флейм без лишних слов соскочил со стула и направился прямо к Мэдди. Через несколько секунд она оказалась у него на коленях. Я наблюдал, как брат успокоился в ту же минуту, как ее рука оказалась в его руке.

Мне надо было еще выпить, и я пошел в хижину. На улице заиграла песня А. А. Бонди «Когда дьявол на свободе». Я схватил пиво и направился к двери, но тут же остановился как вкопанный. Фиби вскочила на ноги и грациозно пританцовывала вокруг костра. Как и в первый вечер, когда она танцевала для меня, ее руки были подняты вверх, глаза закрыты, а на губах играла чертовски душераздирающая улыбка. Грейс подражала ей, а Сапфира улыбалась из-под опущенных век, наблюдая за мамой с безопасного места рядом с тетей. Любой мог понять, как сильно она ее любит, всего от одного взгляда.

И я не мог оторвать глаз от Рыжей. Я наблюдал за ней всю песню. Затем, когда заиграла следующая, ее глаза резко открылись и сразу же нашли меня. Когда заиграла «Герои» Боуи, и Фиби застала меня, наблюдающим за ней, громкий смех, чистое счастье, вырвалось из ее горла. И моя сучка не сводила с меня глаз, пока танцевала.

Сногшибательная.

Красивая.

Моя.

И чертовски свободная.

Я пил пиво, пока играла песня. Затем посмотрел на коврик у своих ног. Две пары сапог все еще стояли там, начищенные до блеска, с обеих сторон. Оглядев двор, увидев, как мои братья отдыхают, увидев смеющегося и счастливого Зейна, я закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Все в порядке, Дев, — прошептал я так, чтобы только он мог услышать.

Я сглотнул и почувствовал, как на моих губах появилась улыбка.

— У нас все будет хорошо.

Чья-то рука скользнула в мою, и когда я открыл глаза, передо мной стояла Фиби.

— Все в порядке? — спросила она, используя мои собственные слова, с гребаным огоньком в глазах.

Я захватил ее рот поцелуем и услышал ее стон.

— Да, Рыжая. У меня все в порядке...

Я вздохнул, а потом сказал:

— Рассвет... Я просто встречаю наш гребанный рассвет.

Эш

— Гаечный ключ, — сказал Флейм, выглядывая из-за мотоцикла.

Я достал из ящика инструмент и протянул ему. Флейм не поднял глаз и ничего не сказал, просто продолжал работать над своим «Харлеем». Мы работали над моим все утро, а теперь, когда наступила ночь, перешли к байку Флейма. Почти каждый вечер после школы и почти все выходные мы делали это.

И мне это чертовски нравилось.

Мне нравилось просто быть с ним. Нравилось жить в его доме. Нравилось ужинать с ним и Мэддс. Нравилось сидеть с ним. Я знал, что он никогда не заговорит со мной так, как АК, но это было нормально. Он был Флеймом. И, черт возьми, он изо дня в день старался изо всех сил. Я видел это.

Улыбки Мэдди подтверждали это.

— Ашер? Флейм? — Голос Мэдди позвал нас со стороны дома. — Обед! — сказала она, и Флейм вскочил на ноги.

Он бросил ключ в ящик с инструментами, и я последовал за ним в дом.

Мэдди поставила еду на стол, и мы сели.

— Ты сделал свою домашнюю работу, Ашер? — спросила Мэдди.

— Да.

Она улыбнулась. Подняв глаза, я увидел, что Флейм наблюдает за Мэдди. Когда она улыбалась, он всегда смотрел на нее. Его лицо не менялось, но глаза менялись. Он чертовски любил ее. Любой мог это увидеть.

— Как Зейн, ему нравится его новая школа? — спросила она, когда я проглотил еду с вилки.

— Хорошо. Сидит со мной за обедом и все такое.

АК спросил Зейна, не хочет ли он посещать ту же частную школу, что и я — АК платил. Тетя согласилась, и Зейна быстро перевели. АК утверждал, что это для лучшего образования, но все, бл*дь, знали, что это для того, чтобы он был ближе. Наша школа была недалеко от комплекса, маленькая и незаметная, никогда не ввязывалась в дерьмо Палачей. И Зейн возвращался сюда каждый вечер, чтобы повидаться с дядей, прежде чем АК отвозил его обратно в дом тети.

АК не мог быть счастливее. У него были Фиби и Зейн. Сейчас он стал другим. Е хорошо смысле. Спокойнее. Меньше тревоги. Просто... счастливый.

— Хорошо, — сказала Мэдди. — Может быть, когда-нибудь Сапфира тоже будет там учиться. Когда она больше приспособится к внешнему миру.

В ту минуту, когда она произнесла это имя, мой желудок сжался, а температура в комнате взлетела до небес. Сапфира. Видел ее только один раз в хижине АК. Черт, она была самой красивой сучкой, которую я когда-либо встречал. И она улыбнулась мне. Чертовски красивой улыбкой. Она пробыла на улице всего пару часов, прежде чем вернуться в дом. Я никогда с ней не разговаривал, но все еще не мог выбросить из головы ее темные глаза и светлые волосы. Она была рядом каждый раз, когда я закрывал глаза. Черт, она была там каждую минуту, когда я бодрствовал.

— Ага, — сказал я и быстро съел остатки еды.

Закончив, я достал сигареты из заднего кармана.

— Пойду покурю, — сказал я и вышел через заднюю дверь.

Я закурил, как только вышел на свежий воздух. Глубоко затянулся и пошел подальше к лесу. Я пересек границу между домами Флейма и АК, просто идя туда, куда вели мои ноги...

А потом я, бл*дь, остановился как вкопанный.

Сапфира.

Она стояла всего в нескольких метрах от меня и смотрела на звезды. Я сглотнул, мое сердце колотилось о ребра. Она была одета в черное платье до щиколоток с длинными рукавами. Ее волосы спадали на спину, и даже просто увидев ее со спины, я знал, что ее лицо выглядит чертовски идеально.

Я покачнулся на ногах, пытаюсь набраться храбрости, чтобы, черт возьми, заговорить, как вдруг под моей ногой сломалась ветка. Сапфира мгновенно развернулась. Она подпрыгнула, издав тихий испуганный звук, когда увидела, что я стою позади нее. Я поднял руки, дым все еще струился между пальцами.

— Черт. Извини. Не хотел тебя напугать, — сказал я и увидел, как ее огромные карие глаза расширились.

Ее розовые губы приоткрылись, когда она затаила дыхание. Даже в темноте я видел, как ее щеки вспыхнули, а руки обвили вокруг талии. Она странно дышала, по-настоящему испуганно. Затем она развернулась на пятках и бросилась к двери дома АК.

Не успел я опомниться, как открыл рот и сказал:

— Ты не должна меня бояться.

Сапфира остановилась, но так и не обернулась. Мой пульс участился, когда она осталась на заднем дворе, не двигаясь.

— Я не причиню тебе вреда.

Она никак не отреагировала, поэтому я попробовал сказать что-то еще.

— Я раньше жил здесь, с АК и Фиби, твоей мамой, правда недолго. Теперь я живу по соседству.

Я наблюдал, как голова Сапфиры слегка склонилась набок, пока она слушала меня. Я затаил дыхание, когда ее плечи напряглись... Затем она начала поворачиваться. Ее голова оставалась опущенной, а глаза ни на секунду не поднимались, но мне было все равно. Это означало, что я снова увижу часть ее лица.

Я сделал шаг ближе, наблюдая, как ее светлые волосы развеваются на ветру. Мой желудок снова сжался. Она была так чертовски красива.

— Тебе нравится жить с АК? — спросил я, пытаюсь подбодрить ее. Хотел услышать ее голос.

Сапфира кивнула.

Я улыбнулся.

— Он классный, — сказал я.

Я попытался придумать, что еще сказать. Что-то, что могло бы задержать ее здесь подольше, но не смог. Я, бл*дь, разваливался на части рядом с этой сучкой. Понятия не имел, какого хрена я делаю.

Сапфира повернулась и направилась к двери. Я увидел АК и Фиби через кухонное окно, сидящих за столом, и понял, что у меня мало времени. Как бы сильно АК ни любил меня, он чертовски защищал Сапфиру, как будто она была его собственной дочерью, с которой никто

не связывался и не рисковал навлечь на себя гнев его кулака. И я был почти уверен, что он пригрозит отрезать мне член, если узнает, как я к ней отношусь. Я знал, что она прошла через ад, как Мэддс в том культе, и через Мейстера. Знал, что она моложе меня на два года, что она травмирована. Но я думал о ней почти каждый день, начиная с пикника, и не мог остановиться, черт возьми, даже если бы попытался.

А я пытался.

Ничего не получалось.

Она всегда была у меня в голове.

— Меня зовут Ашер. Или просто Эш. Я не говорил тебе об этом в хижине.

Не думал, что она ответит. Не думал, что она заговорит. Но она посмотрела на меня из-под своих длинных ресниц и, шокировав меня до чертиков, прошептала:

— Эш.

Мне показалось, что ее губы приподнялись в крошечной улыбке. Показалось, что она покраснела.

Затем она, бл*дь, разрушила все барьеры, которые у меня остались, когда подняла голову, встретилась со мной взглядом и тихо сказала:

— Я Сапфира... или Саффи... или Сафф.

Я улыбнулся и шагнул вперед, гадая, не убежит ли она. Она этого не сделала. Поэтому я шагал вперед снова и снова, пока не оказался прямо перед ней. Она была невысокой и стройной, когда я возвышался над ней. Но мне это нравилось. Мне нравилось, что я могу защитить ее. Что, может быть, она будет чувствовать себя в безопасности рядом со мной.

Я услышал, как участилось ее дыхание. Увидел, как ее тело начало нервно дрожать. И, твою мать, это разбило мне сердце.

Вытерев ладонь о джинсы, я протянул ее.

— Приятно познакомиться... Сафф.

Сафф напряглась и устоялась на мою протянутую руку. Как раз когда я собирался опустить ее, я увидел, как она медленно приподняла свою руку с маленькими дрожащими пальцами и вложила ее в мою. Ее хватка была не сильнее перышка, но она была теплой. Затем, прерывисто вздохнув, она прошептала:

— Я тоже рада с тобой познакомиться... Эш.

Не успели слова слететь с ее губ, как она отстранилась, опустила голову и поспешила обратно в дом. Но я не двинулся с места. Я стоял как вкопанный, пытаюсь, бл*дь, дышать, пытаюсь, делать что-нибудь, кроме как последовать за ней, чтобы снова поговорить... пока АК не вышел во двор.

— Малыш Эш? Ты здесь из-за меня, парень? Все в порядке?

— Все хорошо, АК, — сказал я, все еще чувствуя теплую дрожащую руку Сафф в своей.

Все еще видя этот румянец на ее щеках и проблеск улыбки на губах. Позволив ухмылке растянуться на моем лице и гребаному теплomu чувству наполнить мои вены, я сказал:

— Мне чертовски хорошо.